«100 важных книг года» по версии The New York Times

НИЛ СТИВЕНСОН

ПАДЕНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ

fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ричард «Додж» Фортраст, миллионер и основатель известной компании по разработке видеоигр, умирает в результате несчастного случая. По условиям завещания его мозг сканируют, а структурную информацию загружают в хранилище данных, надеясь на дальнейшее развитие технологий. Проходят годы и оцифрованное сознание Доджа подключают к Битмиру – вечной загробной жизни, в которой люди существуют как цифровые души в телах-симулякрах. Но является ли утопией этот новый дивный бессмертный мир? Драматический конфликт аналогового и цифрового, человека и машины, ангелов и демонов, богов и верующих, суетного и вечного в будущем, которое вот-вот наступит. Книга вторая эпического романа Нила Стивенсона.

- Нил Стивенсон
  - ○
  - ○ Часть 8
    - ■ 43
    - ■ 44
  - ○ Часть 9
    - ■ 45
    - ■ 46
    - ■ 47
  - ○ Часть 10
    - ■ 48
    - ■ 49
  - ○ Часть 11
    - ■ 50
    - ■ 51
    - ■ 52
    - ■ 53
    - ■ 54
    - ■ 55
    - ■ 56
  - ○ Благодарности
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4

Нил Стивенсон
Падение, или Додж в Аду. Книга вторая

Neal Stephenson
Fall, or, Dodge in Hell
Copyright © 2019 by Neal Stephenson
© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть 8

43

В Саду жили мальчик и девочка. Еще там обитали деревья, цветы, травы, пчелы, птицы и звери, а других таких, как они, не было. Сад с трех сторон защищала высокая стена, с четвертой – Дворец. Сверху было небо, где днем резвились облака, а по ночам водили хоровод звезды. Внизу – земля, в которую запускали корни всевозможные растения.

Время от времени двери, ведущие во Дворец, открывались. Через них и через окна мальчик и девочка иногда видели, что происходит во Дворце. Там жили Эл и Элово воинство. Эл был обликом, как мальчик и девочка, только больше, и от него исходило сияние. Воины Эла тоже сияли, а еще они умели летать на крыльях, как птицы.

Иногда Эл или кто-нибудь из его воинов выходил в Сад и гулял с мальчиком и девочкой при свете солнца или луны. Тогда они беседовали обо всем, что здесь видели: о разных видах растений и животных, о камнях и металлах, о движении небесных тел над головой, о переменах погоды, облаках, ветре и дожде.

Однажды Эл вышел из Дворца и велел девочке пойти в другую часть Сада и там забавляться, чем сама захочет. Потом он до конца дня гулял с мальчиком, выспрашивая, что тот знает про окружающий их мир. Мальчик рассказал о разнице между пчелами, осами и другими видами насекомых, что они едят и какие строят гнезда. Еще мальчик отвечал на вопросы Эла о птицах, о видах деревьев, животных и так далее. Это продолжалось до заката. Наконец Эл спросил, не хочет ли сам мальчик задать ему какие-нибудь вопросы.

Мальчик спросил, зачем нужна каменная чаша в центре Сада. Ее, судя по виду, изваяла для чего-то некая душа, но теперь чаша ни для чего не служила, лишь наполнялась в дождь и переливалась через край. Вода из нее утекала по канавке к дальней стене Сада и дальше сквозь решетку из металлических прутьев в какое-то место, про которое мальчик и девочка знали только, что в сильный ветер оно шумит, как будто там много деревьев. Осенью чаша забивалась опавшими листьями, они становились кляклыми, а вода бурела. Мальчик и девочка руками выгребали листья, чтобы в следующий дождь чашу заполнила чистая вода. Однако они не могли понять, зачем ее здесь поставили.

Эл улыбнулся мальчику и сказал, что тот задал хороший вопрос, по которому видно, как мальчик умнеет. Сейчас ему рано знать ответ, но в свое время Эл все объяснит. Потом Эл велел

мальчику идти спать или забавляться, чем хочет, и позвал к себе девочку.

Расспросы Эла странным образом забрали у мальчика все силы, так что он лег на мягкую траву и проспал до утра. Впрочем, снились ему такие же долгие разговоры с Элом в Саду.

Проснулся он перед самым рассветом. Девочка стояла рядом и смотрела на него.

– Всю ночь я гуляла по Саду с Элом, – сказала она, – и отвечала на множество вопросов. Некоторые были новые и заставляли меня задуматься о том, о чем я раньше не думала, другие казались знакомыми, как будто я уже много раз на них отвечала – хотя у меня совсем нет таких воспоминаний.

– А Эл спросил в самом конце, есть ли у тебя к нему вопросы?

– Да. Я спросила про формы, которые мы видим в звездах, и почему они похожи на некоторые формы здесь, в Саду, и кто их создал, сам Эл или другая душа. И еще я спросила про красные звезды, что горят так близко одна к другой вон в той части неба.

И девочка указала на алое созвездие низко над западной стеной сада, бледное в предутреннем свете.

– А Эл ответил на твои вопросы? – спросил мальчик.

– Нет, но мне показалось, ему понравилось, что я их задала. Он обещал ответить позже, когда я буду готова такое понять.

Девочка легла рядом с мальчиком, оперлась на локоть, потом опустила голову на мягкую траву.

– Ты устала от Эловых расспросов, совсем как я вчера, – сказал он. – Выспись, а как отдохнешь, поговорим еще.

Девочка проспала до полудня, а мальчик коротал время, играя с каменной чашей. Он мастерил игрушки из листиков и веточек и запускал их по каменной канавке к решетке, за которую утекала вода.

Когда девочка проснулась, она спросила, чем он занимался. Он рассказал, что думал, куда листья и веточки уплывают за решеткой, и о том, похож ли мир за стеной на Сад. Он спросил, что ей снилось, и она рассказала, что ей смутно вспоминались такие же долгие разговоры между ней и Элом.

– Мне тоже это снилось, – сказал мальчик, – и я усомнился, правда ли моя память верно сохраняет все с нашего появления в Саду?

Девочка кивнула:

– Странно, что ни ты, ни я не помним своего первого мгновения. Либо мы были всегда, либо нас создали в какой-то миг, до которого мы не существовали. В обоих случаях наша способность вспоминать нас подводит.

Мальчик задумался и ответил:

– Есть третья возможность, на которую намекают наши сны. А именно, что нас создавали не единожды, а столько же раз, сколько всходило солнце, или больше.

– Тогда почему в Саду нет множества таких же, как мы? – спросила девочка.

– Может быть, мы падаем, как листья, и перестаем быть, и нас творят заново.

Девочка кивнула:

– На лице Эла я прочла удовольствие от того, как я отвечала на его вопросы. Может быть, он время от времени нас пересоздает, улучшая с каждым разом. И тогда наши странные сны – следы прежних девочек и мальчиков.

– У нас есть способ проверить твою мысль, – сказал мальчик и указал на землю у девочки под ногами.

После недавнего дождя чаша перелилась, так что земля раскисла и ноги девочки оставляли на грязи следы.

– Понимаю, – сказала девочка.

Они взялись за руки и пошли искать в Саду укромный уголок, где земля была бы мягкая и ровная. Там они решили оставить какой-нибудь знак, который сохранится, даже если они упадут, как листья, и будут пересозданы.

Подходящее место нашлось в углу, где сходились две стены. Здесь, в тени, трава росла плохо, земля была почти голая, да и сырая, потому что солнце ее не высушило.

Подходя ближе, мальчик подобрал упавшую с дерева ветку и переломил ее о колено, чтобы удобнее было рисовать на земле знак.

Девочка шла чуть впереди и как раз миновала последние низкие кусты перед голой землей в углу.

Мальчик услышал ее изумленный возглас и, подбежав, увидел, что она в изумлении глядит себе под ноги.

На голой земле среди множества детских следов было нацарапано множество знаков. Рядом лежало много отломленных веточек.

Как-то погожим осенним днем Эл вошел в Сад и нашел мальчика и девочку у чаши. Они выгребали из нее листья. Он велел им сесть на круглую скамью под чашей и сказал, что доволен тем, как они развиваются.

– Если бы вы помнили, какими впервые появились в Саду, то вряд ли бы себя узнали. Вы были все равно как яблочные семечки в сравнении с этим раскидистым деревом.

И Эл указал на старую яблоню, под которой они сидели.

– Тогда вы были младенцами. Потом стали Мальчиком и

Девочкой. Теперь, много лет спустя, вы Мужчина и Женщина. Больше нить вашего сознания не прервется, кроме как во сне. По тому, как вы отвечали на мои вопросы, а еще больше по тем вопросам, которые задавали вы, я вижу, что ваш ум и ваши понятия достигли того же совершенства, что у остальных. Можете называть меня Отцом, ибо я с радостью зову вас любимыми детьми.

Мужчина и женщина долго молчали, обдумывая слова Эла. С дерева на землю напаЄдали яблоки. Женщина взяла одно, прелое, и сдавила в кулаке. Из него к ее ногам выпал червячок. Женщина, не обращая на него внимания, расковыряла яблоко пальцами, так что осталась жесткая сердцевина, затем поболтала рукой в воде, смывая мякоть. Остались семечки у нее в горсти. Вода успокоилась, стала зеркальной, и женщина увидела свое отражение, а также отражение мужчины и светозарного Эла, который подошел заглянуть ей через плечо. В лице Эла она различила непривычное выражение – то ли тревогу, то ли озадаченность. Он заметил, что женщина на него смотрит, и сменил выражение.

– Мои слова о яблочных семечках пробудили твое любопытство и привели тебя к новому открытию, – сказал он, – как и должно быть, ибо любопытство и поиск нового знания – обязательное свойство человеческой души.

– Каждую осень яблоки гниют на земле, и мы чувствуем их запах, – сказала женщина, – но я никогда не думала о семечках в их серединке и не понимала, что яблоки несут в себе начало новых деревьев.

– Все так и есть, – подтвердил Эл. – И если ты посадишь семечко в землю и будешь терпеливо ждать, то увидишь, как весной из него проклюнется крошечное дерево.

Мужчина спросил:

– И у других растений так же?

– У них другие плоды, – ответил Эл, – но все они дают семена. Потому-то Сад иногда зарастает настолько, что его надо пропалывать.

– И то же самое за стеной? – спросил мужчина. – Ведь когда дует ветер, мы различаем шум множества ветвей, а в бурю слышим, как они ломаются.

– Я даже не знал, что ты такой внимательный, – сказал Эл. – Я тобой горжусь.

Однако женщине показалось, что на его лице вновь промелькнуло то недовольное выражение.

– Зачем растения сотворены такими, Отец? – спросил мужчина. – Для чего каждое дерево производит множество яблок,

а в каждом яблоке множество семечек, если в Саду есть место лишь для нескольких деревьев?

Эл долго не отвечал, и тогда спросила женщина:

– Отец, зачем ты сотворил их такими?

– Время уже позднее, а у меня есть дела во Дворце, – промолвил Эл, – но я как-нибудь снова приду, и мы еще поговорим.

На следующий день Эл пришел снова. С ним были двое из его крылатого воинства: Паладин Эла с блистающим мечом на поясе и Летописица Эла с табличкой и палочкой для письма. Они были главными в воинстве Эла, и мужчина с женщиной, глядя вверх на парапет или через окна дворца, часто видели, как Эл с ними совещается. Все пятеро сели у чаши, Эл на скамью между двумя ангелами, а мужчина и женщина рядышком на борт.

– Я горжусь тем, как умнеют мои дети и какие хорошие вопросы они задают, – сказал Эл.

Паладин Эла глянул благосклонно, а Летописица Эла принялась водить палочкой по табличке.

– В последнее время вы часто спрашивали, как произошло все вокруг и почему оно такое, а не другое. Кто сотворил эту чашу и зачем? Кто расположил звезды на небе и почему форма созвездий иногда напоминает что-то внизу? Почему растения производят больше семян, чем может взрастить земля? Все это хорошие вопросы, которые вы, дети мои, задаете мне, как будто это я сотворил мир с таким множеством странностей, противоречий, загадок и, честно говоря, ошибок, которые вы примечаете. Вполне естественно, что вы приписываете это все мне, поскольку я величайшая и самая могущественная душа из всех вам ведомых. Сегодня я собрал вас вместе с моими ближайшими и самыми любимыми помощниками, чтобы разом ответить на все вопросы и объяснить вам некоторые предшествующие реалии, созданные не мною. Ибо история такова. До меня, до Паладина Эла и Летописицы Эла, до всего моего воинства, были другие. Не столь совершенные, как мы. Однако они были тут до нас одни и единовластно распоряжались на Земле.

– Можете считать их нашими бета-версиями, – вставила Летописица Эла. – У них были многие, но не все, наши черты, и различные баги, которые предстояло вычистить.

– Значит, был Бета-Эл, и Бета – Паладин Эла, и так далее? – спросила женщина.

– Для нашего разговора можно сказать и так, – ответил Эл, знаком останавливая Паладина Эла, который хотел было поправить женщину. – Общий ответ на все ваши вопросы заключается в том, что мир создали до моего появления. Когда вы

видите что-нибудь неправильное или нелогичное, это не потому, что я допустил ошибку. Это потому, что Бета-Эл действовал по незнанию или руководствовался своим извращенным чувством юмора.

– Почему ты не исправишь то, что Бета-Эл сотворил неправильно? – спросил мужчина.

– Долгая история, – молвил Эл. – Но в некоторых аспектах то, что встроено, нельзя отменить или убрать, не причинив больше вреда, чем пользы. Однако в более широком смысле, дети мои, ответ на ваш вопрос – вы сами.

– Мы? – хором удивились мужчина и женщина.

– Да, – подтвердил Эл. – На Земле обитает куда больше душ, чем вы знаете, и многие попали сюда в Древние времена, в Бета-Эпоху. Другие прибыли после меня. Даже лучшие из них глючные – вы должны понимать это слово в том смысле, что они тут давно и сохраняют много встроенных свойств из бета- и даже альфа-версий их самих.

– Так до Беты была еще и Альфа? – воскликнул мужчина.

– Есть высказывание «Черепахи до самого низа»[1], которое вы не поймете, но суть его в том, что такие рассуждения бессмысленны, – сказал Эл. – Так вот, вы – первые души, созданные на Земле заново, без пережитков того, что было раньше, если не считать некой необходимой унификации в строении вашего разума. Когда вы появились, я увидел, что это хорошо, поэтому решил воспитать вас как своих и оптимизировать, исключив все следы старого.

– Как же мы появились? – спросила женщина. – Из твоих слов получается, что ты нашел нас уже созданными или создаваемыми.

Эл сказал:

– Здесь можно применить аналогию с яблочными семечками.

Но взгляд его остановился на чаше.

– Мы выросли из семечек, созданных Бета-Элом? – спросил мужчина.

– Образно говоря, – ответил Эл и как будто бы взглянул на небо. – Создание новых душ – дело непростое, и мы не сможем охватить его в одном разговоре. Думаю, можно сказать, что бета-боги, при всей самоуверенности и примитивности, сознавали свою ущербность и в сумерках той эпохи величайшие из них захотели произвести на свет новые, лучшие души, не зараженные Бетой и Альфой. И хотя плоды их усилий были несовершенными, я собственными долгими и терпеливыми трудами улучшил результаты до полной неузнаваемости, так что получились мужчина и женщина, которых я с гордостью могу назвать моими детьми. Теперь ваша задача – совершенствоваться дальше,

оттачивая свой интеллект, а когда будете натыкаться на чудные особенности мира, лишенные всякой логики, не мучайте себя пустыми умствованиями, почему так, а просто знайте: это ошибки бета-богов, которые я решил не исправлять по вышеназванным причинам…

– Совместимость с предыдущими версиями, – пробормотала Летописица Эла, стремительно водя палочкой по табличке.

– …и думайте, как более упорядоченно развивать Землю в дальнейшем. Иначе ваш разум отравят ошибки прошлого, а вас для того и создали, для того и оградили от прочего мира, чтобы избежать этой мерзости.

Наступило долгое молчание. Потом мужчина сказал, что ему и женщине нужно время, дабы осмыслить все услышанное от Эла.

– Хорошо, – ответил Эл. – Но твои последние слова напомнили мне еще об одном. Ты называешь ее «женщина», а себя – «мужчина», что неудобно. Пришло вам время получить имена, как у других душ.

– Какие имена ты нам хочешь дать, о Эл? – спросила женщина.

Эл задумался и думал неожиданно долго.

– Я мог бы предложить некоторые имена, – сказал он наконец, – но все они будут нести следы прошлого. Я уже сказал, что вы не мои создания. Назовите себя сами. Выберите слова по своему вкусу, удобные для частого произношения. Отменить ваше решение будет нельзя. Завтра вы мне их назовете, и в дальнейшем я и другие души будем знать вас под этими именами.

Мужчина и женщина поблагодарили Эла и простились с ним и с ангелами, когда те двинулись к воротам из Сада во Дворец.

В ту ночь им не спалось. Они лежали и раздумывали о тех знаниях, что преподал им Эл. Сияла полная луна, дул осенний ветер. Из-за стены доносился шелест ветвей, а порой треск падающих старых сучьев. И еще голоса существ, какие в Саду не водились. Мужчина и женщина никогда их не видели, но в полнолуние иногда слышали, как те поют. Сегодня голосов было много – больше двух.

– Интересно, – сказала женщина, – почему нас только двое, ты и я, а всех других существ много? Как их столько получилось? Может быть, Эл или кто-то из его ангелов создает их и отправляет бродить по Земле за стеной?

– Возможно, – ответил мужчина. – А возможно, такие существа могут производить себе подобных из семян, как яблоня.

– И эти семена прорастают в земле? Звери всходят из почвы по весне, как растения?

– Не знаю и не берусь угадать, – ответил мужчина. – Возможно, это еще одна из загадок Древних времен, и нам ее раскроют, когда мы будем готовы.

О задачах, которые поставил им Эл, они не говорили, но, когда взошло солнце, пошли к чаше, сели на ее борт и стали придумывать себе имена. «Сын Эла» и «Дочь Эла» были хороши тем, что славили Эла, но ведь Эл сам сказал, что они не его творения. Они подумывали назвать себя в честь деревьев, цветов или других созданий, но решили, что не стоит, иначе начнется путаница. Затем они начали выбирать приятные для слуха сочетания звуков, и так пролетела часть утра.

– Меня никто не спрашивает, – произнес незнакомый голос, – но я за Адама и Еву. Наверное, во мне говорит Альфа.

Мужчина и женщина в изумлении огляделись, но не увидели, кто говорит.

– Здесь, внизу, – произнес голос, – в яблоке.

Женщина нагнулась и подняла с земли яблоко. Из дырки в его боку высовывался червячок – такой же, а может, и тот же, что выпал вчера из гнилого яблока. В Саду жили разные виды насекомых, пауков и червяков, но никто из них раньше не подавал голоса.

– Так что ты за существо, – спросила женщина, – если имеешь облик червя и способности души?

– Земля велика, – ответил червь, – гораздо больше, чем вы знаете, и в ней хватает куда более диковинного, чем говорящий червяк. Но если хотите знать ответ, я – старая душа, ходившая по Земле и летавшая над Землей в Первую эпоху. Я пережил много невероятных приключений. Иногда я обитаю в Саду, а иногда брожу по Земле или посещаю иные, не связанные с ней края. Здесь, в Саду, я порою лист, порою птица, порою – колыхание воздуха. А сегодня я червь, потому что голоден и хочу насытиться сладкой, чуть забродившей яблочной мякотью.

Женщина хотела расспросить червя про Первую эпоху, но мужчина заговорил раньше:

– Мы не едим. Мы видим, как различные существа едят плоды и другие части растений, а птицы едят насекомых. Но такие души, как мы, не вкушают пищу, ибо она нам не нужна. Для чего ты, способный менять обличья и даже вовсе обходиться без тела, решил насыщаться, как зверь или букашка?

– Потому что это тешит мое животное начало, – ответил червь и рыгнул. – Вам стоит попробовать. Нет, беру свои слова назад. Сейчас во мне говорило забродившее яблоко. Это привело бы к чудовищным последствиям, радикальному изменению порядка вещей. Сад идеален как он есть. Вернее, насколько может быть в

отсутствие Весны.

И он обратил блестящие черные глазки на чашу.

– Весна придет в свой срок, как всегда, – сказал мужчина. – Осень еще не кончилась, и скоро пойдет снег.

– Нет, я не про весну как время года. Я про душу по имени Весна. Вашу мать.

– У нас есть мать?! – изумилась женщина.

– Конечно. Так устроен мир. Все звери, и здесь, и по ту сторону стены, которой Эл в своей мудрости вас оградил, произошли от отца и матери. Вы не исключение. Ваша мать носит имя Весна, или Весенний родник, и раньше обитала в водах этой чаши. Для того чашу и сделали. А прежде она жила в роще сразу за стеной – там, где чистая вода бьет из-под земли, давая начало великой Реке, что течет дальше по Земле.

– Твои слова невероятны, – сказала женщина, – но мне они кажутся правдивыми. Я хотела бы узнать еще что-нибудь о нашей матери.

Мужчина остановил ее движением руки.

– Я тоже. В нашей природе искать знаний о том, откуда мы взялись. Но я опасаюсь узнавать так много и так быстро от меняющего обличья чужака.

– Почему опасаешься? – спросила женщина.

– Каждый день мы гуляем по Саду и свободно беседуем с Элом и членами его воинства, которым он поручил нас наставлять, – ответил мужчина. – Эл сам похвалил нас за хорошее ученье, наградил званием мужчины и женщины, сказал, что мы равны другим душам. И все же за краткий разговор с этим червем мы узнали множество нового о Древних временах, или, как он это назвал, Первой эпохе, о Весне и о землях за стеной. Либо червь лжет, либо Эл недоговаривает.

Червь повел верхней частью своего тела так, будто пожимает плечами, которых у него не было.

– Я не имею власти убедить вас в своих словах, – равнодушно проговорил он. – И даже будь она у меня, я бы к ней не прибег. Согласие, которого добились принуждением или хитростью, не согласие, но род рабства. Общаться стоит лишь со свободными умами. Эл высоко отзывался о вашей разумности, я не вижу причин оспаривать его слова. Я набил пузо сладкой яблочной мякотью, а теперь хочу заползти под листок и вздремнуть. Можете поразмыслить над моими словами и проверить их свидетельством ваших собственных чувств. Я иногда заглядываю сюда полакомиться плодами этого дерева, так что если захотите услышать еще – милости прошу.

С этими словами он вылез из яблока, плюхнулся на землю и

быстро уполз под красные листья.

Некоторое время мужчина и женщина сидели в изумлении. Он смотрел на Дворец, она – на чашу. Она заговорила первой:

– Я давно гадала, для чего сделана чаша и почему заброшена. Ни Эл, ни кто другой из его воинства ни разу не дали внятного ответа. Теперь мы знаем, что тут обитала наша мать, о которой мы не знаем ничего, кроме имени.

– Так уверяет червь, – сказал мужчина. – Однако сейчас я смотрю в окна Дворца и вижу Эла и его ангелов, наших всегдашних наставников и помощников. Мне не хочется думать, будто они так много от нас скрывали.

– Эл сам сказал, что оградил нас стеной, дабы уберечь от заразы Беты и Альфы, – напомнила женщина.

– Да, – промолвил мужчина, помолчав. – Теперь я вспомнил.

– Заразы, которой не затронуты лишь мы одни, – сказала женщина. – И поэтому Эл ставит нас выше других душ.

– Да, – согласился мужчина. – Из любви к нам и нашей чистоте Эл оберегает нас от сведений, которые низвели бы нас до уровня пришедших на Землю в Первую эпоху.

– Я придумала, как мы можем это проверить, – сказала женщина.

Позже Эл вновь пришел в Сад с Паладином Эла и Летописицей Эла. И вновь все сели у чаши. Эл спросил, чем были заняты их мысли с прошлого разговора.

Мужчина ответил, что их глубоко взволновали оброненные Элом слова о Древних временах, и спросил, можно ли им с женщиной услышать еще что-нибудь о деяниях и лицах Первой эпохи.

– Я не помню, чтобы так это называл, – заметил Эл.

– Не называл, – подтвердила Летописица Эла, быстро двигая руками по табличке.

– Впрочем, неважно. Название удачное.

– Как тебе угодно будет именовать эпоху бета-богов? – сказал мужчина.

– И время Альфа, к слову, тоже, – добавила женщина.

– Если называть время бета-богов Первой эпохой, то время Альфа будет своего рода Нулевой эпохой, о которой лучше не говорить вовсе, – промолвил Эл. – А о Первой эпохе я не склонен говорить больше упомянутого в прошлый раз. Я уже объяснил, дети мои, что вас нужно оберегать от таких влияний. Иначе не будет никакого проку в том, что вас создали и так старательно воспитывали.

– Как пожелаешь, Эл, – ответил мужчина. – Наш создатель наделил нас любопытством, и ты сам нас раньше хвалил, когда

мы его проявляли.

– Да, это полезное качество, без которого ваш интеллект не мог бы развиваться.

– Тогда, возможно, ты простишь нам любопытство к тому, как мы произошли.

– Прощу. Но удовлетворять не стану. Полностью удовлетворить ваше любопытство значило бы обессмыслить все труды по вашему созданию.

– Что ж, хорошо, – ответил мужчина.

– Ничто из Нулевой и Первой эпох не пригодится вам в этой, Второй эпохе, – продолжал Эл.

– Как скажешь, Эл, – ответила женщина.

– А вот что вам пригодится, так это имена, – проговорил Эл. – Вы придумали, как хотите зваться?

Прежде чем мужчина успел открыть рот, женщина сказала:

– Да. Он хочет зваться Адамом, а мне нравится имя Ева.

Долго молчал Эл. Затем обратился к Паладину Эла, и они какое-то время без единого слова совещались через ауры. Когда они закончили, Паладин Эла вскочил на скамью, расправил крылья и понесся к высокой сторожевой башне, где обитал вместе с другими меченосными ангелами и откуда они обозревали Землю и небеса.

– Как вы узнали эти имена, Адам и Ева? – спросил Эл, и, хотя его лицо и голос оставались безмятежными, аура вспыхнула яростным бурлением цветов.

Адам собирался ответить, но Ева взяла его за руку и ответила сама:

– Они пришли мне во сне. По крайней мере, так я думаю, потому что сегодня утром проснулась и, глядь, – они были у меня в голове.

– Их не присоветовала вам или не назвала какая-нибудь другая душа? – спросил Эл.

Над ним с парапета сторожевой башни зазвучали трубы, в окнах вспыхивал свет обнажаемых мечей.

– Мы живем в Саду, – напомнила Ева.

– Возможно, эти имена – а должен вам сказать, это очень старые имена из Нулевой эпохи – дремали в вашей памяти как пережитки тех, кто вас сотворил. Случайные воспоминания, переданные вам в миг творения и разбуженные моими словами. Коли так, это прискорбно, но ничего не исправить.

Эл продолжал:

– Либо, возможно, кто-то из моих ангелов упомянул Адама и Еву, а вы случайно услышали, не исключено, что даже во сне. Коли так, большой беды не случилось, а я велю своему воинству

впредь лучше следить за своими словами.

Эл добавил:

– Но есть и третья возможность, и она чрезвычайно меня тревожит – что это некая уловка Старых – бета-богов, царивших на Земле в Первую эпоху. Я изгнал их давным-давно, однако они постоянно норовят вернуться.

За спиной Эла тысячи ангелов, потрясая слепящими мечами, взмывали со сторожевой башни и разлетались по четырем ветрам.

– Ангелы мои бдят неусыпно, и могущество их огромно. Однако Старый хитер и, возможно, разнюхал неведомые мне лазейки. Если увидите в Саду незнакомую душу, особенно в облике крылатого создания, темного и увечного, поднимите тревогу.

– Мы никого такого не видели, – сказала Ева.

– Ты меня успокоила, – ответил Эл. – Сейчас мне нужно на военный совет, который Паладин Эла собирает в сторожевой башне.

И Эл взмыл в воздух, словно торопливое рассветное солнце.

– Червь, что ты знаешь о Старом? – спросил Адам в следующий раз, как им случилось обнаружить гостя в яблоке.

Это произошло на следующий день. Дворец бурлил. Эскадрильи ангелов по-прежнему бороздили небо над Садом, на стенах, лицом наружу, стояли дозорные с мечами.

– Я не скрываю, что стар, старше Эла, – ответил червь. – И я такой не один. Эл сказал, как он должен выглядеть?

– Как огромный ангел, только изуродованный и померкший.

– Я буду держать глаза открытыми, – пообещал червь.

– Как получилось, что ни Эл, ни его бдительное воинство о тебе не ведают? – спросила Ева.

– Я маленький.

– Они умеют видеть маленькое и скрытое, – сказал Адам.

– Их способности велики, но не безграничны.

– То есть ты какой-то хитростью отводишь им глаза, – догадался Адам.

– Я отправляюсь куда хочу и когда хочу, – кротко произнес червь. – Я не считаю своим долгом извещать Эла о моих делах и спрашивать его разрешения. Это не его Сад, а Весны.

– Расскажи нам про Весну, – попросила Ева. – Мне хочется знать ее историю, даже если, как я догадываюсь, история эта печальна.

– Не так уж она и печальна, – ответил червь. – Весна создала всю новую жизнь в Первую эпоху. До того как она обрела силы, живое на Земле существовало, но не могло производить себе

подобных. И все это были растения. Не было букашек, птиц и зверей. Весна научила яблоню цвести и давать семена, несущие в себе будущую жизнь. Вместе с тогдашним богом Делатором она создала творения, способные двигаться: первых пчел, затем птиц, а после и четвероногих зверей. Все они обладали способностью производить себе подобных: одни растили семена, другие откладывали яйца, третьи совокуплялись, мужская особь с женской, соединяя те органы, что дают наибольшее удовольствие. И наконец она принялась вынашивать свой главный труд: тебя, Адам, и тебя, Ева.

Ева слушала завороженно, ожидая, что будет дальше. Она глянула на Адама. Однако что-то в рассказе червя заставило Адама отвлечься на вид собственного члена.

– Одна? – спросил Адам. – Или скорее как звери?

– Вы родились не от девственницы, – сказал червь.

– Кто такая девственница? – спросила Ева.

– Ты, – ответил червь. – Я имел в виду, что вы родились от отца и матери, которые сошлись, как сходятся звери.

– Кто был наш отец? – спросил Адам.

– Бета-Эл. Ждод. Величайший бог Первой эпохи. Вы родились сразу после ее конца, вскоре после того, как Эл низверг Ждода и прочих старых богов. Но больше всего на Земле Эл дорожил вами. Захватив Дворец, он первым делом окружил Весну воинством ангелов. В огражденном Саду довершила она свой труд и создала вас. Однако Весна тосковала по старым богам и хотела бродить по Земле. Увидев, что с Элом вам ничто не угрожает, она обратилась ручейком и утекла из чаши в свою священную рощу за стеной, а оттуда дальше. С тех пор Весна скитается по Земле и творит новую жизнь, где пожелает. Когда приходит зима и ручьи замерзают, она впадает в сон и не творит новую жизнь, а горюет в разлуке с вами, своими детьми. С пробуждением Земли она просыпается и вновь берется за труд.

Адам открыл рот, чтобы задать еще вопросы о Весне, но тут червь вылез из яблока, упал на траву и пополз к ближайшему кусту. Жар, подобный солнечному, опалил им плечи, глаза ослепил свет – Паладин Эла опустился рядом, занес над головой огненный меч и с размаху опустил на червя. Меч ударил, как молния из грозовой тучи, и выжег в земле дымящуюся борозду, уничтожив не только червя, но и все по соседству.

– С кем вы сейчас говорили? – вопросил Паладин Эла. – Сдается мне, вы обменивались словами с другой душой, проникшей сюда без спросу.

Адам взял Еву за плечо, убеждая ту помолчать, но она стряхнула его руку и отвечала прямо:

– Да, говорили, и он рассказал нам о Первой эпохе, о бета-богах и о нашем отце, низвергнутом Бета-Эле, и о нашей матери, Весне, что создала нас и ускользнула за стену Сада, а теперь бродит по Земле, где пожелает.

Паладин Эла не ответил, но расправил крылья, взмахнул ими, поднялся в воздух и взлетел на высочайшую башню Дворца, с которой озирали Землю его дозорные. Вскоре зазвучали трубы, сзывая ангельские эскадрильи во Дворец. Небо расчистилось и потемнело с приближением вечера. Стало холоднее. Может, им мерещилось или они так страшились Элова гнева, но Адам с Евой зябли больше обычного и придвинулись ближе друг к другу, чтобы согреться. Адама все сильнее отвлекал его член, ставший длинным и твердым.

– Почему он так себя ведет? – спросила Ева.

– Так иногда бывает, – ответил Адам. – Когда он становится таким, мне приятно его трогать.

– Наверное, это орган, о котором говорил червь, – сказала Ева. – И, кстати, у меня есть соответствующие части тела, не такие заметные, как то, что у тебя, но, подозреваю, способные дарить ничуть не меньшее удовольствие.

– Мне подумалось, – начал Адам, – что если бы мы с тобой…

Однако он не успел закончить мысль, потому что они услышали приближающиеся шаги и, подняв глаза, увидели идущего к ним Эла. От его взгляда, устремленного на Адамов член, тот съежился и принял всегдашнюю форму.

– Вижу, Старый ничего не упустил, – заметил Эл. – Отлично. Я перезагружал вас много раз и не прочь перезагрузить снова.

Эл воздел руку. Адам и Ева прижались друг к другу. Адам обнял Еву за плечи и притянул еще ближе к себе. Хотя у них не сохранилось никаких воспоминаний, оба чувствовали, что Эл не впервые воздевает так руку и что в следующий миг они исчезнут и будут заново возвращены к бытию.

Адам тоже поднял руку, как будто мог защитить себя и Еву.

– Умоляю тебя, Эл, не надо.

Эл не опустил руку, но и ничего другого не сделал, только смотрел на них, и его аура являла новые чувства.

– Мы знаем, что будет дальше, – сказала Ева, – и знаем, что в твоей власти это совершить и даже уничтожить нас насовсем, если пожелаешь. Но если ты употребишь эту власть, то знай, что поступаешь вопреки нашей воле.

Эл опустил руку и замер, перебарывая чувства, по крайней мере, такое впечатление складывалось по его ауре. Через некоторое время она перестала бурлить. Когда он заговорил снова, голос его был тих, но суров:

– Теперь я понимаю, так было с тех самых пор, как Весна произвела вас на свет. Она, быть может, и хотела начать все заново, сотворить души без связей с Альфа-миром, без наследственных слабостей, привычек, мыслей и особенностей формы, которые в Нулевую эпоху – когда души были во плоти – требовались для порождения новых душ, но здесь бесполезны и даже противоестественны.

При этих словах Эл вроде бы глянул на Адамов член, хотя его взгляд скользнул и по грудям Евы. Повеяло холодным ветром, член у Адама съежился еще сильнее, а груди и плечи Евы, прижавшейся к Адаму, пошли мурашками. Она положила руку ему на грудь.

– Я не могу винить Весну за оплошность, – признал Эл. – Боги Первой эпохи, Бета-Эл и другие, обрели бытие неправильно. Они были экспериментом, который не столько провалился, сколько изначально был совершенно непродуман. Обнаружив себя живыми и мыслящими в мире без формы и порядка, они слепили Землю, как им казалось удобным. Это вынужденно получилось подобие Альфа-мира, каким он им смутно помнился. Первые слепые усилия вызвали новые воспоминания, и за долгие годы, пока я занимался другим, бета-боги создали Землю, почти такую же несовершенную, как мир, из которого они вырвались через врата смерти. Эта Земля и ждала меня, когда я прошел в те же врата. Величайшим достижением Первой эпохи стали вы, что теперь зовете себя Адамом и Евой, слепо отдавая бессмысленную дань развенчанному мифу Альфа-мира.

Эл умолк и вздохнул. Ветер усилился и стал еще холоднее.

– Да, – признал Эл, – много раз я вздымал руку и переделывал вас, вновь и вновь перезагружал программу, которую породила Весна. Из уважения к ее труду я не вносил изменений в исходный код, лишь отлаживал начальные условия, надеясь на воспитание в противовес наследственности. Это значило держать вас в огражденном Саду и не обременять знаниями об Альфа- и Бета-мирах, которые по всей справедливости должны быть не нужны и неинтересны душам – уроженцам Второй эпохи. Уже по тому, сколько раз вас пришлось перезагружать, я должен был сообразить, что занялся гиблым делом. Однако я чувствовал ответственность перед неповинными творениями бета-богов и стремился сохранить все красивое либо заключающее в себе новые возможности. И по большей части мои усилия были направлены на создание новых разновидностей душ. Так что я не направлял все внимание и всю вычислительную мощь на проблему, зревшую буквально у моего порога. Теперь, впрочем, все ясно, и я отчетливо вижу, что должен сделать. Дальнейшие

перезагрузки дадут все тот же или худший результат. И в любом случае вы прямо попросили меня этого не делать.

Уничтожить вас – убийство. Держать вас в Саду – пустая трата времени на то, чтобы и дальше ограждать от знаний, которые вам вздумалось получить и которыми, я вижу, Старый либо его клевреты активно вас снабжают. Так ступайте на Землю, и не через парадный вход… – тут Эл указал на сияющий окнами Дворец, – исправленный моими трудами, а через задворки… – и он другой рукой указал на садовую стену, – где я сохранил все безобразие диких областей Альфа-мира, воссозданное Бета-Элом по его путаным воспоминаниям. Смотрите же на его творение изнутри, а на мое – снаружи и рассудите в своей мудрости, какое из них более великое.

Взмахом руки Эл выбросил волну хаоса; она ударила в стену и пробила дыру, куда Адам и Ева могли бы пройти рядом. Обломки стены отлетели дальше и пролегли в лесу, будто остатки древней дороги.

Мгновения спустя Адам и Ева уже шли по этой дороге, ступая босыми ногами по шатким острым камням, словно по жесткому воплощению самого хаоса.

Довольно скоро дорога из каменных обломков вывела их к пропасти, такой глубокой, что у них, привыкших к замкнутому пространству Сада, это просто не укладывалось в голове. В милях под ними тускло серебрились под луной и звездами облака. На какое-то время огромность увиденного парализовала обоих и лишила дара речи. Одно дело – подозревать, что за пределами Сада лежит большой мир, совсем другое – увидеть его воочию.

За ними в проломе стены сияли башни Дворца. До сих пор Адам и Ева считали их высокими. Сейчас они поняли, что Дворец и все, что рядом, – крохотное семечко на кончике пальца: колонны, встающей из Земли на высоту, которую им не с чем было сравнить. От основания колонны Земля тянулась, сколько видел глаз, и как будто смыкалась с темным звездным небосводом там, где он опускался к горизонту. Где-то висели кучерявые покровы облаков, где-то поблескивали отраженным звездным светом озера и реки. Горные хребты вздымали над облачными грядами заснеженные вершины, и в свете луны чудилось, будто они светятся изнутри. В одном месте четыре хребта переплелись, будто споря, кто кого передавит, но даже самый из них высокий был много ниже исполинской тучевой башни, подсвеченной изнутри голубыми вспышками. Лишь она одна на всей Земле могла сравниться высотой с Дворцом. От грозовой башни отходил длинный острый рог, махрящийся снизу

проливными дождями, испарявшимися за мили до земли. Тучи клубились и свивались, словно внутри бушуют чудовищные ветра, однако башня не рассеивалась, а как будто черпала энергию изнутри.

Там и сям по всей Земле различались пятнышки более теплого света – четкие под чистым небом, отсветы на облаках там, где оно было затянуто. Оттенком они походили на мутное красное созвездие, которое Адам и Ева часто видели высоко на небосводе. Адам, чтобы найти страны света, запрокинул голову и поискал глазами Алую Паутину, как они назвали это созвездие. Однако его сейчас закрывали башни Дворца.

– Что ты высматриваешь? – спросила Ева.

– Алую Паутину, – ответил Адам. – Яркие пятна на Земле напомнили мне ее – как будто одно подражает другому.

И он указал на одно такое место у них под ногами, где от центра, затуманенного облачной дымкой и мерцающего в дрожании холодного ночного воздуха, расходились прерывистые линии алого света.

Ева, впрочем, не стала смотреть туда, куда указывал Адам. Ее взор был прикован к высокому парапету Элова Дворца. Оттуда сейчас взлетел ангел. Он несколько раз взмахнул крыльями, набирая высоту, затем начал заходить на вираж в их сторону. Адам и Ева втянули голову в плечи и попятились, боясь, что ангел столкнет их вниз. Однако тот пролетел выше, опустился между ними и обрывом и плавно взмахнул крыльями, словно отгоняя Адама и Еву подальше от края.

– Безопасного спуска для вас нет, – объяснил ангел, – так что меня отправили доставить вас вниз.

Не дожидаясь ответа, он простер ауру, словно еще одну пару крыльев, сгреб обоих в охапку и упал с обрыва спиной вперед, увлекая за собой Адама и Еву. Тут же их обдало холодом таким резким, что чувства ощутили не смену температуры, а боль, за которой наступило онемение. Эл, похоже, окутал вершину теплым воздухом, а теперь ангел вынес их за пределы этого пузыря. Здесь было не только холодно, но и ветрено. Восходящий поток увлек их еще выше.

Ангел замахал крыльями и полетел над вершиной. Они увидели пролом в стене, кусок дикого леса за Садом, священную рощу исполинских кленов, откуда бежал ручеек, низвергаясь в пропасть серебристым волоском водопада. Дальше начиналась другая стена Сада, идущая прямо ко Дворцу. Адам с Евой, разумеется, ничего этого прежде не видели. Они привыкли к виду башен с задней стороны Дворца и составили о нем какое-то представление, но теперь были поражены его башнями, стенами,

бастионами и множеством других больших и малых укреплений на узком карнизе между фасадом и отвесным обрывом.

Ангел спускался бесконечными кругами, так что Адам и Ева снова и снова видели одни и те же части скалы. Они научились узнавать ниточку водопада на темной стороне и отблески света на другой.

Однако они не понимали, откуда идет свет. В начале спуска он бил из Дворца, который высился над Землей, словно огромный фонарь. Однако ниже – над самым облачным слоем – сторона противоположная той, по которой сбегал водопад, сияла все так же ярко. Вся она была покрыта чем-то светящимся. А по мере того как воздух вокруг становился менее разреженным, Адам и Ева все отчетливей различали идущий оттуда звук: мерное гудение, которое шло как будто отовсюду сразу.

Впрочем, ангел летел так стремительно, а сияющая поверхность скалы проносилась перед глазами так близко, что подробностей было не разглядеть. Когда они входили в облака, ангел отлетел подальше, и за миг до того, как скала растаяла в тумане, Адам и Ева увидели ее целиком. Они успели заметить, что выше неровных отрогов она сплошь покрыта шестиугольными ячейками.

Из влажного тумана они вынырнули уже почти над самой землей. Ее устилали такие же светящиеся, гудящие соты. Дальше их покров редел, делился на языки и пропадал во тьме, но чем ближе к основанию, тем плотнее теснились ячейки. В их полупрозрачной пленке угадывалось какое-то движение. Свет и звук пробегали по ней волнами, усиливались и слабели.

Ангел заскользил на крыльях прочь от скалы. За причудливо изрезанным краем светящейся пленки он наконец приземлился и выпустил Адама с Евой из своей ауры. Они ощутили под ногами твердую почву. Их легкие вбирали плотный сырой воздух, прохладный, но не ледяной.

– Здесь вы можете ходить, не боясь опасности, – сказал ангел.

– Что такое опасность? – спросила Ева.

– То, что вы почувствовали, когда стояли на краю обрыва, – ангел глянул вверх, – и воображали, каково будет упасть. Душам вашего типа лучше внизу. Идите ищите, какая жизнь на Земле вам подойдет.

И, не прощаясь, расправил крылья, чтобы лететь домой.

– Как называется то, над чем мы сейчас пролетели? – спросил Адам.

Ангел пожал плечами.

– Имени у него нет, ибо Эл и Эловы ангелы и без того знают, что это такое, а те, кто в нем живет – кто его составляет, – в

именах не нуждаются, как не нуждаются и в словах вообще. Если вам непременно надо его как-то называть, то ближайшая аналогия с тем, что вы видели в Саду, улей.

И ангел улетел.

– Если бы он не так спешил домой, – сказал Адам, – я бы еще расспросил про Улей и тех, кто в нем живет.

– Кто его составляет, – повторила Ева слова ангела. – И он спешил.

– Наверное, во Дворце куда лучше, чем здесь, – предположил Адам.

– Само собой. Интересно, почему Эл не разрешал нам туда заглядывать, кроме как через окна.

– Теперь бесполезно гадать, – сказал Адам. – Сад подходил нам как нельзя лучше, и это место, где нас оставил ангел, тоже выглядит неплохим.

Ближайший отросток Улья, похожий на длинный корень, был от них всего в нескольких шагах. Адам и Ева пошли на его свет и звук, а подойдя ближе, ощутили, что он излучает тепло вроде того, что исходило от их собственных тел.

Сверху была видна природная неравномерность Улья, как у древесных корней или веток, но вблизи легко различался правильный рисунок сот. Почти все они были шестигранные, хотя встречались и с большим или меньшим числом граней там, где им приходилось втискиваться между другими. Адам потрогал стенки – они были твердые, но слегка проминались под пальцем. В каждой ячейке клубилось облачко ауры, уплотняясь в поисках формы. Соты по краям выглядели более молодыми, их мягкие стенки иногда лопались и сочились аурой, как газом. В более старых ближе к середине за прочными стенками помещались аккуратные, хорошо структурированные комочки пульсирующей ауры. В целом соты не двигались, но иногда Адам и Ева краем глаза улавливали быстрое шевеление – Улей рос. Ячейки расширялись и делились, толкая соседей, так что вещество Улья постепенно расползалось на свободные участки земли. Весь он был пронизан волнами света, по большей части белого, в котором возникали и сразу исчезали редкие цветные переливы. Гул затихал и усиливался без какой-либо понятной закономерности.

Они еще некоторое время смотрели, слушали и обменивались наблюдениями. Улей тоже вроде бы их чувствовал, однако не мог говорить понятными им словами, поэтому в конце концов они отошли от него и двинулись прочь по земле, еще не занятой медленным разрастанием сот. Там было темно, если не считать слабого свечения Улья.

В эту темноту Адам с Евой и вступили. Шли они медленно,

ведь под ногами у них была не мягкая почва Сада, а каменистая земля. Камни были от маленьких, застревавших между пальцами ног, до глыб размером с деревья. Где-то гладкие, где-то изломанные, они напоминали Адаму и Еве обломки садовой стены, по которым они еще так недавно шли. На некоторых были выбоины от ударов, другие почернели от огня. Травы и гибкие лозы проросли в трещины между камнями и местами сплетались сплошным ковром. На многих были мелкие цветочки; в свете Улья они сияли огоньками цвета, почти как в Саду, и добавляли этому угрюмому месту немного радости.

За спиной Адама и Евы мерцало пятно Алой Паутины, так что они из своих скудных познаний в астрономии знали, что идут на запад. Если бы они обернулись, то увидели бы, что небо над скалой светлеет.

Еще они различили бы трепетный огонек, который сидел на большом камне, а когда они проходили мимо, засветился ярче и начал подниматься все выше и выше, словно не хотел упускать их из виду. Он принял форму, грубо напоминающую ангельскую, и вместе с ней обрел бо€льшую свободу движений. Теперь он уже не парил, а молниеносно скользил по прямой или по дуге, замирая в конце каждого отрезка и словно оценивая, где очутился. Двигался он по изломанной траектории, но более или менее следовал за Адамом и Евой. Вскоре огонек уже порхал у них за спиной. Они заметили его и поначалу сочли еще одной случайной диковиной, которых тут было не счесть. Впрочем, через некоторое время огонек очень им пригодился. Они ушли уже далеко от Улья, и в темноте было трудно разбирать дорогу. Огонек как будто это понял: поднялся повыше и засиял чуть ярче, освещая путь.

Местность изменилась. Они шли уже не по камням, а по густой траве выше колена, сквозь которую приходилось продираться либо притаптывать ее на каждом шаге.

– Мне кажется, это существо понимает нашу речь, – сказал Адам. – Мы только что сетовали на темноту, и вот, оно нам светит.

– А может, оно читает наши мысли, – ответила Ева.

Порхающая фея выпустила язычок ауры, и Ева подняла к ней ладонь, но тут же отдернула.

– Что такое? – спросил Адам.

Лицо у Евы стало задумчивое.

– Совсем не похоже на ауру Эла или ангелов. Ничего для меня понятного. Но и ничего такого, что ангел назвал *опасностью*.

Адам и Ева стали забавляться тем, что их новый дружок

умеет менять цвет. Они указывали на Алую Паутину, которая сейчас опускалась к горизонту на западе, или срывали красные полевые цветы. Через некоторое время огонек начинал светиться красным, тогда они смеялись и кричали: «Красный!» Огонек принимался гудеть чуть иначе, будто пытался повторить это слово.

К рассвету существо научилось не только становиться красным, но и говорить «красный» почти внятно. Они перешли к «синему» (за ночь облака растаяли, и показалось чистое небо) и «зеленому» (они шли по морю зелени), потом добавили слова «Адам», «Ева», «трава» и «вода». Днем фея была видна хуже, но они слышали звук ее крыльев и различали промельк света.

В море травы островом высился холм. Не сговариваясь, они свернули к нему и выбрались наверх. Солнце уже стояло прямо над головой. Они научили спутницу говорить «холм», «дерево», «солнце» и «луна». И Адам, и Ева иногда касались ее ауры и научились лучше понимать свою новую знакомую, или, может быть, она перестроилась на их лад. Теперь она говорила не только отдельные слова, и они смутно понимали, что их спутница умеет получать знания каким-то неведомым способом. Под тенью дерева на холме они увидели, что она изменила свою форму: теперь у нее были две нижние конечности вроде ног, две руки и крылья, как у Элова воинства. И голова – пока лишь яркое облачко ауры, но в нем начали проступать человеческие черты.

– Как нам тебя называть, душа-спутница? – спросила Ева. – Мы научили тебя разным словам, а теперь нам нужно слово для тебя.

– Какое имя будет лучше? Мое имя для вас, – ответила она. Они поняли, что она согласна как-то называться ради них, а значит, нужно имя, которое легко запомнить и удобно произносить. Фея ненадолго задумалась, потом сказала: – Маб.

– Ты из Элова воинства? – спросил Адам. – Как ангелы, что кружат над башнями Дворца?

Маб, паря между ними, долго раздумывала:

– Не знаю.

Адам кивнул.

– Эл пронизывает все в этой, Второй эпохе, чтобы отделить ее от творений бета-богов, – сказал он.

– Эл и нас хотел присоединить, – проговорила Ева, – но у него или у нас не получилось. Мы неисправимые дети бета-богов.

– Величайшее достижение Первой эпохи, назвал нас Эл. Когда я услышал эти слова, у меня сердце занялось от гордости, но теперь я понимаю, что он не упомянул Вторую эпоху.

– Об этом я ничего не знаю, – признала Маб, – но я умею

учиться.

– Бета-боги были первыми, и они сотворили это все, – сказала Ева, обводя рукой горизонт.

– Значит, они продолжают это творить, – поправила ее Маб, – ибо я вижу, что стебельки травы клонятся от тяжелых семян, вижу на дереве орехи, несущие в себе будущую жизнь. На той ветке птичье гнездо, в нем яйца, и в них тоже растет новая жизнь. Это совсем не то, как расширяется Улей, однако оно существует – и даже благоденствует – вопреки равнодушию Эла.

– Это все труды нашей матери, Весны, которая, говорят, по-прежнему бродит по Земле, – сказала Ева.

Адам расхаживал по вершине холма, устремив взгляд к горизонту.

– Ну почему я не смотрел внимательнее ночью, когда мы видели всю Землю! Теперь мне жалко, что я ее не запомнил. Очевидно, мы ушли далеко к западу от Улья и Дворца. – Он кивнул в сторону скалы; она все еще казалась близкой, хотя теперь виделась сквозь дымку, и можно было догадаться, что за ночь и утро они покрыли большое расстояние. – Дальше к западу я вижу неровную темную полосу на горизонте. Она наводит меня на мысль, что это лишь первый из множества холмов, и дальше в той стороне их будет еще больше.

– Я помню увенчанные бурями горы далеко на севере, – сказала Ева и глянула направо в тщетной попытке различить заснеженные вершины или громоздящиеся тучи.

– Там и сям по земле разбросаны пятна света, напомнившие мне Алую Паутину, – добавил Адам.

– Мне кажется, я заметила в них упорядоченность и движение, – сказала Ева, – и подумала, что там обитают другие души. Помнишь усеянную битыми камнями землю, куда опустил нас ангел? Это похоже на остатки жилищ, не больше самых убогих пристроек Дворца, и проложенные между ними мощеные дорожки для душ…

Адам закивал:

– Светящиеся пятна, что мы видели ночью с вершины мира, особенные. Они совсем не похожи на Улей. Быть может, добравшись до такого места, мы увидим души, которые не ангелы, не ячейки Улья, а скорее, как мы.

– Ума не приложу, в какой стороне их искать, – сказала Ева.

– Я тоже, – признался Адам. – Но я устал, а шелест веток навевает сон. Если мы проснемся ночью, то, может быть, увидим вдали такой свет. А если не увидим, может, Маб взлетит повыше, увидит дальше и скажет, куда нам идти.

Адам сел под деревом, прислонился спиной к стволу и скоро

задремал.

Когда он открыл глаза, был еще день, но свет изменился, как бывает ближе к вечеру. Похолодало. Ева спала рядышком. Во сне она прижалась к Адаму для тепла и закинула на него белую гладкую ногу, так что ее бедро лежало на его яичках и прижимало член к его животу. Член увеличился, отвердел и толкался в Евино бедро при каждом ударе сердца. Сердце стучало все сильнее, тело напряглось, и Адам излил что-то белое себе на живот и грудь. Это сопровождалось таким блаженством, какого он никогда прежде не испытывал. Потом, лежа на спине, он сонно и отрешенно осознал, что до конца дней будет стремиться к этому удовольствию. А значит, уже никогда не сможет глядеть на Еву прежними глазами.

На Землю постепенно опускалась тьма. На востоке за сияющим Дворцом проступила Алая Паутина. В той стороне было слишком светло, так что они стали смотреть на запад, обводя взглядом горизонт с юга на север и обратно. Когда совсем стемнело, они убедили себя, что видят тусклое красноватое зарево на западе, возможно по дальней стороне холмов, которые заметили раньше. Маб взлетела повыше и подтвердила их догадку. Хорошо отдохнувшие и выспавшиеся, они спустились с западного склона холма и зашагали по травяному морю.

Через некоторое время земля пошла под уклон и запахло деревьями. Они остановились в таком месте, откуда смогли заглянуть в широкую речную долину, лежащую у них на пути. Внизу серебрились под звездами свивающиеся рукава реки. Другой берег скрывала непроницаемая тьма, но алое зарево подсказывало, что они смотрят на гряду холмов за рекой.

Пока они обсуждали, как перебраться через реку, их слуха коснулся звук, напомнивший им о Саде, – песня ночных зверей. Начал один, к нему присоединился второй, потом третий, за ним еще и еще, так что отдельные голоса стали неразличимы. Впрочем, можно было догадаться, что звери стягиваются вместе и движутся из долины к ним.

Маб взлетела повыше, чтобы разглядеть зверей.

– У них по четыре ноги, а тело покрыто серой шерстью. Уши острые – и зубы тоже.

– Творения Весны вышли нас встречать! – воскликнул Адам.

– Мне так не терпится их увидеть, – сказала Ева. – Мы столько раз слышали в Саду их пение, однако нас разделяла стена.

– Все одно к одному, – заметил Адам. – Эл не хотел, чтобы мы узнали о чудесных творениях Весны. Боялся, что мы отвергнем

его и уйдем бродить по земле.

В круг белого света, который отбрасывала Маб, вступил волк. Поначалу он припал к земле, но осмелел, когда Адам присел на корточки и поманил его к себе. Убедившись, что Маб ничего ему не сделает, волк прыгнул и впился зубами в руку Адама.

Тот все еще смотрел в изумлении, пытаясь осмыслить сильнейшее новое чувство, передавшееся от руки в мозг, но тут Маб спикировала волку на лоб. Она сияла так ярко, что и волк, и Адам на мгновение ослепли. Волчьи челюсти уже не сжимали его ладонь, но неприятное чувство осталось. Он поднял руку, чтобы протереть глаза, и почувствовал что-то мокрое и горячее. Ева потянула его за другую руку и рывком подняла на ноги.

– Бежим! – крикнула она. – Надо от них спасаться!

Они побежали. За ними, рядом с ними, даже впереди бежали волки, преследуя их по траве. Маб была везде – она то взмывала вверх, освещая землю под ногами и волков, то металась перед мордой волка, когда тот норовил цапнуть Адама или Еву за ноги. Позади и впереди слышалось щелканье челюстей – звери прыгали, пытаясь ухватить Маб, – и порсканье крыльев, когда та уворачивалась от оскаленных клыков. Как ни отвлекала Маб зверей, Адам и Ева уже не надеялись добежать до холма. Они чувствовали, что ноги у них подогнутся раньше. Да холм бы их и не спас – волки так же, как они, взбегут вверх по склону.

Земля содрогнулась от глухого удара. Затем раздался второй, третий, чаще, громче, словно приближающиеся шаги. В краткую передышку между нападениями волков Маб взлетела и посветила вперед. Там, где должно было расстилаться ровное море травы, высился холм – так близко, что Маб замерла и отпрянула от него. Холм был не на своем месте и с прошлого раза стал гораздо круче. И он двигался.

Маб не могла осветить все сразу, да и Адам с Евой плохо соображали. Однако они видели исполинские ноги, словно бы груды камней, слепленных и обмазанных глиной, торс, похожий на холм, как он им запомнился, и огромное дерево на вершине – словно шапка волос. Ноги переступали по одной, и в движении их было больше от оползня или лавины, чем от человеческого шага. Каменные стопы опускались на землю с глухим ударом. Адам и Ева попятились бы, не будь за ними нечто похуже. Волки замедлили бег, их вой изменился.

– Бегите к нему со всех ног! – крикнула Маб. – Уж точно холм-великан не страшней волков!

Адам и Ева рванули из последней мочи. Холм остановился, его ноги рассыпались грудами камней, а в следующий миг исчезли под зелеными юбками склона. Адам совсем выбился из

сил, но Ева метнулась вперед и отыскала место для подъема, а он вскарабкался следом; передовой волк щелкнул зубами в воздухе, чуть не ухватив его за пятку.

Они оглянулись, и им почудилось, будто волки отодвигаются дальше и вниз. На самом деле это холм поднимался, образуя вокруг себя отвесный обрыв, на который даже волку было не запрыгнуть. Захрустели ветки, и обрыв заплели плети ежевики, образовав живой парапет. Потом все замерло. Холм вновь стал обыкновенным холмом, только другой формы и на новом месте.

Рассвет застал их под деревом на вершине холма. На западе они видели прямые линии притоптанной травы там, где бежали сломя голову, и дуги, где волки сворачивали для нападения и отпрыгивали, ослепленные светом Маб. На востоке – следы холма, когда тот шагал им на выручку, роняя влажную черную землю и валуны. Там, где ступали его ноги, остались кратеры.

Ступни Адама и Евы кровоточили от множества порезов, ноги были искусаны волками и расцарапаны ветками. Однако самая большая кровоточащая рана была у Адама на руке. Они никогда раньше не видели крови и зачарованно наблюдали, как она течет.

Иногда Ева вставала и обходила вершину холма, всматриваясь в море травы вокруг. Несколько волков остались у подножия и косились на нее с выражением, в котором она теперь узнавала голод, – волки разглядывали ее как пищу. Однако никто из них не мог прорвать кольцо обороны, которым окружил себя холм.

Адам лежал в тени под деревом и смотрел, как из руки у него течет кровь. Ближе к середине дня кровотечение почти прекратилось, но он стал бледным и слабым.

– Так много новых жидкостей вытекает из моего тела, – заметил Адам, удивив Еву – она-то знала только про кровь. – Если тела такие же, как все остальное, то потери надо восполнять, иначе я уменьшусь.

– В Саду букашки ели растения, а птицы – букашек, – сказала Ева. – Червь ел яблоко и нам советовал. А волки вроде бы хотят съесть нас.

– О Весна! – простонал Адам. – Почему ты создала свои творения такими? С такими аппетитами?

И его взгляд устремился к бедрам и ягодицам Евы, сидевшей рядом на корточках.

Ева пожала плечами:

– Очевидно, так устроен мир. Если мы доживем до встречи с Весной, то спросим ее саму.

– По крайней мере, теперь мы понимаем диковинное слово,

которое слышали от ангела, – заметил Адам. – «Опасность».

– Нам надо преодолеть опасности между нами и дальней стороной тех холмов, – сказала Ева. – Там, возможно, живут души, придумавшие, как сделать, чтобы их не съели. Если ты уменьшишься, добраться туда будет сложнее. У тебя только один выход – что-нибудь съесть. – Она вгляделась в крону дерева. – К сожалению, на нем почему-то нет яблок.

Маб вспорхнула на ветку, и через мгновение рядом с ними упало что-то маленькое, коричневое. Размером, формой и сморщенностью оно напоминало то, что висело у Адама под членом.

– Орех, – сказала Маб. – У меня есть доступ к знанию, что он съедобен. Только прежде его надо расколоть.

Ева придумала положить орех на камень и ударить другим камнем. Адам впервые попробовал пищу. Ева залезла на дерево и стала сбрасывать орехи на землю, а Маб рвала их, порхая между ветками. Адам немного окреп и разбивал орехи камнями. Потом они, по совету Маб, спустились к колючим кустам, которыми холм опоясал себя от волков, и нашли ягоды. Листья некоторых растений тоже оказались съедобными, так что вечером Адам и Ева сидели под деревом с новым чувством еды во рту и ощущали пробуждение своих внутренностей.

Ночь была холоднее, а может, они изменились оттого, что поели, и теперь зябли сильнее. Маб произвела пламя из кучки сухих листьев и веточек. Они узнали, что огонь тоже бывает голодным и его можно кормить – в данном случае упавшими с дерева ветками. Огонь и тепло собственных тел помогли им не мерзнуть ночью, если теснее прижаться друг к дружке. Впрочем, этого им хотелось и не только от холода. Член Адама вновь излил то же белое, только на этот раз Ева не спала и видела, как ему приятно. Вспомнив слова червяка о том, что органы удовольствия можно соединять, они вскоре нашли у Евы подходящие части тела. Адам был почти так же счастлив, как и она, а то он уже боялся, что не получит от нее удовольствия, к которому теперь все время стремился, если не будет давать что-нибудь взамен.

Утром они узнали, что такое испражняться, и сразу завели привычку делать это подальше от дерева, под которым устроились, пусть даже им приходилось спускаться на травяную равнину, а там могли быть волки. Правда, спускаться все равно бы пришлось, потому что с другими видами голода пришла и жажда. Маб объяснила, что вода течет вниз, и сказала, в какой стороне ее найти.

Вдобавок к тому, что Ева теперь ела, испражнялась и

мочилась, у нее еще иногда текла кровь из органов удовольствия. Аппетит и у нее, и у Адама рос с каждым днем. Адам посматривал на кроликов, бегавших в траве, примерно так же, как раньше волки глядели на Адама и Еву. Однажды, не наевшись орехами и ягодами (их было все труднее находить), он спустился на траву и через какое-то время принес на острой палке мертвого кролика.

– Мне подумалось, что мы тоже можем быть опасностью, – объяснил он.

На следующий день он добыл еще двух кроликов, потому что в первом оказалось до обидного мало съедобного. В следующие дни Адаму приходилось уходить все дальше и дальше от основания холма, потому что вблизи он всех кроликов перебил или распугал. Несъеденные части тушек скапливались под деревом и пахли не лучше испражнений. Маб сверилась с таинственным хранилищем данных, к которому каким-то образом имела доступ, и научила Адама с Евой, что можно делать из кроличьих остатков. У них появились костяные иглы и нитки из жил. Вскоре они оделись в шкурки и перья различных созданий, которых приносил снизу вечно голодный Адам.

В холме была воплощена душа, обитавшая в нем, наверное, с начала Первой эпохи. Он решил спасти Адама и Еву от волков. Потом вновь застыл в тишине и неподвижности. Общаться с ними он то ли не хотел, то ли не мог. Маб много раз пыталась соединиться с ним аурой, но ничего не нашла. Вернее, нашла душу, настолько внутренне непохожую на них, что никакое общение с ней было невозможно.

Через несколько месяцев без предупреждений и объяснений он снова встал, прошел небольшое расстояние и осел на землю в новом месте, ближе к реке и гряде холмов. Они сочли это намеком, что им пора уходить, тем более что еды здесь почти не осталось – ни орехов на дереве, ни ягод на кустах, ни съедобных трав. Пищу для огня приходилось носить из речной долины. Там они иногда встречали волков и других созданий, которые были несомненной опасностью.

Кровотечения у Евы прекратились так же неожиданно и необъяснимо, как начались. У нее увеличивался живот. Маб сказала, что скоро им понадобится жилье попросторней и больше еды и одежды, чем можно добыть здесь. И все же они оставались на гостеприимном холме, пока листья на большом ореховом дереве не покраснели и не начали падать на землю. Адам и Ева, не обсуждая, сочли это сигналом, что надо уходить. Однажды утром они собрали вещи, которые здесь сделали, и привязали их к толстым веткам веревками из сплетенной травы. Они двинулись на запад, таща за собой пожитки. Помня об опасностях, они

быстро прошли через долину, к полудню пересекли реку вброд и до того, как тени удлинились, забрались как можно выше в холмы. Здесь они нашли дерево, на которое можно залезть, развели подле него костер и накидали туда много упавших веток, потом забрались в развилку и устроились на ночь. Волки выли и подходили так близко, что можно было различить отблески костра в их глазах, но утром Маб сообщила, что поблизости ни одного не осталось.

Адам и Ева слезли с дерева и до конца дня взбирались на холмы, страдая от голода и жажды и лишь с помощью Маб находя ягоды и родники. За каждым холмом открывался новый холм. Они уже совсем приуныли, но в сумерках Маб провела их по каменной расщелине на карниз, где заканчивался лес. Отсюда они увидели холм еще выше тех, по которым шли. На его вершине стояло белое здание, чем-то напоминавшее Дворец, только куда меньше и невзрачнее. Поднимаясь к нему по тропе, явно проложенной другими душами, они иногда оборачивались и видели верхушку Элова столпа далеко в центре Земли. Дворец Эла как будто смотрел на них.

Наконец они взобрались на холм. До белого здания было уже недалеко. Заглянув на другую сторону холма, они увидели алые огни и дымный воздух лежащего внизу города.

44

В первые пятнадцать лет с перехода дочери в смоделированный мир мертвых Зула часто задумывалась, зачем вообще живет. Однако со временем она привыкла к неразрешимости загадки и возвращалась к ней лишь изредка. Например, как-то октябрьским утром, лежа в кювете с поврежденными коленями.

Сходя с бордюра по пути на работу, она ощутила резкую боль в колене и услышала щелчок. Нога подогнулась. Чтобы не упасть, Зула попыталась опереться на другую ногу. Новый щелчок, новая вспышка боли – и она рухнула в кювет. Ночью шел дождь, первый настоящий осенний ливень, и Зула оказалась в кювете вместе с мокрыми листьями, одноразовыми бумажными стаканчиками и одним подкожным шприцем. С ели слетел ворон – взглянуть, можно ли ее уже клевать. У Зулы было единственное объяснение: какой-то придурок два раза выстрелил в нее и убежал. Однако ран не было, кровь не текла.

На удивление долго ничего не происходило. Это был район плотной жилой застройки и коммерческих зданий между основанием Капитолийского холма и берегом озера Юнион. Вроде бы оживленное место. Оно и было оживленным – машины проносились каждые несколько секунд, с большим запасом огибая человекообразное пятно, примеченное их инфракрасными камерами. Почти мгновенно машины сообщили друг другу об этом пятне и перестроились, минимизируя риск. Пассажиры, разумеется, были заняты своими делами и в окошки не смотрели. Люди в домах, офисах, кафе тоже не обращали внимания на то, что происходит в кювете. У Зулы было время поразмыслить об экзистенциальных вопросах.

Трагедия – и главная цель – родительства заключена в том переломном моменте, за которым история продолжается без вас. Его предтечи – умиляющие до слез мгновения, которые родители запечатлевают на фото, а рекламщики эксплуатируют в своих роликах: первые шаги, первый день в детском саду, ребенок едет на велосипеде, садится за руль машины. Зула и Чонгор прошли это все с Софией: фотографировали и плакали от умиления, как все. Однако полное осознание пришло, когда София поступила в колледж и три недели не выходила на связь. Ни эсэмэсок, ни твитов, ни телефонных звонков – просто тишина, которая с тем же успехом могла быть гробовой. София не забыла и не разлюбила родителей, просто в колледже было так здо€рово, что

ей не пришло в голову позвонить домой. Чонгор страдал молча. Зула обратилась к товарищам по несчастью – матерям Софииных одноклассников и подруг по футбольной команде. Некоторые общались с детьми по нескольку раз в день и отслеживали их в соцсетях, другие испытывали то же, что Зула. Им казалось, что их отбросили, словно киноперсонажа, которого сценаристы переехали автобусом, освобождая место для более молодой, более харизматичной кинозвезды.

Потерять ребенка – нечто прямо противоположное. Извращенный сюжетный поворот, когда автобус сбивает не того персонажа и на экране остается актер, не планировавший, да и не хотевший быть в центре кадра. Это, разумеется, не худшее из того, что чувствуют осиротевшие родители, просто одна из частей печальной картины.

Через полтора десятилетия после Софииной гибели у Зулы по-прежнему некстати наворачивались слезы. Их с Чонгором отношения развивались по довольно типичному сценарию. Они не спали вместе две недели, месяц, год. Чонгор съехал с квартиры, где все мучительно напоминало о дочери, Зула оттуда почти не выходила. Через два года они официально развелись. У них не было ненависти друг к другу. Они не перестали друг друга любить. Просто весь смысл брака исчез.

Впрочем, с годами Зула все реже испытывала острое горе. Скорее это было похоже на ее чувства, когда София поступила в колледж. Разумеется, тело отсканировали, как только вытащили из воды. Времени прошло немного, мозг хорошо сохранился в холоде. Новый процесс загрузили в соответствии с подробнейшими беспрецедентными инструкциями, которые София вписала в свое завещание и распоряжение об останках за несколько недель до смерти. Корваллис Кавасаки был указан душеприказчиком, и он проследил, чтобы все исполнили в точности.

Софиин процесс время от времени взаимодействовал с дедушкой всех процессов – тем, который она сама загрузила на основе Мозга Доджа, – до самого его загадочного прекращения. Примерно в то же время наблюдатели в Митспейсе лишились возможности видеть некоторые части Битмира. До тех пор весь Ландшафт был открытой книгой – не оставалось ни одного уголка, куда бы не проникало всевидящее око Программы визуализации Ландшафта. Однако новое место, созданное Доджем, Софией и Пантеоном, – Ландшафт-штрих, или Ландшафт-2, как называли его некоторые, – шифровался каким-то хитрым способом. Енох Роот называл это «обнубиляцией» – новым словом, которое им пришлось включить в свои словари. Оно

означало «сокрытие под облаками».

София была соавтором Программы визуализации Ландшафта, так что на простое совпадение это не тянуло.

Ее процесс оставлял в системе достаточно следов, поэтому они знали, что он по-прежнему работает. Но он никогда не звонил домой – не предпринимал и малейших попыток связаться с теми, кого оставил позади. В помещениях Фортрастовского фамильного фонда Зула и другие, как могли, всматривались в потоки данных, изучали загадочные движения денег и маны, связанные с процессом Софии, и не находили ничего обращенного к ним.

Фортрасты начали раньше других семей и первыми через это прошли. Однако в десятилетия после смерти Софии и Элмо Шепарда сканирование покойников стало такой же обыденностью, как погребение или кремация у предшествующих поколений. Миллионы других родственников тщетно ждали знаков из Вечности. Живые гадали, что происходит. У мертвых стерлись все воспоминания? Поначалу эта теория была популярна, но с годами выглядела все менее убедительной: души строили цифровой мир, похожий на тот, где жили прежде. Отсюда возникала новая гипотеза: Битмир – что-то вроде студенческого общежития, полного молодыми, красивыми, талантливыми и веселыми людьми. Он настолько интереснее Митспейса, что им и в голову не приходит искать контакта со скучными вонючими пережитками, все еще воплощенными в атомы.

Вопрос, почему мертвые не интересуются живыми, широко обсуждали в около-Екопермоновских кругах. Тысячи собирались в огромных аудиториях послушать доклады о таких концепциях, как РДО, или радикальный семантический отрыв, – эту идею запустил в баре на третьем Екопермоне Енох Роот. С тех пор она развилась в целое научное направление. Концепция состояла в том, что загруженные мертвецы не могли бы общаться с Митспейсом, даже если бы захотели, поскольку общая почва для такого общения отсутствует начисто.

Лишь одна форма связи – если вы согласны так это называть – действительно работала, и ею-то и пользовались с самого начала: «Провил». За два десятилетия с тех пор, как София и Матильда впервые ее показали, она постоянно улучшалась и теперь отличалась от той первой версии, примерно как цветные телевизоры 1970-х годов от рябящих черно-белых ящиков 1950-х. С любыми приличными очками дополненной реальности можно было облететь Ландшафт, увидеть его в цвете, с приличным разрешением, позволяющим различить тела, в которые облекли

себя души: по большей части гуманоидные, с небольшой долей крылатых существ и других типажей коллективной мифологии, утащенной за собой в Битмир. Можно было зависнуть над площадью в городе мертвых и смотреть, как они взаимодействуют: разговаривают, торгуют, дерутся и сношаются.

В зависимости от текущего коэффициента временного сдвига, иногда это происходило ускоренно, иногда замедленно. Когда у СЛЮЗА было для Битмира больше чем достаточно маны, время там бежало быстрее, чем в реальности. Мертвые превращались в размазанные промельки. Здания росли, а леса вырубались, как при покадровой киносъемке. Когда ИСОП – инфраструктура и системное обеспечение посмертия – проседала под нагрузкой, Битмир замедлялся до черепашьего шага. Можно было несколько часов смотреть, как ваша покойная бабушка идет через комнату. Инженеры СЛЮЗА вводили в строй новые квантовые компьютеры и прокладывали оптоволокно – коэффициент временного сдвига подскакивал. Однако это влекло новые загрузки и увеличивало спрос на ресурсы, замедляя его до ввода новых мощностей, и так далее и так далее. С перехода Софии и Элмо Шепарда в загробную жизнь маятник успел качнуться несколько раз. В среднем, впрочем, время в Битмире текло быстрее. Прошли сотни смоделированных лет. Чтобы рассмотреть происходящее, изображение приходилось замедлять. Когда маятник качался в другую сторону, время приближалось к паритету – то есть текло в обоих мирах одинаково. Зула от случая к случаю заглядывала в Битмир – отчасти из праздного любопытства, отчасти в надежде увидеть дочь.

Так обстояло дело со зрелищностью жизни мертвых в Битмире. Во многом она была заурядна до последней крайности. Только существовала одна частность, психологически важная для живых наблюдателей: мертвые были мертвы. Когда-то они были живыми людьми из плоти и крови. Теперь, по биологическим меркам, они умерли, однако, без сомнения, перешли в посмертие. И могли существовать там неограниченный срок.

Внезапно оказалось, что смерть – это не конец и каждый в теории может жить вечно. Ничего более важного человечество узнать не могло. Сопоставимым было бы доказательство бытия Божьего или открытие инопланетной цивилизации в другой звездной системе. Однако ничего такого не произошло.

Задним числом курьезней всего была постепенность, отсутствие «мига, когда это случилось». Примерно так же входил в мир Интернет: началось с кучки нердов, а десятилетия спустя люди младше тридцати уже не могли толком вообразить жизнь, в

которой нельзя мгновенно загуглить что пожелаешь. Задним числом стало ясно, что Интернет произвел революцию в человеческих делах, но постепенную, к которой современники приспосабливались мало-помалу. Века спустя людям – если тогда еще останутся люди – будет казаться, что все произошло в мгновение ока.

Лежа в кювете, Зула чувствовала, что все ее бросили: бывший муж, умерший дядя и умершая дочь, а также живые вокруг, так погруженные в деяния мертвых, что не удосуживаются глянуть из машины или из окна дома. У нее были с собой электронные устройства, так что она могла вызвать помощь, но не спешила это делать, потому что в кювете на нее снизошло странное умиротворение. Потом вода начала просачиваться под одежду, а коленки заболели по-настоящему.

Рядом остановилась полицейская машина и включила сине-красную светодиодную мигалку. Квартал опустел – обычные гражданские электромобили передали друг другу предупреждение. С уровня мостовой Зула не могла разглядеть, есть ли в полицейской машине люди. Оттуда выкатился робот размером с большую микроволновку и двинулся к Зуле на сложных треугольных агрегатах, которые иногда работали как гусеницы, иногда переваливались, словно нескладные колеса, а иногда ползли, словно пехотинцы былых времен под колючую проволоку. От него отделились два аэродрона, чтобы дать обзор с других ракурсов. Лицо на экране задало Зуле несколько вопросов с целью убедиться, что она не псих и не опасна. Зула не могла понять, с кем говорит: с видеотрансляцией живого человека, компьютерной моделью или сочетанием того и другого.

Подъехали еще машины. Из них вылезли люди, натянули перчатки, но делать ничего не стали, только смотрели, как к Зуле приближается другой робот – умные носилки-каталка с логотипом японской фирмы. Там давно задумались, как автоматизировать многие рутинные операции по поддержанию лиц старшего возраста чистыми и здоровыми.

Робот развернул многосуставчатые руки, очень ловко и аккуратно подсунул под Зулу тефлоновые ладони-лопаточки, поднял ее из кювета и плавно покатил в ближайшее медучреждение – оно было так близко, что не имело смысла грузить пациентку в машину. Здесь к ней впервые прикоснулись люди: дали болеутоляющее и сообщили, что у нее разрыв надколенных сухожилий обеих ног – довольно распространенная травма – и встанет она не скоро. Роботы прооперировали ее колени через отверстия столь малые, что их и пластырем-то

заклеивать казалось излишним. Еще до вечера Зулу выписали. Друзья и родственники пришли навестить ее в квартиру, где она жила уже больше сорока лет. Открытки и цветы начали загораживать обзор. Серьезно обсуждалось, не стоит ли ей продать квартиру и переехать в более плоскую часть города, ближе к офису Фортрастовского фамильного фонда. Или вообще закрыть офис, поскольку большинство все равно работало из дома, а совещания проводили в квазипространстве реальных тел, видеоконференции, роботов удаленного присутствия и дополненной реальности. Однако Корваллис и Зула по-прежнему ходили на работу каждый день, словно проверяя, кто первым сдастся.

Чем младше были друзья, тем сильнее они переживали за ее будущий образ жизни. И Зула понимала почему: для них главным было обеспечить качественное посмертное сканирование мозга, чтобы она жила вечно.

Так рассуждали нынешние люди. Не только полицейские, военные и пожарные делали все удаленно. Уже давно стало ясно, что некоторые действия – например, пойти в магазин за пакетом молока, – не стоят того, чтобы ради этого выходить из дома, парковать машину, ждать очереди в кассу. Удобнее заказать онлайн, а покупку доставит дрон. К тому же с победой над смертью появился фактор, который теперь называли «безопасностью мозга». Даже в самых благополучных сообществах поход в магазин чреват небольшим риском угодить в автомобильную катастрофу, а в тяжелой аварии может пострадать мозг, и жертва лишится возможности попасть в загробную жизнь. Лучше сидеть дома и по возможности обходиться удаленным присутствием. Сэкономленное время можно потратить на виртуальные прогулки по увлекательному миру, который Додж создал, Плутон усовершенствовал, а Эл захватил. Живые сидели по домам и призраками разгуливали по миру мертвых.

В недели после падения Зулу немного пугало, как мало угнетает ее невозможность ходить. Ей казалось, все должно быть куда серьезнее, но это лишь показывало, как сильно она застряла в прошлом. Зула родилась в эпоху, когда в ходу еще были костыли, инвалидные кресла и прочие средневековые ухищрения. Память о них попадалась на улицах до сих пор – покосившиеся пандусы и растресканные желтые бордюрные съезды. Зула имела доступ к практически бесконечному количеству денег и могла позволить себе лучших роботов-помощников в мире – устройства, которые поднимали ее и несли в туалет, держали под душем и так далее. Они даже одевали и раздевали ее. На разработку

алгоритма для застегивания лифчика наверняка ушли миллионы. В их библиотеках имелись программы, которые позволяли застегивать и расстегивать любые ожерелья, когда-либо изобретенные ювелирной промышленностью, спускать воду в бачках любой конструкции, поворачивать краны в самых отвратительно сконструированных душевых кабинах. Лестницы не составляли для них проблемы. Даже с ношей много тяжелее Зулы робот взлетал по лестнице быстрее, чем человек пробегал такое же расстояние по ровному месту.

Ее даже попытались снабдить бионическими ногами, которые удерживали бы вес и позволяли двигаться как на своих двоих. На это Зула не согласилась. При первой возможности она начала ходить самостоятельно, а робот, напичканный всевозможными функциями и более сложный, чем авианосец, заботливо поддерживал ее под локоток. По мере того как ее силы восстанавливались и различные медицинские препоны оставались позади, она перенастраивала робота, чтобы тот держался подальше и меньше отсвечивал. Под конец он уже таскался в пяти шагах за ней, словно андроидный лакей феодальной поры.

Зула уступила напору, продала квартиру на холме и купила плавучий дом на озере, на таком расстоянии от работы, чтобы каждый день проходить приличное расстояние. Если она правда спешила, то брала роботизированную лодку или роботизированную машину, всегда в сопровождении Франкенштейна, как окрестила своего лакея, ниндзя-телохранителя, застегивателя лифчиков и бегуна по лестницам. Тогда это не казалось такой уж большой жертвой.

В Митспейсе прошло еще пять лет. Зула полностью восстановилась, легко ходила и бегала, но все равно держала Франкенштейна при себе. Имя было слишком длинное и неудобное. Он стал Франком, а вскоре превратился во Фрэнка. В дизайне Фрэнка Зуле нравилось, что он не такой уж гуманоидный. Да, у него были руки и ноги, но совсем не человеческие – ноги гнулись в обратную сторону, как у собаки, а руки представляли собой генерализованные культи, выбиравшие различные «кисти» – совсем не похожие на человеческую кисть – из кобуры-карусели на «торсе». «Голова» была просто узкой командной рубкой, усыпанной крохотными линзами камер.

Другими словами, он ничуточки не походил на Метатрона, убившего ее дочь.

После трагедии выпуск той модели прекратили, скорее из-за пиара, чем из соображений безопасности, а через приличное время заменили другой, которая выглядела иначе, но все равно вызывала у Зулы посттравматический синдром всякий раз, как

такой робот вышагивал по улице или разворачивался из позы эмбриона в разгрузочном доке.

Однажды на семьдесят втором году жизни она с утра разрешила машине отвезти ее к врачу на Пилюли-хилл. Ничего срочного. Обычная профилактическая проверка из тех, что занимают довольно много места в календаре у людей ее возраста. По совпадению врач принимал в том же здании, где сорок лет назад случилось несчастье с Ричардом. Несмотря на это, Зуле не было особенно тяжело сюда входить, поскольку она увидела Ричарда уже в ближайшем отделении «Скорой помощи». Там-то беда и обрушилась на нее со всей силой.

Этого конкретного врача она посещала дважды в год. Каждый визит пробуждал мысли о Додже. Он вроде бы жил и умирал несколько раз. Нельзя было сказать наверняка, что он мертв. Процесс, запущенный по сканам его мозга, перестал функционировать несколько лет назад. Никаких его следов с тех пор не наблюдалось. Если бы он проснулся, они бы заметили. Последние два десятилетия дебит на счету Доджа составлял ноль долларов ноль центов. В пору наибольшего расцвета через него проходили миллиарды в месяц. Другими словами, сейчас он выглядел мертвым.

После визита к врачу они с Фрэнком сели в другую машину и поехали на работу. По пути, на повороте дороги, Зула увидела озеро Юнион. Живя на холме, она любовалась этим видом каждый день, но сейчас смотрела на него свежим взглядом. Вспомнилось университетское образование – Зула окончила геологический. Она думала о леднике, пропахавшем это озеро давным-давно. Мысленным взором она видела, как ледяной уступ крушит перед собой горы, и сравнивала его размеры с тем, что люди построили на оставшейся от него каменистой почве. Ей думалось, как молоды и как недолговечны все человеческие усилия в сравнении с геологией. Как скоро от них не останется следа?

Четыре лифта в здании фонда начали ломаться почти сразу после установки, поскольку молодая прижимистая Зула заключила контракт с самым дешевым поставщиком. Несколько лет назад их перестали чинить. Работал только один. Люди и гуманоидные роботы обычно поднимались по лестнице – в здании было всего шесть этажей, а тех, кто не мог столько одолеть, поднимали роботы. С небольшой помощью Фрэнка, который переключился в режим поддерживания под локоток, Зула поднялась на шестой этаж и вошла в помещение Фортрастовского фамильного фонда. Здесь ее ждали две неожиданности.

Первой был Корваллис Кавасаки. Вообще-то он ходил на работу неукоснительно, но сегодня появился впервые после смерти жены, с которой прожил тридцать восемь лет, Мэйв Браден-Кавасаки. Она скончалась три недели назад от сердечного приступа – какой-то аритмии. Ее, разумеется, отсканировали и загрузили. Си-плюс проживал обычные стадии горя, которые сейчас сильно изменились по сравнению с традиционными из-за сознания, что покойная в какой-то мере жива, здорова и – если приготовления Мэйв сработали – летает по Битмиру на крыльях.

Так что видеть его за столом в конференц-зале было радостно, хоть и больно.

Менее приятной была неожиданность номер два: напротив Корваллиса сидела последняя модель Метатрона. Сами по себе роботы удаленного присутствия никого не удивляли. Но большинство людей, ведущих дела с Фортрастовским фамильным фондом, понимали, что прислать сюда Метатрона – очень дурной тон.

Корваллис через стеклянную перегородку поймал взгляд Зулы, давая понять, что разговор требует ее участия. Так что она вошла. Робот сидел спиной к двери. Разумеется, роботам стулья не нужны, но так было принято. Зула обошла полстола, дружески стиснула Корваллису плечо и, пройдя у него за спиной, села напротив робота. Лицо у того было отключено. Корваллис говорил либо с человеком, желавшим остаться анонимным, либо с продвинутым искусственным интеллектом, заслуживающим человеческого обращения.

Другими словами, Зула почувствовала, что это исходит из центра элоподобной ненормальности в Зелрек-Аалберге.

Последний раз, когда она удосужилась посмотреть статистику, Эловы серверные парки ИСОП потребляли 31 % генерируемой на планете электроэнергии и он приступил к строительству орбитальной солнечной электростанции. Зула бы удивилась, если бы не тот факт, что Фортрастовские центры потребляли 11 % всей энергии на Земле и финансировали разработки в области орбитальных электростанций.

Чтобы генерировать столько маны, требовалось много электричества, и не только для компьютеров, но и для систем охлаждения, не допускающих их перегрева. Для этого существовали технологии, можно было изобрести новую технику, но не новые законы термодинамики. Любые системы охлаждения должны куда-то отдавать тепло – потому-то задняя стенка холодильника горячая. Думая в планетарном масштабе – а планируя системы, Маг 10 думать иначе было бесполезно, – инженеры ИСОП видели Землю огромным сферическим

холодильником, несущимся в космосе. Он будет получать энергию от Солнца и выбрасывать тепло во вселенную, направляя во мрак исполинские горячие панели.

В космосе трудно работать людям, но легко роботам. Значит, роботов нужно было строить, обслуживать, обеспечивать энергией и охлаждать. По сравнению с выработкой маны, флотами ракет, роями орбитальных электростанций и армиями роботов затраты энергии на то, чтобы кормить, одевать, согревать и развлекать убывающее население Митспейса, все больше и больше походили на статистическую погрешность.

Всем этим занимались. Консорциум успешно работал уже давно. За это время они успели нанять консультантов, сказавших, что название «СЛЮЗА» чудовищно и в работе с клиентами следует использовать более благозвучное «ИСОП». Корваллис вместе с коллегами из Зелрек-Аалберг отслеживал ситуацию по ИСОП, и, когда возникали мудреные проблемы – что происходило все реже, – их обычно можно было отложить до следующего Екопермона.

По крайней мере, так убеждала себя Зула, пока Метатрон не изложил свое дело:

– У нас есть свидетельства, что процесс, известный некогда как Мозг Доджа, перезагружен.

Зула глянула на Корваллиса, тот отрицательно мотнул головой.

– Он перезагружен, – настаивал Метатрон, словно сумел истолковать взгляд, которым обменялись люди, – и, более того, непосредственно вмешался в работу, стоившую Элу больших издержек.

– Откуда вы можете это знать? – спросил Си-плюс, и по тону чувствовалось, что он задает этот вопрос не первый раз. – Должны ли мы понимать, что вы каким-то образом возлагаете вину на нас?

Зула достала из сумки очки и надела. Она давно не проверяла баланс на Доджевом счету, так что не сразу вспомнила интерфейс, но, когда вывела его, там по-прежнему был ноль.

– Никакой активности нет, – сказала она.

– Так он и ускользнул от нашего внимания, – ответил Метатрон. – Он черпает ресурсы каким-то способом, который мы не можем отследить. Однако нет сомнений, что в системе действует некий новый – или очень старый – агент, чьи знания, цели и характеристики ологафически неотличимы от Доджевых. Нам стало известно о нем лишь недавно, но, вполне возможно, он прятался на виду много лет.

– И что? – спросила Зула. – Даже допуская, что это правда?

Однако ей хотелось верить, что это правда.

– И опять-таки, как вы можете это знать? – добавил Корваллис.

Метатрон как будто задумался перед ответом.

– Мы разработали более эффективные методы коммуникации между живыми и мертвыми, чем что-либо вам известное.

Теперь они на время умолкли и задумались. Говоря с безликим роботом, не проявляющим нетерпения и вообще каких-либо чувств, проще молчать, чем в обычном разговоре.

– Проводите спиритические сеансы? – спросила Зула. – Столы вертите?

– В годы перед своей смертью, – ровным голосом ответил Метатрон, – Эл, предвидя необходимость таких улучшенных каналов, вложился в исследования радикального семантического отрыва и возможностей его преодоления. Он заложил инфраструктуру для подобных коммуникаций и указал пути ее развития после его смерти. Эти средства несовершенны, однако позволяют установить, что последние действия вышеупомянутого процесса создали серьезные помехи для деятельности Эла, чрезвычайно важной не только для него, но и для вас.

Последние загадочные слова робот прояснить не удосужился.

– Можете вы рассказать подробнее об этой деятельности и как ей помешали? – спросил Корваллис и глянул на Зулу.

Они были знакомы так долго, что она угадала, о чем он думает и к чему задал свой вопрос.

Сейчас время в Битмире текло чуть медленнее, чем в Митспейсе. Несколькими месяцами раньше что-то произошло на территории дворцовой структуры, которую Додж выстроил, а Эл захватил. В стене образовалась дыра. Два процесса – аномальные – прошли в нее и не вернулись.

В Митспейсе это близко совпало по времени со смертью Мэйв. Зуле и Корваллису было не до того, да и в следующие траурные недели тоже.

Но если сейчас Зула правильно поняла Корваллиса – а обычно она его понимала, – он гадал, связан ли уход двух аномальных процессов с нынешними претензиями Метатрона.

– Прямое, спланированное вмешательство возрожденного процесса, идентифицированного как Ричард Фортраст, – сказал Метатрон, – буквально у Эла на заднем дворе, вмешательство в экспериментальную программу, которая разрабатывалась десятилетиями.

– Разрешите нам минутку поговорить. – Си-плюс уперся руками в подлокотники, собираясь встать.

Зула последовала его примеру. Однако Метатрон оказался

быстрее.

– Конечно. – Он встал и вышел из комнаты.

Корваллис глянул на Зулу.

– Два странных процесса, – сказала она. – В Саду, или что там это такое.

– Я считаю это опытно-конструкторской лабораторией, в которой Верна когда-то создавала новые самовоспроизводящиеся процессы, – сказал Корваллис. – Начиная с птиц и пчел. Два процесса, о которых мы сейчас говорим, гораздо более амбициозные проекты. Додж тоже как-то участвовал.

– Можем мы их отследить?

– Это единственное, что мы можем.

– Кто за них платит?

– Думаю, деньги идут из Земельных участков и Строений.

Корваллис говорил про бюджет, из которого ИСОП оплачивала моделирование Ландшафта, птиц, пчел, ветров и вод. Бюджет этот делился между Зелрек-Аалбергом и Саут-Лейк-Юнион по относительно несложной формуле.

– Надо будет еще раз проверить, – продолжал он. – Но в целом самовоспроизводящиеся процессы оплачиваются из Земельных участков. Может, оттого Эловы люди и бесятся.

– Почему ты так думаешь?

– Те два процесса, что несколько недель назад ушли из Элова заднего двора, по сложности сравнимы с человеческими. Если они способны к самовоспроизведению и могут породить себе подобных…

– И так далее и так далее, экспоненциально, – согласилась Зула.

Теперь все начинало проясняться. В физическом мире, где жили они с Корваллисом, имелось такое-то число живых. Актуарные таблицы показывали, сколько они проживут, что позволяло планировать дальнейшее расширение и поддержание ИСОП. Денежная сторона тоже была предсказуема. Сейчас большинство подписывалось на финансовый пакет – по сути страховой полис, гарантирующий, что после смерти их отсканируют и смоделируют в обмен на регулярные выплаты при жизни плюс финальный платеж по завещанию. Те, у кого не было средств на такие полисы, могли попасть в систему иначе, например работая охранниками, механиками, строительными рабочими. Так или иначе, все это рассчитывалось исходя из демографической статистики. Земельные участки и Строения были достаточно предсказуемой частью схемы. Да, птицы и пчелы самовоспроизводились, но их моделирование стоило не так уж дорого.

Самовоспроизводящиеся сущности человеческой сложности – совсем другое дело. Никто из мертвых не умел создавать новую жизнь, так что до сих пор такой проблемы не возникало.

– Вообще-то меня это давно заботит, – признал Си-плюс. – Я их регулярно проверяю. Как заботливый дядюшка. Смотрю на их скорость сжигания капитала.

– И?…

– Довольно долго это были монотонные пилообразные импульсы. Как поначалу у Мозга Доджа.

Зула по долгому общению с гиками знала, о чем речь. Про себя она называла такие импульсы «сизифовыми». Это напомнило ей о книге Д'Олеров, а значит, и о Софии.

– То есть они растут до какого-то уровня, затем падают до нуля.

– Снова и снова. Я перестал смотреть.

Однако по движениям его рук и глаз Зула видела, что сейчас он смотрит через очки последнюю статистику темпов сжигания. От воспоминаний у нее потекло из носа. Она вытащила из сумки бумажный носовой платок.

– Угу, – сказал Корваллис. – Шесть недель назад они оба пробили потолок. Стали потреблять гораздо больше ресурсов. И с тех пор потребление росло. Они вышли из Сада, спустились к Рассаднику, двинулись на запад и…

– Что?! Что такое?! У тебя такое лицо, будто ты привидение увидел.

– Да. Увидел, – сказал Корваллис. – С ними Мэйв. Она умеет летать.

Они снова пригласили Метатрона, гадая, что известно его удаленным операторам. Могут ли те отследить участившееся дыхание и пульс? Подслушивал ли робот через стену? Когда Си-плюс проверял статистику по беглым процессам и сопоставлял ее с данными Мэйв, оставил ли он в сети дорожку из хлебных крошек, по которой идут теперь Эловы ищейки?

Не для того ли прислали Метатрона, чтобы вызвать у них именно такое поведение?

– Зачем вы здесь? Что вам нужно? – спросила Зула, не давая Корваллису времени осложнить все еще больше.

– Я представляю интересы Эла, – сказал Метатрон. – И я здесь, чтобы четко заявить нашу позицию.

– В чем она состоит? – спросил Корваллис. – Мы будем признательны, если вы ее изложите.

– Мы считаем, что нынешние действия ВоЖда…

– Кого, простите?

– Возрожденного Ждода.

– Хорошо, продолжайте.

– Что эти действия, пусть и осуществляемые в чрезвычайно малом масштабе, имели очень значительные последствия. Что они враждебны и чреваты катастрофой. Короче, что они носят характер войны.

– Что? Ты правда произнес слово «война»? С твоей программой все в порядке? – резко спросила Зула.

– Моя программа исправна, и мой выбор слов тщательно обдуман и санкционирован высшей властью.

– «Высшей властью»! Вот так выбор слов! – фыркнула Зула.

– Ты – Эл Шепард? – спросил Корваллис.

Зула ощутила холодок потустороннего. С мертвыми не разговаривают. Мертвые *не хотят* с нами говорить. Им неинтересно.

По крайней мере, так всегда считалось. Мертвые утрачивают память; пьют из Леты и под черными тополями забывают прежнюю жизнь. Так скорбящие родные вроде Зулы заглушали боль от того, что мертвые вроде Софии не звонят домой. Однако в глубине души таилось подозрение, что все не так просто.

Корваллис настаивал:

– Говорю ли я сейчас с Элом?

– Нет, – ответил Метатрон. – Но качество связи между этим миром и тем, в котором живет Эл, достаточно высоко. Можете считать меня его представителем. Послом.

– Его аватарой, – сказала Зула. – Ангелом.

– Так кто теперь употребляет странные слова? – спросил Метатрон.

– Что вам здесь нужно? – спросил Корваллис. – Определенно вы хотели не только нас напугать. Я хочу сказать, если вы хотели проверить, как мы отреагируем на известие о Возрожденном Ждоде, то вы свой ответ получили. Мы очень удивлены. Вот наш ответ.

– Удивлены и очень сильно сомневаемся, – добавила Зула.

– А теперь, когда вы это знаете, не могли бы вы встать и уйти? – продолжал Корваллис.

– Из упомянутого следуют вопросы, которые составляют конституционный кризис для ИСОП и не могут ждать разрешения до следующего Екопермона, – сказал Метатрон.

– Мы слушаем, – ответил Корваллис.

– О, вы сами все прекрасно видите, – проговорил Метатрон, впервые выказывая вполне человеческие чувства. – Все проблемы вытекают из первой. Я их кратко обозначу, просто чтобы нам определиться с повесткой дня. У нас есть самовоспроизводящиеся

процессы, способные в теории к экспоненциальному росту. Будут ли они оплачиваться из Земельных участков и Строений? Мы не готовы возмещать львиную долю – да, кстати, и вообще никакую долю – издержек, вызванных неограниченным размножением таких процессов. Мы честно старались подавить проблему в зародыше, но наши усилия саботировал ВоЖд – почти наверняка в сговоре с Софией. София, хоть и умерла, остается держателем токена с особыми полномочиями – благодаря беспрецедентным шагам, которые вы предприняли при ее загрузке.

– О боже, неужели мы снова к этому возвращаемся? – воскликнула Зула.

– А мы тем временем сталкиваемся с недостатком маны для полного воплощения наших клиентов. Приоритет должен быть отдан им – а не новым самовоспроизводящимся процессам.

– Что за фигня! Их всего двое, и они еще не воспроизводятся! – возмутился Корваллис. – Сейчас это чисто теоретическая проблема.

– Их сопровождает ваша покойная жена. Мы находим это примечательным.

– Имейте совесть! – воскликнула Зула. – С ее смерти трех недель не прошло!

Однако Корваллис сохранял спокойствие. В наступившей тишине он некоторое время смотрел в окно на озеро.

– Я никогда не понимал, как вы на самом деле относитесь к поэтапному воплощению, – сказал он наконец. Речь шла об их временной мере – загружать процессы в ресурсосберегающем режиме. – Сейчас вы жалуетесь, что вам не хватает маны на полноценную загрузку каждого процесса. Но я помню Ком и помню, как он восхитил Эла. Вам никогда не нравился Ландшафт – то, что Додж создал его по подобию нашего мира. Не нравилось, что души строят себя и свою жизнь по нашему образцу. Вы нацелились на что-то совершенно иное. Небеса два-ноль. Это мне очевидно. Но я понятия не имею, какими вы их воображаете.

– Ваши домыслы касательно наших мотивов и устремлений по-своему интересны, – заметил Метатрон, – но совершенно ошибочны и не имеют отношения к делу.

– «Конституционный кризис»? – проговорила Зула.

– Даже имеющиеся процессы создают для Ландшафта непосильную нагрузку, – сказал Метатрон. – Они допускают ошибки, которые мы уже делали в Митспейсе. Им нужно руководство.

– Мы должны им говорить, что делать, – сказала Зула. Не соглашаясь. Просто расшифровывая слова Метатрона.

– Именно так.

Часть 9

45

За те месяцы, что Адам с Евой обитали на холме, ходили по морю травы и исследовали долину с волками, они иногда примечали в траве или в развилке дерева облачка ауры. Обычно те были с кулак и невидимы, если смотреть прямо. Их можно было различить краем глаза, а их присутствие подтверждала легкая дрожь во всем теле, ощущавшаяся, если близко поднести руку. Однако их нельзя было ни тронуть, ни разглядеть по-настоящему – они были скорее отсутствием, чем присутствием формы. Некоторые, посильнее, излучали слабый свет. Они появлялись и пропадали, а если безлунными ночами смотреть на них с вершины холма, то казалось, что они медленно плывут на запад, к лесистой долине, как будто их тянет алое свечение в ночном небе.

Маб объяснила, что это новые души, которые пришли в мир недавно и еще не обрели устойчивую форму. Те, что явились в мир через Улей у подножия Элова Дворца, обычно принимали форму ячеек и присоединялись к тем, кто появился здесь раньше. Но другие, как сама Маб, начинали жизнь такими вот одинокими облачками и могли какое-то время носиться по воздуху над Землей, прежде чем оформятся. Для новорожденных душ естественно тянуться к старожилам, вот почему Адам и Ева наблюдали ночами их движение к западу – новые души чувствуют город в той стороне.

Ночью на дереве они не видели блуждающих душ из-за яркого костра, который развели для защиты от диких зверей. Однако наутро, поднимаясь из долины к холмам, отделяющим их от города, они то и дело замечали комочки ауры или ощущали их близость пальцами ног. Позже Адам и Ева увидели белую каменную башню на хребте и дальше смотрели только на нее – а позже на город, когда тот открылся им с высоты: бессчетные крыши, дымящие трубы и открытый огонь. Впрочем, ближе к вечеру Ева начала оборачиваться, проверяя, нет ли волков, и увидела, что за ними следуют не волки, а десятки плывущих по воздуху новых душ.

Башню на хребте, видимо, строили, громоздя отесанные камни один на другой, пока не добились желаемой высоты. Чем ближе Адам с Евой подходили, тем меньше она напоминала Дворец, но ясно было, что строители подражали величественному Столпу Эла. Башня была много выше Адама и Евы – примерно как огромное ореховое дерево на вершине гостеприимного холма. Нижняя ее часть представляла собой конус, вкруг которого вился

узкий подъем, дальше она становилась квадратной и вертикальной, с колоннами и арками, как у дворца. Три таких уровня, каждый меньше предыдущего, венчались маленькой плоской крышей, на которой горел огонь. Адам и Ева знали теперь, что огонь надо кормить. И впрямь, другие души, обликом примерно как они, поднимались по лестнице с вязанками хвороста.

– Во имя Эла, добро пожаловать в Элохрам! – приветствовала их душа, стоящая неподалеку от основания башни. Как и души с вязанками хвороста, говоривший размером и обликом был сходен с Адамом и Евой. Его длинное одеяние, возможно, было когда-то белым, но потемнело от дыма и копоти. Не будь оно таким грязным, оно, возможно, напоминало бы облачение некоторых воинов Эла.

– Мы бы принесли дров для вашего огня, – сказал Адам, – если бы раньше догадались, что они нужны. Но когда мы это поняли, мы были уже там, где хвороста нет, потому и пришли с пустыми руками.

– Ничего страшного! Эл не обидится! – ответил мужчина в длинном одеянии. – Тем более что, как я вижу, вы привели с собой множество новых душ, дар куда более любезный Элу, чем хворост для его вечного огня.

– Они не наши, и мы не можем их дарить, – сказала Ева. – Они просто следовали за нами.

– Они стекаются сюда отовсюду, – молвил мужчина, – но редко сразу в таком числе. Сдается, Эл благословил вас способностью притягивать их к себе.

– В земле на востоке мы порой видели, как они плывут в эту сторону, – сказал Адам, – только не понимали почему.

– Что ж, теперь понимаете! – Мужчина кивнул на башню. – Хвала Элу!

– Правда? – спросила Ева. – Мы видим их и видим твою башню с голодным пламенем, однако мое любопытство еще не насытилось, поскольку я не знаю, что творится здесь с новыми душами.

– Так идем, и увидишь! Идем, и увидишь! – Мужчина поманил их за собой. – Я – Глядящий на Восток, и я здесь верховный жрец.

Адам и Ева назвали свои имена, ибо так, видимо, полагалось делать душам при знакомстве.

– Мы не знаем, что такое «жрец» и почему ты у них верховный, – сказала Ева. Она по привычке обернулась, ожидая увидеть Маб, которая часто объясняла им непонятное, однако фея куда-то подевалась.

– Это значит просто, что я ношу в голове много знаний касательно Эла и разъясняю такие вопросы душам, нашедшим дорогу в храм. – Произнеся это незнакомое слово, он кивнул на белую башню, до которой они уже почти дошли.

– Так ты часто беседуешь с Элом? – спросил Адам.

Они с Евой переглянулись. У обоих мелькнула одна мысль: возможно, Глядящий на Восток слышал их историю от самого Эла или от кого-нибудь из ангелов.

Вопрос как будто смутил Глядящего на Восток.

– Нет, конечно нет, если вы о такой беседе, как сейчас у меня с вами. С Элом не говорят. Возможно, так бывало до Переселения, но мало кто помнит те времена.

– Мы не знаем, что такое Переселение, – сказала Ева.

– Так появился Элгород, – ответил Глядящий на Восток. – В стародавние времена все души обитали в мире и гармонии у подножия Элова дворца. Покуда Эл в другом месте занимался своими делами, власть временно захватил Узурпатор. Он был жесток и могуч. Он метал молнии из Дворца. Все обитавшие внизу души рассеялись в страхе перед его яростью. Наши пращуры пошли на запад, пересекли реку и поселились в долине, которую вы видите под хребтом. Там они укрылись от ярости Узурпатора. Потом Эл вернулся, забросил Узурпатора с его клевретами на небо и заново отстроил Дворец, каким вы его сегодня видите. Мы воздвигли храм на высоком месте, чтобы Эл и Эловы ангелы, глядя с облачных седалищ, видели, как мы его чтим.

Адам и Ева вошли за Глядящим на Восток в помещение, которое занимало почти весь нижний этаж башни. Оно было квадратное, никак не украшенное и пустое, если не считать двух каменных изваяний, мужского и женского. У обоих было то же число и расположение конечностей и внешних органов, как у Адама с Евой, да и у самого Эла.

Некоторое время Адам и Ева молча разглядывали изваяния.

– Сии облики Эл в своей мудрости нам определил. Новые души стекаются на свет костра. Здесь они созерцают эти облики и формируют себя соответственно, выбирая мужской либо женский вид по зову своей природы.

Теперь, когда глаза привыкли к полутьме, Адам и Ева различили вокруг множество аур, одни покрупнее и более оформленные, другие маленькие и неопределенные. Они были не разбросаны как попало, а окружали изваяния широким кольцом, как будто смотрят внутрь. Теперь тут стало довольно тесно, поскольку вслед за Адамом и Евой вплыли новые души и каждая выискивала себе место поудобнее.

– Новые души создадут себе положенные формы, одни раньше, другие позже, ибо Эл положил всем развиваться с разной скоростью. Но однажды они достигнут такого совершенства.

И Глядящий на Восток с блаженной улыбкой простер руку к изваяниям.

Адам и Ева не видели в них особого совершенства – обе фигуры были грубые, с невыразительными чертами.

– Должен с прискорбием заметить, – продолжал Глядящий на Восток, – что вам обоим это уже не удастся.

– О чем ты? – спросил Адам.

Тон и взгляд у Глядящего на Восток стал как у Эла, когда тот брался развеять какое-нибудь их особо глупое детское заблуждение.

– По воле Эла душа, принявшая конкретную форму, почти не меняется. Да, упорными трудами можно достичь мелких улучшений. Но я пытаюсь объяснить, что вы формировали свой облик в диких краях за рекой, без *таких* образцов для подражания, а значит, ваши ошибки и уродства, как ни печально, закрепились *навсегда*. Вы никогда не достигнете подобного совершенства.

И он вновь указал на статуи с тем благоговением, какое ангелы выказывали Элу. Потом обернулся к Адаму и Еве и скривился, как они сами, когда впервые ощутили вонь собственных испражнений.

На какое-то время оба утратили дар речи. Адам чувствовал, что Еву распирает от злости, поэтому ласково взял ее за плечо и сказал:

– Мне не верится, что такие формы и впрямь предписаны Элом для всех будущих душ. Их несовершенство видно с первого взгляда. У женщины левая грудь изуродована выщербиной. Рука отломана и приделана обратно кое-как. У мужчины лицо несимметричное, правый глаз…

Тут Адам умолк, потому что Ева ухватила его за руку и ущипнула. Проследив ее взгляд, он запоздало увидел, что правый глаз у верховного Элова жреца ниже левого – в точности как у мужского изваяния.

– Не вам, невежественным уродам из диких краев, рассуждать, что предписано Элом. – Его скособоченный взгляд устремился на новые души. – Хорошо, что они попали сюда до того, как на них всерьез повлиял облик вас двоих.

– Можно просто спросить его, – сказала Ева.

Адам понимал, что она имеет в виду: «Можно просто спросить Эла». Но теперь настал его черед призвать ее к осторожности. Что-то в речах жреца подсказывало, что тот

никогда не видел Эла и не разговаривал ни с Элом, ни с кем-либо из ангелов.

– Прости мои неосторожные слова, – сказал Адам. – Меня смутило, что я не вижу здесь ни одной души, которая бы далеко продвинулась к определенному облику.

– Такие переходят на следующий уровень, – объяснил Глядящий на Восток и поманил их за собой на лестницу.

На втором этаже не было изваяний, но стены оказались расписаны изображениями мужчин и женщин, очень похожих на двоих внизу. Эти мужчины и женщины добывали камень, сажали растения, протыкали копьями волков, стряпали еду и спаривались. Души, числом около десяти, довольно близкие к завершенной форме, смотрели на стены и повторяли то, что там изображалось.

– Так они познают созданный Элом мир, дабы прийти в Элгород не нахлебниками. Другие, больше и лучше сформированные, идут вместе со жрецами Эла в город или в холмы и там совершенствуют свои умения.

– А третий этаж над нами? – спросила Ева.

– Он для меня и для других жрецов Эла, – ответил Глядящий на Восток. – Туда вход воспрещен.

– Так что случается с новыми душами?

– Когда они полностью оформятся, то спускаются в Элгород и находят там себе занятие.

– А кто носит хворост? – спросил Адам.

– Ты задаешь очень много вопросов, – сказал Глядящий на Восток, удивив Адама и Еву таким замечанием. Впрочем, после неловкой паузы жрец все же ответил: – Элгород, как явствует из названия, выстроен для служения Элу. Все его жители носят хворост для огня и помогают жрецам исполнять Элову волю.

Разговор, похоже, окончился. Оставаться Адаму и Еве здесь было негде, да и незачем, так что они повернулись спиной к Элохраму и зашагали вниз по дороге, петляющей по склону холма. Город они скорее обоняли, чем видели. Влажное марево висело в безветренном воздухе, подсвеченное изнутри алыми огнями костров. От него сильно тянуло дымом и, послабее, испражнениями. Элгород лежал под ними неправильной сетью; через город текла река, и улицы повторяли очертания ее берегов. Адам и Ева, выросшие в Саду, впервые видели улицы и дома, но Маб на спуске объяснила им эти новые понятия, и в город они вступили, уже зная, что это такое.

– Когда мы росли в Саду, – заметил Адам, – то задавали Элу и его воинам много вопросов, и нам охотно отвечали. А этому Глядящему на Восток наши вопросы совсем не понравились.

– Насчет Глядящего на Восток ты прав, – сказал Ева, – но про Сад мне помнится иначе. Да, когда мы были маленькими, Эл с удовольствием отвечал нам, как называются цветы и все остальное, но в последнее время ему очень не нравилось, что мы спрашиваем про Весну и других бета-богов.

– Твоя правда, – согласился Адам. Некоторое время они молчали, преодолевая трудный отрезок дороги. – Может, и к лучшему, что разговор закончился, а то я уже хотел поправить Глядящего на Восток.

– В чем? – спросила Ева. – Почти все его слова хотелось поправить.

– Насчет нашего с тобой облика. Глядящий на Восток утверждает, что обычная форма душ – две ноги, две руки, голова, лицо и все остальное – предписана Элом. Но Эл сам сказал, что не он нас сотворил, а Весна с помощью Ждода. Эл явился позже. Вовсе не Эл создал нашу форму – мою, твою, Глядящего на Восток и всех остальных жителей города.

– А если бы создал, она была бы посовершенней грубых изваяний в храме, – заметила Ева. – Что ни говори про Эла, творения его симметричнее и красивее того, что мы видели здесь.

– Для живущих внизу, – напомнил Адам, указывая на город, – они прекрасны, а мы уродливы. Надо привыкать, что на нас будут смотреть как тот жрец.

По элгородским домам было понятно, как их строили: иногда складывали прямоугольные бруски один на другой, пока не становилось ясно, что добавь еще один – все рухнет, в других случаях проделывали то же самое с поваленными деревьями. Когда громоздить камни или бревна еще выше становилось опасно, их накрывали деревянным каркасом и травой для защиты от снега и дождя. Адам и Ева сперва недоумевали, где горожане добыли столько деревьев и одинаковых камней. Однако, пойдя на алое зарево, они вскоре узнали ответ. В центре города, на берегу реки, было сложено множество поваленных деревьев. Они служили топливом для огромных костров, которые горели в каменных коробах размером с дом. Землю с берегов реки месили вместе с водой, лепили из нее бруски и убирали в огненные короба, где они становились твердыми. Черный песок с другого участка реки плавили и превращали в металл, а из металла делали орудия для рубки деревьев. Эти огни горели день и ночь. Топливо, чтобы их поддерживать, добывали так: валили деревья где-то в другом месте и сплавляли по реке.

За первые часы в Элгороде Адам и Ева узнали множество всего о том, как души вместе живут, вместе работают и строят.

Им было так интересно, что они не вспоминали о голоде и усталости, пока не занялась заря нового дня и над белой башней Элохрама не поднялось солнце. Но тогда Ева, положив руку на выпирающий живот, объявила, что ужасно устала и хочет есть.

Еду работникам ставили на длинные столы на открытом участке возле больших огней. Почти вся она была Адаму с Евой незнакома. Жители Элгорода умели печь круглый плоский хлеб и мазать его медом, а еще у них были яблоки и другие плоды, которые Адам и Ева знали по Саду. В целом горожане ели гораздо лучше, чем привыкли они сами; здесь не было дичи, но была рыба из реки и большое разнообразие растительной пищи. Пришельцам в еде не отказывали, потому что работающих у печей и горнов кормили от пуза. Адам и Ева быстро освоились и начали помогать работникам. Учились они быстрее, чем другие новые души, и могли взвалить на себя более тяжелую ношу. Судя по всему, они и умственно, и телесно превосходили души, вышедшие из Элохрама. В дыму и отблесках пламени это было не так очевидно, как теперь в свете утра. Адам и Ева, высокие, едва прикрытые шкурами мелких зверьков, постоянно ловили на себе взгляды кособоких лиц, более или менее похожих на изваяния в храме. Никто из горожан не захотел сидеть с ними за столом, так что они устроились на дальнем конце скамьи из расколотого ствола и наелись досыта. От этого накатила дремота, особенно на Еву, которая с тех пор, как у нее начал расти живот, спала все больше и больше.

Они не думали, где лягут спать, потому что привыкли ложиться где захотят. Сейчас они тщетно оглядывались в поисках дерева или лужайки. То было обычное затруднение новых душ, не успевших построить себе дома. Им было отведено место под большим навесом с очагами, в которых для защиты от холода постоянно горел огонь. Адам и Ева легли рядом возле очага и проспали до вечера, когда Еву разбудил голод и потребность справить нужду. Так они узнали, как это делается у горожан. Все испражнялись в большие общие чаны; когда те наполнялись, их выливали в реку.

За вечерней трапезой к ним подошла душа, больше похожая на них, чем на горожан.

Мужчина, как и они, был выше всех в Элгороде и правильно сложен. Вокруг порхала едва различимая в вечернем свете Маб, направляя его к Адаму и Еве.

– Я – Скиталец, – объявил он.

– Адам и Ева, – ответил Адам и за себя, и за спутницу, у которой рот был набит хлебом.

Мужчина смерил их взглядом, словно проверяя, и впрямь ли

они не такие, как прочие здешние души. Они тоже внимательно его разглядывали. Судя по суровости его лица, он явился на свет в незапамятные годы назад и многое с тех пор повидал.

– Давно ты живешь в Элгороде? – спросила Ева.

Ибо Скиталец отличался обликом от горожан, но одежду носил из такого же пряденого волокна, и, хотя привлекал взгляды, большинство горожан смотрели на него без любопытства.

– Я тут поселился, когда его еще не было, а прежде жил в Первом городе. – Он оглядел их с головы до пят. – Да и вы, судя по виду, – только я вас не припомню, а знал там каждую душу.

– Мы никогда прежде не бывали в городах и сюда пришли только вчера, – сказал Адам.

– А где Первый город? – спросила Ева. – Если есть еще такие же, может, нам стоит…

– Его больше нет, – ответил Скиталец. – А раз вы этого не знаете, то история, как вы сюда попали, должна быть воистину необычной.

Адам пожал плечами:

– Нам она кажется вполне заурядной. Но из того, что мы видели в храме и у реки, должен признать, что здесь ее сочли бы необычной.

– Мои друзья не сочтут, – пообещал Скиталец. – Если хотите, идемте со мной в Стан.

И он поглядел за реку.

На западном берегу тоже были печи, горны и дома, но не столько, сколько на восточном, и поменьше размером, более старые на вид. Скиталец переправил их через реку в лодке – гребя веслами или отталкиваясь длинным шестом, в зависимости от глубины. От реки они довольно быстро поднялись на холм, застроенный бревенчатыми домами древнее тех, что на восточном берегу. Несколько больших деревьев не вырубили, так что в Стане, как называл это место Скиталец, Адам и Ева вновь почувствовали себя в лесу – только без волков.

Стан разбили на плоской вершине холма. В центре его было углубление, откуда ведрами черпали воду, а вокруг вытянутым кольцом стояли самые древние дома. Те, что поновее, располагались дальше, но их общее число не превышало двадцати. По большей части они состояли из единственной комнаты с очагом, лежанкой и столом. Жилище Скитальца было такое же, а еще он добавил к дому покатый навес на столбах из вбитых в землю тонких стволиков. Все крыши густо покрывали прелые листья, мох и трава, из которой пробивались другие

растения, так что казалось, будто холм поглощает жилища.

На крыльце, как Скиталец называл место под навесом, был небольшой очаг, и там еще тлели угольев. Адам и Ева догадывались, что, пока они спали, Маб разыскала Скитальца и убедила забрать их с другого берега. Сейчас он подбросил дров и начал греть воду в емкости из кованого красновато-бурого металла. Адам и Ева сидели рядом на скамье и разглядывали центральную часть Стана. Они знали, что находятся на холме, но дома и деревья почти заслоняли обзор. Вдалеке различался Элохрам, но все, что дальше на востоке, закрывал хребет. Они ничуть не огорчились, что не видят далекого Элова Дворца, а тот не видит их. По большей части они разглядывали Стан и немногочисленные души, ходившие между домами. Те в основном имели тот же облик, что Адам, Ева и Скиталец.

– Они, наверное, тоже пришли из того места, о котором ты говорил. Из Первого города, – заметила Ева.

– Да, – ответил Скиталец. – А некоторые поселились здесь еще до того, как возник Первый город. Вот, например, Каирн.

Скиталец вроде бы указывал на пирамиду буровато-серых камней в другом конце Стана. Она сплошь поросла густым мхом, так что, казалось, стоит тут давным-давно. Однако в следующий миг она вытянулась вверх, стряхнула палые листья и зашагала под деревья тяжелой раскачивающейся походкой. Адаму и Еве вспомнилось, как холм шел по равнине спасать их от волков.

– Другие напоминают цветы или деревья, – добавил Скиталец, – а некоторые ходят на четырех ногах. Они, впрочем, предпочитают глухие места. Но я, как и другие, появившиеся примерно в одно время, брал за образец Стража и остальных членов Пантеона.

– Сколько же интересного вы, наверное, можете рассказать про то время! – воскликнула Ева.

– Только некоторые из нас. Многие забывчивы. Вон та женщина с ведром – она старше меня, а помнит меньше.

– Если ты не забывчив, не мог бы ты рассказать нам о Первом городе и о том, как появились Элгород и Стан? – попросила Ева.

Скиталец уже вскипятил воду и бросил в нее какие-то сухие листья, очевидно с намерением позже разлить ее в три емкости поменьше.

– Души являлись, как и сейчас, но ничего этого не было.

– Стана?

Он помотал головой:

– Земли. Всей Земли. В те дни была только обсаженная деревьями улица. Число душ росло, и Ждод время от времени спускался и создавал дома. В них мы и жили.

– Ты хорошо знал Ждода?

Скиталец вновь помотал головой:

– К моему появлению он уже окружил свою обитель стенами, а Страж, как понятно из имени, не впускал туда городские души. Ждод много времени проводил вдалеке, в местах, о которых мы ничего не знали. Мы видели, как он машет огромными крыльями, пока не исчезнет за горизонтом. Из этого я понял, что существуют другие места, не менее интересные, чем Первый город. Однажды я вышел из города и шел, и шел, и шел, а здесь остановился. Тут мне понравилось больше, чем в городе, где стало тесновато.

– А волки на тебя нападали? – спросил Адам, а Ева в то же мгновение спросила: – Что ты ел?

– Это было до употребления пищи и до волков, – ответил Скиталец. – И то и другое появилось позже. Я после долгого времени вернулся в город и увидел, что все что-то кладут себе в рот и срут с другого конца, что объясняло вонь, которую восточный ветер доносил до меня в предыдущие дни. Я и сам стал едуном и сруном. Потом Весна создала различных тварей, в том числе тех, что склонны поедать нас.

– А Весну ты знал? – спросила Ева.

И вновь Скиталец помотал головой:

– Никто из нас не видел Весну – только ее творения. Она никогда не бывала в Городе. Говорят, во время Падения она трудилась над созданием двуногих существ, таких как мы. А что сталось с Пантеоном дальше, мы, разумеется, не знаем.

Все это было так интересно, что Адам с Евой растерялись, какие вопросы задать. Скиталец разлил горячую бурую жидкость из большой емкости в маленькие и показал, что это можно пить, если они захотят. Свою емкость он взял осторожно, как будто та может укусить. Огонь вложил в жидкость очень много жара.

– Падение? – спросил Адам.

– Старых богов, – ответил Скиталец и, поскольку они не поняли, добавил: – Ждода и его Пантеона, когда Эл явился во славе со своим воинством и зашвырнул их на небо. – Несколько мгновений он смотрел на Адама и Еву, потом рискнул отхлебнуть. – Вы и впрямь откуда-то издалека, коли не слышали этой истории.

Ева покраснела:

– Мы вовсе не так невежественны. Мы знаем, Эл живет со своим воинством во Дворце, высоко в облаках над гудящим ульем душ. Мы знаем, что Ждод, Весна и другие члены Пантеона были первыми, что Эл их вышвырнул и они всячески ищут пути вернуться.

– Правда? – воскликнул Скиталец. – То, что ты сейчас

сказала, чрезвычайно важно, однако ты говоришь об этом со всей уверенностью, хотя многое другое вам неизвестно.

Оба не знали, как ответить, поэтому отхлебнули горячего напитка.

– О Падении знают все, – сказал наконец Скиталец, – и я не стану умалчивать о том, что легко узнать. Первый город превратился в нечто вроде Улья и вырос почти до размеров Ждодова Дворца. Светозарной молнией обрушил он Улей. Уцелевшие души рассеялись по всей Земле. Говорившие на одном наречии ушли в одну сторону, на другом – в другую. Я увел часть сюда, в место, которое знал по моим скитаниям. Мы прошли по морю травы и спустились в долину, где ночью напали волки; мы отбились от них орудиями, какие нас научил делать Делатор, и продолжили путь. Поднялись по восточному склону вон того хребта и ненадолго остановились, потому что я заблудился, пока мы спасались от волков.

Я стоял на хребте, глядя на запад в долину. Внезапно спину мне обдало жаром, и я увидел, что повсюду пролегла глубокая тень от нового света ярче солнца. Мои спутники изумленно восклицали. Я обернулся. Лучезарный Эл опускался на вершину Столпа над развалинами Города и улья. Мы увидели вспышки, словно блики солнца на бурной воде, а затем – Ждода и Пантеон, заброшенных в небо. Они сгорали, падая прочь от созданной ими Земли, пока не ударились о твердый небесный свод, а ударившись, пробили его, и он занялся огнем. Он пылает до сих пор, и вы можете это видеть в ясные ночи.

– Алая Паутина! – воскликнула Ева.

– Это называют по-разному. Ваше название не хуже других, – сказал Скиталец. Его напиток немного остыл, и он отпил большой глоток. – Таким было Падение старых богов. Я повернулся спиной к сиянию, которое многие объявили сиянием славы, и с большей частью моего отряда спустился в долину, где мы основали Стан. Но одна из нас, по имени Медвяна – она когда-то была моей возлюбленной, – захотела остаться на хребте и любоваться сиянием Эла, так оно ее заворожило. Она и построила Элохрам. Многие души стекались туда и, обретя форму, приходили в долину. Мы в Стане учили их рубить деревья, разводить огонь, плавить металл, обжигать кирпичи, а также многим другим ремеслам, полученным от Искусницы и Делатора. Так появился Элгород.

Его слушатели задумались.

– Мы не видели Медвяну в храме, – сказал Адам.

Скиталец кивнул:

– Медвяна передала Элохрам жрецам, которых воспитала и

обучила, а сама ушла через море травы к Улью и башне Эла в надежде обрести там счастье.

– Как давно было Падение? – спросила Ева. – Сколько стоит Стан – как много зим прошло?

Скиталец глянул на мужчину, который шел по Стану с бревном на плече.

– Спросите его, и он скажет – всего несколько лет, ибо он забывчив. Если хотите узнать точное число, вам надо пойти на запад и разыскать Пест, старую душу, которая записывала хронику всего, что видела. Сам я долго не считал годы, и много их минуло, прежде чем я стал делать зарубку на стене дома каждый год, как большое дерево сбрасывает листья. Я как раз собирался сделать это сегодня утром, когда появилась ваша спутница, Маб. Можете пойти со мной и сосчитать – зарубки будут ответом.

При этих словах Скиталец достал из-за пояса стальной нож и проверил лезвие ногтем. Потом встал, распахнул дверь в свое жилище и оставил ее открытой на случай, если Адам и Ева захотят войти следом.

Они вошли и поначалу почти ничего не увидели, потому что свет проникал лишь в два маленьких отверстия. Стены из обтесанных древесных стволов были сизыми от времени. Когда глаза привыкли к полумраку, Адам и Ева увидели множество вертикальных зарубок на расстоянии меньше пальца одна от другой. Не все бревна были в таких пометках, но на большинстве они шли от стены до стены. Пока Адам с Евой смотрели, Скиталец провел пальцем по одному бревну и нашел место, где зарубки кончались. Здесь он и принялся работать ножом.

– Еще год минул, – заметил он.

Скиталец нашел в Стане ветхий дом, где никто не жил, и в следующие недели научил Адама и Еву обтесывать бревна и крыть крышу. Они починили те части дома, которые подгнили от дождей, и приготовились зимовать. Живот у Евы по-прежнему рос. Она стала ненасытной, но, даже поев, предпочитала не работать, а отдыхать либо сидела дома и упражнялась в ремеслах, которые Скиталец возводил к члену Пантеона по имени Искусница. Адам и Ева ходили уже не в звериных шкурках, а в шитой одежде из тканой материи. С жителями Стана и Элгорода Ева почти не общалась. Маб все время проводила с ней, делясь знаниями о ремеслах и другими сведениями. Адам возил из-за реки бревна, кирпичи и всякие разности для Евы; за это он работал у печей для обжига и у горнов на берегу либо присоединялся к дровосекам, отправлявшимся выше и ниже по

течению.

Чуть выше города сливались три реки. На расстоянии, которая душа может пройти за день, все деревья по их берегам давно вырубили. То же и вниз по течению. Когда город только построили, а зарубок на стенах в доме Скитальца было гораздо меньше, добывать бревна было значительно проще.

Адаму и Еве очень повезло, что у них был теперь собственный дом в Стане. На берегу Адам узнавал некоторые души, которые они с Евой видели в свой первый день в Элгороде. Даже сейчас, несколько месяцев спустя, у них своего жилья не было и не предвиделось. Некоторые сбивались в отряды и уходили вниз по реке или через западные горы в надежде найти место получше. Из них одни не возвращались, другие приходили, оголодавшие, и рассказывали о далеких городах, о тамошних диковинных обычаях и невероятно странных воззрениях на Эла и все прочее.

Адам завел привычку сидеть с ними за едой и слушать их рассказы. Они с Евой не забыли, что еще в Саду задумали обойти Землю и разыскать свою мать, Весну. Истории путешественников не внушали надежды, что Весну и других бета-богов легко будет отыскать.

Средний и восточный рукава реки сходились у основания холма, лес на котором давным-давно свели за исключением одного исполинского дерева на вершине. Теперь оно стояло одиноко, и его было видно издалека. На стволе по-прежнему болтались обрывки веревок, брошенных прежними дровосеками, а к воде по-прежнему вела раскисавшая в дождь колея, по которой бревна некогда тащили к реке, где связывали в плоты. На дереве сохранились зарубки – его много раз безуспешно пытались свалить.

Адам работал не каждый день, но, когда работал, вставал на заре, шел к реке и переправлялся на какой-нибудь из лодочек, постоянно сновавших туда-сюда. Работники на другом берегу видели его заранее. Он был выше их и, когда наловчился орудовать топором, стал рубить быстрее, чем любые двое горожан. Обычно его поджидали загодя и начинали зазывать к себе, как только лодка приближалась к берегу.

Впрочем, однажды Адам спустился из Стана и увидел, что лодка ждет его прямо на западном берегу. Владел лодкой некий Руб, живший в собственном деревянном доме. Однако ему хотелось дом из обожженного кирпича, и потому он каждый день отправлялся валить лес. Недавно Руб ценой больших издержек и трудов выстроил себе эту лодку и теперь вместе с артелью из рослых умелых душ отправлялся в многодневные вылазки на

далекие участки.

– Я давно смотрю, как ты каждое утро кукуешь на берегу в ожидании лодки, – сказал Руб. – Мне подумалось, что я могу тебе помочь.

И он положил руку на борт.

– Спасибо за заботу, – ответил Адам. – Хотя, вижу, твоя артель тоже не пожалела времени.

В лодке сидели еще шесть душ с топорами на коленях.

– Пустяки, – сказал Руб, – но, если ты и впрямь признателен, может, присоединишься к нам на сегодня? С моей лодкой и артелью мы за день нарубим больше, чем слабые и одинокие души за неделю.

Слова Руба разбудили в Адаме новое чувство: гордость, что именно ему предложили место в артели. Все работники смотрели на него, и у них были отличные большие топоры. Адам согласился и запрыгнул в лодку.

Он оказался напротив Точилы, души, с которой ему случалось работать прежде. Это вызвало менее приятное чувство, поскольку Точила имела привычку пристально наблюдать за Адамом, а это было неприятно. Точила не была особенно рослой и сильной, однако умела ловко острить топор на камнях, которые носила в сумке из шкуры какого-то животного. Поэтому она рубила деревья быстрее других. Рядом с ней сидел Яр. Пока не пришел Адам, Яр был самой рослой и сильной душой в Элгороде. Адам догадывался, что Яр спит с Точилой.

Руб обыкновенно отправлялся вверх по реке в какой-нибудь дальний стан на западном рукаве. Течение там было быстрее, чем в двух других, и на берегах осталось больше хороших деревьев. Они прошли на веслах мимо исполинского дерева на холме у первой развилки и дальше до того места, где бурные воды Западной вливались в медленную Среднюю, и направили лодку в левый рукав. Река пыталась вытолкнуть их, словно наделенная собственной душой.

– Адам и Яр, – сказал Руб, – пришло время гребцам послабее подвинуться, а вам взяться за весла.

Яр встал и сменил душу поменьше на средней банке, где сидели гребцы. Он мощными руками ухватил весло и выжидательно глянул на Адама. Тот понял: от него ждут того же. Адам не привык, чтобы другие души им командовали, но видел, что так тут принято, поэтому сел рядом с Яром и взялся за другое весло.

– Греби! – крикнул Руб.

Яр налег, и лодка повернулась. Все недовольно глядели на Адама.

– Греби! – повторил Руб.

Адам попытался сделать то же, что Яр, и все равно гребок Яра получился сильнее. Руб велел Адаму грести одному, чтобы выровнять лодку.

– И налегай со всей мочи, дылда! – вставила Точила. Адам сразу вспомнил, за что ее не любит.

– Я взял тебя за острый топор, а не за острый язык, Точила, – одернул ее Руб. – Займись-ка лучше своей работой.

Адам опешил; он не привык, чтобы одна душа так говорила с другой. Однако Точила послушно достала из сумки камень и принялась острить лезвие топора.

Грести было утомительно, но, стоило Адаму хоть немного ослабить усилия, Яр начинал грести еще сильнее, и лодка разворачивалась поперек течения. Каждый раз Руб недовольно говорил, что они теряют время, потому что река гонит их назад. Постепенно Адам научился грести в лад с Яром, точно соизмеряя силы. Какое-то время спустя Яр устал и начал грести медленнее. Адам тоже снизил темп, чтобы лодка шла ровно.

Еще до полудня они добрались до места, где вырубка сменялась лесом. Тут они вытащили лодку на берег и принялись орудовать топорами – все, кроме Руба. Тот расхаживал взад-вперед по берегу, внимательно глядя на землю.

– Тут побывал Тук со своей шайкой, – сказал он наконец. – Я вижу следы его ножищ.

Адам принялся за большое дерево, однако Руб велел ему взяться за другое, еще толще. Адам размахнулся топором, но понял, что лезвие затупилось. Неподалеку Точила куда быстрее продвигалась с деревом потоньше. Адам попросил у нее камень из сумки. Она с большим удовольствием посоветовала ему отправиться в глухой лес на корм волкам. Адам спустился к реке и нашел подходящий камень. Руб подошел спросить, отчего Адам не делает, что велено. Адам объяснил. Руб взял его топор и проверил лезвие.

– Точила! – заорал Руб, хотя отлично видел, что она неподалеку.

Он орал, пока она не подошла, а тогда принялся ее бранить. Адам точил топор чуть поодаль, и плеск реки заглушал слова, однако тон был вполне понятен. Некоторое время они переругивались, потом Руб размахнулся и с такой силой ударил Точилу по щеке, что она упала на землю.

Адам не в первый раз видел, как одна душа бьет другую – работники у реки иногда дрались. Однако тут было нечто другое. Руб ударил Точилу не в пылу злости, а так, как делали все остальное: тщательно обдумав заранее. Из леса появился Яр, но

не упрекнул Руба и не бросился на выручку Точиле, а как будто съежился.

Позже в тот день Адам, уставший от долгих часов гребли и работы топором, решил немного отдохнуть, когда сзади раздался треск ломающегося дерева. Он оглянулся. Дерево падало прямо на него. Адам отпрыгнул в сторону. Его сильно хлестнуло веткой, так что из плеча пошла кровь, но больше ничего плохого не произошло.

В конце дня Руб сказал заканчивать работу и возвращаться в лодку. Они пометили бревна, сложенные на берегу, столкнули лодку на воду и залезли в нее. По течению грести было проще, так что Адам с Яром отдыхали, а на веслах сменялись души поменьше.

С того мгновения, когда Руб ударил Точилу по лицу, а Яр, видя это, только повесил голову и опустил плечи, тот в глазах Адама как будто уменьшился. Точила тоже держалась с Адамом без прежней спеси и прятала от него глаза. Одна сторона лица у нее распухла и побелела.

Когда вечером Адам, чуть не падая от усталости, вернулся домой, Ева спросила, отчего у него рана на плече. Адам начал рассказывать, но, увидев, что она встревожена, постарался изложить все в очень смягченном виде. Он знал, чего боится Ева. Недавно они узнали, что сильно пострадавшие в таких происшествиях перестают существовать: их души покидают испорченные тела, и те растворяются, а души то ли исчезают совсем, то ли улетают и не возвращаются.

– Я буду очень осторожен, – заверил ее Адам, – и никогда не подвергну себя такой опасности.

Однако про себя он подумал, что будет, если недоброжелатель нарочно толкнет на него подрубленное дерево. Ева вроде бы немного успокоилась. Но она все равно видела, что он ушел на целый день и вернулся грязный, окровавленный и обессиленный.

– Зачем тебе столько трудиться, если здесь у нас есть все, что нужно? – спросила она. – Оставайся лучше со мной!

– Ты сама знаешь зачем, – ответил он. – Маб предсказывает, что скоро нас будет больше. Дом у нас уютный, но старый, и места в нем мало.

В тот вечер Ева не стала больше спорить, видя, как сильно он устал. Они и раньше о таком говорили, и Ева понимала: Адаму нравится валить деревья в диких местах, и никакие ее слова этого не изменят.

После этого Адам стал каждое утро садиться в лодку Руба. На

второй день он греб сильнее, чем Яр, так что лодку то и дело разворачивало, и теперь Руб упрекал и высмеивал Яра. Адама это радовало: он чувствовал, что в какой-то мере отплатил за вчерашнее происшествие. У него почти не осталось сомнений, что дерево исподтишка толкнули Яр или Точила.

Во всяком случае, больше деревья на Адама не падали. Они с Яром, не сговариваясь, гребли теперь с одинаковой силой, и лодка шла ровно, хотя Руб и подначивал их состязаться. Впрочем, по большей части путь вверх по течению и обратно проходил в молчании или в пустой болтовне. Руб расспрашивал Адама, где они с Евой живут, достаточно ли велик их дом, хорошо ли обустроен и так далее в том же духе. Адам догадывался, что Руб ничего не говорит просто так, а всегда с какой-нибудь целью. В данном случае он хотел, чтобы Адам желал большего, а значит, греб быстрее и валил больше деревьев.

Так же – и с тем же умыслом – Руб и остальные расспрашивали его про Еву. Они не видели ее после первого дня в Элгороде, но слышали о ее необычном облике. Все понимали, что, хотя Ева уступает Адаму ростом, она все равно больше и сильнее большинства элгородских душ и, если бы захотела работать, легко их обогнала.

О том, что на самом деле происходит с Евой, они не имели ни малейшего понятия. Им было невдомек, что души могут производить на свет другие души. Адам, наученный общением с Рубом, Точилой и Яром, держал язык за зубами. Он сказал лишь, что Ева занимается в Стане теми ремеслами, что ей по душе, и в ближайшее время не присоединится к ним в лодке.

Они связывали деревья в плоты и сплавляли их по Западной до ее слияния со Средней, а дальше до впадения Восточной у большого голого холма с одиноким деревом. На этом месте Руб всегда прерывал упреки, вопросы и другие тщательно просчитанные слова. Он смотрел на дерево, и все остальные, не смея прерывать его молчание, тоже смотрели, как будто сговариваясь когда-нибудь его срубить.

Затем они огибали излучину, и оно пропадало из виду. На берегу, где горели огни, бревна считали, сортировали и складывали в штабеля. Все их помечали знаками владельцев. Адам научился делать свой знак. По большей части его штабель рос. Впрочем, иногда, подходя проверить, Адам видел, что в его отсутствие бревен стало меньше. Он поделился этим наблюдением с Рубом. У того был наготове ответ: иногда надо «вычитать» бревна у членов артели, например если те работали недостаточно хорошо.

Объяснение было понятное, но Адам чувствовал, как будто от

него что-то убыло. Руб вроде бы это понял и признал, что никто не любит «вычетов» и он сам предпочел бы без них обойтись. Однако таковы нынешние порядки. В Элгороде стало тесно, за новыми бревнами надо отправляться все дальше и дальше. Некоторые вовсе ушли из города и живут в лесах, как дикие звери. Некий Тук сколотил из таких несчастных целую шайку; они крадут бревна у честных элгородских дровосеков и нападают на них в диких местах. Шло к тому, что им всем придется делать выбор: оставаться в городе и делать его лучше или рассеяться в лесах. Решением стала лодка Руба. Другие, завидующие его успехам, уже строили себе такие же.

После этого разговора Адам вернулся в свой дом за рекой. Ева глянула на него тревожно, уж очень он был вымотанный. Адам начал ее успокаивать, говоря, что его штабель растет и, когда бревен станет довольно, он свяжет их в плот и перегонит на другой берег, чтобы расширить дом.

Скиталец часто навещал Адама, Еву и Маб в их домике. Познакомились они и с другими душами в Стане, но те по большей части были забывчивыми. Ева не могла скрыть свой растущий живот. Скиталец сказал, что видел четвероногих животных, когда те собираются произвести на свет себе подобных, и ему кажется, с Евой происходит то же самое. После этого Адама и Еву прорвало; так бывает, когда на реке тает ледяной затор и все, что за ним скопилось, устремляется вниз. Они рассказали, что происходят от Весны и Ждода и на свет появились иначе, чем все остальные души на Земле. Что они родились и выросли в Саду и оттуда их изгнал сам Эл. И что Скиталец угадал – Ева вынашивает новые души.

Скиталец спросил, за что Эл их изгнал, и они рассказали про червяка, который как-то проник в Сад, поведал им о Первой эпохе, подсказал имена из еще более давнего прошлого и был убит Паладином Эла.

Скиталец дивился всему, что они говорили, и особенно последним словам. Впрочем, он признал, что с первого дня догадался: Адам, Ева и фея-хранительница совсем не такие, как души, приходящие сюда из храма, и объяснить это может лишь самая удивительная история вроде той, что они сейчас изложили.

Минула зима, начала пробуждаться весна. Как-то ночью Ева пришла в сильнейшее исступление тела и разума – Адам испугался, что она разорвется на части. Аура пылала вокруг нее, как пламя, в котором выплавляют сталь; от грудей и до колен она вся обратилась в хаос, и хаос этот охватывал руки тех, кто пытался ей помочь. Они уже боялись, что она совершенно

растворится, когда услышали тихий крик души, на Земле прежде не виданной, потом еще и еще. С каждым криком исступление и клубящийся хаос ослабевали, так что вскоре они увидели ее порождение: двенадцать душ, крохотных, но безупречных подобий Адама и Евы. Они явились на свет не облачками ауры, а воплощенными душами, одетыми в кожу и наделенными пальчиками и личиками. Головка у каждого была окутана аурой, которая тянулась наружу и быстро втягивалась обратно.

Рождение двенадцати малюток отняло все силы даже у Адама, хотя он, собственно, ничего не делал, только поддерживал Еву словами и время от времени исполнял поручения Маб. Фея не могла сама, например, принести воды из колодца в центре Стана, но знала, когда Еве нужно пить или ополоснуться.

Малюткам лучше всего было рядом с Евой, которая постепенно возвращалась к форме, какая была у нее в Саду. Они по большей части хотели спать, и Ева тоже. Адам укрыл их потеплее, развел огонь в очаге пожарче и вышел на поляну в середине Стана подышать свежим холодным воздухом. На небосводе ярко сияли звезды. Прямо над головой медленно двигалась Алая Паутина, мерцали ее далекие огни. Адам чувствовал, будто за ним наблюдает исполинское око. Он отвел глаза, как когда ловил на себе взгляд Руба, и приметил, что из домика к нему летит фея.

– Все случилось, как ты предсказывала, – заметил Адам, – хотя для меня загадка, откуда ты это узнала.

– Для меня тоже, – ответила Маб. – Знание не хранится в моем разуме как что-то, что я усвоила. Однако, когда оно нужно, я способна его извлечь.

– Может быть, ты сможешь извлечь знание о формах, – сказал Адам. – Я думаю об этом последнее время, ибо вижу изменения в моих товарищах по артели. Я гнал такие мысли, уж очень они меня смущают и огорчают. Но, глядя на двенадцать безупречных малюток, что произвела на свет Ева, я не могу отделаться от этих мыслей.

– Что ты хотел бы узнать? – спросила Маб.

– Когда нас прогнали из Сада, я думал, наш облик никогда не изменится. И когда мы пришли в Элохрам, Глядящий на Восток сказал, что душа, обретшая законченную форму, уже потом не меняется. И все же когда я впервые увидел Точилу, она была куда более статной и красивой, чем сейчас. А Яр был больше и сильнее всех душ в Элгороде, почти ровня мне. Но мне кажется, с тех пор как они каждый день работают в артели Руба, их формы стали иными. Они как будто съежились, ссутулились, ходят повесив голову и косятся на то, на что раньше смотрели прямо. Говорят,

Яр теперь меньше Тука, который легким шагом ходит по дикому лесу и стоит расправив плечи.

Маб молча замерцала, как будто таким образом получала новое знание.

– Ты прав, – сказала она наконец. – Душа может претерпевать почти бесконечные изменения, если они происходят постепенно, день за днем.

Адама передернуло.

– Только подумать, что станет с Точилой и Яром, если они будут работать на Руба много лет.

– Да и с самим Рубом, – заметила Маб. – Его форма крупнеет.

Адам кивнул:

– Да, вначале он казался мне обычного роста. Теперь он вроде больше.

– Ты тоже меняешься, – сказала Маб. – И не в лучшую сторону.

Адама больно уязвили ее слова, но он мог лишь согласно кивнуть:

– Когда я впервые вошел к Скитальцу, мне пришлось наклонить голову под навесом крыльца. Но вчера я там был, и либо он поднял навес, либо я стал меньше.

– Он не поднимал навес, – сказала Маб.

Адам задумался:

– Кто знает, чем это кончится? В моем случае перемены медленные и незначительные, так что я их не замечал или не хотел замечать. Сейчас, глядя на безупречные формы двенадцати новых душ, я радуюсь, но мне горько думать, что их совершенство исчезнет, если они останутся здесь и будут жить как я.

Холодный ветер задувал под одежду, и Адам переступил с ноги на ногу. Он повернулся спиной к дому, где жил с семьей, и поглядел на восток – небо там вроде светлело, и Адам подумал, что занимается заря. Однако свет на востоке двигался гораздо быстрее, чем бывает на рассвете, и был как будто сосредоточен в одной точке, скользящей по небосводу в их сторону. Он пронесся высоко над Элохрамом и теперь спускался в долину. То был крылатый ангел из Элова воинства. Когда он сложил крылья и приземлился посреди Стана, Адам узнал Гонца Эла. Гонец Эла был изящнее Эловых воинов и самый из них быстрый – кроме крыльев за спиной, у него были еще и крылышки на щиколотках. Однако, как и воины, он носил на бедре светозарный меч-молнию.

– Приветствую тебя, Адам, – сказал Гонец Эла. – Да будет тебе известно, что все, знавшие и любившие тебя и Еву, горюют, что вы больше не в Саду.

– Мы часто о нем вспоминаем, – признался Адам, – и о том, как там было хорошо. Однако скитания по Земле принесли нам мудрость, какую мы не обрели бы в Саду. Теперь мы знаем и умеем больше, чем раньше.

– Сдается, так и есть, – сказал Гонец Эла, – ибо нас достигли сведения, что сегодня на Земле есть двенадцать новых душ, которых не было вчера.

– Ваши сведения верны, – ответил Адам.

Гонец Эла кивнул.

– Меня отправили на них взглянуть, – объявил он.

Адам покосился на дом. Гонец Эла отметил, куда он смотрит.

– Сейчас Ева отдыхает после тяжелых трудов, а маленькие спят, – сказал Адам. – Твое сияние потревожит их покой.

Он надеялся такими словами совсем не впустить ангела в дом. Однако тот сразу померк, как будто загасили пламя. Крылья прижались к спине и приняли вид плаща, а крылышки на ногах превратились в обмотки из тусклой материи. Преображенный ангел походил на юношу в плаще из светлой ткани, с руками и ногами, замотанными от холода. Вместо молнии на бедре у него висел длинный тонкий предмет.

– Я их не побеспокою, – сказал ангел.

– Если ты не хочешь их беспокоить, проще вовсе не входить в дом, – заметил Адам.

– Мне поручено увидеть их своими глазами, – сказал ангел. – Таково веление Эла.

– Что у тебя на бедре, где раньше висела молния? – спросил Адам.

Ангел не ответил, но отцепил это что-то от бедра и прислонил к стволу большого дерева. Маб посветила туда, и Адам увидел необычно длинный нож. Дерево таким не срубишь, но при неосторожном обращении недолго и кого-нибудь покалечить.

Гонец Эла ступил на порог их жилища и, не постучав, толкнул дверь. Грудь Адаму стеснило чувство, как когда Руб вычитал бревна из его штабеля, но вновь он никак этого внешне не выказал и ощутил, что от него убыло. Мелькнула мысль: что происходит в такие мгновения с веществом, которое вычитается из его формы? Добавилось ли оно к Гонцу Эла или к самому Элу? Растет ли Руб за счет Яра? Может ли одна душа за достаточный срок целиком поглотить другую?

Так или иначе, Адам вслед за Гонцом Эла вошел в дом, Маб – за ним. Они остановились перед спящей Евой, полускрытой под двенадцатью малютками. Некоторые спали, ворочаясь и посапывая время от времени. Другие лежали молча, глядя раскрытыми глазами на вошедших и на все вокруг. Двое

захныкали, и Маб метнулась отвлечь их своим ярким огоньком. Гонец Эла, сейчас бескрылый, обошел кровать, сосчитал маленькие души и нагнулся рассмотреть их поближе.

Адам заметил, что гость особенно внимательно смотрит им между ног.

– Шесть мужского пола и шесть женского, – произнес Гонец Эла, когда осмотрел всех.

– Да, – ответил Адам. – Я не знаю, почему их число равно, только что так определила Весна. Может быть, по ее замыслу они должны составить пары, как мы с Евой.

Гонец Эла внимательно его выслушал и утвердительно кивнул:

– А для чего, по-твоему, послужат такие пары?

Адам пожал плечами:

– Вдвоем веселее. Можно вместе сделать то, с чем не справится один.

– Для этого не нужны именно мужчина и женщина, – заметил Гонец Эла.

– А по-твоему, зачем это? – спросил Адам, потому что у Гонца Эла, похоже, уже был ответ.

Один из малюток проснулся и заплакал. Маб метнулась к нему.

Чтобы не беспокоить спящих, Адам и Гонец Эла вышли из дома в ночную прохладу, закрыли за собой дверь и продолжили разговор под звездами.

– Долгие годы малюткам будут нужны твоя защита и твои наставления, – сказал Гонец Эла. – Для такой трудной задачи нужны две души. Весна это провидела, когда запрограммировала ваши формы порождать мужчин и женщин в равном числе.

– Ты хочешь сказать, что со временем двенадцать порожденных сегодня составят шесть таких пар.

– Да, и каждая пара со временем породит новые души, как вы с Евой. И даже Ева способна породить еще, когда оправится от сегодняшних трудов.

Ни о чем таком Адам прежде не задумывался – изумление, усталость и радость вытеснили у него всякие мысли. Ему стало стыдно, что он не проник умом в замысел Весны.

Почему-то ему подумалось про лес, где он каждый день работал с дровосеками. На расстоянии, которое душа может пройти за неделю, все горы были одеты деревьями в таком числе, что и не сосчитать. Однако в Саду они с Евой узнали, что и деревья, и все живое плодится и размножается из единственного семечка. Если порожденные Евой шесть пар со временем произведут на свет столько же, то число душ со временем

сравнится с населением Элгорода. Сосчитать могла бы только Маб, но обширность лесов давала Адаму общую картину Земли, населенной бесчисленными душами, сходными с Адамом и Евой. Они воспитают эти души и научат их справедливости, чтобы никто не рос и не совершенствовался за счет другого.

– Извини, что понял только сейчас, – сказал Адам. – Да, теперь я вижу, какова программа Весны.

– Прекрасно, – ответил Гонец Эла. – Ты вырос в Саду, и сам Эл оттачивал твой ум, так что ты рано или поздно должен был увидеть ошибку Весны и понять, в чем беда.

– Ошибку? Беда? – повторил Адам.

– Да. Земля не может поддерживать все те души, что со временем породит неудачная программа Весны. Души, возникшие обычным порядком, уже вырубили все деревья в окрестностях Элгорода, а из Элохрама каждый день прибывают новые. Не думай, будто Эл из своего Дворца этого не видит. То же самое в других городах и селениях по всей Земле. Если к ним добавятся тысячи и миллионы потомков Адама и Евы, Земля оголится и станет бесплодной и мертвой, как *оно*. – И ангел возвел глаза к пылающему кратеру Алой Паутины.

Адам долго не мог придумать ответа.

– Не стану отрицать, что собственными руками срубил немало деревьев, желая построить дом побольше для Евиных малюток. И да, если так же станут делать тысячи моих потомков…

– Миллионы, – вставил ангел.

– …они оголят Землю, которая сейчас покрыта красивыми лесами. Однако на то, чтобы породить столько душ, уйдут долгие годы, и, может быть, за это время мы научимся жить иначе? Мы не слепы. Элгородские души уже и сейчас придумывают, как обходиться меньшим количеством бревен.

– Это лишь оттянет неизбежное, – сказал Гонец Эла. – К счастью, есть способ прямо сейчас поправить дело. Быстрый и легкий.

И ангел потянул за рукоять маленького ножа, спрятанного у него на поясе. Блеснуло, показавшись из ножен, лезвие.

– Что это за способ и при чем здесь нож? – спросил Адам.

– В каждом из двенадцати заключена способность порождать новые души, – объяснил Гонец Эла. – Те, что мужского пола, подобны в этом тебе, а те, что женского, – Еве. У них органы размножения глубоко внутри, а у тебя и у мальчиков – снаружи, где ошибку Весны легко исправить одним почти безболезненным надрезом. Ничто не будет удалено. Довольно рассечь одну внутреннюю связь. Я займусь этим, пока они спят.

И ангел, вытаскивая нож, шагнул к двери. Лезвие было немногим больше Адамова ногтя и поблескивало в свете звезд.

Адам взял ангела за плечо.

– Если все так просто, как ты говоришь, то давай мы с Евой обсудим твое предложение, а ты возвращайся некоторое время спустя.

– Это не предложение, – отвечал ангел, сбрасывая его руку, – а приказ самого Эла, и мне велено исполнить его сегодня же.

– Эл здесь не указ, – произнес третий голос. Адам, повернувшись, увидел, что к ним через поляну идет Скиталец. – Стан мал и убог в глазах того, кто спустился с высот Дворца, но он стар. Его основали те, кто, как я, возник в эпоху старых богов и видел Ждода собственными глазами. Мы не звали Эла на Землю и не давали ему власти присылать в наши дома прихвостней с ножами.

Услышав эти слова и увидев гордую поступь Скитальца, Адам осмелел. Он встал между ангелом и входом в дом.

– Для праздного отшельника, который столетиями отсиживался у себя в хижине, ты говоришь чрезвычайно смело, – сказал Гонец. – Но пока ты тут гонял чаи, на Земле произошли великие перемены. Тебе бы стоило вновь отправиться в скитания, как встарь, и ознакомиться с новым порядком вещей, прежде чем оскорблять Эла и чинить препоны его посланнику.

Лицо Скитальца затуманилось, и он не нашелся с ответом, но тут заговорил Адам:

– Как ты знаешь, я знаком с нынешним порядком вещей и не склонен оскорблять Эла. Но его посланника хочу остановить.

Скиталец не сбавил шаг, так что теперь Гонец Эла оказался между ним и Адамом. Ангел увидел, что ему преградили дорогу с обеих сторон, и вновь преобразился. Одеяние его просветлело, засияло и распахнулось могучими крыльями. Он взмыл в воздух, чуть выше, чем может подпрыгнуть обычная душа, так что перед Скитальцем и Адамом оказались его крылатые ноги.

– Меня отправили сюда исправить беду, а не пререкаться! – объявил он.

Ангел распростер крылья на всю огромную ширину и взмахнул ими всего один раз. Скитальца и Адама бросило на землю с такой силой, что оба на время потеряли сознание.

Адам очнулся от криков маленьких душ и отчаянных возгласов Евы. Он вскочил и вбежал в дом. Ангел, склонившись над маленькой душой, орудовал своим ножичком. Младенец вскрикнул. Ангел, довершив свое дело, отвернулся. По руке его текла кровь. Адам увидел, что пять других мальчиков тоже кричат и у каждого между ног течет тоненькая струйка крови. Ева

пыталась их успокоить. Все произошло, пока Адам лежал без сознания.

– Да, – сказал Гонец Эла, поворачиваясь к Адаму. – Со всеми покончено – кроме тебя. Еще один надрез – и Земля навсегда избавится от ошибок Весны и Ждода.

Адам сунул руку за косяк и схватил топор.

Ангел рассмеялся:

– Ты наивнее, чем я думал, если надеешься с таким орудием противостоять Элову воину.

Что-то твердое и холодное отодвинуло Адама в сторону, а земляной пол содрогнулся от поступи того, кто был в сотни раз тяжелее. Вошел Каирн. Теперь он стоял перед ангелом. Тот глянул на старую душу с любопытством, как будто никогда не видел ничего подобного и даже вообразить не мог. Каирн сделал еще шаг, словно давая ангелу утолить свою любознательность. Мгновение они стояли лицом к лицу. Потом Каирн хлопнул ладонями, вернее, тупыми концами верхних конечностей.

Гонец Эла лопнул, как спелый плод под молотом. Аура брызнула на стены, пол, потолок. Голова и верхняя часть туловища исчезли полностью. Ноги, руки и крылья утратили связность и разлетелись в разные стороны. Дом стал похож на нижнее помещение Элохрама, наполненное множеством новых неоформленных душ. Ангельское вещество светилось ярче, но оно не имело связности даже новых душ, так сильно удар Каирна нарушил форму Гонца. Весь дом горел клубящимся сиянием ангельской ауры. Адам бросился утешать шестерых младенцев, пострадавших от ножа, и тут же отдернул руку, увидев, что она забрызгана ангельским веществом. Пока он завороженно рассматривал клочок ауры на тыльной стороне ладони, тот растекся и впитался в кожу, и она засветилась. Свечение тут же померкло, но Адам чувствовал, как что-то новое течет по руке в грудь, а оттуда распространяется по всему телу. Руки и ноги закололо, голова закружилась. Он ухватился за стол, на котором Гонец Эла совершил свое злодеяние. Мальчик, лежавший перед ним, перестал плакать. Клочья ангельского вещества впитывались в него, вызывая, вероятно, те же ощущения, что у Адама. Все младенческое тело светилось.

Ева горстями хватала со стен и с пола ангельское вещество. Б*ольшая* его часть ушла в землю. Адаму показалось, что пол под ногами дрожит, хотя, наверное, то были шаги выходящего за дверь Каирна.

Из-за темного силуэта Каирна бил яркий свет, и Адам на миг испугался, что там еще ангелы, но Каирн отступил в сторону, и стал виден Скиталец – он шел к дому с мечом, который ангел

оставил прислоненным к дереву. Меч преобразился в свою изначальную лучистую форму.

– Не думаю, что сегодня нам придется сражаться с ангелами, – молвил Скиталец. – Но коли до такого дойдет, то Делатор бы сказал нам пустить в ход вот это.

Адаму совсем не хотелось думать про сражения, и он занялся тем, что происходило в доме. Почти все ангельское вещество рассеялось, поскольку было очень хаотичным и летучим – без организующей души оно не могло долго оставаться на одном месте. Но то, что осталось, Ева сгребала горстями и прикладывала к малюткам как бальзам. Поймав на себе взгляд Адама, она сказала:

– Чем больше его будет в нас, тем меньше останется Элу и его присным.

– А не будем ли мы обязаны Элу тем, что оно в нас?

– Элу мы ничего не должны, кроме мести, – отрезала Ева.

– В смысле не даст ли это Элу новую власть над нами? – спросил Адам.

– Не знаю. Но я теперь сильнее, бодрее. И глянь на малышей.

Адам глянул и увидел, что они уже не такие маленькие, как прежде. Их облик оставался обликом младенцев, но они с любопытством озирались, и все стали заметно крупнее.

– Похоже, мне придется рубить еще больше деревьев, – заметил Адам.

Они с Евой нежно переглянулись. Но тут на полу что-то блеснуло. Один из мальчиков встал на четвереньки и дополз до того места, где стоял Гонец Эла, когда Каирн его раздавил. Упавший на пол ангельский нож сиял крошечной молнией, маня глаз. Малыш тянулся к нему ручонкой.

Адам и Ева разом бросились к нему. Адам был ближе и добежал первым. Он схватил окровавленную рукоять. Они с Евой рассмеялись. До того они никогда не смеялись.

Сражения не случилось ни в тот день, ни завтра, ни послезавтра. Ангелы иногда пролетали над Станом, но не спускались на землю. Два дня Адам не ходил к реке, хотя и знал, что Руб вычтет бревна из его штабеля. Малыши требовали очень много заботы, и Адам оставался подле Евы. Ауры матери и детей переплетались так, что Адам только смотрел в растерянности, но Ева объяснила, что это хорошо и правильно: так малыши получают от нее и вещество для своих форм, и знание, развивающее их ум. У каждого, сказала она, формируется собственная личность. Она легко их различала, Адам – с трудом.

Некоторые старые души в Стане, пусть забывчивые и даже во

многом глупые, радовались маленьким юным душам и часто ходили на них смотреть. Когда Адам понял, что с малышами управятся без него, он на заре спустился к реке и сел в лодку Руба. Однако его с Рубом отношения изменились. Раньше Адам уважал Руба и старался ему угодить. Теперь у него такого желания не осталось. Адам стал отцом, и боролся с ангелом, и видел, как ангела уничтожила живая груда камней из Первой эпохи. Он впитал ангельское вещество в собственную душу и форму. В сравнении с этим делишки Руба казались такими мелкими, что Адам почти не слушал его и не обращал внимания на пустяковые дрязги, занимавшие почти всю жизнь таких, как Точила и Яр. Дни, когда Яр изумлял силой и ростом, давно миновали. И не только Адам так думал. Все в Элгороде соглашались, что Тук, свободный дровосек, который лишь изредка заглядывал в город, – самый большой и сильный в здешних краях после Адама.

Кроме топоров, на дне Рубовой лодки звякали и другие орудия. В следующие дни Адам узнал, зачем они нужны: клинья и кувалды, чтобы раскалывать стволы пополам, пилы, чтобы разделывать их на части, ножи и свайки для веревок. Было здесь и несколько железных палок длиной примерно в руку; зачем они нужны, Адам догадаться не мог.

Однажды они пристали к берегу и услышали стук топоров о древесные стволы. Других лодок рядом не было, но на земле виднелись свежие следы, а у воды лежали бревна, помеченные незнакомым Адаму знаком. А вот Руб этот знак узнал и пришел в ярость. Он взял железную палку, вручил Яру со словами «Ты знаешь, что делать» – и стал раздавать палки другим артельщикам. Адаму палки не хватило, но Руб сунул ему запасное топорище и сказал: «Смотри и учись. Ты ничего в этом падшем мире не достигнешь, если не будешь драться с теми, кто посягает на твое добро». Он спрыгнул из лодки на берег, где ждали остальные артельщики, потрясая в воздухе железными палками.

– Я лучше останусь в лодке, – сказал Адам – не столько из страха, сколько из нежелания участвовать в том, что задумал Руб.

Руб оглядел Адама с головы до ног, да и другие артельщики косились на него недовольно.

– А что тебе за радость, если эти убийцы перебьют нас топорами? Они придут и за тобой, Адам. Придется тебе драться с ними в одиночку. Коли так, не надейся вновь увидеть свою Еву.

Адам понял, что надо идти в лес с другими если не из верности артели, то хотя бы ради собственной безопасности. Он вылез из лодки.

Тех, кого Руб назвал убийцами, сыскать оказалось несложно – они были близко и не прятались.

Адам меньше всех рвался в бой и до места дошел последним. Руб уже укорял главаря другой артели – тот был выше прочих, шире в плечах и с самым большим топором. То был Тук, о котором Адам слышал, но никогда его прежде не видел. Руб и Тук стояли на вырубленном участке, куда стаскивали стволы, чтобы очистить от веток. Руб забросил на плечо железную палку, а Тук – обоюдоострый топор. Они держались на расстоянии друг от друга и медленно смещались в сторону, выбирая позиции, но поскольку каждый пристально смотрел на противника, то ступал очень осторожно, памятуя про пни, бревна и ветки. С Рубом были Яр, Точила и прочие артельщики, а вот Тук остался один – его товарищи скрылись за деревьями. Судя по треску веток и шороху листьев, многие улепетывали сломя голову. Куда меньше шума производили другие – они как будто брали артель Руба в кольцо. Адам, подошедший последним, едва не натолкнулся на одну из этих душ – высокую женщину, которая бочком двигалась вдоль опушки, глядя в сторону вырубки. Она чуть не подпрыгнула, когда поняла, что Адам за ее спиной. Затем схватила свой топор и отскочила в сторону. Только оказавшись на безопасном расстоянии, она окинула Адама удивленным взглядом, как все души при первой встрече. Адам тоже разглядывал ее с любопытством. Он еще никогда не видел такой высокой женщины, с такими сильными мускулами на руках и ногах. Через плечо у нее была перекинута сумка с чем-то тяжелым, а в руке болталась сложенная вдвое веревка с вплетенной посередине сеткой.

Адам понял, что Руб был прав, когда сказал им держаться вместе. Он почувствовал себя немного спокойнее, когда вышел на поляну и приблизился к другим артельщикам. Руб приметил его уголком глаза, а Тук рискнул повернуть голову и глянуть на Адама.

– Так, значит, правду говорили, что ты нанял себе на службу древнюю душу из Первого города, – сказал Тук.

– Да, – ответил Руб. – Он верен мне и сделает, что я скажу, и, если я скажу, чтобы он тебе двинул, плохо будет твое дело.

– Когда-нибудь я услышу скорбную повесть о том, как одна из величайших душ Первой эпохи пала так низко, – заметил Тук. По тону его голоса и по ауре складывалось впечатление, что он не просто бросается словами, а искренне жалеет Адама.

Адам привык к тщательно просчитанным речам Руба, и жестокие слова Тука поразили его именно потому, что были сказаны так безыскусно. Перед глазами поплыло от стыда; он

вынужден был переступить с ноги на ногу, чтобы устоять на неровной земле.

– Адам умнее, чем кажется на вид, – ответил Руб, – и не поддастся на твои хитрости.

И он покосился на Адама, будто не очень-то сам себе верил.

Адам совсем растерялся. Он не думал, что выглядит тупоумным, и более того, слова Тука вовсе не показались ему хитростью. Теперь он гадал, правда ли ему не хватает ума распознать истинную натуру Тука.

Голова у него была как в тумане, и он почти не слышал дальнейших пререканий. Руб вроде бы утверждал, что только он, Руб, имеет «право» на здешние деревья, а Тук возражал, что старые боги для того и насадили леса, чтобы любая душа рубила деревья, где и когда ей нужно.

Из раздумий Адама вывел шорох в кустах за спиной. Он обернулся. Мимо, вращаясь, просвистел топор, со звоном ударился о пень в нескольких шагах впереди, рядом с Рубом, и упал на землю. И Руб, и Тук наблюдали за его падением. Наступила тишина.

И тут Руб с Яром бросились на Тука.

Поначалу Адам думал, что Тук выбрал неудачное место – тот стоял спиной к поваленному дереву, еще упиравшемуся в землю ветвями, так что ствол был у Тука на высоте пояса. Однако Тук это знал и легко вскочил на ствол. Крикнув: «Началось!» – он спрыгнул по другую сторону и побежал прочь от реки, как будто хотел укрыться в глухом лесу.

Руб и Яр не сразу перелезли через поваленное дерево. Тук успел добежать до края вырубки. Раздались крики, из-за кустов полетели камни. Один ударил Адама в спину. Тот понял, что надо смотреть в сторону леса и думать только о себе. Новые камни заставили его отступить к центру поляны, где были почти все артельщики. Адам и не подозревал, что в лесу столько душ: они убегали для виду, а пока Руб пререкался с Туком, вернулись. Высокая женщина выступила из леса, крутя одной рукой. Сложенная веревка вращалась так быстро, что сливалась в размытый круг. Из этого круга вылетел камень, со свистом пронесся по воздуху и ударил одного из артельщиков Руба с такой силой, что сбил его с ног.

Руб, увидев, что несколько дровосеков вышли из-за деревьев с криком «Бей их!», ринулся на врагов. В руке у него была железная палка, следом бежал Яр, Адам и остальные замыкали тыл, не столько из желания бить, сколько из страха остаться позади. Адам едва не угодил под железную палку, когда Яр размахнулся, чтобы ударить маленького дровосека. Тот лежал на земле,

закрывая голову перебитыми руками; из расколотого черепа изливалась аура, обращаясь в хаос. Бить его снова казалось совершенно лишним, но Яр продолжал наносить удары, с палки капала кровь и летели клочья ауры. Другой дровосек подбежал к Яру сзади и занес топор. Адама он в своей ярости не заметил, и тот остановил удар топорищем. Дровосек замер с поднятым над головой топором, и Точила двинула его в живот – как показалось Адаму, кулаком. Однако из живота у дровосека хлынула кровь, и, когда Точила отдернула кулак, стало видно, что в нем зажат нож – такой острый, какими она одна умела их делать.

Адам застыл почти в таком же изумлении, как заколотый дровосек, но тут кто-то из артельщиков выкрикнул его имя.

Адам повернулся и увидел бегущего на него врага. Не думая, он выставил топорище, желая оттолкнуть противника, но задел того по лицу. Противник покачнулся, и Яр обрушил ему на голову железную палку.

Дальше бой пошел на убыль. Артельщики начали отступать к реке. Камни летели со всех сторон, так что бежать к лодке не получалось; по большей части они пятились, стараясь не пропустить свист пращей, из которых противники метали камни.

Ближе к реке крики нападающих слышались не так громко, зато отчетливо раздавалось повторяющееся тук-тук-тук: удары топора по дереву. К ним артельщики привыкли, но сейчас удары отдавались глухо, иначе, чем когда рубят дерево. Вскоре стала понятна причина: Тук их опередил, перевернул лодку килем вверх и крушил ее топором. Руб взвыл, как дикий зверь, и устремился к нему. Тук преспокойно нанес еще несколько ударов по бортам, затем спрыгнул в реку, и течение унесло его прочь. Руб, вскочив на разрушенную лодку, размахнулся было, чтобы метнуть в Тука палку, но понял, что не докинет.

Они перевернули лодку и обнаружили, что дровосеки Тука стащили их топоры и прочее добро. Не осталось даже веревки, чтобы связать бревна в плот и спуститься по течению, и они пошли в Элгород пешком. Путь, который на веслах проделали бы за час, занял остаток дня. Тука и его дровосеков они больше не видели, хотя поначалу вздрагивали и крепче сжимали палки от каждого шороха.

Понемногу холод, голод и усталость прогнали все мысли о Туке. Теперь артельщики думали об одном: как поскорее добраться до огней Элгорода. Берег казался нескончаемым. Сперва они шли по недавним вырубкам, где почти не было подлеска, но скоро начались старые вырубки, заросшие колючей ежевикой. Продираться через нее было трудно, а под ударами

палки она только пригибалась и тут же распрямлялась обратно. Кое-где им из-за крутизны приходилось взбираться выше, что еще удлиняло путь.

Узел – артельщик, который во время стычки спас Адама, выкрикнув его имя, – совершенно отчаялся. Он и прежде смотрел на все в мрачном свете, так что товарищам часто приходилось его ободрять, а Рубу – понукать.

– Не может Элгород быть так далеко, – ныл он. – Мы точно заблудились и теперь идем вдоль какой-то другой реки. Она выведет нас в незнакомые места, где души, если они там есть, говорят на бессмысленном языке.

– Река всего одна, – возразил Адам. – Мы идем по правому берегу и все время ее слышим.

– Это ничего не значит, – ответил Яр.

– Вода течет вниз, – настаивал Адам. – Мы идем то ближе, то дальше от реки, но не могли оказаться на берегу другой.

– Может, в тех краях, откуда ты, и так, – пробурчал Руб, – но не забывай, Элгород основали проєклятые души, бежавшие от Элова гнева. Медвяна увидела свет Эла, возлюбила его и построила наверху белую башню, а все остальные укрылись от Эловых очей в темной долине. Они поселились средь диких душ, которые даже Ждоду не покорялись, не то что Элу. Река вполне может быть из числа таких. Я всегда чувствовал в ней что-то нехорошее. Она ненавидит нас за то, что мы рубим лес по ее берегам. Не удивлюсь, если она изменила русло и ведет нас к погибели.

– Бред какой-то, – заметил Адам.

– Ладно, вниз идти проще, так что идем вниз, – сказал Руб. – Куда бы ни завела нас эта треклятая река.

Узел продолжал выдавать другие мрачные пророчества, пока Точила не подняла его на смех. В наступившей блаженной тишине они вскоре услышали впереди шум порогов и, прибавив шагу, вышли к тому месту, где бурная Западная вливалась в медленную Среднюю.

– Наконец-то мы избавились от этой треклятой реки, – сказал Руб, хотя она вывела их куда надо, а значит, вовсе не была треклятой.

Дальше, по широкой пойме, идти стало легче, хотя иногда мешали кусты. С запада к долине подступал горный хребет, так что солнце село рано, и они шли в тени, хотя другой берег был по-прежнему ярко освещен. Ненадолго показалась белая башня Элохрама. Потом она вновь пропала из виду, но о древних зловредных душах никто больше не говорил.

По крайней мере, так думал Адам, пока они не обогнули

излучину и не увидели впадение Восточной. Сразу за ним начинался Элгород – столбы дыма, подсвеченные закатным солнцем. А над самым впадением высился холм. Нижние, испещренные пнями склоны лежали в тени, но верхушка была еще озарена словно бы угасающим пламенем. Исполинское дерево вздымало к небу облетевшие ветки, как будто ловило уходящий свет.

– Последний раз ты надо мной смеешься, старая коряга, – сказал Руб.

Адам не сразу понял, что слова обращены к дереву.

– Раз моей лодки больше нет, займемся тем, что поближе. Нынче ночью мы перекуем наши палки на топоры, и Точила их навострит, а завтра придем за тобой.

46

Замысел Руба потребовал больше времени, чем тот ожидал. Артельщики так утомились, что весь следующий день не могли приступить к работе, наутро третьего дня проснулись с мыслью, как же все будет сложно – ведь мало срубить исполинский ствол, для сплава по реке его надо еще разделить на части. Адам не интересовался их планом и потому не вникал в частности, но, когда он через несколько дней переправился в Элгород, все там уже знали о затее и как-то в ней участвовали – по крайней мере, говорили, что Руб поручил им то-то и то-то. Надо было, как говорил Руб, сковать топоры, но, кроме того, требовалось сплести веревки, изготовить клинья и собрать припасы для лагеря, который Руб намеревался разбить под деревом. Работы предстояло на месяц. Вскоре Руб решил выстроить на холме новое поселение, и это еще оттянуло дело.

Для осуществления своего замысла Руб вычел еще бревна у Адама и других артельщиков. Он сделал это, когда никто не видел и не мог возразить, а позже объяснил, что взятые бревна – необходимые вложения, которые окупятся сторицей, когда свалят большое дерево.

Адам не хотел больше вкладываться в затею, которая не нравилась ему сразу по нескольким причинам, поэтому обменял часть оставшихся бревен на одежду и другие детские надобности, а остальные за несколько дней перегнал плотами на берег под Станом. Для этого ему пришлось на время взять пример с Руба и нанять помощников. Поначалу это казалось разумным, но в итоге мороки вышло больше, чем пользы. Души ухитрялись все делать неправильно и бесконечно спорили. Споры свои они считали такими важными, что требовали от Адама их рассудить, и никто не бывал доволен его решением. Как ни мало Адам любил Руба, он быстро понял, отчего тот так обходится со своими помощниками.

Адам работал на Руба, чтобы выстроить дом побольше для себя, Евы и детей, но скоро выяснилось, что его усилия были разом недостаточными и чрезмерными. Недостаточными, потому что дети росли очень быстро и Адам не поспевал бы рубить деревья и расширять дом – им бы все равно было тесно. Чрезмерными, потому что их скоро устроили в других жилищах Стана. Жилища эти обветшали, потому что хозяева ушли или стали забывчивыми, и Адамовы бревна, когда их наконец втащили на холм, за несколько дней ушли на починку покосившихся домишек.

Скиталец упомянул, что с ним в Переселение ушли и другие старые души. В их числе был Каирн, но остальных Адам с Евой поначалу не видели. Теперь все изменилось. Дети подрастали, и весть о них добралась до старых душ, которые обитали в отдаленных уголках все те долгие годы, что Скиталец пил чай и делал зарубки на стене. По большей части души эти были не столь диковинного облика, как Каирн, а больше напоминали Скитальца. Однако один из них так долго жил средь диких зверей, что сделался похож на медведя, а другая вовсе не имела физической формы, но воплощалась в движениях воздуха, видимых лишь по облачкам пыли. Зверя и Пыль связывала тесная дружба, и они много времени проводили вместе – он сидел на земле, голый и волосатый, а она пыльным смерчиком увивалась вокруг него. В обществе таких душ дети учились ползать, потом делать первые шаги и произносить слова. К тому времени как малыши стали ходить, они были уже в половину Адамова роста.

От жителей Элгорода не скрылось появление двенадцати новых душ. Адам радовался, что забрал свои бревна и прекратил всякие дела с горожанами, потому что, когда ему случалось переправиться на другой берег, его сразу окружала толпа взволнованных душ. Все хотели знать, как дела в Стане. Некоторые видели, как Гонец Эла спустился в Стан, но оттуда не вышел. Эта история обросла такими дикими домыслами, что Адам не верил своим ушам, когда их ему пересказывали, требуя подтвердить или опровергнуть. Правды о том, что случилось в ту ночь, никто знать не желал. Скиталец отправлялся в город вместе с Адамом и старался унять толпу. Он говорил, что в Стане всегда жил диковинный народ и творились диковинные дела, а потому нечего забивать голову тем, что там происходит.

Однажды Маб разбудила их известием, что в лесистой долине на востоке, отделяющей Элохрам от моря травы – той, где водились волки, – горит множество походных костров. Днем Адам переправился через реку в Элгород. Там говорили, что Медвяна наконец-то вернулась в Элохрам и ее сопровождает воинство душ, каких нет в Элгороде или даже в Стане. Они явились через море травы из Элова Дворца, двигаясь с великой скоростью, потому что научились ездить на больших животных – четвероногих зверях, прежде на Земле невиданных. Звери эти могут возить двуногие души на спине, а кормятся травой.

Под вечер на дороге, петляющей по склону от храма к Элгороду, показалась вереница. Все выбежали поглазеть: двуногие души ехали на четвероногих зверях, словно два рода созданий слились в одно. Четвероногие ступали так быстро и ловко, что новые души преодолели долгий и трудный спуск вдвое

быстрее обычного.

Итак, наездники оказались на улицах Элгорода. Пешими они выглядели примерно как другие души. Все были высокие, правильно сложенные, как Адам и Ева, Тук и Скиталец. Волосы, длинные и светлые, они зачесывали назад с высокого лба; одежда, пусть и запылившаяся в дороге, тоже была светлой. У них были длинные палки с острыми железными наконечниками – отгонять волков, как догадался Адам, – и мечи, как у Гонца Эла, когда тот принял человеческий облик. В целом они очевидно были созданы по подобию ангелов Элова Дворца, только без крыльев. В Саду Адам таких никогда не видел и заключил, что они – новое творение Эла.

Это вскоре подтвердилось, Новоприбывшие держались особняком от обычных жителей Элгорода и называли себя автохтонами, что означает «родившиеся от Земли».

Пришельцы медленно ехали по улицам города, сопровождаемые толпой горожан, – все хотели увидеть их и потрогать мускулистые ноги и бока животных. Автохтон во главе колонны издалека приметил Адама. Этот автохтон (позже стало известно, что имя ему Предводитель) посмотрел на Адама без особых чувств, разве что с любопытством. Он обернулся что-то сказать душе позади него и при этом указал копьем на Адама. Слова передались по колонне, и все автохтоны посмотрели на него.

– Они здесь, чтобы нас заменить, – объявила Ева, выслушав рассказ Адама. – Мы не оправдали ожидания Эла. Он сам так сказал, когда выгонял нас из Сада. Мы никогда не станем такими, как ему хочется, потому что нас невозможно очистить от скверны альфа- и бета-миров. Можно было уже тогда угадать его следующий шаг: создать души нового рода, свободные от этой скверны, по подобию Эла, и поручить им то, с чем не справились мы.

Адам был настроен не столь мрачно, но и он признал, что в словах Евы что-то есть.

– Я все гадал, почему Эл не пришлет ангелов сделать со мной то, что Гонец Эла сделал с нашими мальчиками. Теперь я понимаю. Он может сотворить столько новых душ, сколько пожелает. Мы и наше потомство просто не важны. Нам позволят жить в глухих уголках Земли, как Каирн и другие старые души живут в Стане, но процветать и править будут автохтоны.

Адам и Ева давно не сходились, но в ту ночь они сошлись, и с тех пор это стало у них привычкой.

Автохтоны разбили лагерь на вырубленной земле под Элгородом. Она заросла жесткой травой, несъедобной и

бесполезной. Однако скакуны автохтонов умели питаться любой растительностью. Когда они съели всю сорную траву, автохтоны не позволили ей вырасти заново, а засеяли землю семенами, которые привезли с собой в мешках. Жители Элгорода любопытствовали, что это за семена. Адам, не дожидаясь, когда они взойдут, знал, что это новые растения, изобретенные Элом для новых душ; они дадут больший урожай, чем обычные посевы и дикие травы, которые испокон веков собирали горожане.

Автохтоны продолжали прибывать, по нескольку за раз. По словам Маб, летавшей далеко за море травы, они каждый день десятками появлялись из основания улья, строились в колонны (каждая под началом собственного Предводителя) и разъезжались в разные стороны. Некоторые скакали прямиком в Элохрам, другие сворачивали в края, о которых Маб ничего не знала.

Вскоре Элгород со всех сторон, кроме берега реки, окружили расчищенные и засеянные поля. Теперь затея Руба стала для всех еще важнее. До сих пор жители полагали, что Элгород может бесконечно разрастаться вширь на вырубленные земли. Теперь они хотели больше строить на оставшемся месте, а значит, и бревен требовалось больше. Руб ускорил подготовку, замедлившуюся из-за чрезмерной грандиозности замысла. Он сказал, что строительство города на новом участке должно заинтересовать всех, кто чувствует, что их теснят автохтоны со своими конями и посевами.

Старые души в Стане не сразу осознали перемены, ведь их жизнь со времен Переселения текла одним и тем же чередом. Они думали и действовали медленнее других. Каирн, например, хоть явил проворство в схватке с Элом, по словам соседей, иногда простаивал неподвижно несколько лет кряду. Старым душам нравились двенадцать детей Адама и Евы, но им было не угнаться за играющими и бегающими малышами. Поэтому лужайку посреди Стана обнесли плетнем из веток и гибких лоз, а детям запретили через него перелезать.

Адам часто бывал в городе по делам, а когда возвращался, рассказывал жителям Стана о новых поселениях автохтонов и о том, как Руб припасает орудия и веревки. Души вроде бы слушали, но не особо понимали, пока однажды Адам не позвал их оставить привычный Стан хотя бы на несколько часов и спуститься с ним к реке.

Малышей поручили надежным душам вроде Маб и Пыли, которым хватало живости догонять убегающих детей и ума не поддаваться на детские хитрости. Адам спустился с холма вместе с Евой, Скитальцем, Зверем и Каирном. Они вышли из леса, опоясывающего холм, и посмотрели через реку на Элгород.

Раньше он частично скрывался за штабелями бревен, теперь их по большей части разобрали, и взглядам открылись дымы и огни горнов и печей, а вокруг – лагерь, разбитый новыми душами на открытом месте. Дальше стояли городские дома – они росли день ото дня, хозяева укладывали бревна на крышу, достраивая верхние этажи. К северу и к югу от города тянулись зеленые поля – там поднимались всходы из посеянных автохтонами семян. Автохтоны отделили их стенами из камней и пней, которые выкорчевали при помощи своих четвероногих. Стены были выше всего со стороны города, отчего казалось, будто жителей заперли внутри. У тех оставался только выход к реке, и здесь, перед огнями, они собирали флот из плотов, нагруженных веревками, дерюгой, топорами и всем прочим, что требовалось для затеи Руба.

Адам невольно поднял взгляд туда, где сливались две реки и на оголенном холме высилось исполинское дерево. Когда Руб поклялся его свалить, оно было голое, а сейчас уже зеленело молодыми листьями. На склонах под ним виднелись веревки, натянутые между колышками, флажки, палатки и навесы, воздвигнутые помощниками Руба.

Хотя Адам предупреждал об этом уже несколько недель, старые души очень удивились и опечалились.

– Много лет назад, – промолвил Скиталец, – когда в долине еще не было города, только лес, я стоял там, где сейчас высится Элохрам, смотрел вниз и напрягал взгляд, силясь различить большое дерево. Теперь оно воистину одиноко. Я хотел бы пойти туда, встать перед ним и…

– Поговорить? – спросил Адам.

– Понять, насколько сумею, есть ли там с чем говорить, – ответил Скиталец. – Про дикие души никогда толком не поймешь; они не такие, как мы.

Они спустились к старым домикам на своем берегу реки. За последнее время многие души перебрались сюда из Элгорода и прилепили свои лачуги где придется. Даже переправиться через реку стало трудно. Пока они протискивались между лачугами, многие души выбирались на них поглазеть. Многие из этих душ знали только Элохрам да Элгород и никогда не видели таких, как Адам и Ева, не говоря уж о Звере и Каирне. К тому времени, как обитатели Стана добрались до места, где Адам обычно договаривался с лодочниками, их уже окружали несколько десятков душ, которым больше нечем было себя занять.

– Молва бежит быстрее вас, – заметил Крепыш, лодочник, часто возивший Адама на другой берег. Он говорил о быстроногой душе, которая уже успела всех предупредить.

– Я не знал, что наш приход – такое примечательное событие, – ответил Адам. – Несколько обитателей Стана вышли прогуляться к реке, только и всего.

– Времена меняются, – сказал Крепыш, – и на обитателей Стана смотрят не так, как прежде. Много лет тут все шло своим чередом. Потом заявились вы с Евой. Потом была странная ночная история с ангелом. Потом внезапно ниоткуда возникли двенадцать новых душ. Теперь среди нас и вокруг нас автохтоны, прямиком от Эла, вводят новые порядки, и с ними Медвяна. – Он глянул на белую башню Элохрама. – И она принесла новое учение, данное самим Элом. – Он посмотрел на быстроногую душу, которая известила о появлении Адама и остальных. Судя по виду, она лишь недавно покинула храм и не привыкла к тяготам городской жизни. – Послушник, скажи им, что знаешь.

Послушник заговорил с большим жаром, как будто за свою короткую жизнь еще ни разу не усомнился в собственной правоте:

– В Земле будет новый порядок. Его несут нам автохтоны, посланные Элом исправить все прежние неправильности.

И Послушник, на случай если его не поняли, глянул на Адама, Еву и других обитателей Стана.

Они ждали, что он еще скажет, но Послушник молчал, и Скиталец задал вопрос:

– Что до этого мне и остальным в Стане? Мы неплохо жили в Первом городе еще до Эла, а после так же неплохо в Стане. Прошу заметить, мы не просили у Эла советов, как нам себя улучшить.

– Так или иначе, – сказал Послушник, – новый город на холме не станет новым Элгородом. Он будет строиться по указаниям Медвяны, получившей их во Дворце Эла.

– Вижу, пришло мне время подняться в храм и побеседовать с Медвяной, – заметил Скиталец. – Не с тем, чтобы нарушить планы, о которых ты говорил, мне до них дела нет, а чтобы возобновить старое знакомство и больше узнать о ее намерениях. Заодно побываю на холме и выясню, что там со старым деревом. Крепыш, я отправлюсь за реку на твоей лодке, если в ней есть место.

– Нет в ней места, – ответил Крепыш.

– Будет, – возразил Скиталец, – если ты переложишь ту бухту веревки и сдвинешь бочонок с гвоздями.

– Не твоего ума дело, как мне раскладывать в моей лодке груз, – буркнул Крепыш. – Для тебя и таких, как ты, в ней места нет.

Скиталец опешил, и Адам увидел смятение в его ауре.

– Ладно, – сказал он. – Может, как-нибудь в другой раз.

– Может, – ответил Крепыш и пошел к своей лодке.

Его помощники отвязали веревки, которыми она крепилась к берегу, и на веслах отошли от берега, направляясь не к Элгороду, а к будущему поселению под деревом.

Каирн (он не особо умел говорить) звуками дал понять, что ему все равно, его ни одна лодка не выдержит, и затопал к реке. Так он и топал, пока не исчез под водой; только след пузырей и взмученного ила показывал, где он идет, да и тот быстро уносило течение.

Адам и Ева привыкли к старым диким душам и удивились меньше горожан. Тем, впрочем, увиденное совсем не понравилось. Они ворчали, как это неправильно и противно естеству.

Рядом загружали другую лодку, поновее, но ее хозяин поднял руку, словно запрещая Скитальцу даже смотреть на нее.

– Мы все знаем, что сталось с лодкой Руба, – сказал он, мрачно косясь на Адама.

Это была полнейшая бессмыслица, но все души вокруг, судя по лицам, тоже считали, что, раз Адам как-то участвовал в истории с лодкой Руба, больше его к лодкам подпускать нельзя.

– Автохтоны ростом и силой не уступают тебе, Адам, а их кони еще сильнее, – объявил Послушник. – Ты здесь больше не нужен, так что лучше сиди в Стане и приглядывай за душами, которых породил, чтобы не бедокурили!

Адам и Ева пришли в ярость; Скитальцу и Зверю пришлось их увести.

Раз в лодки их больше не брали, Адам и Скиталец на следующий день пошли от Стана на север вдоль реки. Они хотели добраться до обрыва на западном берегу, откуда, по словам Скитальца, был хорошо виден холм с большим деревом. Их путь вверх по течению пролегал там же, где Адам и другие артельщики шли вниз по течению в день, когда Руб лишился лодки. Адам приметил следы, по виду свежие, в том числе необычно большие, поэтому не удивился, наткнувшись на Тука и его шайку.

Они разбили лагерь на том самом обрыве, куда шли Скиталец и Адам. Так что путь вперед был отрезан, но, как обнаружилось позже, люди Тука были и у них за спиной. Адам предлагал незаметно ускользнуть, но Скиталец сказал: это бесполезно, раз их уже заметили. За спиной он нес сверток из старого одеяла, который сейчас положил на землю и отогнул ветхую ткань. Под ней была рукоять меча, некогда висевшего на бедре у Гонца Эла. Клинок скрывали темные ножны, но, когда Скиталец немного его выдвинул, блеснул свет.

– У меня меч, – сказал он, – а у тебя на поясе нож. Наше

оружие выковано самим Делатором. Если дойдет до боя, Тук пожалеет, что в него ввязался.

Адам немного ободрился и в то же время устыдился своей наивности – в давней битве с шайкой Тука ангельский нож был у него на поясе, но ему и в голову не пришло обратить это оружие против нападающих.

Скиталец выступил на открытое место, замахал руками и зычно окликнул Тука. Кусты поблизости зашуршали, и Адам, обернувшись, увидел, что из-за них выходит высокая женщина. Очевидно, она давно шла за ними, но так тихо, что они ее не заметили. Адам помнил ее по стычке у лодки. В руке у нее болталась сложенная веревка, в сетке лежал гладкий камень. Адам видел, как женщина орудует пращой, и усомнился, что от меча будет прок, если она решит издали забросать их камнями.

Но этого не произошло. На обрыве их встретил сам Тук – дружелюбно, хоть и настороженно. Адам узнал некоторых членов шайки. Двое из них определенно желали продолжить разбирательство с того места, на котором остановились, но Тук сказал:

– Адам вступил в стычку последним, и только защищая себя и товарищей. Если вы на него злитесь, то спросите себя, что бы подумали о нем, стой он в сторонке, пока мы с ними расправлялись.

Они вроде бы успокоились. Тук приветствовал женщину, назвав ее Фррр, и она в ответ приветствовала его по-свойски.

В день стычки Адаму было недосуг разглядывать людей Тука. Теперь, когда они стояли у костра, он видел разные типы. Тут были старые души; были поновей, такие как Фррр, определенно формировавшиеся в глуши, где у них не было изваяний для образца, а были и выращенные в Элохраме. Однако даже они казались выше и статнее жителей Элгорода, как будто вольная жизнь с Туком и его шайкой изменила их облик.

Вид отсюда был превосходный – и на другой берег, и на город. Тук кивнул на дымы Элгорода в окружении зеленых полей.

– Те, кого там заперли, теперь строят себе новую тюрьму. – Он перевел взгляд выше по течению. – Жалко, что дерево им мешает.

Адам уже хотел вступиться за дерево, когда увидел, что Скиталец с Туком переглянулись. Тогда он понял, что Тук отпустил шутку насчет Руба.

– Будь там только Руб со своей артелью, – Тук покосился на Адама, – я бы их отогнал. Но он пришел с армией.

Этого слова Адам прежде не слышал, но, глядя на души, кишащие под деревом, сообразил, что оно означает что-то вроде

Элова воинства. На холме были сотни душ. В основном они разгружали лодки и складывали на берегу различные припасы, но некоторые ходили по склону, вбивали колья – через реку отчетливо доносились удары молотков – и натягивали между ними веревки.

На самой вершине, под деревом, не было ни душ, ни кольев, ни веревок. Посреди этого пустого пространства стояла груда камней с человека высотой. Сейчас она не двигалась, но по глубоким следам Адам видел, что Каирн так и шел по прямой через реку. По пути он разрушил некоторые приготовления Руба, пройдя по ним, как по земле. Там уже работали души, восстанавливая растоптанное.

– Ваш друг? – спросила Фррр и рассмеялась. – Забавно было смотреть, как он поднимается на холм.

– Он обитает в Стане давным-давно и окрестные дикие души знает по той поре, когда Земля была молода. Тогда за год странствий можно было не встретить ни одной новой души.

– Ему не повезло, что он оказался в такой гуще соседей, – заметил Тук.

– Я виню себя, – ответил Скиталец, – что привечал новые души и позволил им селиться здесь. Я думал, они обретут мудрость. А они делали одну глупость за другой.

Фррр повернулась спиной к реке и глянула на север и на запад, где высились заснеженные горы.

– Есть другие места, где души могут жить свободно. По крайней мере, долгие годы.

– Рано или поздно там произойдет то же самое, – заметил Тук, – если не запретить новым душам приносить туда свои обычаи и порядки.

Скиталец кивнул:

– Я должен был предвидеть это давным-давно, но мне было хорошо одному в моем домике и не хотелось думать, чем там заняты новые души.

– А что ходячая груда камней делает на холме? – спросила Фррр, вновь поворачиваясь в ту сторону.

– Вчера мы хотели все туда отправиться, – сказал Адам, – и узнать, можно ли еще говорить с теми древними душами. Однако лодочники отказались нас везти. Поэтому Каирн пошел один. Наверное, он по-своему говорит и слушает, будет ли ответ.

– Допустим, он сумеет объяснить, что дерево в опасности, но какой с того прок? – сказал Тук. – Если я предупрежу члена моей шайки, что в него летит камень из пращи Фррр, тот успеет отскочить, и это не изменит его форму. Но если дерево однажды приняло форму, ушло корнями вглубь и жило тут много лет,

может ли оно уйти от опасности? А если может, останется ли оно собой? Или движение превратит его в нечто иное и оно умрет ровно так же, как если бы его срубили?

– Хороший вопрос, – молвил Скиталец, – и у меня нет на него ответа.

Адаму вспомнилась стычка между шайкой Тука и Рубовой артелью, особенно душа, которую Яр безжалостно лупил железной палкой, так что аура излилась и превратилась в хаос. Вспомнил он и Гонца Эла, который не сумел собрать свою форму обратно. Может ли такое произойти с любой душой? Даже с самим Ждодом, когда Эл его низверг? Исчезает ли эта душа навеки или порождается снова и заново начинает себя оформлять?

Каирн простоял на одном месте почти весь день, затем внезапно пришел в движение и отчасти зашагал, отчасти посыпался с холма, цепляя по пути веревки и тенты, которые теперь волочились за ним длинным шлейфом. Его спуск вызвал на склоне мелкие камнепады и оползни. Некоторые Рубовы работники обиделись. Трое из них, подначивая друг друга, осмелели и начали швырять в Каирна камнями – им, похоже, и в голову не пришло, что груде булыжников от этого ни жарко ни холодно. Тук, Фррр, Скиталец и Адам расхохотались. То, что они увидели смешное в одном и том же, неожиданно сблизило их, и расстались они вполне по-дружески.

Адам и Скиталец вернулись в Стан. Каирн, украшенный несколькими новыми камнями, стоял на центральной лужайке, вокруг него играли дети Адама и Евы. Они уже почти догнали ростом большинство элгородских душ.

Адам пошел в дом к Еве. Она увидела по ауре, что в нем что-то изменилось, и они вышли прогуляться по лесу и обсудить новости.

– Грядут перемены, – сказал Адам. – Думаю, нам надо собираться в путь.

– Стан был для нас хорошим приютом, – согласилась Ева, – но, сидя здесь, мы не найдем нашу мать Весну, так что пора уходить.

– Нас ждут трудности, – предупредил Адам, думая, каково будет путешествовать с двенадцатью детьми.

– Мне можешь не рассказывать, – ответила Ева.

Адам пристыженно отвел глаза.

– Может быть, кто-нибудь из новых друзей пойдет с нами и облегчит наше бремя, – добавила Ева.

Позже, в вечерней тишине, они услышали далекий стук топоров по дереву и ликующие вопли.

Наутро Адам и Ева пошли на высокий берег глянуть, как идут работы. Сотни душ забрались на дерево и обрубали ветви, чтобы потом было легче повалить ствол. Ветви падали на землю, каждая размером с хорошее дерево. Работники обвязывали их веревками и тащили вниз по склону. Сам ствол тоже обмотали веревками, натянули их в одну сторону и закрепили на старых пнях или на глубоко вбитых кольях. Внизу работал не один дровосек, а несколько команд – они вгрызались в основание ствола с разных сторон.

За следующие два дня все дерево опоясала кольцевая зарубка такой высоты, что двенадцать душ могли поместиться там в полный рост и орудовать топорами. К тому времени оно стояло без единой ветки – огромный столб на вершине холма, чуть наклоненный в ту сторону, куда тянули веревки. Казалось, оно так и будет медленно клониться, пока не ляжет на землю. Однако в середине третьего дня раздался оглушительный треск, эхом прокатившийся по окрестным холмам. Дерево медленно накренилось – во всяком случае, для тех, кто смотрел издали, это происходило медленно. Однако по тому, как разбегались души, можно было угадать, как стремительно падает ствол. Аура струей ударила из пня, будто сняли крышку с кипящего котла, и рассеялась в воздухе. Души на холме издали ликующий вопль.

Который перешел в крики ужаса, когда холм содрогнулся. Издали это выглядело так, будто исполинский зверь глубоко вздохнул во сне.

Движение прокатилось от вершины холма к подножиям, словно ветер по траве, не ослабевая, а, наоборот, набирая силу. Присмотревшись, Адам и Ева различили, что это души и все их припасы. Словно крошки со скатерти, они сыпались в реку по всем сторонам холма. Вода забурлила от душ и падающих предметов.

В следующее мгновение их накрыло второй волной, темнее и тяжелее, пробежавшей по склонам от более сильных содроганий. Земля низвергалась с холма, увлекая бесчисленные пни. Она похоронила под собой души у берегов и бесформенной массой сползла в воду.

Две реки вырвались из-под оползня, взметнувшись белыми волнами. Адаму и Еве, смотревшим вверх по течению, казалось, что волны – по одной от каждого рукава – раскинулись поперек потока ангельскими крылами и ударили в берега, взметая грязную пену. Вода вела себя так, будто в ней живет собственная душа и душа эта напугана. В следующий миг она решила, что спасение лежит в стороне Элгорода. Две водяных горы схлестнулись в месте слияния, у подножия холма – вернее, у

подножия того места, где только что был холм. Теперь он сбросил земляной плащ и явил взглядам каменный остов, похожий на многократно увеличенного Каирна.

В других обстоятельствах они смотрели бы на него во все глаза, но сейчас не могли оторвать взгляд от неумолимого натиска воды. Две волны сложились в единый отвесный уступ; его скорость могла бы показаться медленно-величавой, если бы не бегущие со всех ног перепуганные души на берегах.

Волна прокатилась по Элгороду, круша здания и гася огни, на месте которых вставали белые столбы дыма. Она перехлестнула через новые стены на поля автохтонов, усеивая их обломками разрушенных домов. Чем дальше она разливалась, тем медленнее становилось ее течение, и, когда достигло автохтонов, было не глубже чем по колено их четвероногим. Недавних пришельцев наводнение почти не затронуло. Их поля пестрели лужами и обломками. Хуже было дело в городе, где многие здания рухнули, а другие, на удивление, горели.

Горожане торопливо спасали свои пожитки и помогали соседям выбраться из-под обломков. То же самое творилось в поселениях под Станом – их тоже смело наводнением. Однако до Стана на холме вода не дошла. Адам, Ева и другие здешние души обратили взоры к развилке реки. Раньше они бы сказали «к холму с огромным деревом», но теперь не осталось ни дерева, ни холма.

На их месте стояло нагромождение валунов, каждый размером с дом. Оно медленно сужалось и вытягивалось вверх, так что достигло уже высоты прежнего холма вместе с деревом. Это происходило с той неуклонностью, с какой вечером удлиняются тени: если смотреть неотрывно, казалось, будто ничего не меняется.

– Надо спуститься и помочь этим людям, – объявила Ева.

Она схватила с крюка у двери топор и двинулась к реке, но, обернувшись, заметила, что Адам за ней не идет.

– Надо, – ответил Адам, – и мы туда пойдем. Но мы должны быть готовы отсюда уходить, возможно, в спешке.

– Почему? – удивилась Ева.

– Они обвинят во всем нас.

– Глупость какая!

– Я много времени провел среди них, и, увы, они куда чаще поступают глупо, чем разумно. Ими управляют чувства и слухи. Хотя не мы срубили дерево, они глянут на это… – он указал на исполинскую груду валунов, – и приметят его сходство с Каирном. Они скажут, что все мы, даже наши дети, одинаково повинны в том, что сейчас случилось, а заодно и во всем прочем несовершенстве мира. Они придут сюда и попытаются сделать с

нами то, что Каирн сделал с Гонцом Эла, а Руб и его артельщики – с большим деревом.

До сих пор Адам не отличался мудростью и предвидением – гораздо чаще события заставали его врасплох. Однако на сей раз все вышло, как он сказал. Они с Евой спустились к реке и начали разбирать завалы, освобождая погребенные под ними души, и передавать ведра с водой для тушения пожаров. Многие их благодарили, но другие перешептывались и бросали на них мрачные взгляды.

Из разрушенного Элгорода прибывали лодки. На одних были беженцы, на других – помощь в лице автохтонов. Все по пути через реку смотрели туда, где прежде стоял холм. На слиянии рек теперь высился каменный столп с подобием двух ног и огромным валуном наверху.

Горожане, которые подозрительно косились на Адама и Еву, когда те им помогали, с огромной радостью приняли помощь автохтонов. Некоторые даже говорили, что теперь, когда автохтоны здесь, Адам и Ева им без надобности. Другие неровным кольцом окружили Предводителя и громко высказывали свои страхи и призывы к мести. Ева глянула на Адама, и они без слов повернули к Стану.

Они только-только поднялись на холм, как туда, заметив их уход, повалила толпа душ с топорами и железными палками. Ничто не мешало тем войти в Стан и свободно ходить между старыми жилищами среди деревьев. Вскоре послышались шум и треск – городские души ломали дома, разбирая их на бревна и кирпичи. На поляне посередине Стана здешние души несколько месяцев назад соорудили ограду из переплетенных сухих и свежих ветвей, чтобы малыши не разбегались. Ограда не устояла бы перед топорами и огнем, однако пока горожане не смели идти на приступ и толпились по другую ее сторону.

Калитка была плетеная, и защитники даже не потрудились ее закрыть. Но подле нее стояли Каирн, а также Адам и Скиталец в угрожающих позах, так что никто в нее не совался.

Так продолжалось какое-то время, потом на холм во главе двух десятков автохтонов поднялся Предводитель. Он проехал в калитку и здесь остановился, потому что Каирн преградил ему путь. По бокам от Каирна встали Адам и Скиталец. Другие автохтоны тоже подъехали и собрались за Предводителем. Горожане подались ближе и теперь толкались между четвероногими.

– Мы видим, что творится, – объявил Скиталец, – и готовы покинуть это место, где многие из нас мирно обитали с конца Первой эпохи.

Глава автохтонов пожал плечами:

– Эпохи приходят и уходят. Ваша кончилась.

– Этот урок стоит усвоить и вам, – заметил Скиталец. – А пока, раз элгородские души вроде бы чтут твою власть, попроси их удалиться из Стана, чтобы мы спокойно собрали вещи и ушли. У них будет вдоволь времени грабить дома после нашего ухода.

– Куда вы уйдете? – спросил Предводитель. – Вы ушли из Первого города сюда, и вот чем все закончилось. Теперь, я смотрю, вы готовы повторить ту же ошибку на новом месте.

– А ты можешь посоветовать что-нибудь другое? – раздраженно спросил Скиталец.

– Останьтесь, – сказал Предводитель, – покоритесь мудрости Эла и живите по новым порядкам. Я прослежу, чтобы Стан не тронули и вашему добру не причинили вреда.

При этих словах решимость Адама дрогнула. Он представил, как они с Евой и детишками будут мирно жить в Стане среди друзей и с каждым листопадом делать на стене зарубку. Почти как в Саду за Эловым Дворцом. Ева подошла сзади, стиснула Адаму руку и потянулась к нему аурой.

Тут Адам очнулся и вспомнил про ночь ножа. Свободной рукой он сжал рукоять – не вытащить из ножен, а просто убедиться, что нож на месте и та ночь не была сном. Громко, так что весь Стан слышал его слова, Адам обратился к Предводителю:

– Когда сюда заявился Гонец Эла, мы узнали, что сулят нам новые порядки!

Он обнял Еву за талию и придвинул к себе.

– То, что сделал Гонец Эла в ту ночь, и то, что сделали с ним, нельзя обратить вспять, – продолжал Адам. – Мы уйдем, и нам будет не хуже, чем когда нас изгнали из Сада.

Он обернулся к Каирну, Пыли и прочим душам Стана. За это время к ним со стороны леса подошли Тук, Фррр и другие члены шайки. Адам заговорил снова:

– Я не имею власти над этими душами. Многие из них старше меня и Евы. Пусть решают сами.

Он думал, что Скиталец или другие души скажут что-нибудь еще, но тут Ева сперва прижалась к нему, затем поднырнула ему под руку, прячась за его спиной. От Предводителя к ее животу протянулся тонкий отросток ауры. Адаму не понравилось, что ее так ощупывают, и он, встав между Евой и Предводителем, взмахом руки попытался разорвать ауру. Однако Предводитель уже узнал Евин секрет.

– Ты снова непорожняя! – воскликнул он. – Первый раз вы создали новые души без умысла, и вины на вас не было. Но после того, о чем сейчас говорил Адам, вы осознанно поступили

наперекор Эловой воле. Этому надо положить конец!

И Предводитель направил коня вперед.

Тут всех ослепила вспышка, яркая, как солнце, – Скиталец извлек из темных ножен меч.

– Прежде чем скажешь еще хоть одно угрожающее слово, – произнес он, – вспомни судьбу того, кто пришел сюда с этим мечом.

Конь Предводителя взвился на дыбы и попятился от Делаторова меча. Несколько мгновений автохтон успокаивал скакуна, затем воскликнул в гневе:

– Там таких еще много! Целый арсенал в подземельях Дворца!

Камень со свистом пролетел в воздухе и ударился в ограду рядом с Предводителем, сломав сухую ветку. Все повернулись к Фррр. Она, вращая в руке пращу, уже тянулась к сумке за новым камнем.

– Зови свои мечи с небес, – сказала она Предводителю. – У нас тут камней хватает.

Адам, как и все, повернулся к Фррр, но тут его отвлекло нечто невозможное. Что-то узкое, красное и мокрое торчало из его груди почти на длину руки. Не веря своим глазам, он ухватился за это сперва одной рукой, потом второй и понял, что оно так же реально, как земля под его ногами. Почти на всю длину это был гладкий металлический шест, но заканчивался он обоюдоострым лезвием кованого железа. Адам ухватился за него – лезвие глубоко вонзилось в ладони.

Его закололи со спины копьем, какими автохтоны отгоняли волков.

Копье давило, причиняя Адаму такую боль, какой он еще знал, и вынуждало его вновь повернуться к Предводителю. Одновременно он увидел Еву. Она странно изогнулась, и Адам понял, что другая женщина, поменьше – Точила – подкралась сзади и приставила ей к горлу нож. Ева двумя руками удерживала запястье Точилы, но та свободной рукой ухватила Еву за волосы и впилась зубами в ее ухо.

Теперь Адам догадался, кто держит копье. Повернув голову, он увидел, что это и впрямь Яр. Копье было длинное, так что Адам не сумел бы дотянуться до Яра. Сам Яр не смел встретить Адамов взгляд и смотрел только на автохтона.

– Вот, Предводитель! – крикнул он. – Не все мы в Элгороде такие непокорные, как эти двое!

Яр ждал, что Предводитель одобрит их действия, однако на лице автохтона были написаны ужас и отчаяние.

Адам упал на колени. Его торс растворялся в хаосе, уже не

удерживая копье. Он рухнул на четвереньки, изо рта у него хлынула кровь. Ева, по-прежнему сплетенная в схватке с Точилой, сделала шаг к нему.

Блеснул свет – это приближался Скиталец. Точила, увидев его, выпустила ухо Евы и крикнула:

– Не подходи!

Ева воспользовалась этим и попыталась вырваться. При этом она оказалась еще ближе к Адаму. Тот поднялся на корточки. Копье уже не ограничивало движений растворяющегося тела. Перед глазами было темно, но он смутно видел Точилу и Еву на расстоянии вытянутой руки.

Последним усилием он выхватил нож и всадил Точиле в бок. Затем мир перед ним рассыпался в хаос.

Точила осела на землю, как сброшенное платье. Нож выпал из ее руки. Она лежала рядом с Адамом, потом оба рассыпались в хаос и их не стало.

Ева, стоя на коленях, пыталась руками обратно слепить форму Адама, но это было все равно что собирать дым. Остался только лучезарный нож. Ева подняла его и поднесла к лицу, хотя свет резал глаза. С мыслью о мести она повернулась к Яру.

Убийца выронил копье и пятился от Скитальца, теснившего его мечом. Позади была шайка Тука. Ева шагнула к Яру, сжимая нож. Предводитель ринулся ей наперерез, однако путь ему преградил Каирн. Другие автохтоны тронули поводья, но Предводитель жестом велел им оставаться на месте.

– Долина видела на сегодня довольно разрушений, незачем их множить, – сказал он. – Адама больше нет, и Точилы тоже. Яр безоружен, и, если вы его сейчас убьете, никому лучше не станет.

– Он совершил убийство. Мы все это видели, – возразил Скиталец.

Предводитель кивнул:

– Эл в своей мудрости счел нужным составить законы и назначить магистратов для их исполнения. Это одна из причин, почему мы здесь. Выдайте нам Яра безоружным, и мы проследим, чтоб свершилось правосудие Эла.

Скиталец задумался:

– Сейчас он только один. Что будет, когда другой Яр, а за ним третий придут сюда красть и убивать?

Предводитель сказал:

– Мы примерно накажем Яра, чтобы отбить охоту у других. Однако Эл не дал мне власти отвращать чужие умы от глупых решений.

Яр, улучив мгновение, рванул было прочь, однако Пыль

обвила его смерчем, бросая песок в глаза. В следующий миг пущенный из пращи камень угодил ему в спину. Яр упал на колени, и два автохтона подскакали к нему с двух сторон.

Убедившись, что Яра скрутили, Предводитель вновь повернулся к Скитальцу:

– Мы проследим, чтобы вас на время оставили в покое. Через три дня мы перестанем защищать Стан от тех, кто лишился имущества или одержим жаждой мести. Тогда вы узнаете, что они тоже умеют бросать камни.

Скиталец убрал меч в ножны, сияние исчезло, и обычный дневной свет показался сумеречным.

Предводитель отдал приказ автохтонам, и те проехали по Стану, выгоняя грабителей к реке.

Затем Предводитель заставил своего коня попятиться к калитке. Смотрел он на Еву – та рыдала навзрыд, стоя между Скитальцем и Каирном. Аура Предводителя говорила о глубокой задумчивости. Он тряхнул головой.

– Совсем не это Эл предвидел, когда какие-то недели назад поручал мне и моему отряду установить порядок в Стане и Элгороде. – Он склонил голову набок и глянул на каменный холм-исполин. – И я говорю лишь о здешних ужасных событиях. То существо – неожиданность совершенно иного порядка.

Ева отчасти овладела собой и, по крайней мере, слышала, что он говорит.

– В Стане, – повторила она. – Что сказал Эл о Стане и том, какой порядок тут надо установить?

– Он сказал, что тут обитает горстка душ, по большей части чудны€х и своенравных, но его заботят только две.

– Я и Адам, – сказала Ева.

– Да.

– Потому что мы можем порождать себе подобных.

– Разумеется.

– И что ты скажешь Элу, когда будешь ему докладывать? – спросила Ева.

– Что Адама больше нет, – ответил Предводитель.

– И больше ничего ему не скажешь?

– Не скажу. Но он скоро узнает сам. – И Предводитель глянул на Евин живот.

– Тогда спасибо, что пощадил меня и пообещал хранить мой секрет, – сказала Ева.

Предводитель задумался и пожал плечами:

– Мне кажется, так будет правильно. Это не совсем то, чего хотел Эл, однако со своего высокого трона во Дворце он не видит Землю во всей ее сложности. Земля была сотворена неправильно,

и все его старания это изменить лишь порождают новое зло. Таким душам, как я, предстоит решать, как с этим быть, и, хотя я не вижу всех ответов, мне думается, новое зло делу не поможет.

С этими словами Предводитель поворотил коня и выехал в калитку.

С помощью Тука и его шайки обитатели Стана начали складывать те пожитки, какие можно было прихватить с собой, и готовиться к долгому пути. Два дня прошли в сборах, которые становились все более трудными и бестолковыми, однако на третий день все, сгибаясь под тяжестью поклажи, собрались на поляне и посмотрели на Скитальца, ожидая указаний, куда идти.

– Мест на Земле много, – сказал тот, – но, думаю, проще всего будет идти по его стопам.

И он указал на север. Каменный исполин за вчерашний день заметно сдвинулся к западу от реки. Судя по всему, он намеревался выбраться из долины и посмотреть, что лежит за горами.

Они спустились к реке. Сегодня она была куда шире, чем вчера, мутная и пахла солью далекого моря.

47

По большей части наблюдать за Битмиром было буквально все равно что смотреть, как растет трава. Когда-нибудь тамошние души придумают краску, и тогда зрители в Митспейсе получат удовольствие глядеть, как она сохнет. И тем не менее миллионы за ним наблюдали, потому что было что-то затягивающее в самом безумии происходящего.

Примерно как в бейсболе. Корваллис Кавасаки никогда не любил этот вид спорта, несмотря на то что (а может быть, именно потому что) играл в детстве в Малой лиге и японская сторона семьи всячески старалась разжечь в нем интерес. Родственники с южноазиатской стороны обожали крикет, так что у маленького Корваллиса был выбор между двумя похожими видами спорта, в которых редкие всплески активности дают зрителям стимул высиживать долгие промежутки, когда ничего не происходит.

Все это пришлось кстати в год после смерти Мэйв и странного визита Метатрона с невнятными угрозами по поводу ВоЖда. Определенно творилось что-то с участием процессов «Адама» и «Евы». Они вроде бы осели на одном месте и больше не перемещались, но плотно взаимодействовали с процессом Мэйв, а через некоторое время родили детей. Следом произошло что-то совсем непонятное – некая «стычка» между одним из крылатых существ Элмо Шепарда и старым процессом Маг-1, пожелавшим воплотиться в ходячую груду камней. Это сопровождалось необъяснимыми движениями маны. Бухгалтеры и юристы из Зелрек-Аалберга пошли на беспрецедентный шаг – лично прилетели в Сиэтл закатить коллегам скандал. Мало того, что «дети» Доджа и Верны расходуют средства из Земельных участков и Строений. Мало того, что они породили потомство. Теперь они еще каким-то образом черпают ману непосредственно с серверов, которые зелрек-аалбергцы ценой огромных расходов запустили на орбиту.

Они жульничают. Во всяком случае, зелрек-аалбергское руководство чувствовало себя обжуленным. По данным «Провил», «Адам» и «Ева» просто растили детей и рубили лес, однако, когда на это указывали фландрским счетоводам, те злились еще больше. На их взгляд, Си-плюс нагло отрицал очевидные факты и, хуже того, тихонько посмеивался. Зелрек-аалбергцы были в бешенстве. Пришлось звать Еноха Роота в качестве посредника.

Все это время коэффициент временного сдвига колебался в районе единицы, то есть в «Провил» обитатели Битмира то замедлялись, то ускорялись, но не застывали и не превращались в

смазанные черточки. В среднем время в Битмире мало отличалось от чередования дней и ночей в Митспейсе. Отклонения были связаны не с тем, что происходит в Битмире, – там мало что менялось, – а с тем, как продвигались (либо стопорились) большие инженерные проекты во Фландрии и особенно большая обитаемая станция, которую зелрек-аалбергцы строили на геосинхронной орбите.

Положение круто изменилось в момент Большого шлема[2], как назвал это Корваллис.

Аналогия была из бейсбола. Иногда за долгий медленный иннинг развивается ситуация, когда все базы заняты, у отбивающей команды остался последний аут, два мяча, три страйка, менеджер раза два сходил на горку, запасной питчер разминается на площадке, бэттер отправляет за боковую линию одну подачу за другой, публика близка к белому калению – и тут несколько мгновений меняют все.

Что-то подобное произошло в Битмире. Адам погиб. Ева, беременная, двинулась в путь за одним из Эфратских одиннадцати, воплотившимся в исполинскую гуманоидную форму из валунов и земли. Они двигались по части Ландшафта, которая откололась и сползала в море, дробясь на ходу. Новые души – очевидно, не основанные на сканах покойников, а созданные с нуля – распространялись из башни Эла, занимали позиции в стратегических точках и, судя по всему, подминали под себя души, попавшие сюда обычным порядком.

На все это уходило бешеное количество маны. Для душ в Битмире пробуждение великана, наводнение в городе, убийство «Адама» и почти весь раскол континента произошли за несколько дней, однако на моделирование этого в Митспейсе потребовался без малого год. Миллионы зрителей утратили интерес к Программе визуализации Ландшафта. Самые упорные отыскивали в ней новые развлечения: разглядывать с увеличением различные цветы, смотреть на горные виды с разных ракурсов, совершать виртуальные туры по застывшим местностям, где птицы висели в воздухе почти без движения.

Этот антракт (в бейсбольных терминах – перерыв посередине седьмого иннинга) – продолжался примерно два митспейсовских года. За это время и СЛЮ, и ЗА составили планы дальнейшего расширения Битмира: демографического перехода от Маг-6 к Маг-8 (от миллиона душ к сотням миллионов), ввода в эксплуатацию на орбите комплекса солнечных батарей, вычислительных мощностей и радиаторов, излучающих в космос тусклый инфракрасный свет. Так что время было для перерыва удачное. Когда наконец рубильники включили и новое

оборудование заработало, коэффициент временного сдвига скакнул на порядки: теперь за один день в Митспейсе пролетали месяцы в Битмире. Си-плюс мог бы, если хотел, за один вечер пронаблюдать, как голые деревья зеленеют, краснеют и облетают.

Проследить истории отдельных душ стало невозможно. Зрители уже не могли следить за ними, как в мексиканской мыльной опере или русском классическом романе. Теперь все фанаты превратились в психоисториков.

Новая раса душ, изобретенная Элом в его башне, продолжала расселяться волнами. Судя по всему, Эл поручил им следить за порядком, чтобы клиенты – все более многочисленные души из биологических сканов – не безобразничали. Они почти никогда не пересекали широкий пролив между Ландшафтом и отколовшимся куском. Кусок этот продолжал дробиться, превращаясь в архипелаг. Почти все души Маг 1–3 постепенно собрались там. Дети, родившиеся у Евы после переселения, сошлись между собой и породили себе подобных.

Столетия прошли в Битмире, года – в Митспейсе. Си-плюс чувствовал, что превращается из моложавого пожилого человека в старика. Он все меньше следил за событиями в Битмире, только проверял, как там Мэйв, Верна и некоторые другие. Иногда заявлялись Метатроны с новыми претензиями по поводу ВоЖда. Си-плюс выслушивал их терпеливо, словно дальнего родственника, вещающего о происках иллюминатов. Додж там, Додж сям, Додж повсюду в чужом обличье, что-то надо делать с Доджем. Потом, видимо, они как-то решили проблему и перестали жаловаться.

Корваллису было все равно. Он летал.

В детстве, девяносто лет назад, Корваллису снилось, что он летает. Во сне он раскидывал руки, как крылья, и летел над городом, чье имя носил, пикировал на школьную игровую площадку, видел одноклассников на лазалках и качелях. И это было упоительно.

Как со многим, что детскому воображению кажется обалденно классным, с полетом в реальности все куда сложнее, и то, как вы эмоционально реагируете на расхождение детской мечты и взрослой правды жизни, во многом определяет вашу дальнейшую жизнь. Маленький Корваллис хотел стать пожарным, ниндзя, частным сыщиком, а когда понял, что это такое на самом деле, расхотел. Быть римским легионером ему до поры до времени нравилось, но в определенном возрасте невозможно столько копать.

Когда умерла Мэйв, Корваллис уже был по многим параметрам стариком. Он видел это в поведении незнакомых

людей. Девушки не считали его угрозой и держались с ним более открыто и дружелюбно. Другие старики запросто обращались к нему на улице, словно к члену общего тайного клуба.

Так что, унаследовав летательный аппарат Мэйв и пугающе большой запас нейроактивных средств, он чуть было не выбросил это все под предлогом, что слишком для такого стар.

Потом вспомнил про детские сны и решил, что *эта* мечта не останется несбывшейся. Ниндзя и частным сыщиком он уже скорее всего не станет. Но как ни трудно летать в сравнении с детскими фантазиями, если он преодолеет все трудности, то покажет, чего стоит.

И это только в нынешней жизни. В будущей, возможно, умение летать поможет ему достичь других целей. Исправить былые ошибки и заплатить старые долги.

Так что он заново установил тренажер Мэйв. Корваллис любил ее, несмотря на некоторые черты характера – и даже, возможно, именно за них. И отпечаток ее противоречивой личности читался в каждой мелкой детали тренажера. Все было придумано и собрано на ее особый лад, вплоть до выбора креплений и устройства обвязки. Тренажер был священной реликвией, не чем-то, что можно доверить подчиненному, поэтому Си-плюс год разбирал его сам – страусовые перья и вышивку бисером, макраме, индейские ткани и внутривенные капельницы. Он поместил все за стекло в своего рода музее или святилище в уголке старого боинг-филдовского ангара. Раньше тут проводили техобслуживание частных самолетов, теперь ангар пустовал, поскольку ремонтные работы осуществляли специальные роботы прямо на поле или даже в полете.

Механическую часть системы Корваллис выстроил заново с нуля. Обвязку изготовили специально для него, с подушечками, чтобы он не заработал пролежни, даже если проведет в ней недели. Сервоприводы были мощнее и в то же время более чуткие. Он добавил большие вентиляторы, которые обдували его ветром, когда он грезил, будто пикирует или резко взмывает в восходящем потоке.

Покуда инженеры этим занимались, сам Корваллис изучал фармацевтическую сторону. С тех пор как Мэйв начала этим заниматься, появилось много новых работ. Некоторые препараты, которые она принимала, теперь объявили опасными. Какие-то оказались бесполезными, другие стали основными. Корваллис старался принимать правильные в таком количестве, чтобы достичь желаемого эффекта, но не потерять участки мозга, необходимые для работы – управления значительной частью ИСОП.

Для ИСОП *не требовались* участки мозжечка, отвечающие за моторику и обработку зрительной информации. Из-за этого с течением времени, по мере приближения к смерти, ему все неуютнее было вылезать из системы. Он спал в ней, видел во сне полет, в галлюцинациях – загробную жизнь. Утром он открывал глаза фотонам, идущим не от солнца, а из оборудования, убедительно его моделирующего.

– Зачем ты это с собой делаешь? – спросила его Зула.

Она стояла внизу на траве – горном лугу, который в реальности был квадратом зеленой краски на бетонном полу ангара, и перекрикивала вентиляторы, моделирующие сейчас восходящий теплый поток. Корваллис спикировал вниз, то есть определенным образом повернул крылья, и это произошло: устройство на голове прочло его мысль, вычислительный блок просчитал результат движения и передал сигналы сервоприводам, которые натягивали одни тросы и ослабляли другие, вентиляторам, создающим ветер, инфракрасным панелям, имитирующим солнечное тепло, и аудиовизуальному симулятору в его шлеме. Он развернулся в полете, чтобы увидеть Зулу, круто пошел вниз, выровнялся и сел на ветку (на самом деле – стальную трубу над зеленым квадратом). Теперь он искоса смотрел на Зулу с расстояния в несколько метров. Вентиляторы выключились, и в наступившей тишине стало слышно, как инженеры аплодируют его безупречному маневру.

– Спустился с небес к восхищенной публике, – заметила Зула.

– Вообще-то публика – существенная часть затеи. Потому-то Мэйв и устроила свой тренажер в акробатической школе, – сказал Си-плюс. – Должно быть убедительно на всех уровнях, верно? А что нужно для убедительности? Квалиа – только часть. Я получаю их через визуальную информацию, движения, потоки воздуха. Однако нужна еще интерсубъективность. Наше восприятие на самом деле настолько же общественное, насколько личное. Почему нас смущают сумасшедшие? Они видят и слышат то, чего не видим и не слышим мы, а это неправильно. Почему люди в одиночном заключении трогаются умом? Потому что некому подтвердить их восприятие. Так что, когда я на тренажере совершаю посадку, мало смоделировать ее и показать *мне*; другие должны видеть и отреагировать. Ратифицировать квалиа, включить историю в общественную матрицу.

– Интересно, каково было моему дяде, когда его загрузили одного в мир без каких-либо квалиа, – проговорила Зула. – Оказался ли он в аду?

– Я часто думал о том же. Отправила ли его София в ад?

– Сознательно? Нарочно? Конечно, нет.

– Безусловно, – ответил Си-плюс. – Но если нечаянно? Я думаю, да. И все в надежде, что он на самом деле не умер.

– Если бы я не знала тебя семьдесят лет, то решила бы, что препараты ударили тебе в голову, – сказала Зула. – А так все больше и больше похоже, что ты занимаешься тем же, чем когда-то у Доджа, – заумными исследованиями.

– Спасибо. Так и есть. Впрочем, препараты действительно ударили мне в голову, так что, надеюсь, ты не обидишься, если я не стану снимать шлем. У меня проблемы с полем зрения, когда я его резко снимаю.

– Не обижусь, – ответила Зула. – Хотя мне было бы приятнее, если бы ты смотрел прямо на меня.

– Вообще-то я смотрю прямо на тебя, – сказал Си-плюс, – просто…

– У ворон глаза по бокам головы, – закончила Зула.

– Я повторяюсь?

– Да. А я подошла бы и обняла тебя, но…

– Ты меня раздавишь. Это конструктивный дефект твоего экзоса, – сказал Си-плюс. – Видишь, ты тоже повторяешься.

Он этого не видел, потому что видеосимулятор убирал лишнее, но Зула была в экзоскелете – последней инкарнации Фрэнка, – через который осуществлялось почти все ее физическое взаимодействие с материальным миром, так что хрупкое девяностолетнее тело было защищено почти от всех опасностей.

– Хорошо прошлась досюда? – спросил Си-плюс.

– Я бежала, – поправила Зула.

– Из-за чего спешка?

– Никакой спешки. Сказали, мне нужно больше встряски. Для костей полезно. Вообще-то я никакой особой встряски не почувствовала.

Впрочем, они оба знали, что экзоскелет точно рассчитывает нагрузку на ее кости, чтобы возникали полезные микротрещины, но не более того.

– Просто зашла навестить умирающего старика? – спросил Си-плюс. – Или послежизнь требует моего участия?

– Скорее преджизнь, – сказала Зула. – К тебе посетители. Я их впущу, когда буду уходить.

– Ты не останешься?

– Пробегусь вокруг Боинг-филда. Но за предложение спасибо.

Корваллис взлетел с ветки и немного покружил в восходящих теплых потоках, пока не вошли посетители.

Енох и Солли.

Он знал их уже сорок лет и смирился с тем, что время над ними не властно. Тем не менее он покружил над ними,

разглядывая их с разных углов.

– Собираете заседание *Societas Eruditorum*?[3] – спросил Си-плюс.

– Вы – единственный оставшийся член, – сказал Енох. – Это заседание из одного человека.

– А вы?

– Мы, собственно, не члены как таковые, – ответил Енох. – А скорее консультационный совет.

– Вы не ученые?

– Не-а, – ответил Солли, – просто мудрецы.

– М-м. Что я должен сделать, чтобы стать мудрецом?

– Умереть, – ответил Енох, – и отправиться в следующее место.

– Дороговатая цена, на мой взгляд.

– Мы ее заплатили, – сказал Солли.

– А выглядите вполне живыми.

– Мы ее заплатили там, откуда мы.

– Итак, значит, здесь я могу быть только ученым. Чтобы стать мудрецом, я должен отправиться в Битмир и учредить там филиал *Societas Eruditorum*?

– Если честно, мы понятия не имеем, – с легким нетерпением ответил Енох. – Однако это представляется наиболее вероятным, исходя из нашего понимания, как мы сюда попали. А оно ущербно. Мы – сосуды разбитые.

– Ладно. Раз я единственный член, объявляю заседание открытым, – сказал Си-плюс. – Какое-то новое дело?

– Да, – ответил Енох. – Ваш последний хак. То есть я думаю, это будет ваш последний хак, судя по вашим жизненным показателям. Кто знает, может, вы меня еще удивите.

– Последний раз я писал код четверть века назад. Господи, как я по этому скучаю!

– Речь не совсем о программировании, – ответил Енох.

– Что ж, оно и к лучшему. Сомневаюсь, что сейчас еще бывает написанный человеком код. Только программы, которые написали программы, написанные программами, – черепахи до самого низа.

– Не до *самого*, – поправил Солли.

Корваллис сейчас летал довольно неуклюже – старые, неиспользуемые участки его мозга включились, с них сыпались ржавчина, пыль и паутина. Он не мог одновременно, теми же нейронами, поворачивать крылья в моделированных потоках воздуха, так что тяжело плюхнулся на стальной насест.

Затем подумал о том, что сказал Солли.

– Да, конечно! – воскликнул он наконец. – «Мусор» вечен.

Если счистить слои, наросшие на другие слои, и копать все глубже и глубже, найдешь код, который написал какой-нибудь линуксоид в восьмидесятых годах двадцатого века. Примитивная файловая система. Подпрограммы выделения памяти, рассчитанные на одноядерный IBM PC, не слыхавший про интернет.

– Старые заклинания, наделенные магической силой, – заметил Енох.

– Если угодно. Я ни к чему такому не прикасался много десятков лет. Если вам нужна магия, я знаю некоторые ИИ…

– Вы переоцениваете трудность того, что мы задумали, – сказал Енох.

– Не заговаривайте мне зубы, у меня их все равно нет. Говорите прямо, что нужно.

– Скопировать файл.

– Всего-то?!

Однако на самом деле ему уже было не по себе. Он гадал, сумеет ли вспомнить юниксовскую магическую формулу для такой простой операции. У нынешних систем не было даже файлов в старом смысле. Они превратились в абстракции настолько сложные, что почти могли бы пройти тест Тьюринга, однако сохраняли некоторые файлоподобные характеристики для совместимости с прежними версиями.

Чтобы скрыть смущение, он перешел в контратаку. Не совсем корваллисовское поведение, но теперь он был отчасти вороной.

– Зачем для этого собирать очную встречу?

– Файл очень важный. И здесь, и… там, куда вы отсюда попадете.

– Он большой? Сложный? Поврежденный и требует восстановления?

– Маленький и абсолютно целый, – ответил Енох.

– Это ключ, – сообщил Солли. – Криптографический ключ. С аватарой.

– Тогда должно быть довольно просто, – сказал Корваллис. – И как выглядит аватара?

– Как здоровенный ключ, – ответил Солли. – Единственный в своем роде.

– Пока я его не скопирую.

– Вы поняли, о чем я. Не то, что стоит оставлять на видном месте.

– Можно спросить, как вы его раздобыли? – Корваллис начал догадываться, куда дует ветер.

– Нет, – отрезал Енох.

– Он на серверах, принадлежащих… кому-то другому?

– Его скопировали с серверов вроде тех, про которые вы думаете, – сказал Енох, – и его надо скопировать еще раз, чтобы полностью передать под ваш контроль. Мы думаем, он вам может понадобиться.

– Господи! – воскликнул Си-плюс. – Это…

– Не произносите вслух, – оборвал его Енох.

– Сколько времени эта копия лежит на каком-то левом сервере?

– Девять лет, – ответил Солли.

Это подтвердило догадку Корваллиса. Девять лет назад верховные сисадмины Зелрек-Аалберга объявили, что наконец-то ликвидировали уязвимость, позволявшую ВоЖду появляться заново. Закрыли дыру и выбросили ключ.

– Я обратился в слух, – объявил Корваллис Кавасаки.

– По-моему, вы обратились в птицу, – заметил Солли. – Но как скажете.

Часть 10

48

Шесть рассветов кряду новая душа мерцала на ветке старого дерева и меркла в свете дня. Прим, выглядывая из окна в предутренний час, видела ее как звездочку в тумане. Даже днем Прим с травы под деревом могла различить новую душу по легкому искажению воздуха.

На седьмое утро душа, видимо, отчаялась засиять собственным светом, потемнела и сгустилась в черную птицу. Птица сидела на ветке несколько дней. Ее можно было бы принять за мертвую, если бы она не переминалась с лапки на лапку от порывов холодного ветра с гор. Когда ветер ерошил ее перья, она чуточку разводила крылья, осваивая, как они работают, затем снова прижимала их к телу и закрывала глаза.

Те ветки старого дерева, что еще давали яблоки, были усыпаны белыми цветами. К тому времени, как лепестки завяли и облетели, черная птица вполне оформилась и научилась летать, хотя не очень хорошо. Как-то утром Прим, проснувшись, выглянула в окно, не увидела птицы на ветке и огорчилась. Тут утреннюю тишину разорвало хлопанье черных крыльев и скрежет когтей по каменному подоконнику. Прим отскочила от окна. Птица села на раму и с любопытством глянула на Прим.

– Меня зовут Корвус. И я не такой, как другие души, явившиеся на Землю, хоть и не помню почему.

– О, это точно, – ответила Прим.

Она никогда не слышала, чтобы новая душа оформилась и обрела дар речи так быстро. Появись Корвус в других частях страны, тамошние суеверные жители его бы убили. Ему повезло возникнуть в саду Калладонов, потому что Калладоны – не такие, как все.

– Меня зовут Прим, – сказала она. – Я из семьи Калладонов. Это Калла.

– Что означают эти слова? Прим? Калладоны?

– О, это не такие слова! – ответила она. – Понимаешь, некоторые слова очень древние и смысл их забылся.

– Значит, Калладоны живут здесь давно.

Она кивнула:

– Мы построили наш дом на спине спящего великана на заре Третьей эпохи, если тебе это что-нибудь говорит.

– Не говорит.

Прим решила, что Корвусу не угодишь, и пожала плечами.

– Это наш сад, это моя спальня. Я за тобой наблюдала.

– Знаю, – ответил Корвус, не уточнив, что именно из

перечисленного ему известно. Потом оглядел Прим с ног до головы. На ней была ночная рубашка до пола. – Ты девочка или взрослая женщина?

– Девочка, – сказала Прим.

– Сколько тебе весен?

– Это не имеет значения, – ответила она. – Калладоны не такие, как все. Девочки становятся женщинами, а мальчики – мужчинами, когда того требуют обстоятельства. Последнее время в здешних краях спокойно и обстоятельства такие редки.

– Мне нужен небольшой отряд мужчин и женщин – сопровождать меня в Подвиге и помочь его осуществлению, – объявил Корвус.

– Что за Подвиг?

Корвус как будто не задумывался об этом самом существенном вопросе. Некоторое время он размышлял, затем по-птичьи пожал крыльями:

– Путешествовать, искать, что-то выкопать. Не знаю. Очень важно. Выходим немедленно.

– Можно мне позавтракать?

Корвус опешил, и Прим объяснила:

– Там будут другие, которые, возможно, сумеют помочь. Во всяком случае, в моей семье не принято становиться взрослой и уходить на Подвиг, не сказав родным хотя бы несколько слов.

Корвус пожал крыльями и сказал, что подождет на дереве. Он запрыгал, разворачиваясь на подоконнике, и взлетел с куда более громким хлопаньем, чем опытные птицы. После нескольких мелких неудач Корвус уселся на прежнюю ветку и стал наблюдать за различными признаками, исходящими из дома: дым из трубы, звон принадлежностей для еды, хлопанье дверей и ставней, гул разговоров, то более тихий, то более громкий. Дом был частью из поставленных один на другой камней, частью из бревен и крыт где хитро сплетенными пучками травы, где пластинами из металла или тонко расколотого камня. Другими словами, он выглядел так, будто его расширяли в течение долгого времени без ясного общего плана; итогом стало много связанных построек и внутренних двориков вроде того, в котором росли старые яблони. Постройки были в основном невысокие и неказистые, за исключением одной части – прямоугольной, с островерхой крышей и довольно большими окнами под самой кровлей. Оттуда во время занятия, которое Прим назвала завтраком, шло больше всего дыма и доносилось больше всего шума.

Через некоторое время из большой постройки начали выходить люди. Первой шла Прим; она надела на себя больше одежды, а волосы завязала на затылке. Люди были очень разные,

почти все выше Прим, но были и совсем маленькие, а некоторых даже несли на руках те, что покрупнее. Они вступили во двор через некое подобие арки и встали перед Корвусом полукругом.

– Пошли, – сказал Корвус и расправил крылья, собираясь взлететь.

– Минуточку, с твоего позволения, – ответил мужчина, у которого из лица росли волосы, доходящие до груди. – Мы, Калладоны, не чужды подвигам, и если ты залетишь в пиршественный зал, то увидишь изображения наших предков, которые участвовали в подвигах не далее как сто лет назад. Так что нельзя сказать, будто ты явился совсем не по адресу. Но прежде чем ты уйдешь с Прим, мы бы хотели узнать немного подробностей. Например, в какую сторону вы направитесь?

– Об этом я пока не думал, – сказал Корвус.

– Меня это немного тревожит, – промолвил мужчина. – Дело в том, что некоторые направления опаснее других, и если ты выберешь неверное, то с каждым взмахом крыльев будешь удаляться от цели.

Корвус поразмыслил над его словами:

– Отлично. Я вернусь.

Он захлопал крыльями, но никак не мог выбраться из невероятно кривых яблоневых веток.

– На кухне есть требуха, – произнес мужчина помоложе, с волосами на верхней губе. – Если ты съешь немного, то, возможно, подкрепишь силы.

Подле этого мужчины стояла женщина с желтыми волосами.

– А чем больше у тебя будет сил, тем дальше ты улетишь… отсюда, – с надеждой заметила она.

– Если отправишься на юг или на восток, – сказала Прим, – то лети высоко, чтобы в тебя не попали стрелой.

– А если на север или на запад, то низко. Там орлы, – добавил мужчина, который заговорил первым.

Выслушав советы, Корвус выбрался из ветвей и пролетел над высокой частью дома во дворик, где кто-то из двери выбрасывал на землю еду. За нее дрались различные приземистые создания. Не желая участвовать в их сваре, Корвус влетел в дверь, увидел на доске часть мертвого животного и схватил его когтями. Женщина, бросавшая еду во двор, возмутилась и швырнула в него металлической емкостью, но не попала, так что он, неся часть мертвого животного, влетел в пиршественный зал и сел на большой кусок мертвого дерева, очевидно, поддерживающий крышу. Там он провел некоторое время, терзая «требуху» на куски, которые мог проглотить. Как и сказал мужчина, все стены, до самых окон, покрывали изображения – одни из переплетенных

волокон, другие из цветного вещества, нанесенного на плоские поверхности. Сперва Корвус ничего в них не разобрал, но, по мере того как желудок наполнялся требухой, сила понимания росла. Теперь он видел: это обманка, способ внушить глазам, будто они видят то, чего здесь нет. Фигуры, вероятно, изображали Калладонов. По крайней мере, некоторые из них. Красивые на четвероногих животных – наверное, Калладоны. Уродливые, которых они убивают, – наверное, кто-то еще.

Прим мимоходом упомянула спящего великана. По-видимому, это было очень большое двуногое из камней, занимавшее важное место на одной из самых больших картин. Правда, во время запечатленного там события великан определенно не спал.

Чтобы связать картины в единую историю, потребовался бы целый день, но главное Корвус уловил и без того: Калладоны и другие подобные существа пришли сюда давным-давно в ходе эпического приключения, включавшего не только великанов, но и наводнения, лавины, стаи хищных зверей, летающих двуногих с лучезарными мечами и различные удивительные сущности. Они посещали странные города, оказывались в пожарах, бежали. Дальше началась более спокойная жизнь в краях менее опасных, но более холодных. Здесь Калладоны сажали сады, возделывали поля, разводили скот, рожали детей, строили здания. Защищали все это (видимо, успешно) от постоянных набегов. Такими были почти все картины, однако некоторые не вписывались в общую схему. На них исключительно красивые личности – вероятно, Калладоны – отправлялись в странные места сражаться с диковинными чудовищами и (или) добывать необычные предметы. Это подтверждало, что Калладоны вполне пригодны для Подвига.

Подкрепившись приятным «завтраком» из требухи и наглядной истории, Корвус выпорхнул в открытое окно и взмыл высоко над холмом, на котором Калладоны построили свой дом. Холм был окутан туманом и облаками, но, когда Корвус взлетел еще выше и повернул к востоку, он увидел лежащую перед собой Землю.

Вернулся он через год.

– Мои представления стали более определенными, – объявил он. – Я примерно знаю, куда нам надо, знаю несколько способов туда добраться и почему некоторые дороги лучше других. Что едят ваши скакуны и сколько это стоит, как далеко летит стрела и почему некоторые без разговора попытаются вас убить. Мне ведомо все это и многое другое. Идем.

Наступила долгая тишина. Никто не встал. Калладоны сидели за длинным столом во дворе рядом с высокой частью дома, где был пиршественный зал. Еду и напитки им приносили личности, про которых Корвус знал теперь, что они называются слугами. Кого-то из хозяев он запомнил с прошлого раза, другие были гостями (судя по усталым коням и запыленным повозкам перед домом). Мужчина с бородой сидел во главе стола; Корвус выяснил, что его зовут Пеган Калладон. Место напротив Пегана занимала самая старая и уважаемая гостья – Паралонда Буфрект. Остальные Калладоны и Буфректы сидели вперемежку. Корвус опустился на дерево из кованого железа, воздвигнутое посреди стола в качестве подставки для свеч – ни одна из них не горела, поскольку солнце еще не зашло. Те, кто сидел рядом, отпрянули, а некоторые в не слишком дружелюбной манере стиснули столовые ножи. И немудрено – Корвус за последний год превратился в самого большого ворона, какого им случалось видеть.

– Первый раз вижу такого огромного ворона, – заметил один из гостей.

– Большой размер мне пригодился, – объяснил Корвус, – по пути через страну орлов.

– И он разговаривает, – добавил другой.

Корвусу подумалось, что это очевидно без слов. Впрочем, Корвус здраво оценивал свою ограниченность. Он облетел почти всю Землю и знал больше любого из присутствующих. Однако он почти не бывал на обеденных приемах, не ведал, как принято себя вести. Может быть, говорить очевидное – застольный обычай.

– Я – огромный разумный говорящий ворон, только что прервавший ваш обеденный прием…

– И нагадивший на канделябр, – заметила сидящая рядом женщина.

– …и меня зовут…

– Корвус! – воскликнула женщина по правую руку от Пегана.

Это была Прим. Корвус не сразу ее узнал – за время его отсутствия ее облик и платье сильно изменились. Она встала и сцепила руки.

– Как ты видишь, я больше готова к Подвигу, чем при первой нашей встрече. Я выросла, окрепла, научилась читать карты, ездить верхом, стрелять из лука и многому другому.

Корвус одобрительно защелкал клювом. На самом деле за Прим он беспокоился меньше всего, потому что изначально откуда-то знал: с ней все будет хорошо. Ему было любопытно, как по-разному восприняли его появление собравшиеся. На удивление заметная их доля – больше среди гостей, чем среди

Калладонов, – впервые видела разумное говорящее животное. Их можно было разделить на следующие категории:

Те, кто считали такое невозможным

…и упорствовали в своем убеждении, а следовательно, отвергали свидетельства собственных чувств…

…потому что чересчур много выпили

…из-за примеси в еде

…добавленной злонамеренно

…либо случайно

…либо потому что все это сон

Те, кто считал, что такие существа были в прошлом, но теперь таких не бывает, делились на

…тех, кто отвергал свидетельства собственных чувств (см. выше)

…тех, кто находил внезапное появление сказочного существа

…прекрасным и волнующим

…зловещим/омерзительным/жутким

Те, кто знал, что такие существа есть, и не очень удивились его появлению, делились на

…тех, кому он нравился (Прим)

…тех, кто спокойно воздерживался от суждений (например, Пеган)

…тех, кто сразу его возненавидел (желтоволосая женщина и мужчина с волосами на верхней губе)

Общее число людей за столом не многим превосходило число категорий, то есть почти каждый вел себя по-своему и многие проявляли чувства довольно бурно: падали в обморок, визжали, размахивали ножами, угрожающе зыркали, громко возмущались, восхищенно хлопали в ладоши, заламывали руки, мудро поглаживали бороду и так далее, не говоря уже о вторичных взаимодействиях, например когда размахивающий ножом налетал на вопящего. Корвус, привыкший одиноко парить в вышине, не вынес столь бурной сцены и улетел – недалеко, но, с точки зрения людей за столом, растаял в темнеющем небе, чем породил у них новую волну неверия в свидетельство собственных чувств.

На этом обед закончился. По меньшей мере половина ушли в зал, причем многие на пороге замирали и нервно оглядывались через плечо. Когда все вроде успокоилось, Корвус слетел на спинку пустующего стула. За столом остались Пеган, Прим,

Паралонда (она воспользовалась случаем взять кубок и пересесть ближе) и еще с полдюжины Калладонов и Буфректов. Почти все Буфректы были приятно удивлены, Калладоны же более склонялись к мысли, что говорящие животные – часть естественного порядка вещей.

Человек принес бы извинения за переполох, однако вороны никогда и ни за что не извиняются.

– Не мог бы ты немного прояснить, в чем заключается Подвиг? – спросил Пеган. – Ты сказал, что знаешь, куда лететь, и это безусловное улучшение в сравнении с прошлым годом. Но что ты рассчитываешь найти в конце пути и что намерен делать, когда это найдешь?

Покуда Корвус размышлял – а, надо признать, он задумался об этом впервые, – из зала вышли желтоволосая женщина и мужчина с волосами на верхней губе. Они не столько величаво, сколько поспешно направились прямиком к Прим.

– Мервилль, – сказал Пеган. – Фелора. Не сядете ли вы с нами? Пустых стульев хватает.

Однако Мервилль и Фелора предпочли остаться за спиной Пегана и Прим.

– Я не понимаю, – объявил Мервилль. – Это существо умеет летать, а мы – нет. Оно может попасть куда захочет и когда захочет. Почему он просто не отправится туда, где Подвиг должен… завершиться или как там еще, и не сделает все, что надо?

После недолгой паузы заговорила Фелора:

– Я тебе объясню. Видимо, для завершения Подвига нужны люди. Ворону без нас не обойтись. Что люди могут из того, чего не могут вороны? Сражаться и все, что с этим связно, – наносить и получать увечья, гибнуть и прочее.

И она положила руку на плечо Прим. Та напряглась, но сдержала порыв стряхнуть руку Фелоры.

– Вообще-то огромные говорящие вороны умеют сражаться, – возразил Корвус, – и мои шрамы тому свидетельство.

– Это должно нас успокоить? – ехидно осведомился Мервилль.

– Я не могу прогнать ощущение, что в ходе Подвига нам придется спуститься под землю, – сказал Корвус, – или, по крайней мере, во что-то такое глубокое и запутанное, что оно будет все равно как под землей. Возможно, именно поэтому я с самого начала знал, что потребуется участие людей.

– Опять-таки, если сейчас ты хотел успокоить наши сомнения по поводу твоего замысла… или по поводу того, есть ли у тебя хоть смутные представления о предстоящем, то тебе стоит снова

улететь и вернуться много позже с планом.

– А еще лучше – докучать ими другому семейству, – вставила Фелора.

– Я докучал нескольким. Ваше – лучшее, – сказал Корвус. – Природа Подвига далеко превосходит все заботы обыденного бытия, такие как употребление еды и питья, защита от холода или избегание увечий и тому подобного. Она связана с фундаментальной природой реальности – Земли, в существовании которой ваш разум убеждает себя каждое мгновение, когда вы не спите. Люди, утруждающие себя подобными мыслями – а их, насколько я понял, немного, – придумывают на сей счет различные всеохватывающие истории, которые другие находят более или менее убедительными в зависимости от собственных предпочтений. Просто спросите первого встречного, что тот думает об Эле, Ждоде и всем таком прочем. Я, со своей стороны, знаю, что именно поэтому явился в мир при необычных обстоятельствах с некоторыми изначально заданными возможностями, инстинктами и наклонностями. Это невозможно отрицать, пусть даже я не помню, как так получилось. Думаю, разумно допустить, что меня прислали в один конец из иного уровня бытия, истинная природа которого навеки останется для нас загадкой. Однако в том мире о нас знают, заботятся и строят касательно нас планы или, по крайней мере, возлагают на нас надежды и желают, чтобы мы обрели некое знание, которое даст нам возможность изменить Землю к лучшему. Природа этого знания таинственна, но оно ждет нас в конце Подвига. Даже если в силах огромного говорящего ворона добыть упомянутое знание – в чем я сомневаюсь, – цель этим достигнута не будет, поскольку смысл Подвига, предписанный неведомыми силами в мире, откуда меня прислали, не в том, чтобы сделать все идеальным для одного ворона, а в преображении ваших душ. Выходим с первым светом.

Последовали долгие споры, не требующие участия Корвуса – тем более что тот уже рассказал все, что знал. Люди, в той или иной степени напуганные, перемещались между залом и столом во дворе. Корвус тем временем бочком перепрыгивал с одной спинки стула на другую, пока не оказался в дальнем конце стола. Оттуда он улетел в ночь и вскоре удобно устроился на ветке, с которой через открытое окно видел освещенный огнями зал. Он внимательнее разглядел картины и шпалеры, виденные год назад. Теперь ему многое было понятнее, поскольку он побывал во многих местах, которые на них были изображены (хоть и не слишком реалистично), и ознакомился с основными категориями представленных душ.

Одну картину он в первый раз не понял совсем, теперь она стала ему яснее. На ней было очень большое дерево, странным образом обвешанное, как яблоками, миниатюрными изображениями людей. Под изображениями имелись подписи. Корвус теперь мог их прочесть, поскольку побывал в Чернильной башне прекрасного города Торавитранакса и сидел на окне в мастерской на верхнем этаже, где сама Пест преподавала своим ученикам Три Рунических и Одиннадцать Писцовых Алфавитов, а также две совершенно разные и несовместимые системы письменности, которыми якобы пользуются жители Кишемов на крайнем Востоке. В именах на дереве присутствовали два алфавита из трех разных эпох.

К стволу дерева прислонялись нагие мужчина и женщина с подписями «АДАМ» и «ЕВА» очень древними письменами. Под ними уходили в землю корни, подписанные «ЖДОД» и «ВЕСНА». По другим корешкам были разбросаны другие странные имена, такие как «Страж» и «Долговзора»; Искусница и Делатор трудились в подземных пещерках, изготавливали вещи. Над ними сбоку от дерева стоял в белом сиянии Эл. Вокруг были разбросаны разнообразные души: по Элову сторону – крылатые ангелы, конные автохтоны и суетливые сгорбленные ульдармы. По другую – двуногие груды камней, одушевленные смерчи и прочие диковины.

В нижней части ствола от дерева отходил уродливый сук, который не мешало бы сразу отпилить. На его коре руническим алфавитом было вырезано число 12 и слово, означавшее что-то вроде «великие» или, может быть, «великаны». Он раздваивался: у нижнего ответвления было шесть веток с именами, похожими на мужские, у верхнего – шесть с именами скорее женскими. Нижние шесть заканчивались ничем, а вот верхние продолжали ветвиться. Основной ствол тянулся от сука прямо вверх, и от него отходило еще восемь крупных ветвей. На каждой было по шесть мужских и по шесть женских имен, и почти все они густо ветвились, так что общее число веточек на периферии исчислялось сотнями, если не тысячами. Только в отличие от настоящего дерева здесь веточки часто соединялись. Год назад это показалось Корвусу бессмыслицей, потому что у настоящего дерева ветки не срастаются. Теперь он понимал, что на картине вовсе не дерево, а способ объяснить, как потомки Адама и Евы заселили Землю. И значит, если, например, второй сын Адама и Евы сошелся с их третьей дочерью и произвел на свет ребенка, соответствующие ветки должны срастись, как у деревьев не бывает. Однако через два-три поколения художникам стало невозможно это изобразить, пришлось тянуть линии между далеко отстоящими ветвями либо

просто повторять имена, что не упрощало восприятия дерева. После того как Корвус понял основную идею, ему начало казаться, что дальнейшее разглядывание только сильнее его запутывает. Впрочем, одна большая часть была помечена как «ЛЮДИ ЗА ПЕРВЫМ РАЗЛОМОМ». Прямо посередине имелась надпись «КАЛЛАДОН», а рядом – «БУФРЕКТ» – как понял Корвус, эту фамилию носили большинство гостей. Довольно свежей краской был нарисован лист с именем «ПЕГАН», однако никто не удосужился добавить его потомство. Точно так же в семействе Буфректов самым свежим был лист, подписанный «ПАРАЛОНДА» – так звали даму, сидевшую за столом напротив Пегана.

Корвус устал и хотел спать, но, прежде чем закрыть глаза, он проследил ветви Пегана и Паралонды до самого ствола. Затем проверил те связи, которые искал, и убедился, что они ведут к людям, построившим этот дом, после чего закрыл глаза и заснул, убаюканный спорами порожденья. Так на большей части Земли называли души, ведущие род от Адама и Евы.

– Подвиги – наша семейная обязанность, и мы этим гордимся, – сказал ему Пеган неделю спустя.

Они достигли горного перевала. Погода для разнообразия выдалась хорошая; впрочем, в Калле это означало лишь, что облака висели выше гор. Пеган по совету Корвуса взобрался на место повыше, откуда открывался вид во все стороны. Отсюда можно было видеть почти весь оскол (так в этой части мира назывались острова). Прямо под ними устроились на привал другие члены отряда – отдыхали, сушили одежду, готовили на костерке чай. На юге змеилась долина, которой они шли последние несколько дней; дом Калладонов остался далеко в туманной дымке. На севере тянулся еще один горный хребет, а за ним следующий. Пеган смотрел карты, а Корвус летал тут раньше, так что они знали: за хребтами до самого моря тянется зеленая долина, и там идти будет много легче.

Пеган продолжал:

– Впрочем, многие пошли бы в обход гор, а не переваливали через них. Мне думается, уж не повлияло ли твое умение летать на способность выбрать наилучший путь.

– Здесь есть дорога, – заметил Корвус, – и мы шли по ней.

– В лучшем случае – на достаточно сухих лугах, например, – ее можно назвать тропой. А в других местах она просто теряется.

– Все ее части связаны. Я пролетел над ней от одного конца оскола до другого.

– Есть дорога – настоящая дорога, – огибающая горы с востока. А у Буфректов есть корабли, и они доставили бы нас на

западное побережье. Нет, я не жалуюсь, я говорил, что Подвиги у нас в крови, и это больше похоже на Подвиг, чем загорать на палубе. Однако, с твоего позволения…

– Сколько Подвигов ты совершил? – спросил Корвус.

Пеган вздохнул:

– В детстве я переправился на корабле через Первый разлом и проехал вместе с отцом от нашего дома до брода на реке Тосс. Путь занял несколько дней. Там я простился с отцом – как оказалось, навсегда – и вернулся домой. По дороге были волки и стычки с головорезами.

Он глянул в сторону мерно вздымающейся груды мехов, подле которой лежало копье. Где-то под мехами был головорез по имени Бурр.

– И?…

– И все.

– Больше в твоей жизни Подвигов не было?

– Да.

– Так что когда ты говоришь, что Подвиги – ваша семейная обязанность…

– Я говорю, что так мы себя воспринимаем. Об этом наши истории, картины на стене. Однако Калладоны давно уже не участвовали в Подвигах, заслуживающих такого названия. Долгие годы меня это печалило. Я пытаюсь объяснить тебе, Корвус, что подверг опасности себя, друзей и родных не потому что нашел твои слова убедительными, а потому что Подвиг ценен сам по себе. И перевалить через горы вместо того, чтобы идти вдоль побережья, – не худшее, что может быть. Однако, если ты и дальше будешь выбирать самую неудобную дорогу и у нас кончится еда или кто-нибудь покалечится, наши спутники начнут задавать вопросы. И на такой случай мне нужен ответ получше, чем «Подвиги закаляют характер». А тебе надо будет предложить более внятные объяснения, чем мудреные речи о фундаментальной природе реальности и о том, что ты посланец иного уровня бытия, про который ничего не помнишь.

– Ну, *нас* учили *так*, – говорила Прим.

По лицам остальных было понятно, что произошел какой-то спор, и взгляд, который Прим бросила на Пегана, это подтверждал. Она ждала его поддержки в диспуте, о котором он ничего не знал.

Разногласие вызвала старая карта, развернутая на земле. Футляр, в котором они несли карты, промок от дождя, и теперь их разложили на просушку. Эта конкретная была из шкуры большого животного, на которой красками, чернилами, вышивкой и

позолотой изобразили всю Землю. В детстве Прим могла рассматривать ее часами. Видимо, кто-то из Буфректов сказал глупость, и Прим его вразумляла, стараясь не сорваться на крик. Вернись Пеган чуть раньше, он, возможно, уладил бы дело миром, но теперь ему оставалось лишь беспомощно кивать.

– Земля обрела форму *задолго* до того, как на ней появился Эл, и сделал это *Ждод*, – говорила Прим. – Он начал вот отсюда, где теперь середина и где теперь стоит Дворец Эла на столпе – возможно, отсюда и твоя ошибка, – и полетел примерно в восточном направлении.

– Вдоль великой реки?

– Скорее творя ее по дороге, пока она не стала совсем широкой и он не почувствовал, что она должна куда-то выливаться. Он отметил это место огромной скалой на южном берегу и полетел на север, так что море у него было справа, а слева он создавал берег. Примерно здесь… – Прим вытащила из колчана стрелу и указала на изгиб, образующий северо-восточный край Земли, – Ждод решил, что не надо делать Землю слишком большой. Он повернул к западу и долго летел в одну сторону, оттого-то длинное прямое побережье на севере и носит название Пролет.

– Надо же, – сказал Мардэллиан Буфрект. – Для меня это всегда было просто слово. Мне и в голову не приходило, что у него есть какой-то смысл. Про-лет. – Он кашлянул и слегка покраснел. Затем добавил, уже более властно: – Продолжай… – и переглянулся со своим родичем Анвэллином, – свой *занимательный* рассказ.

Мард и Лин (как их обычно называли) ухмыльнулись. Прим этого не заметила, потому что перешла к северо-западному краю Земли. Плетея, которая сидела рядом на камне и разбирала отсыревшие вещи, сердито зыркнула на молодых людей. Бурр по-прежнему спал. Корвус с обычным равнодушием к человеческим разговорам прыгал чуть поодаль.

Если рассматривать карту как шкуру мертвого животного, положенную задом к востоку, то Прим добралась до правой передней ноги – северо-западной части.

– У Ждода не было способа оценивать расстояния, и он пролетел значительно дальше Дворца, вот почему Земля больше вытянута на запад, чем на восток. Второй поворот – это место, где он повернул к югу.

– На Первый поворот ничуть не похоже, – заметил Лин. По тону угадывалось, что он ни во что такое не верит и подначивает Прим для их с Мардэллианом забавы. – Просто горстка островов и проливы между ними.

– Эта кучка островов – Осколье – твоя родина, а Калла – самый большой оскол! – возмутилась Прим. – И Ждод создал Второй поворот не таким. Тогда оба поворота были одинаковые, как плечи.

Мардэллиан воспользовался предлогом уставиться на плечи самой Прим – как будто без наглядного примера не мог воспринять ее слова.

– Вся область к западу от реки – от того места, где теперь Второэлгород, – откололась.

– Откололась?

– Постепенно. Большое движется медленно, – сказала Прим, чувствуя некоторую уязвимость своего довода. – Так что вот этот пролив, Первый разлом, который был раньше рекой, самый широкий, почти на всем протяжении с одного его берега другого не видно. По совпадению именно на отколовшемся куске жили почти все дикие души и великаны.

Лин вздохнул:

– В старых историях столько говорится о великанах, а я ни одного в жизни не видел.

– Ты их видишь постоянно.

– Завтра увидишь, – прокаркал Корвус, – если закроешь рот и примешь свою участь двуногого – ходить.

Неловкую паузу нарушил Пеган:

– Мы когда-то играли с этой картой в такую игру – вообразить, что островки между разломами – черепки разбитого горшка. И пытались их мысленно составить.

Анвэллин и Мардэллиан переглянулись – они не могли поверить, что кто-то считает игрой такое скучное занятие.

– Если долго всматриваться, можно увидеть, что мысам одного оскола соответствуют бухты по другую сторону разлома, – настаивал Пеган.

Разломами в этих краях называли проливы между осколами или, в случае Первого разлома, между осколами и материком.

Тем временем Прим за спиной Пегана прошла к юго-востоку, или к левой передней ноге мертвого животного. Там в море вдавался длинный полуостров.

– Прежде чем снова повернуть, Ждод задал себе вопрос, как далеко тянется океан, и некоторое время летел на юго-запад, пока ему не прискучило, вот почему полуостров зовется Вопросом, а его оконечность – мысом Скуки.

– Хм! – вырвалось у Лина. – Мне никогда не приходило в голову одно с другим сопоставить.

– Ждод понял, что океан бесконечен, и, памятуя о своих обязанностях в Первом городе, полетел на восток, обратно к

высокой скале, которой отметил устье великой реки. Путь был, как вы видите, долгий. Ему надоело лететь по прямой, и он начал сворачивать туда-сюда, так что на южном побережье, таком непохожем на Пролет, появились полуострова и заливы, известные как…

– Зигзаги! – воскликнул Мард. – Еще одно древнее слово!

– Самый большой из них Ждод расширил, так что получился Срединный залив. Затем он приметил скалу, от которой начал облет, и направился к ней, намечая вдоль юго-восточного угла живописные мысы и обрывы, поскольку понял, что иначе не успеет до конца пути воплотить свои лучшие замыслы. Вот почему Земля имеет такую форму – и Эл тут совершенно ни при чем!

– Я, впрочем, слышал, что Ждод многое сделал неправильно, – заметил Мард. Лин покосился на него. – В смысле, так говорят даже те, кто верит в старые песни и сказания.

Эти слова предназначались Плетее, занявшейся своей арфой – инструментом, который почти невозможно настроить, если он отсырел. Плетея была старше Прим и чуть ли не всю жизнь заучивала сказания и баллады. Когда ей случалось все-таки настроить арфу, она пела с таким убеждением, что слушатели верили – именно так все и было.

Она заметила, что все на нее смотрят, и пожала плечами. Удивительным образом она всегда удивлялась общему вниманию.

– Великое знание нужно, дабы поведать все сказания о Ждоде и Плутоне. Я знаю лишь малую часть, и то могла бы рассказывать целый вечер.

– И расскажет, дай ей волю, – негромко произнес Лин.

– Легко через тысячу лет выискивать ошибки, мол, Ждод мог бы не создавать Плутону таких сложностей, – сказала Прим. – Но говорить, будто Землю создал Эл, – просто глупости!

– Однако Столп, Дворец, Улей! – воскликнул Лин.

Он обернулся к востоку и отвесил легкий поклон. Хотя Дворца отсюда было не видно, так обычно поступали сторонники Эла. Мард запоздало сделал то же самое. Остальные – Пеган, Прим и Плетея – глянули на восток, но кланяться не стали. Бурр заворочался во сне. Корвус раздраженно захлопал крыльями.

– Да, в этих местах Эл изменил очень многое, – признал Пеган, – но даже самые ревностные жрецы Эла согласны, что начало положил Ждод. Им это даже на руку, потому что, если на Земле что-нибудь не так, вину можно свалить на Ждода.

– Знаю, – сказал Лин. – Только это очень похоже на выдумки.

– В каком смысле выдумки?

– Ну, что Ждод летал и помещал здесь то, там се, а Плутон

потом доводил это до ума.

– Выдумай *такое*, птенец желторотый! – выкрикнул Корвус еще более хрипло и сдавленно, чем обычно.

Они повернулись к валуну, на котором он сидел, и увидели… человека. Голого человека, окутанного длинными черными волосами, с длинной черной бородой и блестящими черными глазами. Кожа у него была охристая, ногти – длинные, желтые и загнутые, как когти. Он сидел на корточках. Борода свисала между ног, закрывая срам. Ветер бросал волосы на лицо, и только глаза горели за их завесой.

– Чтоб. Мне. Провалиться, – выговорил Пеган.

– Откуда он взялся? – Лин озирался в поисках оружия. – И где птица?

Бурр, опираясь на копье, выпрямился во весь свой немалый рост, отыскал глазами странного голого человека на камне, шагнул к нему и наставил на пришельца наконечник копья.

– Лин, мне кажется, он и есть птица! – воскликнул Мард.

Плетея отставила арфу и встала. Она обошла Бурра, положила руку на копье, сразу за сверкающим наконечником в форме листа, и мягко отвела его в сторону.

– Одно дело – петь про такое и совсем другое – видеть это своими глазами, – завороженно проговорила она.

Прим все время стояла неподвижно, глядя пришельцу в глаза.

– Это ты, – сказала она наконец. – Это по-прежнему Корвус.

– Теперь, когда меня все слушают… – начал Корвус, но тут же захрипел и начал давиться, как будто новый речевой аппарат его не слушался. Откашлявшись и сплюнув, он заговорил более низким, более человеческим голосом. – До конца Подвига – никакой глупой болтовни на подобные темы. – Он снова заперхал и сплюнул в направлении карты. – А теперь скатайте ее и больше не доставайте. Какого лешего вы тратите время, пялясь на карту, когда мир лежит у ваших ног?

Тут его иссиня-черные волосы и борода прижались к телу и закрыли все, кроме глаз и носа, а сам нос и нижняя челюсть вытянулись и превратились в клюв. Ноги укоротились, пальцы на ногах стали когтями. Последовали безобразные судороги и звуки, так что все, кроме Плетеи, отвернулись, а Мардэллиан даже зажал уши; Прим отскочила в сторону, потому что существо по ходу превращения опорожнило кишечник. В следующий миг это снова был Корвус. Он сделал на пробу два прыжка, потом взлетел.

Остальные шесть членов отряда переглядывались, словно спрашивая друг друга, действительно ли они это видели. Прим по-прежнему сжимала стрелу, которая служила ей указкой. Она убрала стрелу в колчан, опустилась на одно колено у восточного

края карты и, прежде чем скатать, последний раз окинула ее взглядом, словно прощалась с дорогим другом перед долгой разлукой.

Бурр не разбирал свою поклажу, так что ему не надо было складываться. Он повернулся спиной к пройденной части пути и поглядел с перевала. Причудливо вьющаяся долина поначалу сбила его с толку, однако затем он выбрал вроде бы нужное направление и указал туда копьем. Потом глянул на Корвуса и вопросительно поднял брови.

– Ой, еще один! – воскликнула Прим, когда они миновали очередной поворот. Она надеялась, что на сей раз все будет по-другому и за поворотом они увидят широкую равнину, зеленые пастбища и великаншу с ее животными. – Вот и Плутон так же мучился, да?

Пеган, шедший впереди нее, повернул голову и нахмурился. Потом он вроде бы понял – а может, просто захотел ее подбодрить, – поэтому улыбнулся и вновь стал глядеть себе под ноги.

– Я вот о чем, – продолжала Прим. – Говорил ли Ждод: «Хочу здесь ущелье и чтоб сверху были горы, а по долине река текла в море»? А потом улетал, считая, что славно потрудился? А Плутон лепил каждый отдельный камень и придумывал, куда его приладить? – Она делано зевнула. – «Две тысячи камней я закрепил прочно, так что этот пристрою на весу, и пусть неосторожный путник эонов так через несколько о него споткнется».

Она оглянулась на Бурра, проверяя, заметил ли он шаткий камень. Бурр, как всегда, больше смотрел на скалы вокруг, чем на то, куда ступали его меховые муклуки. Однако копье служило ему третьей ногой, и падал он не чаще других. Иногда Бурр останавливался, просил всех помолчать и в тишине прислушивался к крикам мелких животных по обрывистым берегам ущелья или следил за камешками, сыплющимися с высоты.

Сейчас Анвэллин был впереди Прим. Они с Мардэллианом часто отставали, тогда Бурр мрачнел, а Пеган криком приказывал им поторопиться. Тогда они припускали со всех ног и забегали вперед, пока Бурр и Пеган их не останавливали. Лин полуобернулся и сказал:

– Если верить рассказам Плетеи, это все не Плутоновых рук дело!

Плетея глянула испуганно, как всегда, когда кто-нибудь пытался втянуть ее в разговор, и поспешила вперед.

– Конечно, Плутоновых! – ответила за нее Прим.

– Я хочу сказать, – гнул свое Лин, – по легендам, все много раз менялось после того, как Плутона и остальных зашвырнули на небо. Так что, коли тебе не нравится, как лежат камни, выскажи свои претензии Эдде. Когда и если мы ее увидим.

– Ни одна душа не лепила эти камни по одному, как пекарь лепит хлеб, – объявил Корвус, медленно кружа у них над головой.

– Так откуда они взялись, именно такой формы? – спросила Прим.

– Когда ты оступаешься, ты падаешь, верно? – ответил Корвус. – Земля устроена так, что у нее есть законы и все им повинуется – для этого душам не надо наблюдать, думать, действовать и прочее. Все падает. Падение просто *существует*. А помимо падения есть и другие законы. Холмы-великаны, возможно, знают о силах, что медленно крошат обрывы и придают форму камням. Такие, как мы, – нет.

– Раз так, Эдде, возможно, найдется что об этом сказать! – вставил Мард. По взгляду, которым он обменялся с Лином, Прим видела, что он шутит.

Однако Корвус, если и распознал шутку, не намеревался ее терпеть:

– Если еще раз увижу, как кто-нибудь из вас, землетопов, выворачивает шею и высматривает над горами ее колено, я клюну его в макушку! Смотрите себе под ноги! Уже недолго осталось.

Однако шли они еще долго, и через некоторое время Прим вернулась к разговору. У нее была скрытая цель – за спорами время летело быстрее, а Лин и Мард не отставали и не забегали вперед.

Прим хотела, чтобы ее убедили.

– Я не видела Дворца, – начала она.

– Я видел, – ответил Корвус.

– Но я видела много его изображений и слышала, как он описывается в песнях Плетеи. Если они хоть сколько-то правдивы, Дворец стоит на скале такой высокой и тонкой, что она никак не может подчиняться одному закону с… *этим*.

Она умолкла, восстанавливая равновесие, потом раскинула руки, указывая на обрывистые берега ущелья.

– Это исключение, разумеется, – признал Корвус.

– Столп был создан в Древние времена, – заверила Плетея, – когда было много таких чудес, какие сейчас появиться не могут. Он – последнее из них, и, некоторые говорят, на его создание Ждод истратил все силы, оттого-то и не смог одолеть… *Узурпатора*.

Последнее слово она произнесла тихо, чтобы слышала только

Прим. Оно считалось запретным, и не во всяком обществе его было безопасно произносить вслух. Однако Прим не обратила внимания. Она подняла взгляд и увидела за следующим поворотом клочок голубого неба над зеленой травой.

– Имейте в виду, – предупредил Корвус, когда отряд вступил в долину Эдды, – что великан или великанша совсем не обязательно отличается великанским ростом. Это всего лишь распространенное заблуждение.

Мард с Лином вытаращили на него глаза. Порой они просто не могли поверить тому, что говорит Корвус.

– Путаница возникла из-за холмов-великанов и других диких душ, которые и впрямь невероятно велики. Эдда имеет тот же облик, что и мы.

У Лина лицо стало такое, будто он сейчас повернется и пойдет домой.

– Тогда зачем называть ее великаншей? – Он глянул на Плетею, будто та во всем виновата. – Эла ради, нельзя ли подобрать другое слово?

– Если бы ты внимательно слушал древние песни, то знал бы, что первых детей Евы называют по-разному, – сказала Плетея. – Вкусившие ангела, Адамово горе, Каирнова забота…

– Отлично! – буркнул Лин. – Все лучше «великанов».

Бурр остановился за полсотни шагов от дома, к которому они все направлялись. До сих пор они шли через волчью местность, где даже у других животных, не волков, были впечатляющие клыки, когти и рога. В таких местах обычно Бурр шел первым, а Пеган замыкал тыл. Судя по его замечаниям, опасаться следовало неких существ, которые подкрадываются сзади абсолютно неслышно. Однако до сих пор сзади на них ни разу не напали, а тех, кто нападал спереди, убивал своим копьем Бурр. Прим иногда на всякий случай накладывала стрелу на тетиву, но стрелять ей пока не пришлось.

Даже при нападении диких зверей Бурр сохранял полнейшее спокойствие. Тем удивительнее было, что сейчас он остановился на открытом месте, где ничто не сулило опасности. Слева, на бросок камня от них, щипали траву две лошади. Жуя, они с любопытством поглядывали на незнакомцев.

– Никаких стен, – заметил Бурр. – Никакого вооружения. Животные на виду и не боятся.

– Да, – сказал Мард. – Похоже, место очень безопасное.

– *Почему*? – спросил Пеган. Риторически. – Вот о чем говорит Бурр.

Об этом Мардэллиан не задумывался, и Прим тоже.

– Ну, – протянул Мард, – мы еще не знаем, что в доме.

– Судя по запаху, там пекут хлеб, – сказала Прим.

– Возможно, дом битком набит вооруженными автохтонами.

– Нет, – ответил Пеган и кивнул на Бурра.

Воин скользнул по дому глазами и, повернувшись к нему спиной, принялся оглядывать темные холмы по краю долины и два снежных пика, между которыми отряд прошел вчера.

– Понимаете… – начал Пеган.

Лин, не желая выслушивать урок, перебил:

– Мы вступили в кольцо ее обороны, еще когда спустились с перевала и приметили на хребте смотрящего на нас волка.

– Мы… окружены? – спросил Мардэллиан.

Бурр перехватил копье так, что теперь это был скорее посох, чем оружие. Отряд растянулся шеренгой: слева молодые люди, Анвэллин и Мардэллиан, из клана Буфректов. Затем Плетея, связанная каким-то дальним родством с Калладонами. Пеган, глава рода, шел посередине. Справа от него – Прим. Еще правее, на некотором удалении от нее, шагал Бурр – он предпочитал, чтобы у копья не было живых помех. В промежутке между Бурром и Прим прыгал Корвус. Иногда – если сильно отставал или если впереди попадалась невысокая каменная ограда – он вспархивал или пролетал небольшое расстояние.

Несмотря на его слова, Прим высматривала что-нибудь великанское. Однако ближе стало видно, что дом – самого обычного размера. Не махонький, разумеется, а скорее даже большой. Видно было, что его не раз расширяли и перестраивали. Фундаменты несуществующих флигелей торчали из земли, словно зубы из десен. Наверное, Эдда их когда-то построила, жила там какое-то время, а потом снесла стены – или просто позволила им разрушиться с течением лет.

Карлицей она, во всяком случае, не была. Когда Эдда открыла дверь, они увидели, что ростом она примерно с Бурра. Волосы у нее были седые, густые и длинные, заплетенные в косу. Эдда стряхнула с фартука муку. Мучная пыль заискрилась на солнце, и ветер унес ее прочь. Прим не могла отвести взгляд. Мука приняла ту же форму и двигалась точно так же, как облака в летнем небе. Впечатление было настолько сильное, что совершенно захватило мысли Прим – несколько мгновений она могла думать только о том, как смотрела на облака из окна или лежа на траве.

Она окончательно вернулась в Здесь и Сейчас лишь несколько мгновений спустя, когда обнаружила, что вместе со всеми стоит во дворике перед домом и смотрит на Эдду снизу вверх. Вернее, не совсем снизу вверх, не настолько Эдда была высокая, но ощущалось это именно так. Корвус, усевшись на

козырек над дверью, представлял гостей, указывая клювом и выкрикивая имена. Эдда приветствовала каждого взглядом и не то чтобы улыбкой, а скорее ласковым выражением лица, которое успокаивало лучше самой искренней улыбки.

– Примула, – сказала она, как будто раньше слышала о Прим.

– Здравствуй, – ответила Прим, завороженно глядя на левый глаз Эдды. У него была невероятно сложная радужная оболочка, многоцветная, с тем же балансом упорядоченности и случайности, что у древесных корней, завитков дыма на ветру, языков пламени и бурления воды на слиянии рек. Прим гадала, такие ли сложные радужки у нее самой (вряд ли) и откуда такое берется – от рождения или сложность нарастает с годами? Или у великанов вообще все иначе? Работала Эдда над своими радужками сознательно или они сами со временем усложнились?

– Плетея! – воскликнула Эдда.

Они уже вошли в дом и расселись вокруг стола. Посередине стоял каравай, и все жадно отламывали куски, но хлеба оставалось еще много. Прим разглядывала его завороженно, как иногда часами разглядывала карту Земли. В хлебе была сложность, и она еще больше проявлялась по мере того, как его ломали. Из круглых дырочек шел пар, струйки сливались в облачка, похожие на цветы, людей, чудовищ, но, как только Прим их замечала, таяли, превращаясь в незримые токи запаха.

Плетея восхищенно рассматривала столешницу – огромную плиту полированного камня в ладонь толщиной, уложенную на врытые в землю валуны; половицы, не выдержавшие бы такой вес, были опилены вокруг них. Камень был сложный и полупрозрачный, как будто цельный кристалл. При звуке своего имени Плетея подняла взгляд и тут же засмотрелась на косу великанши, которую та перекинула через плечо на грудь. Это была не обычная коса из трех прядей, а нечто куда более затейливое.

– Да, госпожа?

– Я не видела тебя целых двести тридцать семь лет с тех пор, как ты сидела на этом самом месте и учила с моих слов песнь о Валескаре и Блере.

Историю эту Прим смутно помнила: из-за войны между холмом-великаном и ангельским воинством двое влюбленных оказались по разные стороны свежего разлома. Блер вступил в схватку с ульдармами, те заковали его в цепи и отвели в какую-то крепость, где автохтоны бросили пленника в подземелье. Валескара до сих пор бродит по прибрежным обрывам, ожидая его возвращения. А вот что Плетее по меньшей мере два с половиной века, стало для нее новостью. И для Пегана тоже.

Да и для самой Плетеи.

– Быть может, так и было, госпожа, но…

– Но ты этого не помнишь, поскольку умирала с тех пор по меньшей мере раз.

– Да уж точно! – воскликнула Плетея.

Лин оторвал взгляд от хлеба и посмотрел на Марда, словно говоря: «Теперь понятно, откуда она знает столько дурацких песен!»

– До того как мы расстанемся, я научу тебя и другим, – пообещала Эдда.

– Почту за величайшую честь…

– Глупости, – объявил Корвус. Он влетел в окно, которое Эдда неразумно оставила распахнутым, и сидел теперь на подоконнике. – Никто не «расстается». Ты идешь с нами.

Эдда впервые улыбнулась. Затем взглянула на сидящих рядом Пегана и Прим.

– Вы словно отец и дочь, – заметила она. – Но ведь это не так?

– Ее отец и мать скорее всего умерли, – ответил Пеган. – Это случилось довольно давно – Прим долго не хотела становиться взрослой, а я не видел причин ее торопить.

– Мудро. Если тесто дольше подходит, хлеб получается лучше, – сказала Эдда. – Ты настоящая красавица, значит, выбрала время правильно.

Прим покраснела и впала в зачарованную задумчивость, слушая Эдду, но не слыша ее слов. Голос у великанши был такой же сложный, как и коса, – сплетенный из звуков флейты, птичьих трелей и плеска озерной волны в тихий вечерний час.

Пеган под столом сжал ее руку. Прим глянула на него. Он кивнул в сторону хозяйки, и Прим сообразила, что последние слова великанши были обращены к ней:

– По мозолям на твоих пальцах я вижу, что ты любишь стрелять из лука. Я научу тебя колоть кремни, насколько сама умею.

– Ты очень добра, – сказала Прим. – У меня все наконечники кованые.

– Что куда практичней, – признала Эдда. – Однако и каменные иногда бывают полезны.

– На обучение нужны *недели*, – возразил Корвус. – Мысли *часами*.

Эдда как будто не слышала огромного говорящего ворона. Она обратилась к следующим гостям. Бурра великанша помнила как воина, героически павшего в единоборстве с ангелом. Лин и Мард увидели копейщика в совершенно новом свете.

Дальше она заговорила с юными Буфректами. Клан обитал по

берегам узкого каменистого мыса на южной оконечности Каллы. Все Буфректы были корабельщиками. Молодые люди присоединились к Подвигу для смеху, да и то после того как их слегка пнула Паралонда. С тех пор сырость, холод и скука заставили их не раз пожалеть о своем выборе, что они ничуть не скрывали. Однако слова Эдды так вдохновили юношей, что все сомнения остались позади.

– Ты расписываешь Подвиги как нечто замечательное, – проговорил Корвус. – Может, и тебе на пользу будет выйти в мир после многовекового сидения в долине!

Эдда не поговорила только с Пеганом и теперь вроде должна была обратиться к нему. Однако они лишь переглянулись и пришли к какому-то молчаливому согласию.

От еды всех клонило в сон, и Эдда предложила им устраиваться на ночлег. Для такого небольшого дома здесь было на удивление много неожиданно расположенных укромных уголков. Скоро Прим отыскала такой, который устроил ее как нельзя лучше, свернулась калачиком и уснула. Ночью она вышла наружу по малой нужде и по пути обратно услышала, как Эдда и Пеган переговариваются вполголоса, однако разобрала лишь одно слово – «Весна». После этого она заснула очень крепко.

Ей снилось, что из Дворца бьет ослепительный свет и она не может от него укрыться, даже зажмурившись. Она лежала ничком у подножия Дворца, но сквозь землю скорее ощущала, чем слышала глухой скрежет, как будто недра Земли незримо перестраиваются. То был не труд ульдармов, дробящих камни под бичами надсмотрщиков, но что-то, восходящее к Древним временам и свершениям Делатора. Во сне она встала, повернулась спиной к свету и увидела горы. Над черными подножиями белели заснеженные склоны, а пики скрывали грозовые тучи, которые громоздились в небе выше Элова Столпа и вспыхивали наверху голубыми молниями.

Прим открыла глаза и приподнялась на локте. Во сне она стояла на зеленой равнине, а на самом деле лежала на боку, спиной к утреннему свету, бьющему из-за облаков в открытое окно. По крайней мере, он был настоящим. Столп и грозовые тучи привиделись ей во сне, а вот скрежет слышался на самом деле – он заполнял дом и через половицы отдавался в костях.

Прим встала. Скрежет шел как будто со всех сторон сразу, так что найти его источник было непросто. Однако Прим довольно скоро добралась до кухни. В дальнем конце, у двери в кладовую, казавшейся больше, чем весь остальной дом, лежали один на другом два камня – круглые и плоские, как толстые монеты или куски колбасы. Диаметром они были примерно с руку, и дыру в

середине верхнего заполняло золотистое зерно. Эдда стояла рядом и вращала верхний камень. Из отверстия нижнего камня в миску на полу сыпалась мука. Другими словами, это была обычная мельница, только без водяного колеса или животных, которые обычно вращают такой тяжелый жернов. Эдда одной рукой крутила его легко, словно колесо прялки.

– Я могу… чем-нибудь помочь? – спросила Прим.

– Миску пора высыпать.

Эдда кивнула на большой стол посреди кухни. Там уже лежала довольно высокая гора муки. Прим подошла, взяла миску и высыпала сверху. Потом на миг замерла: куча муки на удивление напоминала гору из ее сна, мучная пыль клубилась, словно грозовые тучи, скрывающие вершину.

Однако она знала, что мука сыплется на пол, и поспешила вернуть миску на место. Просыпанную муку она собрала горстями, стоя на коленях у ног Эдды, и высыпала в миску. Запах муки был повсюду, но и запах Эдды, слабый, но безграничный.

– Будешь печь еще хлеб? – удивленно спросила Прим. Ей казалось, вчера Эдда напекла его больше чем достаточно.

– Сухари, – поправила Эдда. – Нам в дорогу.

49

Два дня легкого пути привели их к месту, где река впадала в широкий изгиб разлома, образующего северо-восточное побережье Каллы. За несколькими лигами воды, на другом берегу, высилась одинокая гора в окружении череды холмов. Отсюда этого было не видно, но Прим по картам знала, что они смотрят на отдельный осколок и с дальней стороны еще один разлом отделяет его от более крупного осколка на востоке. Когда-то все три были одним целым, но одинокая гора привлекала самые удивительные и своенравные старые души, еще обитавшие на Земле; словно вбитый в ветхую доску гвоздь, она расщепила большой остров надвое и теперь торчала обособленно посреди нового разлома. Воды и ветры здесь были печально известны своей непредсказуемостью, и залив, с виду спокойный и тихий, пользовался у корабельщиков дурной славой. Этим отчасти объяснялась безлюдность долины, в которой жила Эдда: дорога туда лежала либо через перевал на севере, либо через залив, практически недоступный для мореходов из-за диких душ на острове напротив. Тем не менее в устье реки была рыбачья деревушка; здешние храбрецы закидывали сети неподалеку от берега, а от внезапных бурь укрывались в бухтах, которыми был изрезан залив. Один из них, именем Робст, согласился переправить отряд на своем суденышке (оно звалось «Бочонок»), если пассажиры будут грести и помогать в других корабельных работах.

Договорились быстро, а вот погрузка и отплытие затянулись. Прим, незнакомая с морским делом, только дивилась, сколько на одном суденышке тросов и узлов. Робст что-то говорил про балласт.

– Наша поклажа слишком легкая, – объяснил ей Мард.

– Первый раз слышу! – воскликнула Прим. – Мне мой заплечный мешок казался очень тяжелым!

Мард кивнул:

– Мы все несли, сколько можем. Однако, если помнишь, Пеган с самого начала решил не брать вьючных животных…

– Потому что их придется бросить, когда будем грузиться на корабль, – вспомнила Прим. – Разумеется, с Эддой совсем другая история.

Она кивнула на двух животных, которые стояли у пристани и угрюмо созерцали гребни набегающих волн. Эдда навьючила на них весь груз, так что остаток пути отряд шел налегке. Теперь их избавили от поклажи, и Эдда объяснила им, что можно идти

домой. Животные не одобряли волн, поэтому медленно пятились от берега, но и с Эддой расставаться не хотели.

Поклажа, которую путники с таким трудом несли через перевал, теперь, сложенная кучей, и впрямь выглядела довольно жалкой.

– «Бочонок» рассчитан на большой груз, а сейчас в трюме ничего нет и осадка слишком мала, – сказал Мард.

– Да? – удивилась Прим. На ее взгляд, суденышко выглядело вполне обычно.

– Прыгает на волнах, как пробка, – объяснил Мард.

Буфректы – жители побережья – знали о таком куда больше Калладонов. Лин уже поднялся на суденышко и расхаживал по палубе, выясняя, что тут и как.

– При такой неглубокой осадке опасно выходить в море, – продолжал Мард. – Наша поклажа ничего не весит в сравнении с его обычным грузом, так что Робсту придется добавить балласт.

– Что такое балласт?

– Камни, – ответил Мард.

– Фу, опять камни!

Эдда взяла из кучи свой небольшой мешок и забросила на плечо. Затем напоследок поговорила с каждым из животных, поцеловала их на прощание и шагнула на пристань – деревянный пирс, установленный на камнях и вбитых в дно сваях. «Бочонок» был пришвартован в дальнем конце пристани. Когда Эдда шагнула на палубу, он осел так, будто в трюм всыпали гору камней. Животные побрели прочь вдоль реки обратно к домику Эдды.

Робст, обсуждавший с Пеганом загрузку камней, долго глядел на свое суденышко, словно ожидал, когда оно вновь пробкой выскочит из воды, затем махнул рукой и пошел готовиться к отплытию. Он сговорился с двумя молодыми родичами и местной женщиной – с их помощью он надеялся проделать обратный путь. Вскоре суденышко уже вышло в море.

На парусах, когда позволял ветер, на веслах в остальное время они двинулись к северу и держались у самого берега, пока не оставили гору с дикими душами за кормой. После этого вышли на середину разлома, который здесь был много шире, и выскользнули на яркий солнечный свет из-под Завесы вечного тумана над Каллой. Задул крепкий западный ветер с разлома севернее Каллы. «Бочонок» под парусами устремился на восток. Родной остров Прим растаял вдали. В какое-то мгновение Прим поняла, что не видит Каллы – или, если совсем точно, Завесы вечного тумана, и задумалась, увидит ли ее когда-нибудь вновь.

Суденышко лавировало на восток между осколами, которые казались все темнее, холоднее и неприветливее – главным образом потому, что почти сплошь заросли темно-зелеными деревьями, обычными для севера и для высоких гор, а пастбища и человеческое жилье встречались по берегам лишь изредка.

За четыре дня добрались до южного мыса очередного скола и, обогнув его, двинулись на север по Первому разлому. Здесь он был такой широкий, что мог считаться не проливом, а внутренним морем. Противоположный берег еще не показался, но на горизонте уже темнели горы. Так Прим впервые увидела саму Землю. С палубы Земля ничем не отличалась от скола, но Прим смотрела туда и думала, что, ступив на берег, сможет добраться до любого места на большой карте – не только до ближайшего Озерного края, но и до Узла, Твердыни, Улья, Дворца и кишащих краев вдоль великой реки, впадающей в восточное море.

Скоро они различили слева цель своего плавания – Западный Отщеп. Был и Восточный Отщеп – напротив него на материке. В древности город был один, на реке, вытекающей из Озерного края. Подобно Элгороду и Торавитранаксу далеко на юге, он возник после того, как Ждод разрушил первый Улей и обитавшие там души рассеялись по всей Земле.

Каллу заселили души из Стана под Старым Элгородом, когда двинулись на северо-восток по следам кочующих великанов. Поэтому Калладоны и Буфректы говорили на диалекте языка, который по-прежнему сохранялся во Второэлгороде и окрестностях. А вот город, позже ставший Отщепами, основали совсем другие души. Две половины, западная и восточная, так давно стояли на разных берегах ширящегося разлома, что речь их жителей уже заметно отличалась. На другом краю Первого разлома, во многих днях пути к югу, торавитранаксцы говорили на еще одном, совершенно непохожем языке. Второэлгород стоял ближе всего к Элову Дворцу, а из величественного Элохрама с его школой, базиликой и монастырем даже открывался вид на Дворец. Тамошнее наречие было ближе всего к тому, на котором говорили в Первом городе в Древние времена. На его упрощенной версии, которая называлась «горожак», общались торговцы и корабельщики по всему Первому разлому. Горожак не очень сильно отличался от языка Буфректов и Калладонов, так что в портовой части Западного Отщепа те могли худо-бедно объясниться – во всяком случае, так заверил их Робст, когда суденышко благополучно вошло в старую гавань. Город был не самый большой на их памяти (Дальн, столица Каллы, превосходил Западный Отщеп и размерами, и красотой), но все же довольно крупный. У пристани корабли не чета их суденышку

разгружали товары из Озерного края за Первым разломом. В опустевшие трюмы укладывали лес, зерно, мед, воск, рыбу и ткани с осколов.

Робст знал, куда идти, и все равно без Корвуса они бы заблудились. Вчера огромный говорящий ворон улетел, ни слова не сказав, едва с «Бочонка» различили оскол. Сегодня он появился в небе над ними, когда они на веслах входили в гавань.

– Он не сядет ни на что такое, по чему можно угадать его размеры, – предсказал Пеган. – Не все так мирно, как Калладоны, относятся к подобным существам.

Однако за Корвусом наблюдала и еще одна душа. Как только «Бочонок» пристал к берегу, они увидели, что там ждет незнакомец. Корвус, убедившись, что тот их нашел, улетел на поросшие темными деревьями обрывы.

Причала здесь не было, только пляж, куда вытаскивали небольшие суденышки. Робст выбрал свободный участок песка и велел всем грести, пока дно «Бочонка» не заскрежетало по песку. Лин с носа суденышка бросил трос поджидавшей их душе. Здесь Эдда смогла вылезти так, что никто не заметил, насколько легче стал «Бочонок». Ибо у многих на берегу определенно был избыток свободного времени, которое они убивали, глазея на прибывающих. Эдда, сойдя на берег, сразу же закуталась в домотканый плащ, мгновенно скрывший невероятную сложность ее облика. За исключением радужек, конечно, но никто не стоял так близко, чтобы их увидеть.

– Меня зовут Фергуул, – сказал человек на берегу, протягивая руку в знак мира, – и я почтительно склонился бы перед вами, госпожа, да только не хочу привлекать к вам внимание.

Он отвел взгляд, быть может, боясь засмотреться в ее глаза, и они обменялись рукопожатиями. Так же Фергуул приветствовал остальных, верно угадав их имена, хотя не сразу разобрался, кто Мард, а кто Лин. Говорил он на горожаке с отщепским акцентом, так что, видимо, был здешним уроженцем.

– Если вы соблаговолите за мной последовать, я отведу вас в такое место, где мы *все* сможем побеседовать без помех.

Он глянул на Бурра, но воин догадался оставить все оружие, кроме ножа за поясом, на «Бочонке», где Робст с тремя членами команды за ним присмотрят. Успокоенный, Фергуул повел гостей по улице – сперва широкая и ровная, она постепенно сужалась и зигзагами вела вверх.

– Старайся держаться так, будто уже бывала здесь или хотя бы в похожих местах, – сказал Пеган Прим.

Она кивнула и опустила взгляд к булыжной мостовой.

Почти все души, которых Прим встречала в жизни, были

порожденьем – потомками Адама и Евы, которые выходили на свет из тела матери и были зачаты отцом. Как доказывало или, по крайней мере, утверждало генеалогическое древо в парадном зале Калладонов, каждая такая душа могла проследить свой род до Евы и Адама. Хотя все они выглядели немного по-разному, все имели общий облик, по легенде предначертанный в Древние времена Весной.

В отличие от них появленцы не рождались от женщины, а возникали как зачаточное мерцание почти-хаоса и постепенно обретали форму. Так было в Древние времена, когда многие из них оформились в дикие души с необычным обликом и способностями. Впрочем, уже в дни Первого города они по большей части становились двуногими, двурукими одноголовыми существами обычного размера. Когда Ждод обрушил улей и уничтожил Первый город, эти души рассеялись по всей Земле и образовали новые сообщества. В разных областях существовали свои разновидности, из них самыми известными были ульдармы – они появлялись в окрестностях Второэлгорода, где из них лепили солдат и работников для автохтонов. Души, появившиеся в безлюдных краях, и сейчас порой принимали необычные формы. Впрочем, обычно появленец не отличался от взрослого порожденья. Разница заключалась лишь в том, что появленцы не могли иметь детей.

В сердце Каллы, где прожила всю свою жизнь Прим, появленцы почти не встречались, но здесь они были повсюду. На улицах играли дети – они, очевидно, были потомками Евы. А вот взрослые могли быть либо появленцами, либо порожденьем. Прим, естественно, было интересно, сумеет ли она их различить. Пеган заметил, что она слишком пристально вглядывается в прохожих, и мягко ее предостерег. В Дальне, единственном большом городе, где она бывала, все друг друга знали. В Отщепе люди держались настороженно и неприветливо.

– Души самого разного рода приезжают сюда с осколов, из Озерного края, со всего Первого разлома. Даже с Вопроса далеко на юге и из поселений вдоль Ульетракта на востоке, – объяснил Пеган. – Так что это не Дальн. Они говорят на разных языках, следуют разным обычаям. Можно увидеть даже ульдарма, вылезающего из трюма второэлгородского корабля. В таких местах… – Пеган кивнул на открытую дверь таверны, где множество похожих между собой душ говорили на языке, который Прим слышала впервые, – они могут быть общительны и дружелюбны, а вот улицы и порт – другое дело. Так что умерь любопытство.

Улица, по которой вел их Фергуул, утыкалась в обрыв. В

самом ее конце стоял каменный дом, очень старый, но ухоженный. Фергуул объяснил, что здесь живет супружеская чета, владеющая несколькими кораблями, и сейчас хозяева в море.

– Лестница и первый этаж каменные, – добавил он, обращаясь к Эдде, – а вот второй этаж – деревянный.

Эдда кивнула и села на низкую каменную ограду двора. Прим поняла, что Фергуул предупреждает великаншу – пол второго этажа не выдержит ее веса.

Эдда сбросила плащ с головы, но сама осталась закутанной. Остальные сели на деревянные стулья и скамьи вокруг стола во дворе. Плетея последние несколько дней все больше молчала (она плохо переносила качку), но сейчас настроила арфу и запела песню, выученную в дороге со слов Эдды. Наступили сумерки, скрыв приближение Корвуса, когда тот слетел с обрыва и уселся на длинный и очень толстый сук у них над головой.

Корвус внимательно слушал песню и вопреки обыкновению не выказывал недовольства. Прим подумала, что огромный говорящий ворон пробыл на Земле всего год и, хотя летал далеко и видел много, мог услышать лишь малую долю того, что знают сказительницы вроде Эдды и Плетеи.

Песня была в очень старой поэтической манере с множеством намеков на другие песни и мифы. Однако общую сюжетную канву знал всякий, кто вырос там, где есть книги. Поэтому Прим залезла на дерево, что ей было легко, пусть даже она превратилась из девочки во взрослую женщину, села на ветку рядом с Корвусом и стала шепотом пояснять ему историю.

Плетея пела, как Ждод и его возлюбленная Весна разлучились после Падения. Весна была привязана к Земле, где жили все ее творения, включая Адама и Еву. Ждода изгнали на Небосвод. Вновь и вновь Ждод пролетал на огромных черных крылах через пустоту, отделяющую Небосвод от Земли. Но как бы скрытно он ни проникал на Землю, его замечали дозорные ангелы Эла и отбрасывали обратно. Ибо Эл в своей мудрости соткал вкруг Земли незримую сеть, узнававшую Ждода в любом обличье. Новые и новые кратеры добавлялись к Алой Паутине. Наконец Ждод узнал от Софии – она входила в Пантеон и владела тайным знанием из иного уровня бытия, – что Элова магия распознаєет любые его уловки. Чтобы вернуться на Землю, ему надо было пожертвовать собой – умереть и заново вырасти из ничего. Эта София была в некотором роде самым страшным членом Пантеона, ибо имела власть над жизнью и смертью любой души. Даже Ждодовой. Он попросил ее перерезать его нить, и она согласилась. Ждод умер, но, умерев, получил возможность родиться новой душой на Земле. Медленно возвратился он к

жизни и в хаосе под Твердыней создал себе форму. В смиренном обличье насекомого или червя Ждод отправился на поиски тех, кто был ему дорог. Весну он разыскать не сумел, ибо она скиталась по Земле во многих обличьях, однако Адама и Еву, запертых в Саду, он нашел без труда. В Саду и других местах он бедокурил, чем вызвал гнев Эла – тот досадовал, что Старый неведомо как проскользнул сквозь его сеть. Вновь и вновь Эл поражал существа, в которых подозревал Ждода. Вновь и вновь Ждод возвращался, терпеливо создавая себе новые формы, и бродил по Земле – иногда как закутанный в плащ странник, иногда как птица, волк или даже веяние ветерка. Но Весну он нигде найти не сумел.

Наконец Эл понял, что Ждод всякий раз находит убежище в Твердыне и там терпеливо одевает формой нагую душу. В библиотеке этой великой крепости он учился читать и узнавал из книг собственную историю, разглядывал карты, понимал, кто он и что должен совершить. Здесь в ткацкой комнате Искусницы он делал себе одежду, а в кузнице Делатора выковывал снаряжение, чтобы не выходить на Землю голым и безоружным. Тогда-то Эл и некоторые его верховные ангелы отправились в Торавитранакс, поднялись в высокую мастерскую Пест и потребовали все, что есть у нее о Твердыне, особенно же чертежи крепости и карты Узла. Велика же была их досада, когда они узнали, что Узел нельзя нанести на карту, ибо он лишен логики, передаваемой чернилами на бумаге. Тогда Эл отправил ангелов взглянуть на Твердыню, однако они не преодолели завесу бурь, а некоторые и вовсе не вернулись.

Эл сам отправился туда пешком, нашел старую Изменчивую дорогу, и она вывела его к Разрушенному мосту. Мост этот построили в конце Первой эпохи приспешники Эла, которых тот отправил во множестве окружить Твердыню стеной. С тех пор стена рассыпалась от времени, а центральная часть моста рухнула в Бездну. Эл прошел по мосту и в гордыне своей вообразил, будто может обрушить Ждодову крепость и полностью обратить ее в хаос. Он призвал целое воинство ангелов. Они преобразились в бескрылые души, вступили по Изменчивой дороге в Узел и встали пред самыми воротами Твердыни.

И тут Эл узнал, что власть его не безгранична. Он не сумел разрушить Твердыню. В силу своего расположения в средоточии Земли, где сплетаются четыре горных хребта, она служит для самой ткани Земли как бы замковым камнем свода. Уничтожить ее, даже будь это в его силах, значило бы обратить Землю в хаос и оставить ее души без приюта.

Однако у Эла все же был способ избавиться от Ждода раз и

навсегда: запереть его внутри. Так что Эл сделал исполинский горн в жерле ближайшего вулкана и велел армиям ульдармов везти со всех концов Земли неимоверное количество железа, для чего заново отстроил мост. По его велению холмы-великаны вырубили наковальню из целой горы и сковали на ней железные обручи и цепи. Обручи были шириной с дорогу, а каждое звено цепей – с дом. Ими оковали всю Твердыню. Окна закрыли железными плитами, двери – каменными. Сверху поставили железный купол из огромных изогнутых пластин и соединили их заклепками толщиной с древесные стволы. Эл тем временем создал замо€к для петель, которыми соединялись все обручи и цепи. Когда все входы, включая отверстия для нечистот, были заколочены, он повернул ключ в замке, навеки заточив Ждода внутри. Затем Эл обрушил мост, сбросил обломки в Бездну и вернулся во Дворец. С тех пор Ждод ни разу не ступал на Землю.

Плетея тронула струны арфы, нота постепенно затихла. Песня окончилась.

Лин только этого и ждал.

– Погоди. Ты не можешь остановиться в этом месте и не сказать, как Эл поступил с ключом.

– На обратном пути, разрушив мост, Эл швырнул ключ вслед за его обломками, – ответила Плетея.

– Какое-то на редкость легкомысленное обращение с предметом, способным выпустить на свободу злейшего врага, – заметил Лин.

Плетея отлично понимала, что Лин за свою молодую жизнь слышал версии этой истории много раз и сейчас нарочно разыгрывает изумление.

– Бездна – трещина в мире. Она бездонна, как ясно из самого слова. Ключ растворился в хаосе. Перестал существовать.

– И все равно очень безответственно, – настаивал Лин.

– Ключ был железный и размером со столетний дуб, – сказала Плетея. – Поднять его на вершину Столпа было бы неимоверно трудно, да и бессмысленно. Эл его уничтожил.

– Замок можно вскрыть.

– Только не замок, сделанный Элом.

– Меньше чем в дне пути отсюда лежит Восточный Отщеп, – сказал Корвус. – Многие тамошние жители никогда не выходили за пределы стен, защищающих его от волков. Однако те, кто выходит, оказываются прямиком в Заплутанье.

При этом слове Мард и Лин легонько поклонились в направлении середины Земли: обращение к Элу на случай, если

Эл слушает и о них печется.

В приличном обществе область материка за Восточным Отщепом между Пролетом на севере и горами на юге называли «Озерный край». «Заплутаньем» именовалось то же самое место, но обычно это слово употребляли только в древней поэзии самого мрачного толка, или когда пугали детей, или когда убеждали близких туда не соваться. Прим подумала, что, если они отправляются туда, Корвусу стоило бы осторожнее выбирать выражения.

– По-своему очень красивое место, – продолжал Корвус, – но лабиринт протоков соединен так, что сам Плутон не разберется. У меня, как у огромного говорящего ворона, есть ряд преимуществ, но, не умей я летать, я бы не сунулся туда без надежного проводника. Фергуул – такой проводник.

– Спасибо, что взял на себя труд переправиться через разлом, – заметил Пеган. – Ведь ты мог бы просто встретить нас завтра в Восточном Отщепе!

Фергуул ответил благодарственным кивком, но тут же отвел взгляд.

– Не все из нас отправятся в Восточный Отщеп, – объявил Корвус. – Во всяком случае, завтра. Так что это был единственный способ ненадолго собрать всех вместе.

Прим видела, что Пеган разозлился, но овладел собой:

– Коли так, может, ты немного подробнее расскажешь о дальнейших планах? До сих пор я полагал, что Подвиг требует отправиться на материк.

– Да, – ответил Корвус, – но есть еще один участник Подвига, без которого, я полагаю, нам не обойтись. Его надо забрать южнее. Довольно легкое путешествие по морю. Однако незачем отправляться всем.

Плетея, ненавидевшая путешествие по морю, облегченно вздохнула. Бурр тоже обрадовался: на корабле у него не было особых дел, и он изводился от скуки.

– Быть может, на суше я смогу быть не только балластом, – заметила Эдда.

– Мы думаем одинаково, – сказал Корвус. – У наших отсутствующих хозяев есть корабль много больше, чем у Робста. На него ты сможешь погрузиться, не возбуждая сверх меры суеверие матросов. Плетея, Бурр и Фергуул поплывут с тобой, а сойдя на сушу, вы двинетесь на восток – о частностях позаботится Фергуул – готовить некоторые аспекты Подвига. Добывать легендарное оружие. Рыться в тайных архивах. А тем временем мы, остальные, если Робст согласится, поплывем с ним за недостающим участником на юг.

Прим ужасно расстроилась, что не отправится на материк (и не будет добывать легендарное оружие и рыться в тайных архивах!). Ей потребовалось некоторое время, чтобы совладать с чувствами.

– Ты только что сказал «южнее». Теперь уже «на юг», – заметил Пеган. – Простыми словами, где этот человек?

– Точно сказать нельзя, – ответил Корвус, – но, по последним сведениям, он занимался некими исследованиями, которые имеют смысл, только если он на берегу Новейшего разлома.

Пеган не мог поверить своим ушам.

– Но этот разлом идет через Последний оскол!

– Да, – ответил Корвус и нервно отпрыгнул вбок.

– Это почти там же, где Торавитранакс! – воскликнула Прим.

Пеган сказал бы то же самое гневно, а вот Прим не сумела скрыть своей радости.

– Да, – признал Корвус. – И будет проще, если мы сразу скажем Робсту, какова наша цель. Как только выйдем в море, я предупрежу его, что нам надо будет заглянуть на Последний оскол.

– Это значит — проплыть под самыми башнями Второэла… – начал Пеган. Так обычно для краткости называли Второэлгород.

– На таком маленьком суденышке иначе никак, – вставил Лин.

– Тогда понятно, почему Эдда и Бурр не могут плыть с нами, – закончил Пеган.

Прим не совсем его поняла. Вероятно, это было как-то связано с тем, что одна из прошлых жизней Бурра оборвалась в схватке с ангелом, как третьего дня рассказала Эдда. Элобоязненные жители Второэла, безусловно, расценят это как пятно на репутации.

Прим заметила, что Эдда спит мало, а может, и вовсе не спит. Великанша допоздна засиживалась с Пеганом, но, как бы рано Прим ни поднялась, Эдда была уже на ногах и чем-нибудь занималась. В тот вечер Пеган изменил своим привычкам и лег рано. Его храп не давал Прим уснуть, и она спустилась на первый этаж, в комнату, где они сложили вещи. Там был и футляр с картами. Прим хотела развернуть большую – свою любимую – и освежить в памяти. Однако, сходя по лестнице, она увидела отблески лампы на стене, а заглянув в комнату, обнаружила там Эдду. Великанша сидела на полу, скрестив ноги и развернув на коленях пострадавшую от сырости карту. Краска поплыла, некоторые стежки распустились. Прим попробовала бы спасти, что можно, но Эдда не ограничилась полумерами – просто

счистила со шкуры поврежденные участки и, ловко орудуя иглой, начала воссоздавать их заново. Старые дырочки от иглы, пятна краски, то, сильнее или слабее выцвела кожа, должны были напоминать, где, по мнению составителей карты, текут реки, стоят города и тянутся хребты, однако, подойдя ближе, Прим увидела, что великанша вовсе не старается сберечь ту историю, которую прежде рассказывала карта.

Прим ужаснулась, ведь она выросла, глядя на эту карту, и всегда считала ее истинным изображением Земли. Сперва она не поверила своим глазам, решила, что ей мерещится в слабом свете, а может, она на самом деле спит и видит это все во сне. Однако, нагнувшись поближе, она поняла, что Эдда и впрямь уверенно меняет течение рек и побережья осколов, переставляет город на другой берег реки, заменяет пустыни лесами, и не по небрежности, а с величайшим тщанием. Будь на месте Эдды кто другой, Прим возмутилась бы, а так объяснение было только одно: Эдда лучше знает, где что находится на самом деле, и карта от исправлений станет только лучше. У полусонной Прим даже мелькнула мысль, что Эдда творит магию, и жители города наутро с удивлением обнаружат себя и свои дома на противоположном берегу реки.

Выдернутые Эддой линялые нитки усеивали пол: бледные махры, какими можно набить подушку. Нитка в иголке была тончайшая, Прим ее даже не видела, пока не встала на колени рядом с великаншей, зато, когда увидела, залюбовалась цветом – как у молодой травинки в первых лучах солнца после недели весенних ливней. Эдда поправляла участок карты, где прежде был край пустыни. Теперь она превращала его в лес, плотно покрывая шкуру крошечными узелками – такими, наверное, видел деревья Корвус, паря высоко в небе. Прим, сама умелая вышивальщица, вздрагивала всякий раз, как Эдда втыкала иголку в карту, – казалось, ниточка не пройдет через старую кожу, порвется. И всякий раз она проскальзывала так, словно Эдда шьет по редкому холсту. Плавные движения великанши действовали гипнотически; Прим впала в состояние, в котором дивная острота чувств сочеталась с той странной безотчетностью, какая бывает во сне. Время одновременно летело и замерло. Один узелок-дерево или несколько стежков голубым шелком – приток реки складывались из ряда тщательно просчитанных шагов, но, когда Прим оторвала взгляд от иглы и чуть отодвинулась, чтобы увидеть карту целиком, она поняла, что вышито уже очень много. Однако небо еще не начало светлеть, и масла в лампах сгорело совсем немного.

Эдда бралась то за одну, то за другую часть карты как будто

по необъяснимой прихоти. Сначала она поправила сеть разломов, по которым им предстояло плыть за Второэл, затем перескочила на Последний оскол и какое-то время клала стежки серебристо-голубым шелком, вышивая узкие проливы между островами. Шелк был цвета пенных гребней и предупреждал мореходов о мелях и рифах. Затем перебралась на материк и расцветила город Торавитранакс мелкими стежками всевозможных оттенков. Оттуда двинулась на восток, южнее и примерно параллельно длинному Ульетракту. Прим его никогда не видела, но слышала от других, будто он сложен из того же вещества, что и великий Улей, облепивший высокое основание Элова Дворца. В середине Земли Ульетракт расширялся в ромб, охватывающий Столп и Дворец, а на востоке и на западе утончался до ширины ниточки. Если считать Ульетракт дорогой, то он связывал Второэл на западном побережье с Дальним Кишемом и Северным Кишемом на восточном, проходя по пути через Дворец. Если считать его границей, он делил Землю на северную и южную половины примерно одинаковой площади. Чтобы его миновать, надо было плыть морем – либо, в случае Корвуса, пролететь над ним.

Прим зевнула и внезапно поняла, что просидела с Эддой очень долго. Она помогала великанше, доставая цветные шелка из рукодельной сумочки, которая легко убиралась в карман, но содержала неисчерпаемые запасы иголок и ниток. При таком тусклом свете почти невозможно вдеть нитку в тонюсенькую иголочку, но Прим заметила: если пристально смотреть на ушко Эддиной иголочки, оно расширяется, пока не станет с дверь.

– Ты когда-нибудь спишь? – спросила Прим.

– Могу спать, если захочу, – ответила Эдда, – но могу и обходиться без сна.

– Интересно, почему так?

– За день ты видишь много всего такого, что надо разобрать, проредить и осмыслить. Когда ты просыпаешься, ты знаешь, что было важно, и в голове у тебя уже все уложилось. У меня это происходит постоянно. И мне не надо так много забывать, как тебе.

– То есть ты помнишь больше?

– Я устроена иначе, чем ты. Во мне просто вообще всего больше, – ответила великанша.

Чувствуя, что разговор ведет в дебри, Прим сменила тему:

– Когда я сюда спустилась, то думала, ты чинишь испорченные части карты. Но ты многое добавила.

– Там, куда ты отправляешься, Примула, мелочи очень важны.

Прим нагнулась к паутине разломов в окрестностях Второэла.

– Лин сказал, нам придется идти мимо самого Второэла, потому что наше суденышко такое маленькое. Что он хотел сказать?

– Как ты видишь, на юг можно попасть двумя путями, – ответила Эдда. – Либо прямиком по Первому разлому, который хорошо защищен от моря и безопасен даже для маленьких судов, либо в обход большого острова Туков удел, но тогда за ним придется выйти в открытое море. Огибать этот мыс опасно – волны и ветер выбросят вас на берег, если только не отойти в океан куда дальше, чем это разумно для «Бочонка».

Прим кивнула. То, о чем говорила Эдда, на карте можно было не заметить, но после объяснений великанши Прим вообразила прибой, бьющий в каменистый юго-западный мыс Тукова удела, так явственно, будто смотрела на него с обрыва.

– Что ж, надеюсь, мы благополучно пройдем мимо Второэла, – сказала Прим, переводя взгляд на менее опасный путь. – Мне хочется его увидеть, и в то же время я жалею, что не отправлюсь с тобой завтра в Восточный Отщеп.

– Сегодня, – поправил Пеган.

Прим подняла глаза и увидела его в дверном проеме, на фоне розовой зари.

– Ты что, всю ночь тут просидела? – спросил он.

– Да, – смутилась Прим. – Но я лягу спать, как только выйдем в море.

Эдда отложила нитки и начала скручивать карту. Она начала с восточного края, чтобы им не разворачивать всю шкуру, когда надо будет смотреть Осколье. Прим не знала, когда вновь увидит ее целиком, и с любопытством разглядывала те части, которые исчезали под скаткой. В целом куски, не пострадавшие от сырости и не тронутые Эддой – любимые памятные куски, – теперь казались видом через запотевшее стекло, которое Эдда протерла там, где прошлась своей иголкой. Однако область между Дворцом и Заплутаньем (тут оно называлось своим именем, поскольку карта была древняя) выделялась среди других тем, что была почти совсем пустой.

– Почему здесь на карте ничего нет? – спросила Прим.

Она уже догадывалась почему, но хотела услышать, как ответит Эдда.

– Некоторые вещи не поддаются изображению по самой своей природе.

Прим ничего в кораблях не смыслила, и «Бочонок» сперва показался ей красавцем. Теперь она понимала, что это

нескладная, широкая грузовая барка, медленная в сравнении с большими парусниками, снующими по Первому разлому между Отщепом и Второэлом. На значительном протяжении разлом был, по сути, внутренним морем. Робст предпочитал держаться с подветренной стороны от осколов по его западному краю, так что саму Землю они видели лишь изредка, да и то через туманную дымку. Большие парусники резво скользили посередине разлома, где ветер был сильнее. Прим не раз замечала, как Лин и Мард, отвлекаясь от судовых обязанностей, с завистью смотрят, как они под всеми парусами обгоняют «Бочонок» так, словно он тащит по дну якорь.

С течением дней Прим все лучше различала другой берег, ибо здесь, как и обещала карта, разлом сужался.

Утром шестого дня, очень рано, гамак под ней закачался как-то непривычно. Прим догадалась, что их подхватило течение, и вышла на палубу взглянуть. Над горами на востоке – теперь они были совсем близко – занимался рассвет. Она перевела взгляд на западный берег и вместо привычных заросших кустами обрывов увидела каменные глыбы, выпирающие из бесплодной земли, отлого уходящей в море.

Итак, они достигли южной оконечности оскола, известного как Голая вырубка. В древности здешний лес свели элгородские дровосеки, но тогда тут оставались трава и кусты. Угрюмая местность, проступающая в первом свете зари, звалась мысом Руба. Здесь холм-великан встал, разворотив землю, и ушел прочь, а все к западу от реки откололось и начало смещаться к океану.

Сразу за мысом Руба лежал следующий разлом или, вернее, котел, где сходились несколько разломов. Там и брало начало течение, раскачавшее гамак Прим. Некогда это было слияние двух рек в нескольких лигах от Элгорода.

Здесь им предстояло сделать выбор. Можно было обогнуть мыс и, преодолевая течение и ветер, выйти в западное море. По пути они бы миновали знакомые края, где обитали родичи Марда и Лина. Затем пришлось бы огибать опасный мыс, о котором предупреждала Эдда. Робст хмурился при одном упоминании такого варианта. Если же двигаться дальше на юг, «Бочонок» пройдет основным рукавом между Второэлом и большим осколом под названием Туков удел.

Робст соглашался идти западным проходом, только если погода будет самая что ни на есть спокойная. На неопытный взгляд Прим, рассвет был тихим и ясным, но Робсту не понравился оттенок неба на востоке, а позже он объявил, что видит высокие волнистые облака, сулящие бурю днем. Итак, решение было принято. Они пройдут под сторожевыми башнями

Второэла.

«Бочонок» вытащили на каменистый пляж у подножия мыса Руба и почти все утро наводили на судне уборку. Смысл уборки Робст объяснил довольно уклончиво, но Прим поняла, что второэлские автохтоны не одобряют некоторые грузы, которые могут оказаться у Робста в трюме, и некоторые порты, куда ему, возможно, случалось заходить. Посему следовало выбросить за борт любые улики. Это заняло довольно много времени, потому что на «Бочонке» было много тайников и только Робст знал, куда глядеть. Прим коротала время, разглядывая мыс Руба, и пыталась вообразить, где Каирн в конце Второй эпохи вышел из реки (тогда это была всего лишь река) и поднялся на вершину поговорить с холмом и с деревом.

Мимо проходили большие корабли. Уборка уже близилась к завершению, когда на одном из них убрали паруса и, взявшись за весла, направили нос в их сторону. Робст из-под руки сощурился поверх сверкающей воды и внимательно оглядел парусник. Тот не мог подойти к берегу – у него была слишком глубокая осадка, – но команда уже спустила шлюпку. Двое сели в нее и направились к «Бочонку». Тот, что помоложе, сидел спиной к ним и греб. Во втором Робст узнал знакомого моряка с северных осколов. Они начали перекрикиваться через воду на языке Отщепа. Насколько разобрала Прим, сперва знакомец спросил Робста, все ли у того в порядке, а тот ответил, что пристал к берегу не из-за поломки. Затем два шкипера (старший на приближающейся шлюпке определенно был хозяином корабля) принялись болтать о том, откуда вышли, куда направляются и что везут. Робст отвечал на вопросы вежливо, но коротко и неопределенно. Второй шкипер был разговорчивее. Он постоянно обводил «Бочонок» глазами, всякий раз останавливая взгляд на Прим или Пегане. Несмотря на сдержанную манеру Робста, он подвел шлюпку к берегу, так что хозяин «Бочонка» вынужден был пожать ему руку и потратить еще немного времени на разговор. Наконец Робст помог гостям оттолкнуться и, мрачнее тучи, двинулся назад к «Бочонку», где попросил Пегана зайти к нему в каюту. Пеган, который лучше Прим понимал, что происходит, сказал, что ей тоже надо пойти. Хотя гамак Робста был убран, а складной стол – поднят к переборке, они втроем еле-еле втиснулись в крошечную каюту.

– Во Второэле автохтоны проверяют все идущие на юг суда, включая самые маленькие. И, поверьте мне, от них ничего не укроется. Они высматривают старика и девушку, которые путешествуют вместе и говорят с каллским акцентом. И других, чьи описания совпадают с приметами Бурра, Эдды и Плетеи. Наше судно обыщут, и если вас найдут…

Робст счел излишним договаривать фразу. И что еще обиднее, Пеган тоже не увидел в этом нужды.

– Что? – спросила Прим. – Что будет?

– Ты слышала рассказы, – ответил Пеган, – и б*ольшая* часть из них правдива. По счастью, Корвус предусмотрел такой вариант и заранее составил план.

Через два дня она в одиночку подходила к северным воротам Второэла. Робст высадил ее на материке несколькими лигами севернее, в бухточке, невидимой со сторожевых башен и с более высоких построек Элохрама. Днем раньше они оставили Пегана по другую сторону разлома, на берегу Тукова удела. В древности там был Стан, отсюда и нынешнее название этого участка побережья – Становье.

План был в целом довольно прост. Если Пеган и Прим будут на «Бочонке», автохтоны обыщут его и найдут их. Значит, им надо миновать Второэл как-то иначе. Как только они пройдут несколько лиг к югу, Робст их подберет и они продолжат плавание к Последнему осколу. Автохтоны ищут старика и девушку, говорящих с каллским акцентом, так что вместе им идти нельзя. Путь через город безопаснее в том смысле, что пролегает по обжитым местам. Многие души самого разного рода проходят тут каждый день, поскольку это единственная дорога по западному побережью Земли. Разумеется, в городе полно ульдармов, но там они мирные, в безусловном подчинении у автохтонов. Становье же, напротив, имело дурную славу опасного разбойничьего места. Быть может, власти Второэла это устраивало – они не хотели, чтобы на противоположном берегу вырос город-соперник. А может, легенды не обманывали и на Становье лежало проклятье с тех пор, как там убили Адама, а Ева, Тук, Фррр и другие ушли по следам холма-великана в края, которые позже стали Оскольем. Так или иначе, туда сбегали ульдармы, провинившиеся перед господами. Там они оказывались в водовороте Разломских пиратов, грабителей, диких душ и даже немногочисленных автохтонов, которые изменили Элу и пустились на поиски собственной удачи. Пеган кое-кого там знал и надеялся, что сможет пройти несколько лиг на юг по берегу Становья. Однако он решил, что Прим лучше идти через город, чтобы их не увидели вместе. На все про все должны были уйти сутки. Возможно, Пегану на западном берегу и Прим на восточном придется поскучать до утра в ожидании, когда Робст их заберет, но, собственно, идти им было совсем немного.

Так что Прим шла по дороге на юг. В сравнении с горными перевалами Каллы это была легкая прогулка. Прим закуталась в

одеяло, накинув его на голову, как плащ, а на плече несла простую суму, где лежал запас еды на несколько дней, кошель с монетами и письменные принадлежности: перья, нож, чтобы их очинять, и набор для растирания чернил.

Дорога вилась вдоль побережья. То и дело за поворотом Прим, как и другим путникам, открывался город. Со стороны моря (в прежние времена – реки) Второэл надежно защищала стена, чтобы ему не повторить судьбу первого Элгорода. Позже с ее внешней стороны выросли дома, в основном из обожженной глины, и скрыли нижнюю часть стены за крышами и дымами. Однако верхняя галерея от башни до башни была видна отчетливо.

Башен было пять, и стояли они так, чтобы с них просматривался Первый разлом и Становье на другом берегу. При всей своей огромности они казались маленькими по сравнению с тем, что высилось за ними. Многовековые деревья на склоне горы за Второэлом помнили еще Адама. Через лес серпантином вилась дорога. Однако вершину хребта венчало что-то белое и воздушное, словно нависший над городом пенный гребень волны. Прим решила бы, что это ледник, какие встречаются в горах Каллы, не знай она, что это на самом деле: Улей. Несметные ячейки, населенные душами, бесконечно не похожими на тех, что ходят на двух ногах и разговаривают между собой словами, песнями, взглядами и жестами.

Про Улей было известно очень мало, только что он окружает основание Столпа в середине Земли и тянется от него двумя языками Ульетракта – на восток к Кишемам и на запад по хребту над Второэлом. Здесь со временем Улей заполнил промежутки между огромными каменными святилищами и базиликами, которые ульдармы воздвигли во славу Эла. Получилось единое целое, тянущееся по хребту на лигу. Мало кто из жителей Второэла бывал в Святилище. Взобравшись по серпантину на хребет, они могли пройти в центральные ворота – за ними начиналась дорога на восток. Однако в Святилище допускали только немногих избранных.

– Я иду в Торавитранакс, – сказала Прим. Она отрабатывала фразу сотни раз, учась выговаривать слова с акцентом холодных осколов к северу от Каллы. Сейчас ей впервые случилось произнести это перед незнакомцем.

– А что тебе там надо? – спросил автохтон.

Прим и еще с десяток путников толклись перед северными воротами Второэла. Их оглядывали и расспрашивали несколько автохтонов, направлявшие скакунов к каждому, кто возбудил их

любопытство.

Конь говорящего с ней автохтона тянул морду к ее суме, привлеченный, без сомнения, запахом яблок. Прим, стараясь не обращать внимание на коня, прикрыла ладонью глаза – солнце было у автохтона прямо за головой – и, как могла, посмотрела вопрошающему в глаза.

– Меня отправила на юг моя семья, учиться искусству письма у Пест, – сказала Прим. Автохтон должен был понять, что речь про академию, которую Пест основала века назад.

– Кто тебе сказал, что тебя возьмут? – спросил автохтон, оглядывая ее с ног до головы.

– Если не возьмут, я буду учиться у кого-нибудь из писцов попроще. Говорят, рядом с большой школой есть много маленьких.

– Почему твоей семье так важно письмо, что тебя отправили учиться в такую даль?

– У нас три корабля, и очень многое надо записывать.

Она по-прежнему не видела лица автохтона, поскольку смотрела против света, но, судя по всему, он пристально ее разглядывал.

– К узким воротам, – распорядился он и глянул на верхнюю галерею стены, убеждаясь, что дозорные услышали его слова.

Прим проследила взгляд автохтона и увидела ряд шлемов, натянутые тетивы, полные колчаны. Внизу было двое ворот – широкие, куда входила дорога и куда могли проехать даже самые большие упряжки и фургоны, и другие, куда могла пройти за раз только одна пешая душа. Широкие вели на главную набережную, узкие – на первый этаж здания за стеной. Как далеко тянется это здание и что там происходит, Прим знать не могла. Однако несколько лучников наклонились в ее сторону, и было ясно: если не подчиниться, далеко она не уйдет. Обернувшись через плечо, она поняла, что и назад хода нет – лучники пустят ей стрелы в спину. Да она и не собиралась поворачивать. Это значило бы отказаться от Подвига, даже к нему не приступив.

Прим вошла в небольшое помещение вроде прихожей и первый раз в жизни увидела перед собой ульдарма.

Она встречала их изображения в книгах и на шпалерах, обычно на заднем плане, где они заполняли пустое место, занимаясь под началом автохтонов чем-нибудь малоприятным. В Дальне, в одном из залов парадного дома, стояло чучело ульдарма. Во время короткой остановки в Западном Отщепе Прим издалека заметила нескольких, когда те пауками карабкались по корабельным снастям, требующим починки, или отскребали борта от ракушек. И, разумеется, дозорные на стене все были

ульдармами. Однако здесь она оказалась перед ним лицом к лицу. Он стоял у двери, ведущей в помещение побольше, разделенное на ряды длинными дощатыми столами. Шлем ульдарм положил на пол, а копье прислонил к стене, однако все равно был облачен в доспех из жесткой кожи и вооружен то ли очень длинным ножом, то ли очень коротким мечом. Прим сказали, что лица у них несимметричные, и не обманули. Ульдармы бывают разной окраски, а ростом могут быть по пояс или по плечо таким, как Прим, в зависимости от того, где и для чего нужны. Однако правая сторона у них всегда больше левой. Легенда гласит, что они появлялись в старом Элгороде, где их приставляли к простой работе – рубить лес, добывать руду, обжигать кирпичи, ковать железо, однако до появления автохтонов у них не было ни цели, ни руководства. Автохтоны знали, что делать и как, но были немногочисленны. Поэтому обитатели Элгорода, или, после его гибели, Второэлгорода, стали правой рукой автохтонов. Они сделались сильными и выносливыми. Умом они не блистали, а некоторые породы едва умели говорить, так что головы у них были маленькие; рты служили им для жевания и глотания грубой выдаваемой пищи, а не для речи; зато уши были большие, чтобы лучше слышать приказания. На теле у них волосы росли густо, на голове – редко; в жаркую погоду они линяли, а из выпавшей шерсти плели колючие веревки для гамаков, в которых спали вповалку, храпящими ворочающимися кучами. На мужчин и женщин они больше не делились, поскольку их спаривание было автохтонам без пользы. Хозяева надреза€ли им уши, наносили татуировки и другие пометы, чтобы назначение ульдарма было видно с первого взгляда. От опасной работы они умирали или слабели, и тогда их заменяли новыми из храмового комплекса наверху, где собирали новоявленные души и придавали им форму.

Прим была девушка воспитанная, поэтому при виде ульдарма еле сдержалась, чтобы не пожелать ему доброго дня и не отпустить замечание о погоде. Однако от таких, как Прим, ульдармы ждали только приказа либо мольбы о пощаде.

И приказ последовал – от кого-то из соседнего помещения, на том грубом языке, на котором автохтоны отдают распоряжения ульдармам, так что Прим ничего не поняла. Ульдарм щелкнул каблуками, повернулся и слабой левой рукой указал на дверь. Прим поняла, что должна туда войти. Тут стало ясно, для чего нужны длинные столы, – на один из них автохтон велел ей положить суму для досмотра.

В помещении, пеший, без доспехов и оружия, этот автохтон был не многим крупнее Марда или Лина. Бурр превосходил его и

ростом, и шириной плеч, но у Бурра черты были грубые, у автохтона – утонченные. Прим невольно залюбовалась его голубыми глазами под длинными ресницами, пока он доставал из сумы и разглядывал скромную кучку яблок, исподнего и письменных принадлежностей. Одно яблоко автохтон внимательно осмотрел и понюхал тонким красивым носом. Яблоко было из тех, что растут на дальнем севере, и автохтон, похоже, это знал. Куда больше его заинтересовала коробочка с письменными принадлежностями. Там лежали несколько свернутых листов бумаги, какую делают на севере. Прим коряво исписала их двумя разными алфавитами.

Автохтон велел ей собрать вещи и пройти в следующую дверь. За дверью была винтовая лестница. Прим поднялась на второй этаж и прошла мимо очередного ульдарма в комнату со столом, двумя стульями и окошком, выходящим на улицы Второэла. Внизу происходила некая странная торговля, в которой каждый играл свою роль, сообразно тому, кто он: ульдарм, появленец, автохтон или…

– Порожденье, – произнес женский голос.

Прим повернулась и увидела, что, пока она смотрела на улицу, в комнату вошла автохтонка в длинном белом платье. Ее желтые волосы, длинные и густые, были заброшены за спину, а держалась она так прямо и величаво, что казалось, они так и останутся за спиной, даже не колыхнутся. Прим не могла угадать, давно ли автохтонка на нее смотрит. Однако приятный аромат, коснувшийся сейчас ноздрей Прим, подсказывал, что женщина вошла мгновение назад.

– Души, созданные по образу Весны и по ее представлениям о том, как должны выглядеть люди, – пояснила та. – Порожденье. Так мы называем их. Тебя.

– А вы… – начала Прим.

– Внешне такие же. И даже неотличимы. Если отбросить соображения красоты. – Женщина оглядела Прим с головы до пят. – Мир был бы проще, отличайся мы с виду от порожденья так же, как здесь. – Она подняла руку, так что белый рукав соскользнул с тонкого бледного запястья, и постучала себя по лбу. – Однако Эл в своей мудрости наделил нас одинаковой формой.

Произнося имя Эла, она полуобернулась к востоку и склонила голову. Прим вспомнила про вежливость и поступила так же.

– Впрочем, это хорошо уже тем, что мы можем говорить между собой, как ты и я сейчас. Оттого-то вы служите для нас неисчерпаемым источником удивления и восхищения.

– Рада служить, – ответила Прим. Красота женщины и ее диковинные слова настолько поражали, что Прим думала об одном: как бы не сбиться с притворного северного акцента. Ибо автохтонка говорила на языке оскольского порожденья как на родном и быстро заметила бы ошибку в произношении.

– Тогда окажи мне еще одну услугу – напиши слово.

Женщина взяла коробочку Прим и начала по-хозяйски рыться в ее письменных принадлежностях. Вынула чистый лист и разложила на столе. Достала перо, встряхнула чернильницу и вытащила пробку.

– Галл, – сказала она, понюхав. – Или, на вашем языке, чернильный орешек. Хорошая вещь.

Трудно было понять, всерьез это сказано или с ехидством.

– Можешь написать свое имя, – сказала автохтонка, глядя в лицо Прим.

– Каким алфавитом?

– А это важно? Цель одна – проверить твою историю. Пиши, как написала бы Пест. Давай.

Прим исписала сотни страниц и древним алфавитом, и новым, и многими другими. Почерк у нее был быстрый, уверенный, однако показать это сейчас значило бы себя выдать. Поэтому она окунула перо в чернильницу и вывела «Примула» с медлительностью, которая наверняка была так же мучительна для автохтонки, как и для самой Прим. При этом она не забыла поставить несколько клякс. Потом выпрямилась, давая понять, что закончила.

– Что ж, преподавателям академии придется помучиться. – Автохтонка взяла листок и прочла написанное. Однако смотрела она на бумагу так долго, что Прим почувствовала – что-то не так.

– Тебя зовут Примула?

– Можно просто Прим. А можно мне узнать твое имя?

Автохтонка глянула на нее так, будто крайне удивлена вопросом.

– Мое полное имя – Истина Эла. – Ее как будто изумило, что кто-то может такого не знать. – В того рода речи, какую использует порожденье, это громоздко, так что можешь называть меня Истиной.

– Спасибо, – ответила Прим, гадая, какого еще рода бывает речь.

– Ты с дальнего северного оскола.

– С Трещенберга.

Истина немного поежилась:

– Немудрено, что ты ходишь закутанной в одеяло. Язык ваших краев наверняка очень древний и странный. Мы здесь

называем примулами маленькие ромашки, которые первыми появляются по весне.

– Да. У вас это ромашки.

– Так на Трещенберге они есть?

– Там теплое время коротко, – ответила Прим. – Только самые простые цветы успевают вырасти и зацвести.

Истина глянула на нее пристально:

– У этого имени… долгая и сложная история, восходящая к древним временам и чрезвычайно для нас важная. Если твои родители изучали древние мифы, они могли бы поостеречься и не называть тебя Ромашкой. Но да, для них это просто местный полевой цветок. Они без всякого умысла дали такое имя дочери, не думая, что она когда-нибудь покинет Трещенберг и окажется в цивилизованных краях.

У Прим вспыхнули щеки. Она прекрасно знала легенду. Ромашка вошла в Пантеон Ждода последней. Согласно старым мифам, она внезапно явилась перед самым приходом Эла, чтобы предупредить Пантеон, и была заброшена на небо вместе со Ждодом и остальными.

– Хорошо, Примула, в приличном обществе я буду называть тебя Прим и надеяться: никто больше не знает, что это синоним ромашки.

– В приличном обществе?

– Среди таких, как я, – пояснила Истина.

– Я бы хотела продолжить путь, – сказала Прим.

– К чему такая спешка? Академия Пест существует с начала эпохи.

– Мне сказали, не стоит задерживаться в городе после наступления темноты.

Прим, изображая напуганную деревенскую простушку, глянула через окно на улицу, где уже пролегли длинные тени.

– Разумный совет для одинокой девушки, – признала Истина. – Но тебе, как моей гостье, тревожиться не о чем.

– Я… твоя гостья?

– Вроде бы именно это я сейчас и сказала, Прим.

– Зачем тебе себя утруждать? Ради такой, как я?

– Разумный вопрос, и я отвечу тебе со всей честностью. Я тебя обрабатываю. Вербую. Даже в своей глуши ты наверняка слышала, что владения Эла простираются досюда… – Автохтонка движением руки отделила половину стола, – и не дальше. Там, – она махнула в сторону набережной, а значит, Осколья и всего, что за ним, – владения великанов, диких душ. Рассказывают даже про огромного говорящего ворона, который убеждает тамошних невежественных жителей поверить в отвратительные для Эла

бредни. Автохтоны, которых мы отправляем за Первый разлом, частенько сбиваются с истинного пути. Когда я встречаю юное неиспорченное порождение из приличной оскольской семьи, уже немного грамотное и желающее учиться дальше, я считаю своим долгом приветить его в нашем городе. Сегодня ты сытно поужинаешь и ляжешь спать на мягком, а завтра я поручу, чтобы тебя отвезли в Храм. Ты увидишь издалека великолепие Элова Дворца и полюбуешься красотой того, что воздвигнуто здесь. Прим, если ты хочешь овладеть искусством письма, тебе незачем идти дальше на юг. Всему, чему учат в Торавитранаксе, можно выучиться здесь, и тебе не придется вдобавок забивать голову тем мусором, что Пест притащила с собой из древности.

Прим ничего не оставалось, кроме как самым любезным образом поблагодарить женщину и пойти, куда ее отвели: в комнатку на сторожевой башне, охраняемую ульдармами, но предназначенную для автохтонов или их гостей. Там был балкончик с видом на разлом и Становье по другую его сторону. Что до ванны и стульчака, Прим таких прежде не видела. Их дом в Калле считался очень хорошим, и она не испытывала там никаких неудобств, но в сравнении с тем, как все было устроено здесь, он казался бедным и убогим.

Вместо одеяла ей принесли другую одежду: белое платье примерно того же покроя, что у автохтонки. Прим сперва нашла его очень непрактичным, потом сообразила, что, когда ульдармы выносят за тобой ночной горшок и выполняют другую черную работу, вполне можно ходить в длинном платье.

На обед ее отвели на первый этаж. Здесь автохтоны, присматривающие за набережной, и несколько их гостей из числа порожденья сидели за длинными столами, а еду им подавали ульдармы в одинаковых ливреях. Прим внимательно слушала разговоры, но мало что понимала. То есть речь автохтонов она разбирала хорошо, но смысл бесед – абстракции, связанные с деньгами, законами, порядком в городе и тем, как управляться с ульдармами, – от нее ускользал. Простая трещенбергская девушка, за которую она себя выдавала, не поняла бы почти ничего, так что играть роль было несложно: Прим ела, отвечала, когда к ней обращались, и разглядывала картины на стене. Они изображали те же события, что картины и шпалеры в пиршественном зале Калладонов, но до Прим не сразу это дошло, поскольку злодеи в них стали героями и наоборот.

На следующий день Истина повезла ее в Храм. Разумеется, ни один автохтон не подумал бы проделать такой путь пешком. Большой конь мог нести двоих, но Прим спросила, нельзя ли ей попробовать сесть в седло. Истина ответила, что возьмет для нее

лошадь своего знакомого.

Прим с детства ездила верхом и прекрасно управлялась с лошадьми, но притворилась, будто ничего в этом не смыслит, и внимательно выслушала объяснения конюхов. Впрочем, она не сумела бы изобразить, что боится лошадей. Ей подвели большого и сильного вороного коня. Тот почувствовал уверенность Прим и вел себя так покладисто, что Истина даже удивилась. Прим пришлось выдумать объяснение, будто в их доме на Трещенберге держали нескольких тягловых животных и ее обязанностью было их чистить.

Снизу серпантин казался очень длинным, и Прим страшилась долгого разговора с автохтонкой. Как выяснилось, зря: убедившись, что гостья не упадет с лошади, Истина уже не старалась ехать рядом и поддерживать беседу. Так что у Прим было много времени подумать о неожиданном повороте, который принял для нее Подвиг.

По любым разумным меркам все складывалось хуже некуда, однако поездка через лес на склоне горы странным образом казалась более обыденной, чем Подвиг как таковой. Как будто она на родной Калле и просто решила прогуляться верхом.

Чувство это развеялось, едва они выехали на хребет и увидели Храм. Зрелище было настолько поразительное, что Прим натянула поводья и некоторое время разглядывала его во все глаза.

Почти прямо впереди торчала неказистая приземистая башня – по урокам истории Прим догадывалась, что это первоначальный Элохрам. Рядом располагались почти такие же старые ворота. Прим знала, что здесь начинается – или кончается, это уж с какой стороны смотреть – дорога к Дальнему Кишему на другом краю Земли. Вдоль дороги тянулись каменные здания, размером и древностью примерно такие же, как во Второэле.

Однако старые убогие постройки составляли лишь крохотную часть комплекса. По легенде, автохтоны разыскали место, где Плутон заботливо оставил мощную залежь белого камня, приручили множество ульдармов и заставили тех целый эон громоздить одну плиту на другую, возводя еще более высокие здания. Одно, величественное, было обращено на восток к далекому Дворцу, второе, грандиозное, – к Второэлу, Первому разлому и лежащему за разломом Осколью.

Позже, когда замыслы, камень или ульдармы исчерпались, сюда дотянулся Улей. Он медленно расползался, выпуская по пути отростки, словно вьющаяся по дереву лиана. Добравшись до храмового комплекса, он начал ветвиться и расширяться, заполняя пространство между строениями пористой массой ячеек.

Прим это напомнило, как бывает, если оставишь тесто подходить и забудешь про него, а когда вспомнишь наконец, то видишь, что оно вылезло из миски и растеклось повсюду. Однако соты обходили двери и окна: те по-прежнему смотрели ровными рядами из бугристого материала Улья, лишенного, на взгляд автохтонов или порожденья, всякой осмысленной упорядоченности.

Прим подумалось, что она уже довольно давно остановила коня, однако Истина – та ехала чуть впереди – не выказывает обычного нетерпения. Она позволила своей лошади щипать траву на широкой лужайке перед западным краем Храмового комплекса и просто сидела в седле, тихая, но внимательная, как будто вслушивается в музыку. Прим убедила своего коня оторваться от травы и медленно подъехала к Истине. Автохтонка даже не обернулась. Она по-прежнему смотрела на восток, словно продрогла и вымокла под дождем, а теперь греется на солнышке. Именно таким было ее выражение, когда Прим заехала вперед и глянула автохтонке в лицо. Тем временем сама Прим ощутила тихое гудение, пронизывающее воздух и землю.

– Улей, – сказала Истина. – Для меня он непостижим, но даже через это немногое я ощущаю связь с ним и с Элом.

Они оставили коней пастись у ворот. Истина показала гостье старую башню Элохрама. Там уже не обретали форму новоявленные души, но Прим увидела старинные статуи, по которым в древности лепили свой облик элгородские души, – нечто среднее между ульдармами и порожденьем. Теперь для этой цели служило куда большее здание, с каменными ульдармами разных подвидов – образцами для душ, которым предстоит трудиться внизу. У того же здания были верхние этажи; Истина объяснила, что там полностью оформленные ульдармы учатся выносить ночные горшки, резать овощи, обтесывать камни или сражаться.

Бойцы, овладевшие начальными навыками, бо€льшую часть времени проводили снаружи – маршировали строем по утоптанной земле под началом конных автохтонов. Те были разного ранга и жили в бараках, где у каждого была отдельная кровать или комната в зависимости от пола и старшинства. Истина проходила и через мужские казармы, и через женские по-хозяйски, и каждый встреченный автохтон почтительно ее приветствовал, с любопытством косясь на Прим. В казармах были бани – мужчины-автохтоны, выходя из них, прикрывались полотенцами. Это вызвало у Прим вопрос, который она прежде не отваживалась задать. Она знала – по крайней мере, ей говорили, –

что автохтонки не беременеют. Они никогда не были детьми. Эл создает их у себя во Дворце уже взрослыми.

– У нас такие же органы совокупления, как у вас, – сказала Истина.

Они миновали казармы и шли по краю двора, где несколько десятков ульдармов стреляли из лука по мишеням – условно гуманоидным пучкам соломы. Не в первый раз Прим почувствовала, что Истина как-то читает ее мысли.

– Наше совокупление не ведет к созданию новых душ, – продолжала Истина. – Весна совершила ошибку, когда наделила своих детей этой способностью. Мы не думаем, что она действовала со злым умыслом. Просто неразумно – поддавшись на хитрость Ждода, желавшего заселить всю Землю своим порождением. Эл создает нас ровно столько, сколько надо для поддержания порядка. Ульдармы, дай им волю, превратили бы Землю в пустыню, и наша задача – следить, чтобы их труд был Земле на пользу, а не во вред.

Из двора был проход к соседнему большому зданию. Под аркой Прим обернулась на ульдармов, пускающих стрелы в соломенных людей. Они с Истиной оставили позади воинскую часть комплекса и вступили в крытую галерею, идущую через сад на восток. Здание, к которому она вела, формой и убранством намекало на более священное назначение. Сад был засажен разнообразными цветами, про которые Прим раньше только читала.

– Ты видишь вооруженных ульдармов, обучающихся воинскому мастерству, – сказала Истина, – и отчасти сомневаешься в моих словах, что они улучшают Землю. Однако сразу за Первым разломом обитают те, кто не ведает закона: беглые ульдармы, варварское порожденье, дикие души, обретшие неимоверные силы во времена, когда для них не было никаких пределов. На осколах они большого вреда принести не могут, особенно если постоянно враждуют между собой. Однако для сохранения такого порядка вещей от нас требуется неусыпная бдительность. Ты залюбовалась садом, я чувствую радость, с которой ты разглядываешь каждый цветок. Но вся эта красота существует благодаря таким, как он.

Она указала на маленького скрюченного ульдарма – тот, стоя на коленях, тяпкой выпалывал сорняки.

Они прошли в большую деревянную дверь, украшенную такой сложной резьбой, что Прим ничего толком не разглядела, и оказались в большом светлом зале. Длинный, в форме бочки, он был обращен к востоку, а его дальняя стена почти целиком состояла из окон. Посередине располагался ступенчатый

деревянный помост высотой примерно с Прим, заслоняющий обзор. Когда они обогнули помост, им открылся вид на восток: за ближними холмами на многие дни пути тянулась травянистая равнина. Дальше, едва различимая за дымкой, уходила ввысь неимоверно длинная белая игла.

Так Прим впервые узрела Столп и Дворец. Прошло несколько мгновений, прежде чем она сопоставила их с множеством изображений и описаний, которые рассматривала и читала в детстве. Все они давали общее представление, но ни одно не передавало реальности. Издали подробностей было не разглядеть, что лишь подчеркивало исполинские размеры Столпа. Верхняя половина, узкая и отвесная, расширялась к основанию, которое, как знала Прим, почти целиком состояло из Улья. Однако смотрела она почти только на вершину и, напрягая глаза, вроде бы различала башни и наружные постройки, словно бы тающие в дымке.

Что-то очень странное происходило у Прим в голове. Невозможно было разглядеть вершину в такой дали. Однако образы эти возникали в ее сознании. Поскольку получала она их не от глаз, то, вероятно, были фантазмы, рожденные под действием странного храмового воздуха из семян увиденного и прочитанного в книгах. Или даже воспоминания. Как будто она их уже видела, может быть, во сне, и надолго забыла. Если так, воспоминания были не особо приятные.

– Две гостьи. Обеим я рад. Одна мне знакома, другая нет, – произнес позади мужской голос. – Как по-разному они смотрят на Элов Дворец! Одна с великой радостью, другая – с печалью.

Прим резко обернулась к говорящему. Истина была в нескольких шагах впереди и чуть сбоку. Она по-прежнему смотрела в окно, и не было сомнений, чье именно лицо светится от счастья.

Голос шел с деревянного помоста в центре зала. Круглый помост походил на стопку монет, причем верхняя была диаметром всего в несколько шагов. Заднюю ее часть обрамлял парапет из чего-то вроде вышитых подушек, передняя, незакрытая, была обращена к окнам. Точно посередине, удобно облокотившись на подушки, восседал автохтон. Если бы он поднялся, то, наверное, был бы внушительного роста, но он полулежал, окутанный мантией из какой-то мерцающей ткани. А может, аурой. У него точно была аура, и большая. Если верить старым книгам, в древности ауры встречались часто, однако в жизни Прим видела их всего несколько раз, и то лишь как слабое мерцание над головой. У этого автохтона аура занимала почти весь помост.

Истина улыбнулась шире (и, как показалось Прим, неискренне) и грациозно развернулась к помосту.

– Наместник Элошлем, – проговорила она, – дозволено ли нам приблизиться к Дивану? Я хочу представить гостью.

– Не только приблизиться, но и подняться сюда, если захочешь, – ответил Элошлем.

Он обращался к Истине как к доброй знакомой. Та глянула на Прим и пошла к Дивану. Прим, следуя за ней, ощутила, что гул Улья усиливается с каждым шагом. Она посмотрела вверх и увидела странность, которой прежде не замечала: от потолка над Диваном подобием сталактита отходила перевернутая колонна. Она целиком состояла из материала Улья, хотя была геометрически более правильной, чем природный Улей. Конец ее нависал так низко, что если бы Элошлем потрудился встать, то мог бы почти коснуться ее поднятой рукой. Нижняя поверхность колонны была вогнутой, души в ее ячейках извивались и озаряли Элошлема дрожащим переменчивым светом. От них, видимо, и шел гул, поскольку ближе к нижнему ярусу Дивана звук нарастал, и не только в ушах, но и в голове, путая мысли. Обрывочные полусонные воспоминания вроде тех, что пробудились при виде Столпа, захватили Прим, не давая ей видеть и мыслить ясно. Она отступила на более безопасное расстояние. Истина спокойно ускорила шаг и начала подниматься на помост, платье и волосы развевались – зрелище, приятное для глаз Прим и еще больше для Элошлема. Он небрежно протянул руку. Истина пожала ее и, развернувшись, села рядом с наместником. Оба вольготно откинулись на подушки и несколько мгновений как будто впитывали эманации Улья.

– Твоя гостья восхитительна. Загадочна, – сказал Элошлем, и Прим догадалась, что он высказывает не собственное мнение, а Улья. – Не подойдешь ли ближе, юная госпожа?

– Я бы лучше осталась, где стою, – ответила Прим. – Мне больше по сердцу разговаривать обычными словами, чем обмениваться мыслями с чужаками.

Истина улыбнулась:

– А когда говоришь словами, предпочитаешь ты выговор Трещенберга или Каллы? Сдается мне, ты владеешь обоими.

Прим застыдилась, но не удивилась, что автохтонка ее раскусила. Обман был рассчитан лишь на короткий разговор со стражником у ворот.

– У нас будет вдоволь времени проникнуть в ее глубины за грядущие месяцы и годы, – сказала Истина. – Полагаю, сейчас она лучше понимает природу Земли тем способом, который сознательно скрывали от нее те, кто до сих пор ограждал ее от

всего мира.

Прим не успела по-настоящему испугаться словам «за грядущие месяцы и годы», как страх вытеснило еще более странное и лживое утверждение, будто родичи ее обманывали.

– Прекрасно, – ответил Элошлем. – По пути во Второэл и начнем.

– Ты отправляешься в город, – полувопросительно сказала Истина.

– У меня важная встреча с… с варварским королем! – объявил Элошлем. – Одна из самых экзотических моих обязанностей.

– Замечательно, – сказала Истина. – Едем.

Элошлем встал во весь рост, и впрямь внушительный, как будто он был создан, чтобы повелевать. Собственно, так оно наверняка и было. Он спустился под руку с Истиной и сделал жест, словно говоря Прим: «После тебя, дорогая». Однако скоро два автохтона догнали ее, и она оказалась между ними. Они прошли другим путем, через своего рода большую прихожую, где ульдарм помог Элошлему сменить мантию на длинный черный плащ для верховой езды. Впрочем, прежде он надел тому через плечо широкую кожаную полосу с длинными ножнами. Элошлем взял со стойки меч вороненой стали и убрал в ножны.

Из здания они прошли прямиком к воротам, где Истина и Прим оставили коней. Истина села в седло, Прим тоже, Элошлем остался стоять. Прим ждала, что сейчас ульдарм подведет ему коня еще больше и великолепнее, чем под ней. Однако этого не произошло. Автохтоны переглянулись и, вероятно, обменялись мыслями. Затем Элошлем подошел к скакуну Прим и одним грациозным движением запрыгнул в седло позади нее. Седло было такое, что он оказался тесно прижат к Прим. Она отпрянула от нежеланного прикосновения, но Элошлем уже крепко обхватил ее талию и правой рукой стиснул запястье, понуждая выпустить поводья.

– Нам такое не нужно, – сказал он так близко к ее уху, что она почувствовала его дыхание. – Ими только ульдармы пользуются. У нас более совершенные способы управлять лошадью.

Словно по команде, конь устремился вперед. Элошлем левой рукой обнял Прим и притянул к себе.

– Поскачем быстрее, чем ты привыкла, но не бойся, я позабочусь, чтобы ты не упала, – объяснил он.

Справа застучали копыта, и мимо во весь опор пронеслась Истина. Скоро они уже пересекли траву и влетели в лес на склоне горы. Скачка казалась Прим бешеной, но и автохтон, и конь, видимо, были к такому привычны. После нескольких поворотов

серпантина Прим стало не так страшно, и она отважилась глянуть на Первый разлом и порт далеко внизу.

Через разлом, поперек общего движения кораблей, скользили два автохтонских военных судна – многовесельные галеры. Судя по всему, они намеревались встретиться посреди разлома с небольшим парусником, идущим от Тукова удела. Может быть, на нем тот самый варварский король, которого должен принять Элошлем? Парусник не выглядел королевским, но в Осколье и слова-то такого, «король», почти не знают.

Скажи мне больше, требовал Элошлем. Он не произнес ни слова, но Прим знала, чего он хочет. Она тоже не произнесла ни слова, значит, если что-то «сказала» ему, он выудил это из ее сознания без спросу. На Прим накатило омерзение, сменившееся паникой. Она попыталась вырваться, однако рука Элошлема сжимала ее стальным обручем, седло было капканом, а если бы она все-таки вырвалась, то погибла бы, рухнув с лошади на всем скаку. *Я хочу знать, кто ты, Примула*, настаивал Элошлем, *не за того ты себя выдаешь.*

Когда Прим поняла, что он знает ее настоящее имя, она утратила способность сопротивляться и впала в полузабытье. События жизни вспоминались в беспорядке, и Прим понимала – Элошлем роется в ее голове, и помешать ему невозможно. Автохтону, наверное, ощущение собственной власти было так же приятно, как ей – омерзительно. Впрочем, через некоторое время она поняла, что чем больше он видит, тем сильнее досадует. Элошлем хотел вытащить из глубины ее самые ранние воспоминания, однако считал их ложью, которую кто-то тщательно насадил, дабы скрыть от Прим ее истинную природу.

И этот кто-то был Пеган.

Тьма, подобная сну, навалилась на Прим, и она уже не знала, что происходит. Мелькали образы ворот, городских улиц, порта, кораблей. Воспоминания, которые вытянул у нее Элошлем? Нет, прежде она этих мест не видела. Это не воспоминания. Она снова была здесь и сейчас, ибо Элошлем отвлекся от нее и отдавал распоряжения ульдармам. Она чувствовала, что лежит на нем, как мокрая тряпка, поэтому сдвинулась вперед, вжавшись в переднюю луку седла. Элошлем не удерживал ее, зная, что она в полной его власти.

Они выехали на верх стены над каменной набережной. Галеры, которые Прим заметила раньше, встретились с парусником и шли назад – они были уже на расстоянии полета стрелы от Второэла. Ульдармы в одинаковой воинской одежде выстроились по краю набережной, одни с баграми, другие с

бухтами троса, но некоторые – с копьями. По всей стене стояли лучники.

Элошлем направил коня к пандусу, ведущему на набережную; Истина предпочла наблюдать со стены. Прим была как в тумане и почти не слышала приказы, почти не видела, как пришвартовалось судно с варварским королем.

Она никогда не видела короля – ни варварского, ни какого другого. Любопытство вывело ее из ступора. Она оглядела галеру, выискивая монарха с богато разодетой свитой, но увидела лишь человека в грязной дорожной одежде, скованного по рукам и ногам. Волосы и борода были всклокочены, лицо казалось маской из запекшейся крови. На шею, словно поводок, была накинута петля, а конец веревки держал ульдарм больше и свирепей всех, что Прим здесь видела.

Элошлем спрыгнул с коня, бросил поводья ульдарму и что-то скомандовал на грубом ульдармском языке, показав глазами на Прим. Очевидно, коня собирались увести. Прим тоже спешилась.

С пристани на галеру положили деревянные сходни. Огромный ульдарм прошел по ним, таща за собой скованного человека.

Элошлем взял конец веревки и глянул пленнику в лицо.

– Добро пожаловать, ваше величество, – сказал он варварскому королю.

Король молчал, потому что узнал Прим. А она узнала его.

То был Пеган.

Получается, она – принцесса.

– Ты мне лгал, – сказала Прим. – Всю мою жизнь…

– Теперь ты должна обрести свободу, – ответил Пеган.

– Как мы можем вырваться? Посмотри на себя!

– Ты должна обрести свободу *одна*. – Он поднял скованные руки. – Ты найдешь это в себе, – настаивал он. – И лучше раньше, чем позже.

– Что ты хочешь этим сказать?!

– Я лгал тебе, потому что тебя люблю.

С этим словами Пеган шагнул в просвет между пристанью и галерой.

Умение читать мысли подвело Элошлема: он держал конец веревки скорее символически. Она вырвалась из его руки, зазмеилась по пристани и в следующий миг пропала под водой. По тому, как быстро она скользила, не оставалось сомнений, что варварский король под весом своих цепей камнем ушел на дно.

В ошеломленной тишине Прим метнулась туда, где мгновение назад был конец веревки.

– Пеган! – закричала она.

– Стой! – приказал Элошлем.

Увидев, что Прим и не думает подчиняться, он крикнул:

– Нам нужна *она*! Остановить ее!

Прим упала на четвереньки на краю набережной, надеясь различить конец веревки. Однако он уже исчез. Сзади раздались тяжелые шаги. Прим обернулась. Огромный ульдарм приближался, выставив правую руку.

Она рыбкой нырнула в воду. Подол длинного платья за что-то зацепился – или ульдарм схватил его своей лапищей. Прим дернулась сильнее и почувствовала, как трещит ткань. Через мгновение юбка оторвалась, и Прим ушла глубже, лихорадочно водя руками в поисках конца веревки. Что-то стиснуло ее щиколотку, и в следующий миг она скорее почувствовала, чем услышала, падение другого тела. Огромный ульдарм, схвативший ее за щиколотку, рухнул в воду.

Что-то задело тыльную сторону ее правой ладони. Вода здесь была мутная, но Прим вроде бы разглядела свободный конец веревки – он колыхался чуть дальше, чем она могла дотянуться. Она брыкнулась, но ульдарм держал мертвой хваткой. Из-за тяжелых доспехов и оружия он тонул, увлекая за собой Прим. Мир вокруг вращался: плавучесть выталкивала голову и тело вверх, ульдарм тащил ногу вниз. Прим вновь начала брыкаться, но ульдарм только сжимал хватку. Свободной рукой он вцепился в другую ногу Прим, как будто ее тело – лестница, по которой можно вылезти к воздуху. Он понял, что тонет, и запаниковал.

Прим была абсолютно уверена, что такое с ней уже было, хотя решительно не помнила когда. Все ее детство прошло далеко от такой глубокой воды. Словно конец веревки, до которого она не могла дотянуться, воспоминание ускользало тем бесповоротнее, чем отчаяннее она силилась его удержать. Оно было из числа тех, которые Элошлем тщетно пытался выудить из ее головы во время скачки по серпантину.

Ульдарм, продолжая в панике карабкаться по ее телу, схватил Прим за талию. Она попыталась его оттолкнуть, нащупала ладонью лицо, но силы были неравны. Плечо проехалось по грубому камню – стене набережной, вдоль которой они медленно погружались. Прим ухватилась за нее рукой, но удержаться не смогла.

Она знала, что ульдарм не выпустит ее, пока жив. Будет ли она сама к тому времени жива? Кто из них утонет первым? Ей отчаянно захотелось, чтобы первым утонул он. Чтобы сейчас, пока у нее еще есть силы выплыть, он просто умер.

Рука, которой она отталкивала его лицо, ощущала теперь лишь воду. Лапища, сжимавшая ее талию, исчезла. Прим дернула

ногами, на случай если ульдарм вновь попробует за нее ухватиться, однако там никого не было. Глянув вниз, она увидела лишь аморфный пузырек света – как будто едва различимое мерцание новоявленной души.

Прим уцепилась за трещину в стене, толкнулась, в несколько панических гребков вынырнула на поверхность и ухватилась за край набережной. В тот же миг Элошлем прижал ее руку коленом, давя всем весом. Прим заорала бы от боли, если бы не откашливала воду и не хватала ртом воздух. Она подняла другую руку. Элошлем поймал ее, выпрямился, вытянул Прим из воды и бросил на брусчатку, словно выловленную рыбину.

– Здесь! – крикнул он. – Прекратить поиски!

– Нет! – выговорила она. – Пеган! Веревка!

– Ты не слушала, что говорила тебе Истина! – произнес Элошлем тоном огорченного дядюшки. – Мы сохраняем на Земле равновесие, следя, чтобы оскольское порожденье не стало чересчур сплоченным, чересчур сильным. Пеган был чересчур хорошим королем. Мы не могли бы отпустить его на волю. Держать здесь пленником – не так плохо, но все же опасно. Его смерть – а тем более самоубийство – лучшее, чего я мог пожелать. Так что пусть остается на дне, раз сам это выбрал.

От этих слов Прим разобрала такая злость, что она перекатилась на живот, подобрала под себя руки и ноги и встала. Она шагнула к Элошлему, мечтая вцепиться ему в глотку, однако автохтон уже проник в ее мысли и вынудил остановиться, где стоит. Управлял ею, как лошадью.

– Тебя мы оставим в живых, – сказал он. – Юная ручная принцесса – то, что нам нужно. Будешь править Каллой из высокой башни.

Она понимала, что это в его силах. Ему даже не потребуется заковать ее в цепи. Автохтонам, когда те залезли тебе в голову, не нужны такие грубые меры. Пока Элошлем жив, Прим в его власти.

Она пожелала ему смерти.

Черный плащ грудой осел на мостовую. Меч, наполовину выпавший из ножен, лязгнул о камень. Элошлем исчез. С набережной и из головы Прим.

На стене вскрикнула Истина. В остальном стояла мертвая тишина. Потом ее разорвала сумятица голосов, по большей части на грубой ульдармской версии горожака. Все они хотели знать, где наместник Элошлем. Очень немногие заметили, как он перестал существовать. Другие видели только, что его нигде не видно, а оружие и одежда лежат на мостовой.

По всему выходило, что он разделся и бросился в воду спасать Пегана. Несколько ульдармов, которых он отправил

вытаскивать Прим, только что вылезли. Теперь они снова прыгнули в воду. Вокруг царила полная неразбериха.

Мало того, что никто не понимал происходящего. Без разума Элошлема на верху командной цепочки не только ульдармы, но и автохтоны не знали, как поступить.

Прим, на которую перестали обращать внимание, сообразила, что ниже пояса на ней только мокрое исподнее, а выше – тонкий лиф платья, тоже насквозь вымокший. Длинный плащ Элошлема выглядел теплым и был совершенно бесхозным. Прим нагнулась, взяла его за воротник и завернулась. Из плаща выпали ножны с мечом. Пеган немного учил ее фехтованию. Прим решила, что меч лишним не будет, так что взяла его и надела перевязь через голову. Ножны висели низковато, но это было дело поправимое.

Впрочем, она и мгновения не думала, что Пеган, говоря ей обрести свободу, имел в виду «пробиваться с мечом в руках». Нет, он знал, что она не такая, как все. Всю жизнь он ей лгал, оберегая ее от страшного знания о себе самой.

Ульдарм, которому Элошлем бросил поводья, по-прежнему стоял, исполняя роль живой коновязи средь общей паники и суматохи. У него, по крайней мере, был четкий приказ: держать лошадь. Он заметил приближающуюся Прим. Край длинного плаща волочился за нее шлейфом, и мечущиеся ульдармы все время на него наступали. Тем не менее она сумела подойти к лошади и взялась за поводья выше того места, где их держал ульдарм.

– Отпусти, – приказала она.

– Господин Элошлем велел мне держать, – ответил ульдарм.

С опаской глядя на Прим, он переложил поводья в слабую левую руку, а правой взялся за рукоять длинного ножа за поясом.

В третий раз свою жизнь Прим пожелала кому-то смерти, и едва эта мысль возникла у нее в голове, как ульдарм перестал существовать. Она нагнулась за его ножом, который был сподручнее меча. Потом встала босой ногой в стремя и запрыгнула в седло. Никто этого не заметил, кроме Истины, смотревшей на все со стены.

– За ней! За ней! – завопила Истина, когда Прим взяла с места в карьер.

Ворота с набережной в город были открыты. Прим проехала в них, повернула к югу на главную улицу и пустила коня галопом. Сзади стучали по мостовой копыта, и она знала, что автохтоны ее преследуют.

По крайней мере, заплутать ей не грозило: улица была всего одна и вела прямиком к южным воротам. Через которые она думала пройти вчера, когда все было совсем иначе.

Издали она увидела, что ульдарм захлопнул их и запер на тяжелый железный засов. Конь под ней разумно сбавил шаг и остановился во дворе перед воротами.

Тут Прим и нагнали четверо автохтонов. Они распределились по двору, окружив ее, но сохраняя почтительную дистанцию.

– Принцесса Прим, – сказал тот, кто, видимо, был у них за главного. Он точно выглядел начальником. Однако его точеные черты выражали некоторое смятение от того, что он обращается к варварской принцессе, которая невозможным и необъяснимым образом завладела мечом, плащом и конем верховного наместника Второэла. – Прошу тебя спешиться и положить оружие на землю.

– Нет, – ответила она. – Послушайте. Я только что узнала о некоторых своих способностях, из-за которых вы все в большой опасности. Прочь!

– Хватит дерзких речей! – воскликнул автохтон справа от нее.

Его конь двинулся на Прим, пока не заметил, что остался без всадника.

Сверху раздался скрип тетивы. Прим подняла голову к верхней галерее. Стоящий там ульдарм наполовину натянул лук, но целил в землю и глядел на главного автохтона в ожидании приказа. Тут он перестал существовать. Стрела сорвалась с тетивы и упала на мостовую. Лук упал, стукаясь о стену, и спружинил о булыжники.

Прим развернула коня и поехала на ульдарма, который мгновение назад запер ворота на засов. Он стоял на прежнем месте и смотрел на нее.

Она не знала языка ульдармов, поэтому просто сказала как могла коротко:

– Я – Смерть. Так кто из нас двоих откроет ворота?

Часть 11

50

– Коли уж нам выдалась редкая возможность поговорить с глазу на глаз, – сказала Примула (или, на языке этих краев, Ромашка) огромному говорящему ворону, сидящему у нее над головой на гике «Бочонка», – я бы поговорила о твоем руководстве Подвигом до сего дня.

Корвус нахохлился.

– Выкладывай, – с деланым безразличием сказал он. – Только не заводись до того, чтобы пожелать мне смерти.

Прим глянула на берег оскола, у которого бросил якорь «Бочонок». Мард, Лин и три помощника Робста набирали в ручье пресную воду и выкапывали из глинистого пляжа съедобных моллюсков. Они были далеко и не могли слышать разговора. Робст находился на другом конце суденышка и к тому же был туг на ухо. Прим не поделилась с товарищами самыми удивительными подробностями дня во Второэле – всех и без того потрясло известие о смерти Пегана. Однако Корвус, очевидно, знал, причем с самого начала.

– Почему это не работает в обратную сторону? – спросила Прим, просто думая вслух. – Почему я не могу вернуть Пегана, пожелав, чтобы он не умирал? Я ведь так этого хочу!

– Уничтожать легче, чем творить, – ответил Корвус. – Говорят, Весне требовался эон, чтобы вдохнуть жизнь в букашку.

– Если бы от меня не прятали некоторые факты, во Второэле все бы сложилось иначе!

– Некоторые бы сказали, что факты все время были на виду, а ты их упрямо не замечала, – ответил Корвус. – Например, что Пеган – король, а ты – принцесса.

– О себе никогда так не думаешь.

– Речь истинной принцессы.

– И, конечно, я знала, что с моим происхождением связана некая тайна. И все равно!

– Брось. – Корвус раздраженно дернул крылом. – Случалось ли какой-нибудь другой девочке столько не взрослеть? Готов поспорить, ты видела старую яблоню за твоим окном еще саженцем.

– Я ее посадила, – сказала Прим. – Но, живя в таком тихом уединенном месте, я не видела в моем долгом детстве ничего необычного.

– Тебя прятали в уединенном месте не без причины.

– А не хочешь объяснить мне эту причину?

– Она теперь очевидна, нет?

– Да, но как я оказалась обычной девочкой на Калле, под Завесой вечного тумана?

– Обычной принцессой, ты хочешь сказать? Понятия не имею! Будь у нас связь с иным уровнем бытия, из которого мы взялись, мы бы получили точный ответ. А так можем только гадать. И твои догадки будут не хуже моих теперь, когда ты видела святилище Эла во Второэлгороде, силой мысли убила высокопоставленного автохтона и завладела его мечом и конем.

Он глянул на меч, который Прим вынула из ножен и смазывала маслом, чтобы не заржавел от соленого воздуха. Коня пришлось оставить на берегу – «Бочонок» был не приспособлен для перевозки крупных животных.

– Либо по чистому везенью, либо по некоему промыслу, скрытому от таких, как мы, ты долгие годы вела тихую и счастливо лишенную событий жизнь на уединенном осколе под Завесой вечного тумана. Только когда ты повзрослела, отправилась – добровольно, замечу, – в Подвиг, вышла из-под Завесы и ступила на Землю, началось ужас что.

– Как раз об этом я хотела с тобой поговорить. Когда мы в Отщепе простились с Эддой и остальными, ты нас бросил.

– Я должен был кого-то бросить. Когда отряд делится, это неизбежно.

– Но почему нас? Ты наверняка знал про опасности Второэла. Нам бы пригодилась твоя помощь.

– Я бросил обе части отряда. Эдде, Бурру и Плетее сейчас не легче, чем тебе.

– Не может быть! Пеган погиб!

– Честно скажу, его решение погибнуть меня удивило. Рассуди он иначе, мы бы его спасли. Не без труда, конечно. Но такое вполне в рамках данного Подвига.

– Он считал положение безнадежным! А все из-за недостатка сведений – которые ты мог бы сообщить, *будь ты с нами*!

– Ты сильно переоцениваешь мою осведомленность, – сказал Корвус. – А когда я не с вами и не делюсь теми сведениями, какими располагаю, я добываю новые, подвергаясь опасностям, которых тебе не вообразить. За последнее время я побывал на Острове диких душ, где спорил с воплощенными торнадо и землетрясениями, и на Последнем осколе, и в самых коварных частях Заплутанья и даже попытался пролететь через Грозовье – область вечных бурь над Узлом. Но выяснилось, что я не Самозвана – мне это не по силам.

– Хм-м. Ладно. – Прим глянула на Марда и Лина – те сталкивали шлюпку на воду, готовясь вместе с остальной командой вернуться на «Бочонок». – Придется поверить тебе на

слово. Как по-твоему, они что-нибудь заподозрили?

– В смысле подозревают ли они, что их спутница – замаскированное божество Ждодова Пантеона и может убить любого, просто пожелав ему смерти? Сомневаюсь, но ты, возможно, заметила, что Мардэллиан Буфрект оказывает тебе еще больше внимания, чем прежде…

Прим покраснела и спрятала смущение за улыбкой:

– Может быть, именно поэтому?

– Не исключено.

И Корвус взлетел с хриплым карканьем, которое вполне могло быть смехом. Он шутливо спикировал на Робста (тот латал парус в другом конце суденышка) и взмыл повыше обозреть окрестности.

Прим, жалея, что не может увидеть их его глазами, вызвала из памяти карту. Участники Подвига добрались до места, где Первый раскол делился на два одинаковых рукава. Оба соединялись с океаном. Левый тянулся на юго-восток к Торавитранаксу-на-море, правый – на юго-запад, и туда корабли заходили реже. Между ними наконечником копья вдавался остров. Он звался Пылающим осколом, потому что с башен Торавитранакса по ночам видели над ним оранжевое зарево, а днем солнце казалось красным за его дымом. Обходить его со стороны моря было для «Бочонка» слишком опасно, а вот если пройти правым рукавом до определенной точки, можно было пешком пересечь оскол в узкой его части с востока на запад и выбраться на другой берег, который здесь являл собой крошево свежих дымящихся расколов, «заброшенных в море, – как сказала ей в Отщепе Эдда, продергивая через карту серебристую шелковую нитку, – словно рыбачья сеть».

В следующие дни дул западный ветер; он нес дым, странные минеральные запахи и даже частички пепла, оседавшие на парусах «Бочонка» и хрустевшие под ногами на палубе. Робст развернул парус по ветру, и суденышко быстро скользило вдоль берега Пылки, как шкипер называл этот остров. К вечеру добрались до берегового изгиба, который не тянул на звание залива, но давал хоть какую-то защиту от ветра и волн. Лагерь разбили у подножия гор, составляющих хребет Пылки, развели большой костер и закоптили немного рыбы и моллюсков, собранных в последние дни. Нарвали вдоль кромки воды ягод и съедобных растений, и на следующий день Прим, Мард и Лин с утра пораньше двинулись в путь, ища, где легче будет перевалить хребет. В этом им помогал Корвус, который на сей раз их не бросил. Ворон не совсем понимал трудности землетопов, поэтому его суждениям не всегда можно было доверять, но, по крайней

мере. он предостерег их от некоторых поворотов, заводящих в тупик. А когда они уже почти впадали в отчаяние, утешением было видеть его высоко в небе и знать, что они хотя бы не заблудились.

Ближе к южной оконечности оскола его делил надвое Новейший разлом. Идя вдоль побережья на юг, промахнуться мимо разлома нельзя было при всем желании. Так что, перевалив хребет, они двинулись вдоль моря в южном направлении.

Справа тянулся отвесный обрыв, суливший очень долгие последние мгновения тому, кто с него сверзится. Далеко в море белели паруса больших кораблей – они держались на почтительном расстоянии от береговых рифов. Опасения были не напрасные – узкую полоску пляжа под обрывом усеивали обломки кораблекрушений. Когда же путники отступили от пропасти и глянули вперед, им предстала стена жемчужно-белого пара. На ее фоне то четко, то полускрытый дымкой вырисовывался дом, стоящий, видимо, на самом краю оскола, перед огненным ущельем Новейшего разлома. Неподалеку время от времени различался силуэт человека, который расхаживал взад-вперед, как будто в задумчивости или в поисках шляпы (она была у него на голове).

Когда они подошли ближе (что произошло не скоро, поскольку земля на подходах к ущелью была разворочена и повсюду торчали острые камни), то увидели еще одну фигурку, поменьше – она силилась угнаться за ходящим туда-сюда человеком. Он широко шагал по наклонным каменным плитам и перепрыгивал с одной на другую, движения маленькой фигурки можно было без преувеличения назвать суетливыми. Высокий время от времени указывал куда-то затейливой тростью, маленькая смотрела туда и что-то записывала на табличке. Все его внимание было приковано к горячему ущелью; иногда он гладил бороду или подносил рукоять трости к лицу, и тогда девушка (путники уже подошли близко и видели, что, несмотря на короткие волосы и мальчишескую одежду, это определенно девушка) получала передышку. В одну из таких передышек она заметила Марда, Лина и Прим – они взбирались по каменным обломкам на краю разлома. Девушка сидела на краю плиты и писала, положив табличку на колени. Сейчас она привстала и потянула высокого за край одеяния. Оно было длинное и, если предназначалось для защиты от искр, вероятно, не раз спасало хозяину жизнь. Он повернулся к приближающимся путникам и вновь сделал тот же странный жест – поднес рукоять трости к лицу.

– Кверк, – сказал он, – сдается, к нам гости.

Кверк вместо ответа подняла голову и указала на небо. Прим, проследив ее жест, увидела Корвуса. Он кружил в вышине, подальше от раскаленных камней, изредка вылетавших из ущелья.

– Я тебе говорила, Лом, что это не обычная ворона!

Она перебирала листки бумаги в наплечной сумке.

– Тут у меня в записках все есть: я предсказала, что огромная ворона сулит явление и других гостей.

– Так не трудись их вытаскивать, – устало сказал Лом. – Ты никогда не ошибаешься, а если бы и ошибалась, мне этого не доказать – твои треклятые записки будут против меня.

Гости уже подошли на расстояние нескольких шагов. Обычные люди поздоровались бы и сказали несколько вежливых фраз, но Лом и Кверк не были обычными людьми. Прим решила начать первой.

– Привет вам, жители Последнего оскола! – сказала она. – Мы пришли из далекой Каллы увидеть ваш знаменитый Последний разлом.

– Его протяженность двадцать лиг, – заметил Лом и глянул на Кверк, словно ожидая, что она вытащит из сумки записи и уличит его в неточности. Однако она молча дала ему продолжить.:– Тем не менее вы *по чистой случайности* вышли прямо к нам. Нет, вы хотели увидеть нас, а не Новейший разлом.

Прим не нашлась с ответом. Кверк встала с плиты и объявила:

– Но раз уж вы сюда дошли, можете взглянуть!

Она указала на край ущелья всего в нескольких шагах от нее.

По лицам Марда и Лина было видно: они понимали, что Лом может сбросить их в ущелье одним движением трости. Он был рослый, крепкого сложения и не обрадовался их приходу. Однако предмет в его руках был такой затейливый, что не походил на оружие. Стальной наконечник изображал лапу с вытянутыми когтями – они стерлись почти до основания, и, когда Лом уперся тростью в камень, Прим поняла отчего. С другой стороны, где у трости был бы набалдашник или изогнутая рукоять, располагался боек в форме птичьего клюва, тоже заметно стертый. Сквозь стеклянные глаза птицы бил свет. По этому и по привычке Лома подносить трость к лицу Прим догадалась, что это подзорная труба. Чуть осмелев, Прим обошла Кверк и встала на одно колено, потом на оба на самом краю. Чтобы не уступить ей в смелости, Мард и Лин тоже опустились на колени рядом с Прим. Она думала увидеть реку огненной лавы, потому что читала о таком в книгах – и, кстати, по меньшей мере в одной упоминался Лом. Но если в ущелье и была такая река (на что намекало

оранжевое свечение), ее скрывал пар.

Из пара вылетела алая звезда. Когда она с шипением проносилась мимо, стало видно, что размером она примерно с кулак.

– Вулканическая бомба! – объявил Лом.

– Третьего типа, – уточнила Кверк. – Смотрите вверх, незнакомцы!

Однако предупреждение было излишним: они все, взяв пример с Лома, уже задрали головы. Он резко поднял трость и клювом подтолкнул широкое поле шляпы, так что она повисла за спиной на шнурке. Под шляпой оказалась лысина в шрамах от ожогов, обрамленная всклокоченными седыми волосами. Лом смотрел вверх, следя за полетом бомбы; подсказкой ему служило испуганное карканье Корвуса. Наконец бомба начала падать; она уже немного остыла и потемнела. Лом сделал несколько широких шагов и, крутанув трость, перехватил ее сразу за птичьей головой. Лапой на конце он успел поймать бомбу перед самым падением на землю. Она разлетелась вдребезги с определенным риском для глаз зрителей. Лин поморщился и вытащил осколок из руки.

– Вулканическое стекло, – заметил Лом.

– Это он так проявляет дружелюбие, – очень тихо заметила Кверк.

Прим обернулась и поняла, что слова эти предназначались исключительно Лину.

Обедали рыбой. Судя по груде костей в дальнем углу дома, для хозяев такая трапеза была привычной. Они закидывали с обрыва самодельные сети и вытаскивали рыбу из прибоя «уже вареной», как сказал Лом – возможно, в шутку. По нему было не угадать, когда он шутит, а когда говорит всерьез.

Кверк оказалась чуть разговорчивее и поведала им свою историю. Она была порожденьем, из большой семьи, которая скиталась в пустынной юго-западной четверти Земли между Торавитранаксом и Срединным заливом, выискивая драгоценные камни. Камни продавали в городах, куда изредка заглядывали. Торговые дела усложнялись, и старшие решили, что семье нужен грамотный человек – настолько нужен, что будущая выгода окупит расходы на обучение. Из всех детей выбор пал на Кверк. Она отправилась в Торавитранакс, где после двух неудачных попыток поступила в Академию. Там она обучалась под руководством послушников Пест. Год, второй, третий Кверк не получала вестей от родных. Деньги закончились, она начала продавать драгоценные камни, которые мать зашила ей в пояс. Наконец двоюродный брат написал с Голой вырубки, что на семью обрушилась череда несчастий, не все выжили, а уцелевшим

пришлось уходить через пустынные земли от небольшой армии ульдармов, якобы беглых, а на самом деле, вероятно, науськиваемых местными автохтонами. Этот брат, добравшийся до относительно безопасного места на Северном осколе, написал Кверк – единственному члену семьи, у которого был постоянный адрес, – в надежде, что другие родственники поступили так же и Кверк ему сообщит, где они укрываются. Однако больше ни от кого известий так и не пришло.

Кверк бросила учебу и объявила, что готова служить писцом у любого желающего. Так она и познакомилась с Ломом. Тот в кои-то веки выбрался в Торавитранакс, поскольку нуждался в писце. Прежний исчез внезапно и необъяснимо, «скорее всего его сдуло с обрыва штормовым ветром». Несмотря на определенные странности нанимателя и явные изъяны предлагаемого места, Кверк оно пришлось по душе. Она не любила Землю, а в каком-то смысле Последний оскол и Новейший разлом отстояли от Земли дальше всего. Да, если смотреть в высоты полета огромного говорящего ворона, были и более далекие осколы, но этот казался самым удаленным из-за того, что новый, и огненный, и безлюдный, если не считать Лома. И при этом достаточно близок к Торавитранаксу – можно ездить туда несколько раз в год и узнавать, нет ли вестей от близких (хотя по тому, как Кверк это сказала, было понятно – она уже ни на что не надеется). Но больше всего ее пленила сама работа. Почти все, о чем любил говорить Лом, наводило ее на мысль о добыче драгоценных камней и передававшихся в семье знаниях, как эти камни возникают и где их искать. У Лома была в голове четкая картина рождения драгоценных камней, хотя он и презирал их добычу. Итак, Кверк отправилась с ним и ни разу об этом не пожалела – хотя, по ее словам, питаться хотелось бы разнообразнее.

Кверк готовила и накрывала на стол, поэтому иногда прерывала рассказ, и тогда Прим с любопытством разглядывала дом. Издали он казался ветхим из-за крыши, собранной из того, что море выбрасывало на берег.

Но такой была только крыша, само же здание выглядело невероятно прочным, поскольку не было выстроено в обычном смысле слова. Значительная его часть располагалась ниже уровня земли, прямо в скальном основании; квадратная яма, глубиной примерно в рост Прим, делилась на три комнаты каменными перегородками. Однако стены не были сложены из камней – они составляли единое целое со скалой. Стол, за которым они ели рыбу, рос из пола каменным грибом. Свечи, котелки, книги хранились в удобных стенных нишах. Удивительнее всего был водосток в каменном полу – гладкий тоннель куда-то наружу.

Никакие ульдармы с долотами и молотами такого бы не сделали. Однако он тут был, и Лом с Кверк преспокойно выливали в него помои. Судя по запахам, заканчивался он где-то в очень горячем месте. Прим в жизни такого не видела. У нее напрашивалось только одно сравнение: если взять глыбу льда, вырубленную из замерзшего озера далеко на севере, и воткнуть в нее раскаленный железный прут, получится что-то похожее.

По преданиям, так Ждод и те, кто пришел за ним, творили Дворец, Столп и Первый город. Собственно, и сама Земля была как-то создана – обычно объясняли, что Ждод творил ее в полете силой воображения. Увидь Прим такое жилье в середине Земли, она бы сочла, что Ждод либо Плутон создали его для каких-то своих надобностей, а Лом просто нашел. Но Последний оскол вроде бы возник недавно.

Как-то, когда Корвус говорил ночью с Эддой и Пеганом, Прим услышала слово «литопласт». Первая часть означала «камень», вторая была связана с приданием формы. Тогда Прим не поняла, о чем это, а теперь думала: может, это и есть слово для таких, как Лом?

Корвус демонстрировал почти оскорбительное безразличие к рассказу Кверк. Он сам добыл себе рыбу из океана и прилетел с нею в когтях. Так что слушать Кверк им мешали грубые звуки, с которыми он рвал рыбу и заглатывал куски. Однако он вспомнил про вежливость и подскакал ближе, когда заговорил Лом, – возможно, история Кверк развязала ему язык.

– Я не Плутон, – начал он.

Наступившее молчание было таким красноречивым, что Лом соблаговолил объясниться:

– Некоторые приходят сюда, как вы, потому что думают, будто я Плутон.

– Лом, позволь развеять твои опасения на сей счет, – сказал Корвус. – Мы исключительно сведущи даже по высочайшим меркам земельной аристократии Каллы. В частности, мы с Прим видели много удивительного. Думаю, на двоих у нас довольное четкое представление о том, как обстоят дела. Уверяю тебя, мы бы никогда не совершили такой грубой ошибки – не спутали тебя с давно изгнанным членом Пантеона, известным как Плутон.

– Впрочем, я с ним встречался, – заметил Лом совсем не тем тоном, каким обычно сообщают поразительные новости.

На сей раз изумленное молчание длилось еще дольше. Даже Корвус не нашелся с ответом. Первым заговорил Мард – самый наивный из членов отряда, не стесняющийся своей наивности.

– Ух ты! Как же это получилось, если Плутон заброшен на

небо, а ты живешь на Земле? Ты из старых душ Первого города и знал членов Пантеона до того, как Эл их вышвырнул?

– Я не настолько стар, – ответил Лом. – Я действительно жил в Первом городе незадолго до того, как Ждод его разрушил, и видел членов Пантеона издали. Однако к тому времени они уже отдалились от простых душ вроде меня, и к тому же Плутон был самым необщительным из старых богов.

– Методом исключения получается, что ты встречался с Плутоном… уже после его изгнания? Ты посещал Алую Паутину? – скептически осведомился Лин.

– Да и нет. – Лом скрестил руки на груди и глянул Корвусу прямо в глаз.

– Это все, что мне нужно было знать, – сказал Корвус. – Идем.

– Мы только начали слушать историю Лома! – воскликнула Прим. – Мы не можем так сразу от него уйти!

– Он идет с нами, – объяснил Корвус.

– И куда это мы все вместе отправимся? – спросил Лом.

– Ты знаешь, – ответил Корвус.

Лом, хоть и редко покидал свое жилище, очевидно, делал это и раньше, поскольку на сей счет имелась процедура. Кверк с ней знакома не была, из чего можно было заключить, что в последнее время он дом не покидал. Идеально круглая трещина в полу оказалась краем люка примерно в ладонь толщиной; Мард с Лином не без труда подняли и откатили крышку, явив взглядам цилиндрическую дыру глубиной примерно в половину человеческого роста. Как все остальное в доме (кроме собранного из выброшенных на берег обломков), дыра выглядела не пробитой в скале, а такой, будто была тут всегда. Туда Лом убрал то, что могло пострадать от огня или воды: записи Кверк, чистую бумагу, старые книги. Оттуда он извлек еще более старые книги и некий большой предмет. Этот предмет, который Лом называл ящиком для образцов, получил у Марда, Лина, Прим и Кверк (вынужденных по очереди его нести) прозвище «треклятая хреновина». Но это в будущем, а сейчас они опустили на место каменный диск. Кверк сняла с полок несколько мешочков и глиняных горшков, в том числе один с этикеткой «КОСТИ», насыпала оттуда какие-то порошки, добавила воды, песка, замесила раствор и зацементировала им крышку люка.

Потом все просто вышли из дома. Этому предшествовал разговор между Ломом и огромным говорящим вороном, занявший не больше времени, чем потребовалось младшим участникам Подвига на мытье посуды. Разговаривали они там, где другие их не слышали. Далеко уходить не пришлось – свист

ветра, рокот прибоя, шипение и бурление Новейшего разлома заглушали слова в шаге от входа. Корвус определенно не утратил способность увлекать незнакомых людей (если Лом вообще человек) в Подвиг. Пеган Калладон в свое время согласился пойти с Корвусом потому, что считал Подвиги достойным занятием для Калладонов и Буфректов; Прим, вспомнив это сейчас, подумала: Корвус как-то умеет представить Подвиг нужным именно для собеседника. Какие доводы он нашел в случае Лома, Прим не бралась даже гадать.

51

Лом был твердо убежден, что шансы успешно завершить Подвиг многократно увеличит небольшая вылазка на Вопрос – длинный полуостров южнее Последнего оскола. Легенда объясняла его появление тем, что Ждод, летя в эту сторону, задал себе вопрос, есть ли что-нибудь там дальше.

Лин считал, что для Лома крюк не более чем способ уйти еще дальше от цивилизации. Прим – знаток карты – педантично возразила, что формально это даже крюком называть неправильно, поскольку они будут двигаться в сторону, прямо противоположную цели.

Они добрались до маленького порта на восточном берегу острова, на южном отрезке Первого разлома напротив Торавитранакса. Там дождались Робста – Корвус слетал к нему и велел привести «Бочонок» сюда. Путешественники забрали карты и прочее снаряжение, затем простились с Робстом и тремя членами его команды, которым предстояло возвращаться домой, перевозя по дороге грузы где придется.

С другого берега разлома подошло совсем непохожее суденышко – его каким-то образом нанял Корвус. Прим могла только догадываться, что он слетал в город, преобразился в человека, украл одежду и пустил в ход всю силу убеждения. На борту «Бочонка» было сколько-то денег; возможно, сейчас они перешли из рук в руки. Мард и Лин объявили, что новое суденышко, «Серебряный плавник», – это килевой шлюп. Они так уверенно между собой соглашались, что Прим не стала просить объяснений. Кверк все равно объяснила: такие суда не очень вместительны, потому что трюм у них длинный, но узкий, однако какая-то подводная часть вместе с парусной оснасткой позволяет им идти круто к ветру, а именно это нужно у берегов Вопроса.

Хвощ, шкипер «Серебряного плавника», оказалась личностью неординарной. Робст был основательный и немногословный; его заботило, как лучше осуществить планы Корвуса, а не то, насколько они разумны или наоборот. Хвощ, напротив, с самого начала взяла на себя роль равноправного партнера. Прим знала хвощи как маленькие хрупкие растения, растущие в темных сырых местах, и это невольно влияло на ее представления о душе, носящей такое имя. Однако шкипер Хвощ не была ни маленькой, ни хрупкой. Те, кто дал ей имя, оказались бы куда ближе к истине, назови они ее Дерево-Вулкан или Валун-Смерч. Она была порожденьем и, помимо высокого роста, отличалась темной кожей, что в плаваниях под южным солнцем было весьма кстати.

Когда Хвощ оголялась до пояса (что в здешнем климате случалось часто), становились видны шрамы – как полученные в различных злоключениях, так и симметричные или повторяющиеся, то есть нанесенные для красоты.

У нее было три постоянных члена команды, вдобавок она для нынешнего плавания наняла еще двух мальчишек. Однако, поговорив с Мардэллианом и Лином, она решила, что мальчишки из Каллы как матросы ничуть не хуже, и, заплатив новичкам небольшую утешительную сумму, отослала обоих обратно в Торавитранакс.

Постоянный костяк команды составляли Ретт, который мог вести шлюп в одиночку, Швабра (она готовила, убирала, чинила, вела корабельное хозяйство и спала с Хвощ) и относительно новый член экипажа по имени Чешуй – ему по большей части доставалась опасная или тяжелая работа.

Покуда участники Подвига грузили свои вещи на «Серебряный плавник», у Прим еще теплилась слабая надежда, что ветер и дальше будет таким же ужасным; в те три дня, когда они бездельничали в порту, она часами смотрела на высокие мастерские Торавитранакса. Они (как и обещали стихи, которыми она зачитывалась в своем долгом детстве) сияли золотом, медью и, на закате, алым заревом догорающих углей. Настоящая непогода загнала бы «Серебряный плавник» в тамошнюю бухту, и Прим посетила бы некоторые башни, посмотрела бы некоторые сады и рынки, о которых рассказывала Кверк, пока они по очереди тащили «треклятую хреновину» через Горящий оскол. Однако выяснилось, что ветер самый распрекрасный, настолько, что экипаж «Серебряного плавника» (по словам Кверк, знавшей язык Хвощ и ее товарищей), не могут им нахвалиться. Как только обогнули острый южный мыс Пылающего оскола, подняли те самые особенные паруса, развернули их по ветру, и «Серебряный плавник» полетел, словно пущенная из лука стрела. Прим, стоя на корме, прощалась взглядом с тающим в дымке Торавитранаксом. Они плыли на юго-запад, стремительно удаляясь от цели Подвига.

Хвощ ничуть не хуже Ретта умела править кораблем, но ее больше занимала деловая сторона. Поскольку деловые вопросы решили еще до того, как наняли Хвощ, ее настырность несколько раздражала. Не находя, к чему приложить свой ум, шкиперша пыталась выяснить, что они вообще делают. А это участники Подвига – включая Корвуса – понимали смутно. Попытки Хвощ узнать больше выводили Корвуса из себя. И все же, если бы не любознательность, она бы вообще не согласилась с ними

отправиться. Прим теперь видела, что в Подвиги отправляются неординарные души и те, кто ведет других на Подвиг, вынуждены тратить много сил, чтобы справляться с этой неординарностью.

Полуостров, отмеченный на карте как Вопрос, обладал всеми недостатками пустыни в том, что касается климата, растительности и прочего. Но поскольку в отличие от упомянутой пустыни он не лежал между двумя занятными и гостеприимными местностями, посещать его было решительно незачем. Он просто уходил далеко в океан и там заканчивался. Если полуостров и впрямь возник потому, что Ждод спрашивал себя: «Что там дальше?» – то ответ был: «Ничего».

Тема эта была буквально перед их глазами, поскольку Прим воспользовалась ясным деньком и достала большую карту. Стол, на котором она развернула карту, был, как и все существенное на «Серебряном плавнике», привинчен к палубе. Прим и Кверк смотрели на карту, а Корвус смотрел на них. Они были на носу корабля. На корме, где располагался румпель, Хвощ общалась со своей командой, включая Марда и Лина.

Карта, улучшенная иголкой и ниткой Эдды, согласовывалась с тем, что они видели по левому борту. Здесь в море впадала речушка – она брала начало в середине каменистого полуострова и кое-как, не пересохнув, добиралась до унылого побережья. По крайней мере, так можно было догадаться по цвету окружающего ландшафта – чуть более зеленоватому оттенку бурого, чем по обе стороны русла. У впадения речушки стояли низкие дома и одинокая сторожевая башня из кирпича-сырца. В море вдавался длинный пирс, возле него покачивали голыми мачтами несколько кораблей. Между «Серебряным плавником» и поселком двигалась галера, словно многоножка по сверкающей сковородке воды. Все это было чисто военное, поскольку ни обычного жилья, ни торговых факторий в здешних краях не водилось. Галера пыталась перехватить «Серебряный плавник» для досмотра. Затея была безнадежная. Весь смысл килевых шлюпов в том, что они движутся быстрее галер, если, конечно, дует ветер, а вдоль побережья ветры дули почти всегда. Вчера ушли от двух галер, и Хвощ сказала, завтра надо будет уйти еще от одной, может быть, двух. Потом они окажутся у той части Вопроса, где автохтонских фортов уже нет.

– Мне это кажется… ну не знаю… расточительством, – заметила Прим. – Пусть я всего лишь варварская принцесса, но даже я вижу, что это какая-то бессмыслица.

Корвус пожал плечами – за счет огромных крыльев это получалось довольно впечатляюще.

– В каждом форте всего несколько автохтонов, которых дорого содержать. В море много рыбы. Остальное необходимое привозят кораблями из Второэла. Большинство в фортах – ульдармы, специально выращенные для жизни в таких краях и гребли на галерах. Питаются они водорослями и моллюсками, которых собирают на берегу. И затраты вполне оправданны, если всерьез относиться к тому, ради чего все затеяно.

– А ради чего оно затеяно? – спросила Кверк.

– Не пускать сюда порожденье, – догадалась Прим. Она положила руку на ту часть карты, где было вышито Осколье. – Мы по большей части живем здесь.

На слове «мы» она запнулась, поскольку знала теперь, что не относится к порожденью. Ей приходилось все время себе об этом напоминать.

Она провела рукой немного на юг и чуть-чуть к западу. Теперь ее ладонь лежала на побережье Вопроса – том, что было сейчас по левому борту шлюпа.

– Если не бояться выйти подальше в море и вверить себя волнам, то сюда можно добраться в обход сторожевых башен Второэла и Торавитранакса. На Вопросе путешественники через несколько дней погибнут от жажды…

Кверк кивнула:

– Если только не высадятся в устье реки – но тут-то автохтоны и поставили свой форпост.

– Они стерегут устья рек, – заключила Прим, – чтобы порожденье не закрепилось здесь и не размножилось на Земле.

Заметив уголком глаза какое-то движение, она повернула голову и увидела Марда. Хвощ его отпустила, и он подошел послушать разговор. Мард покраснел, отвел взгляд и поплелся прочь с таким видом, будто убил собственного отца. Прим в жизни бы не догадалась, в чем дело, если бы позже не увидела, как Лин заигрывает с Кверк. Тогда она сообразила, что Марда смутило слово «размножиться», так как оно подразумевало рождение детей.

Хвощ сказала Лину и Марду, что сейчас им можно отдохнуть, поэтому они решили поупражняться в фехтовании. Мард размахивал мечом, который Прим добыла, убив наместника Элошлема на второэлской набережной. В трюме имелось много другого оружия, по большей части короткие абордажные сабли – не такие великолепные, как меч Элошлема, и более короткие, но для учебного боя вполне пригодные. Прим было чуточку обидно, что молодые люди – и особенно Мард – вроде как присвоили себе меч. В иных обстоятельствах она бы напомнила, что меч – ее. Однако при всем своем великолепии для Прим он был бы не

более чем символическим. Она не могла восхищаться мечом, как Мард и Лин, поскольку знала, что способна убивать иным способом. Пусть уж лучше они учатся им владеть. Кверк, которой определенно нравился Лин, пошла смотреть, как они фехтуют.

Хвощ подошла взглянуть на карту, которую изучала так же внимательно, как Прим. Поначалу это немного пугало – ведь Хвощ уверяла, что хорошо знает здешние берега. Она протиснулась к вышитому на карте Вопросу – не то чтобы оттерла Прим плечом, просто придвигалась ближе и ближе, так что Прим удобнее было чуть посторониться. Хвощ смотрела на карту, а Прим – на Хвощ, изучая бугры и спирали ее шрамов. Шкипершу ничуть не смущало, что ее разглядывают.

Прим гадала, не в этом ли смысл подобных украшений на теле. Люди так и так будут на тебя смотреть – почему бы не дать их глазам во что уткнуться?

Что Хвощ видела на карте? Она вроде бы смотрела не на самое побережье Вопроса, а в открытое море на юге. Прим никогда не обращала особого внимания на эту часть карты – выкрашенную голубым кожу без чего-либо интересного.

Или что-то там все же было? Уж слишком долго и пристально Хвощ глядела на это место.

– Что ты видишь?

Хвощ протянула обветренную, в шрамах руку с пальцами, унизанными кольцами и перстнями, и погладила часть карты, где краска лежала неровно.

– Быть может, всего лишь призрак воспоминаний. Я была младшая в большой семье. Вот отсюда. – Она указала на дельту реки у южного побережья. – Мы заплатили шкиперу, чтобы тот отвез нас в Торавитранакс.

– Вокруг Вопроса?

Хвощ подняла на нее взгляд.

– Да. Семья была слишком большая, пешком через пустыню мы бы не добрались.

Она глянула на Кверк, словно намекая почему: такие, как семья Кверк, могли на них напасть. Затем вновь посмотрела на карту. Она постоянно гладила указательным пальцем неровность краски, словно могла оживить это место; а может, оно и так было для нее живым.

– Что-то примерно здесь убило всю мою семью.

– Что убило твою семью? – воскликнула Прим. – Ой, это ужасно!

Хвощ лишь пощекотала карту, как будто надеясь вытянуть из нее ответ.

– Буря? – спросила Прим. Однако слова Хвощ подразумевали

что-то, наделенное волей. – Или… исполинская рыбина? Морское… морской змей?

Она собиралась сказать «чудище», но не хотела показаться дурочкой.

– Ты неправильно думаешь, – сказала Хвощ. – Придумываешь что-то естественное.

– Ой.

– Это было совсем не так. – Хвощ говорила твердо, но с тихой убежденностью, что ни Прим, ни кому другому ее не понять. – Понимаешь, я плавала в этих морях много сотен лет, видела много бурь и много исполинских рыбин. То, что убило мою семью, не относилось к естественному порядку вещей.

– А может…

– Может, моим детским глазам это примерещилось? Так все и говорят.

– Извини.

– «Буря», «мальстрем», «чудовище»… эти слова тоже годятся. Если ты употребляешь их как поэт, когда говорит: «Губы моей возлюбленной – цветок» или что-нибудь такое.

– Но это было другое – что-то единственное в своем роде?

– Да.

– И с тех самых пор ты его ищешь.

– Да.

– Я тебе верю, – сказала Прим. – Мне однажды случилось увидеть издалека Остров диких душ.

– И ты выросла на спине спящего великана.

– Тебе Корвус рассказал?

– Да.

– Потому ты и согласилась присоединиться к Подвигу. Не ради денег.

– Деньги были нужны, чтобы избежать лишних объяснений с командой.

– Я уверена, Швабра последовала бы за тобой куда угодно.

– Да, – ответила Хвощ. – Но даже Швабре нужно есть.

Ветер ослабел и сменил направление на менее благоприятное. Хвощ отошла подальше от берега, чтобы следующая галера не застигла их в штиль. Тут налетела непогода; у непривычной к морю Прим было чувство, что наступил конец света. Каким же было нечто, сгубившее семью Хвощ, если буря – лишь поэтическая для этого метафора? Части «Серебряного плавника», которые казались закрепленными намертво, пришлось разбирать и переделывать. Им бы пришлось плохо, если бы не Корвус: он поднимался повыше и сообщал, где они и как лучше

проложить курс к берегу, чтобы не пройти на расстояние видимости от последнего форпоста автохтонов в этих краях. Побережье Вопроса, которое наконец открылось их взорам, было таким негостеприимным и диким, что Эл не препятствовал порожденью тут селиться – все равно никто бы не выжил в этих краях.

За следующий день с корабля видели только два места, похожие на речные устья, но растительности там почти не было – скорее они походили на шрамы от камнепадов.

Лома это ничуть не смущало. И по неведомой причине Корвус фактически передал руководство ему. Так что они бросили якорь в бухточке, достаточно глубокой, чтобы «Серебряный плавник» со своим килем мог туда войти, и достаточно защищенной от ветра и волн, чтобы шлюп не выбросило на каменистый берег. Спустили на воду баркас. Мард и Лин, измученные жарой, стянули рубахи, намереваясь добраться до берега вплавь, но Швабра сказала, что им этого не стоит делать, поскольку после высадки у нее будут занятия поважнее, чем обрабатывать каждый дюйм их тела раскаленными докрасна щипцами.

Ретт и Чешуй вытащили из трюма бочонки с пресной водой и переправили на берег, где ее перелили во фляжки и мехи. Еще с корабля перевезли гамаки и сетки – — натягивать над гамаками, а также жестяные воронки – надевать на веревки, чтобы некие существа ночью не заползали по ним в гамак. Мард и Лин, которым не разрешили искупаться, думали, что будут ходить почти нагишом. Однако Лом полчаса вышагивал по берегу, убивая тростью различных тварей, затем объявил, что молодые люди должны обмотать ноги плотной парусиной до самого паха, а поверх еще и надеть кожаные гетры до колен, а иначе им лучше вообще с корабля не сходить.

Никто из них не был нытиком. В конце концов, они сами добровольно вызвались отправиться в Подвиг. В отличие от Пегана все они были еще живы. И в отличие от Кверк не испытали особых тягот – просто уже некоторое время были в дороге. И все же на следующее утро, после бессонной ночи под завывания летающих тварей и чавканье наземных, они собрались у походного костра в самом унылом расположении духа. И никто не отошел по берегу дальше чем на несколько шагов.

– И зачем только Весна создала некоторых существ? – сказала Прим, расчесывая красный волдырь. Хотелось думать, что это всего лишь укус какого-то насекомого.

– Это еще пустяки! – хмыкнул Лом. – На ваших предков Адама и Еву напали *волки*, а ведь Адам и Ева были детьми Весны!

– Само собой, но я не понимаю, как это отвечает на вопрос

Прим, – заметил Мард.

– Поймешь, если только задать этот вопрос правильнее, – сказала Кверк. Она тоже выглядела измученной, хотя Прим надеялась, что уж Кверк-то в привычной обстановке пустыни взбодрится и повеселеет. То, что здесь плохо даже ей, не сулило новичкам ничего хорошего.

– Насекомое должно кусать так больно, чтобы все остальное имело смысл, – объявил Корвус.

– Как это «имело смысл»? – спросила Хвощ. Она ночевала на корабле (очень разумно), а перед завтраком присоединилась к ним. – Ничто не имеет смысла.

Она глянула в сторону океана.

– Все имеет смысл. Оно может не нравиться. Может вызывать вопросы. Иногда действительно хочется воскликнуть: «Это бессмысленно!» Но всякий раз как я задумываюсь, как приглядываюсь внимательнее – я понимаю, что все осмысленно. Сверху донизу. Потому что иначе никак. Иначе всё мгновенно рассыплется на куски.

– Что «всё»? – спросил Лин. – О чем ты вообще?

– Земля. Она вся.

– Вы увидите и поймете, – сказал Лом.

– Очень этого жду, – ответил Корвус. – А теперь идем, пока солнце не поднялось еще выше.

На родном осколе Прим часто совершала далекие прогулки в глубь Каллы. Порой она продвигалась медленно, даже с трудом, и все же, выбравшись на высокое место и обернувшись, дивилась, как же далеко ушла.

Здесь было совсем не так. Полдня они мучительно карабкались вверх, так что исцарапались до крови и выбились из сил. Иногда «треклятую хреновину» приходилось оставлять внизу, а потом втягивать за собой на веревках. Когда они наконец выбрались из длинной трещины на такое место, откуда можно было глянуть вниз, то увидели «Серебряный плавник» в голубой бухте прямо под собой, так близко, что казалось, до палубы можно добросить камнем. Был соблазн и впрямь кинуть камнем, поскольку Хвощ (она не стала подниматься с ними) и остальные члены экипажа дремали в тени под навесами. Однако жара не располагала к физическим усилиям, и они поспешили укрыться от полуденного солнца в тени обрыва. Там натянули навес и попытались хоть немного отоспаться после бессонной ночи. Ближе к вечеру, когда воздух стал попрохладнее, собрали лагерь и двинулись дальше. К наступлению темноты добрались до места, которое Корвус заранее приметил с высоты. Там поели и

обнаружили, что спать совершенно не хочется.

Казалось, в здешнем небе звезд в десять раз больше, чем видно с Каллы. Как будто пытаешься заснуть в амфитеатре, где на тебя смотрят тысячи глаз.

Над ними, гораздо выше, чем у них на родине, висело красное созвездие, которое некоторые называют Оком Ждода. Для Прим это был первый случай хорошенько рассмотреть его с тех пор, как во Второэле она узнала некоторые факты о себе. В детстве она смотрела на Око Ждода как на нечто сказочно-мифологическое; по легенде, Ждод и другие старые боги создали там подобие Земли, откуда их изгнали. Не желая, чтобы Эл видел их труды, они укрыли свою новую обитель завесой дыма.

Так гласили мифы. Но если Прим действительно была Ромашкой, или Софией, значит, она бывала там в прошлой жизни. Ударилась всем телом о черную твердь, пробив кратер, горящий до сих пор, мерцающую красную звездочку в числе тех, что далекими походными кострами горят на темной равнине небес…

– Что ты видишь? – спросил Мард. Он тоже, запрокинув голову, смотрел в небо. – Я вижу Челнок Искусницы.

Это созвездие знали все, и указывать на него для начала разговора было как-то совсем по-детски. Прим не слышала, как Мард подошел, но сейчас, когда он заговорил и сел рядом с ней, вышла из задумчивости и различила хихиканье – хихиканье! – Кверк по другую сторону низких колючих кустов, потом неразборчивые слова Лина, после которых Кверк вновь захихикала.

Мард начал разговор так неуклюже, потому что его привело сюда вовсе не желание поговорить о звездах. Он придвинулся ближе – так близко, что стоило Прим шевельнуться, их тела бы соприкоснулись.

Менее всего он ожидал ответа на свой вопрос.

– Небосвод, – сказала Прим.

Он не сразу сообразил, к чему она это говорит. По книгам древних сказаний – которые читали только дети и старики-ученые – Небосвод представлял собой оболочку из черного адаманта, изрытую кратерами на месте падения богов и скрытую от Земли завесой. Говорили обычно про Алую Паутину, Око Ждода, Огненную туманность, Багровый покров, но не о лежащей за ними теоретической абстракции. Однако через мгновение Мард понял.

– Это ужасно далеко отсюда. – Он театрально завел руку за голову. – У меня шея болит туда смотреть. Лежа удобнее.

Мард лег и в процессе оказался еще ближе к Прим.

– А скала еще теплая, – заметил он, гладя камень рядом с собой.

Прим подумала, догадывается ли Мардэллиан Буфрект, как ей хочется лечь рядом с ним и не смотреть больше на небо – и не говорить о нем. Однако возник вопрос, который требовал ответа.

– Теперь, когда тебе тепло и удобно…

– Не настолько, как хотелось бы…

– …что ты видишь, глядя на Алую Паутину из самого удобного положения в такую ясную южную ночь? Наверняка ты еще никогда не видел ее так хорошо.

– Я вижу… Алую Паутину! – ответил Мард. Он не то что по-настоящему досадовал, просто немного огорчился, что его неуклюжие слова про Челнок Искусницы привели к разговору про астрономию. «Поделом тебе», – мысленно заметила Прим.

– Опиши, какой ты ее видишь. Я не могу запрокинуть голову, шея болит.

– Это как будто котелок на костре в холодную ночь, когда вода кипит ключом и над ней клубится пар. Огня за паром не видно, только зарево от него, лишь иногда проглянет раскаленная головня или язык пламени, но тут же исчезает вновь, и не знаешь, правда ли их видел.

– Хорошо описал, – сказала Прим. – Я почти вижу своими глазами то, что увидел ты.

– Ложись сюда, – Мард похлопал по земле рядом с собой и заботливо убрал камешек, – и посмотришь сама. Я даже могу размять тебе шею, чтобы не болела, я хорошо умею…

– У меня с шеей все хорошо, – призналась она. – Хочешь знать, что вижу я?

– Конечно, – ответил он без особого рвения.

– Ярчайшие алые огни. Не дрожание пламени, но ровное свечение лавы. Самый большой посередине, где упал Ждод. Вокруг, поменьше, где падали… – Прим чуть не сказала «мы», но вовремя поправилась: – Остальные члены Пантеона. Сотни точечек – кратеры меньших душ, выброшенных вслед за Ждодом. А между кратерами трещины, словно огненные дороги – можно сказать, словно Новейший разлом, – а вдоль них дворцы, дома, крепости из черного адаманта, подсвеченные отблесками пламени.

– Ух ты, – сказал Мард. – Ты говоришь так, будто заснула и увидела все это во сне.

– Это ты спишь. А я вижу.

Мард сел и заерзал. Он как будто не знал, куда девать руки, поэтому сложил их на груди.

– Замерз? – спросила Прим.

– Наверное.

Ему нужен был предлог уйти, и Прим сказала:

– Знаешь, Кверк проживала свое горе в одиночестве много лет. Я еще только осознаю свое. Вчера я думала, как на самом деле мало времени прошло с тех пор, как Пеган пожертвовал собой ради Подвига. Две недели от силы?

– Да! – чересчур поспешно воскликнул Мард. – Так и есть.

– Если я вижу на небе что-то странное, это, наверное, из-за того, что я гляжу на него сквозь слезы.

– Ой, Прим, извини!

– Не извиняйся, – ответила она. – Просто наберись терпения.

После рассвета отряд по относительно ровному плато дошел до впечатляющих скал. Вчерашний крутой подъем скрывал скалы от берега, и, если бы не Корвус, они бы это место не нашли. Прим уже знала, как оно называется, поскольку слышала, как о нем говорили Корвус и Лом: Взброс. И слово действительно было удачное. Вероятно, сюда продолжалась трещина, по которой они карабкались накануне. Прим догадывалась, что это – тектонический разрыв, идущий с севера до южного берега Вопроса, но не живой разлом, а древний, застывший. Соответственно, внизу скопились земля и камни, между камнями пробивались цепкие растения, так что разглядеть его можно было, лишь сощурившись, наклонив голову и включив силу воображения. А вот выше его не увидел бы только слепой. Трещина была не отвесная, а наклоненная под углом, средним между горизонталью и вертикалью, и шириной примерно в двадцать шагов. Они подошли с нижней стороны, и чем ближе подходили к разрыву, тем выше казался противоположный борт. Они вступили под его тень, что в здешнем климате было несомненным облегчением, но теперь высокая сторона нависала над ними, так что любой сорвавшийся оттуда камень упал бы им на голову.

Ровная каменная поверхность уходила во тьму. Она была усеяна щебнем и заляпана пометом птиц, чьи похожие на ульи гнезда лепились под нависающим уступом. Приглядевшись, они увидели, что этот уступ тоже совершенно гладкий и равномерно черный. Если не считать гнезд, взгляду не за что было на нем зацепиться. Как будто нижней поверхности Взброса нет вовсе – она была никакая, словно ночное небо без звезд.

– Адамант, – объяснил Лом после того, как все вдоволь насмотрелись. – Таким было все на заре Первой эпохи, после того как Ждод придал Земле общую форму и зажег звезды на Небосводе, но до того как появился Плутон и занялся

частностями. Однажды, много лет назад, он сказал мне, что некоторые области Земли остались неизменными с Первого полета Ждода. Плутон знал, что когда-нибудь их надо довести до ума, но оставил самые отдаленные и безлюдные места напоследок. Куда важнее было улучшить те края, где души ходят, смотрят и трудятся каждый день.

– И где на Земле другие незаконченные места? – спросила Прим.

– Их много. И до всех так же трудно добраться, – ответил Лом.

– А иначе Плутон бы их усовершенствовал, – догадался Лин, – чтобы обычные души не видели такие пережитки Древних времен.

– Именно так, – согласился Лом.

– Зачем мы сюда пришли? – Мард опустил ящик для образцов с бережностью, которая совершенно не отражала его истинных чувств.

– Чтобы попасть в другое место, – сказал Корвус. – Послушайте, я – птица и не люблю, когда камни у меня над головой. Так что я вылечу из-под Взброса и займусь тем, чем занимаются птицы.

– Будешь есть червяков? – спросила Кверк.

– Загадишь тут все пометом? – добавил Лин.

– Примерно так! А теперь закройте рот и проследите, чтобы Лом там внизу не убился.

И Корвус, отпрыгнув в сторону бочком, с громким карканьем вылетел из тени.

Лом открыл переднюю стенку ящика для образцов, которая раскладывалась на петлях, так что получался стол, прожженный и чем-то заляпанный. Внутри были различные углубления и коробочки, подписанные очень старыми письменами, – по легенде, Пест научили им старые боги в Первом городе. Прим, умевшая читать этот алфавит, увидела такие слова, как «ПЕРВОБЫТНЫЙ АДАМАНТ – ИЗ САМОЙ БОЛЬШОЙ СКАЛЫ» и «АУРАЛЬНЫЙ ХАОС – ЧАСТИЧНО РАЗУМНЫЙ», а также другие термины, еще более непонятные.

План был такой: закрепить наверху веревки, чтобы Лом, обвязавшись ими, спустился по наклонному обрыву. Здесь поверхность усеивали нападавшие за столетия камни, но глубже, «там, где стоит смотреть», она будет такой же гладкой, как верхняя, и он начнет скользить.

– И что дальше? – полюбопытствовал Мард.

– В каком смысле? – спросил Лом. Он разворачивал и осматривал очень длинную веревку.

– Что будет, если начать скользить?

– Будешь скользить дальше? – предположил Лин.

– Все быстрее и быстрее? – подхватила Кверк.

– Да, но куда? – настаивал Мард. – Где остановишься?

– Лучше спросить «остановишься ли», – заметил Лом. – Не думаю, что Ждод, при его-то беспечности, обеспечил дном каждую дыру в земле. Скучное занятие. Не в его духе.

От этих слов младшие члены отряда примолкли и взялись за работу. Впрочем, они так ясно представили, как Лом скользит в бездонный провал, что очень тщательно завязывали узлы и как следует крепили концы. Все они старались держаться подальше от края.

Наконец Лом вытащил из ящика для образцов коробочку с этикеткой «ЧИСТЫЙ ХАОС». Остальные заметили ее раньше и даже обсудили, но внутрь заглянуть по понятным причинам не рискнули. Теперь они все столпились вокруг Лома – посмотреть. Коробочку заполняло абсолютное ничто, в сравнении с которым абсолютно невыразительная верхняя поверхность Взброса казалась чем-то. Сама коробочка была не из аккуратно сбитых дощечек, а вырублена из черного камня – той самой горной породы, которую Лом назвал адамантом. Внешняя поверхность едва различалась, внутренние были совершенно невидимы. При очень тщательном наблюдении можно было уловить случайные переливы света и темноты и расслышать глухое шипение. Прим хаос чем-то напомнил ауру, какую она видела у наместника Элошлема и в ячейках Улья. Но та светилась, а ее движения, хоть непредсказуемые, подразумевали какой-то смысл. В сравнении с ней это вещество было как падаль в сравнении с живым зверем.

Стебельки ауры высунулись из головы Лома, словно жвалы насекомого, потянулись и отщипнули кусочек хаоса размером с орех. Потом он закрыл коробочку. Образец хаоса двигался вместе с ним, на расстоянии вытянутой руки от лица, окутанный клубящейся аурой. Походка Лома стала скользящей, острожной, как у слуги, который несет на подносе полный кубок драгоценного вина. Он дошел до края трещины, где Кверк обвязала его веревкой таким образом, что получился скользящий узел и Лом мог управлять спуском одной рукой. Держа в другой свою трость, он попятился от них в трещину, осторожно упираясь ногами (башмаки он снял), и так постепенно исчез из виду: фигурка внизу уменьшалась и уменьшалась. Некоторое время они еще различали его ауру, но и она постепенно меркла. Что Лом по-прежнему там, свидетельствовала лишь натянутая веревка, которая иногда подрагивала, когда он смещался вбок.

Они бы, наверное, заскучали, не прилети Корвус с ужасным известием:

– Ульдармы! Полная галера! Я должен предупредить Хвощ.

– Нам вытащить Лома? – спросил Мард.

Корвус уже что есть мочи махал крыльями, набирая скорость.

– Бесполезно! – прокаркал он.

Прим побежала к месту ночевки, откуда видна была бухта со стоящим на якоре «Серебряным плавником». Галера еще не показалась, но команда шлюпа, видимо, предупрежденная Корвусом, подняла якорь и убрала навесы. На мачте и гике развернулись паруса, однако в основном суденышко двигалось на веслах.

– Ветра сегодня почти нет, – заметил Мард. Он всего на несколько шагов отстал от Прим.

Некоторое время они стояли и смотрели вниз. «Серебряный плавник» под всеми парусами шел в открытое море. Двигался он на северо-запад, и Прим понимала, что курс выбран не с целью куда-то доплыть, а просто чтобы лучше использовать ветер.

Наконец они увидели то, что Корвус заметил много раньше: галеру, маленькую, с одним рядом гребцов по каждому борту. Общим счетом, наверное, дюжины две весел. С высоты они еле различали гребцов-ульдармов. Точно по средней линии галеры тянулся помост, соединяющий ют на корме с баком на носу. Там располагались другие ульдармы, вооруженные – по крайней мере, так можно было угадать по бликам солнца на стали.

Мард протяжно выдохнул.

– Невозможно, – сказал он.

– Ты о чем?

– «Серебряному плавнику» невозможно от них уйти.

Они еще какое-то время наблюдали за погоней. Прим видела, что Мард прав.

– Галера, наверное, шла за нами, – заметил он.

– Килевые шлюпы обычно не останавливаются и не ждут, когда их догонят, – предположила Прим.

– И зачем им это? – согласился Мард. – А мы остановились. И они как-то это узнали. Откуда-то проведали, что мы здесь.

– Вода! – воскликнула Прим – ей только сейчас пришла в голову эта мысль. – Вода и другие припасы, которые мы оставили на берегу…

– Надо их забрать, пока еще есть время! – согласился Мард.

И они без долгих слов заспешили вниз по склону, на который карабкались вчера. То и дело оба скользили и съезжали по осыпи с риском сломать шею.

Галера двигалась быстрее шлюпа, но он, благодаря предупреждению Корвуса, успел далеко оторваться, а даже ульдармы могут грести изо всех сил лишь ограниченное время.

Мард и Прим часто теряли оба судна из виду, когда оказывались в расселинах и сухих руслах. Впрочем, события внизу разворачивались медленнее, а спускались они быстрее, чем поначалу опасались. Наконец они оказались на карнизе над самой бухтой и здесь остановились досмотреть последние мгновения погони. Подробностей отсюда было не разглядеть, но Мард объяснил, что на галерах есть специальные крюки – цепляться за судно, которое хотят захватить, и сходни, чтобы перебросить на вражескую палубу. Два корабля сошлись и превратились в одно темное пятно на воде, в нескольких лигах от берега. Дальше можно было только воображать, что происходит с Хвощ и ее командой, когда на «Серебряный плавник» по абордажным сходням бегут вооруженные ульдармы. Корвуса с такого расстояния было не различить, но он наверняка парил в вышине, недосягаемый для ульдармских стрел. Позже он, возможно, поведает им скорбную историю. А сейчас надо было перетащить бочонки с питьевой водой и другие припасы. Ибо если уж ульдармы преследовали их в такую даль, то наверняка сойдут на берег поискать отставших от корабля.

Прим вспомнились некоторые особенно мрачные эпизоды из рассказа Кверк. Она надеялась, что Кверк по-прежнему наверху и этого не видит.

– Парус, совершенно точно парус! – крикнул Мард в то самое мгновение, когда Прим начала спускаться к бухте. Он уже произносил это слово, но не так уверенно. Прим глянула в море и увидела прыгающий на волнах белый треугольник.

– Знаешь, что они сделали? – спросил Мард. Вопрос был риторический, и Прим ничего не сказала, дожидаясь продолжения. – Хвощ поняла, что от галеры не уйти, и пожертвовала «Серебряным плавником». Ульдармы захватили шлюп, да. Но Хвощ на баркасе. Они подняли парус и уходят от галеры.

– А разве на галере нет шлюпки?

– Может, есть, может, нет. Но даже если есть, она не такая быстроходная. В гонках под парусом я ставлю на Хвощ.

– А не может галера отцепиться от «Серебряного плавника» и догнать баркас?

Прим было неприятно задавать такие вопросы, но она не понимала, чему так радуется Мард. Она продолжила спуск к берегу, до которого оставалось несколько сотен ярдов. Через некоторое время Мард ее догнал.

– Думаю, это зависит от того, что они в первую очередь хотят захватить – судно или команду, – ответил он.

Прим не стала говорить вслух: «Они получат и то и другое.

Им достаточно высадиться на берег и ждать, когда у нас закончится пресная вода. А когда к нам присоединятся Хвощ и ее команда, это всего лишь произойдет быстрее».

Оказалось, что Прим недооценила рвение ульдармов. Они не стали ждать у моря, а отправили поисковые отряды в глубь полуострова.

До конца дня Мардэллиан и Прим таскали бочонки с водой и оружие дальше от берега – то есть вверх. Позже к ним присоединился Лин. Он сказал, что Кверк по-прежнему наблюдает за веревкой под Взбросом, а Лом по-прежнему занимается в глубине тем, чем уж он там занимался.

Баркас «Серебряного плавника» вошел в бухту. В нем были Хвощ, Швабра и Чешуй. Ретт умер от раны – его настигла ульдармская стрела. Чешую придавило ногу, когда галера и шлюп столкнулись бортами. Он не мог взбираться по склону. Они оставили его внизу, пока переносили припасы наверх. Его втащить собирались позже, но в какой-то момент заметили, что он вышел в море на баркасе – вероятно, надеялся найти бухту побезопаснее.

Всю ночь они перетаскивали припасы в лагерь неподалеку от Взброса, а на заре без удивления увидели, что галера бросила якорь в бухте, а в море над брошенным «Серебряным плавником» поднимается столб дыма.

Они надеялись – если в таком отчаянном положении применимо такое слово, – что ульдармы будут ждать, когда у них кончится вода. Надежда эта растаяла, когда до лагеря, шатаясь, доковыляла Швабра со стрелой между лопатками. Судя по крикам и карканью, неподалеку происходила схватка ульдарма с огромным говорящим вороном, и вскоре у них на руках оказался слепой ульдарм; Корвус увидел, как тот выстрелил в Швабру, и выклевал ему глаза.

Ульдарм умер, потому что безостановочно кричал, и Прим пожелала ему смерти. Другие не поняли, что это сделала она, и очень удивились, что он перестал существовать. Вчера Прим силилась применить свою способность к ульдармам на далекой галере, но не вышло – она не могла уничтожить десятки безвестных жертв на расстоянии в несколько лиг. По-видимому, это должно было происходить в личном контакте.

Все в лагере теперь были вооружены. Мард нацепил на пояс меч Элошлема. Лин достал собственный меч – семейный, передававшийся из рода в род; Лин привез его из дома и до сих пор хранил упакованным. Меч был не менее великолепный, чем у Марда, но сейчас Лин больше полагался на лук и стрелы. У Хвощ

были абордажная сабля и кортик. Прим, как и Лин, взяла колчан со стрелами, но лишь потому, что иначе другие бы удивились. Она знала, что может убить всех ульдармов, одного за другим, и тогда они просто захватят ульдармскую галеру. Однако никто, кроме Корвуса, этого не знал. Убедившись, что других ульдармских стрелков рядом нет, они занялись стрелой, торчащей у Швабры из спины. Наконечник вошел между лопаткой и хребтом, пробив тело почти насквозь. Он был широкий, зазубренный и вошел так глубоко, что Хвощ в конце концов решила: единственный способ его извлечь – протолкнуть насквозь. Так она и сделала, предварительно дав Швабре лекарственный настой, который, в теории, должен был притупить боль. Судя по Швабре, настой действовал плохо. Прим, стоявшая перед ней, видела, как под ключицей возник бугорок, затем кожа на нем лопнула – прореха была целиком из хаоса. Из ее середины показалось острие и быстро вышло наружу. Как только зазубренный наконечник извлекли, Хвощ вытащила древко со спины. Хлынула кровь. Они, как смогли, перевязали рану.

Прим была занята только Шваброй и почти не обратила внимания, что прилетел Корвус и о чем-то заговорил с Мардом. Однако, когда они наконец закрепили повязку узлами и дали Швабре столько воды, сколько та просила – а ее сильно мучила жажда, – Прим огляделась и не увидела ни Марда, ни Корвуса.

Остаток пути до Взброса они по очереди несли Швабру. Те, кто не был этим занят, несли воду или другие припасы. Путь казался бесконечным. Наконец они увидели кружащего Корвуса и поняли, что близки к цели и за ними не гонятся по пятам.

Мард сидел с непокрытой головой под палящим солнцем перед темной ухмылкой Взброса. Меч лежал у него на коленях, рядом валялась окровавленная тряпица, которой он, видимо, вытер клинок, поскольку сталь блестела как новая. Сейчас он уже покончил с этим делом и смотрел на далекое море. Чуть ниже между камнями сложным рисунком растеклась лужа крови. В стороне валялась брошенная сабля. Лин поднял ее, повертел на солнце и убедился, что на клинке крови нет.

– Мард, судя по всему, сумел ее выбить, – объяснил Лин.

Они подошли, обойдя лужу крови подальше, и увидели, что Марда бьет крупная дрожь. Прим встала рядом с ним на колени. Лин нервно обернулся. Однако место здесь было открытое, они видели по меньшей мере на расстояние полета стрелы, да и Корвус по-прежнему наблюдал сверху. Хвощ еще поднималась по склону, тяжело дыша и обливаясь потом. Она несла Швабру на закорках, спеша уложить ее в тени Взброса.

– Я знал, что в Подвигах дерутся на мечах, – тихо проговорил Мард. – Но это настолько не походило на то, чему я учился, что было как будто совсем другое.

– Но ведь она… твоя учеба… помогла? – спросила Прим. – Лин сказал, ты выбил у противника саблю. Как она оказалась на земле?

– Хотел бы я сказать, что обезоружил противника ловким приемом, но на самом деле понятия не имею. С тем же успехом может быть, что он сам ее нечаянно выронил.

– Давай уйдем в тень, – сказала Прим.

Она встала и протянула руку. Мард еще несколько мгновений смотрел в никуда, потом встретился с ней глазами – но только на миг – и взял ее руку. Прим потянула его – больше символически, поскольку Мард был в силах подняться сам. Он выпустил ее руку и вытер ладонь о штаны, как будто боялся, что там кровь. Бок о бок они прошли по склону в тень Взброса и там несколько мгновений ждали, когда глаза привыкнут к полутьме.

Лин дошел туда раньше и теперь сидел на корточках, держа на коленях лук, и смотрел на освещенный склон. Чуть дальше Хвощ уложила Швабру на самое ровное место, какое смогла найти, и снова поила ее водой. Кверк нервно расхаживала взад-вперед. Прим видела, что она расстроена, поэтому крепко обхватила ее и на мгновение задержала в объятиях.

– Я пошла что-то взять для Лома, а он был здесь, смотрел на ящик для образцов.

– Ульдарм?

– Да. У меня никаких мыслей не осталось, только про моих родных и про то, как они рассказывали про битвы с ульдармами. Я хотела позвать на помощь, но у меня будто язык к гортани прилип. Он меня еще не видел. Потом заметил, шагнул в мою сторону, и я вытащила это. – Кверк похлопала по длинному ножу у себя на поясе. – Он на миг остановился. Если бы он на меня напал, не знаю, что было бы. Но тут подбежал Мард, остановился на краю тени и вытащил меч. Ульдарм выхватил саблю и побежал к Марду. Мард отступил к свету, и они сразились.

52

Лом – единственный в отряде, кто не был ранен, потрясен до глубины души или занят другим, – взял на себя составить план действий. Они все собрались подле места, где лежала Швабра, обсудить его предложение. Судя по тону, Лом считал свой план наилучшим «в нынешних обстоятельствах», но никто не мог понять, что именно он предлагает.

– В нынешних обстоятельствах, – повторил Лин. – В нынешних обстоятельствах. Мы в адской заднице мира без еды и воды, нас преследуют ульдармы, и помощи ждать неоткуда. То есть ты говоришь, что в *нынешних* обстоятельствах твой план лучше, чем просто умереть от жажды или от руки ульдармов.

– Если у кого-нибудь есть другие идеи, сейчас самое время подать голос, – заметил Корвус. Поскольку в следующие мгновения никто голоса не подал, он подытожил: – Отлично! Решено.

– Лучший план, какой я могу придумать, – сказал Лин, – это не уходить в Подвиги с загадочными огромными говорящими воронами.

Он поделился этим соображением с Хвощ, Мардом и Прим, когда Корвус улетел на разведку. Лома и Кверк с ними тоже не было – они по очереди спускались на веревке в таинственную исполинскую трещину. Швабра уже давно ничего не говорила. Хвощ сидела рядом, держа ее за руку, – возможно, чтобы понять, жива та или нет. Прим, исподволь наблюдавшая за ними, увидела, что Хвощ разматывает повязку, от которой уже не было проку. Кровь у Швабры больше не текла: место, где прошла стрела, обращалось в хаос, и там просто нечему было кровоточить. Тем не менее Хвощ участвовала в разговоре.

– Насколько я понимаю, – сказала она, – я потеряла больше вас всех. Мой шлюп уничтожили. Из трех членов моей команды Ретт погиб, двое ранены, из них один скрылся на моем баркасе. С твоего позволения, мне лучше судить, стоил ли того Подвиг. А я не намерена от него отказываться.

– Как же так? – удивленно спросила Прим.

Она, разумеется, знала из старых книг, что в Подвигах бывают сражения и кровь. Но зрелище того, что происходит с одним-единственным телом, в которое попала стрела, навсегда изменило ее взгляд на приключения. Хвощ видела и худшее – по ней самой, по ее команде и кораблю можно было угадать, что это не первая их передряга.

– Такое в любом случае происходит, – тихо, но сурово

проговорила Хвощ, глядя на страдающую подругу. – Может быть, не с теми, кто живет во дворцах Каллы. Но я такое видела прежде. Чего бы я не увидела и за тысячу лет плавания по морям, так это огромного говорящего ворона, который умеет преображаться в человека и говорит как наделенный властью Древних времен. Участие в Подвиге – дар, которого мне не предлагали раньше и не предложат потом. Я уже видела чудеса, о каких никто на моей памяти не рассказывал, – а я живу давно и бывала в очень далеких краях. Вам, молодым, выросшим за вечной завесой на острове, где волшебные существа не в диковинку, меня не понять. – Она поднялась на ноги. – Вспомните, как Швабра, спасая нас, получила в спину стрелу с зазубренным наконечником и согласилась, что лучше протолкнуть стрелу вперед, чем тащить назад. Мы сейчас в таком же положении. Отступить – все равно что тащить стрелу назад: ничуть не лучше, а может, даже и хуже.

Хвощ нагнулась ухом к самым губам Швабры и выслушала слова, которых не слышал никто другой. Некоторое время она молчала, затем кивнула, откинула Швабре волосы со лба и поцеловала ее. Дальше Хвощ опустилась на колени, забросила здоровую руку Швабры себе на плечо и с большим усилием встала. Швабра, чувствуя, что ее поднимают, кое-как оперлась на ноги. С того боку, где была стрела, плечо и рука полностью обратились в хаос, утратив связь с телом; они уже не сохраняли обычную для души форму, но таяли, как дым.

Хвощ тяжелыми шагами дошла до края трещины и сделала несколько шагов вниз, ступая все осторожнее по мере того, как адамант становился более чистым и гладким. Пройдя, сколько осмелилась, она присела, нагнулась и усадила Швабру на ровный адамант. Швабра оперлась уцелевшей рукой. Некоторое время Хвощ сидела на корточках рядом с подругой, обнимая ее, как будто могла сильными руками удержать хаос, который некогда был Шваброй, но теперь улетучивался из нее. Наконец, не дожидаясь, когда станет поздно, Швабра оттолкнулась и заскользила по склону. Она не удержалась в сидячем положении, упала на бок, перекатилась, заскользила вниз все быстрее, перекатилась еще раза два и пропала.

Прим смотрела с почтительного расстояния. Долго после того, как Швабра исчезла из виду, в бездне различалось тусклое свечение хаоса, и было понятно, что Лом прав. Ни Ждод, ни Плутон, ни Эл не потрудились ограничить трещину снизу. Земля стоит на хаосе, и местами до него можно добраться.

Еще один ульдармский лучник вышел на разведку, но даже не пытался идти тихо и незаметно. Лин ранил его стрелой. Другие ульдармы – их было слышно, а порой и видно ниже по

склону – не стали уносить раненого. Откуда-то слетелись насекомые и пировали его кровью.

Наступила ночь. Костра не зажигали, чтобы не слепить глаза, да жечь здесь все равно было нечего. Прим тревожилась, что в темноте нападут ульдармы, однако воздух в этих краях был такой сухой и разреженный, что в свете луны и звезд они бы увидели (и подстрелили) любого, кто выйдет на открытый участок перед Взбросом.

Во Второэле ульдармами всегда командовали автохтоны, здесь же вроде ни одного автохтона не было. Хвощ предположила, что автохтон где-нибудь неподалеку на флагмане и с ним много ульдармских воинов – куда более серьезных противников, чем разведчики и галерные рабы. И впрямь, на рассвете вернулся Корвус и сообщил, что такая галера вошла в бухту и по склону поднимается большой отряд под предводительством автохтона.

– Не убивай его, – посоветовал Корвус, улучив возможность поговорить с Прим наедине. – И вообще никого, разве что обычным способом – стрелой из лука или как там еще.

– У нас может не быть выбора. Воды осталось на день, еды почти нет. Приготовления Лома тянутся целую вечность.

– Лом и Кверк трудятся из всех сил, – ответил Корвус. – Почти все готово.

– Тогда почему мы просто не уходим, пока еще можно?

– Я хочу знать, что известно этому автохтону.

И Корвус – второй раз на ее памяти – принял человеческий облик.

– Фух! – просипел он, когда превращение завершилось. – Ненавижу. Для того-то мне и нужны вы. Но там, куда мы отправимся, крылья будут только мешать.

Он одолжил одежду у Марда с Лином и, чтобы не выходить из образа, повесил на пояс кинжал. Однако он не знал, что делать с руками, и ходил заложив большие пальцы за пояс, чтобы не всплескивать то и дело верхними конечностями.

Новый отряд ульдармов и не пытался скрыть свое приближение. И даже наоборот. Они маршировали, горланя (слово «петь» тут совершенно не годилось) на ходу, чтобы не сбиться с шага. Если целью было устрашить врага, то они своего добились. К тому времени, как отряд выстроился на краю открытого участка чуть больше чем на расстояние полета стрелы, участники Подвига уже поняли: если ульдармы просто побегут на них, закрываясь щитами, то захватят лагерь почти без потерь.

Через недолгое время вперед выступил автохтон в сопровождении двух щитоносцев-ульдармов. Он был такой же белокурый красавец, как те, которых Прим видела во Второэле, и

смело приближался, пока и Лин, и Прим не положили стрелы на тетиву. Тогда он остановился и с улыбкой показал пустые ладони.

– Просто не люблю кричать, – пояснил он.

– Мы тебя слышим, – сказала Хвощ.

Они договорились, что она будет отвечать от их имени.

– Пить хотите? У нас воды хоть залейся. Буквально.

– Спасибо, обойдемся.

– Ты, верно, контрабандистка. Хвощ.

– Ты безусловно можешь обращаться ко мне «Хвощ», – ответила она.

– Меня зовут Ястреб. А где большой ворон? Он выклюет мне глаза?

– Отдыхает в тенистой прохладе.

– Там хорошо? Говорят, тех, кто слишком далеко туда забирается, ждут малоприятные неожиданности.

– Мы похоронили там убитого товарища.

– В таком случае ты заметила, что воины Эла отнеслись к нынешнему твоему рейсу серьезнее, чем в прошлые разы, когда ты проходила вдоль побережья.

– Да, я обратила внимание.

– Быть может, ты связалась с людьми, с которыми не стоило связываться, – сказал Ястреб. – Я много лет любовался тобой издали – с досадно большого расстояния. Наши бесплодные погони за «Серебряным плавником» были отличной тренировкой для гребцов. Нет лучше способа узнать, каким ульдармам еще хватает силы грести, а каких пора… списать. На сей же раз все иначе.

– Почему?

– Возможно, из-за молодой особы. Как я понимаю, это она смотрит на меня взглядом истинной принцессы и держит стрелу на тетиве.

– И что в ней такого?

– Понятия не имею. Знаешь, какие порядки в армии? Мне говорят лишь то, что я должен знать. Мне поручили препроводить ее в форт, причем со всей учтивостью, вниманием к ее чувствам и заботой о ее безопасности. Потому-то я и стою сейчас на солнцепеке, а не иду на вас за стеной щитов. Про тебя, Хвощ, мне ничего не сказали, так что я буду счастлив отвезти тебя, да и молодых Буфректов, к слову, назад к цивилизации. В прохладной каюте, где будет много свежей питьевой воды. Либо вы умрете здесь.

– Ты все время упоминаешь воду, как будто она смоет мою решимость, – сказала Хвощ. – Раз у тебя ее так много, иди в лагерь, пей, купайся, лей ее себе на голову, или что там еще

делают с такой прорвой воды, а нам дай время подумать.

– Хорошо. Мы снова поднимемся сюда, как стемнеет, – ответил Ястреб. – Будешь выкаблучиваться – первая отправишься в трещину.

И он, повернувшись, двинулся прочь. Два ульдарма теперь пятились, закрывая его спину высоко поднятыми щитами.

Лом перебирал отделения в ящике для образцов, доставал инструменты и странные камешки, которые они с Кверк рассовывали по карманам. Другие образцы он оставлял на месте, горестно прощаясь с ними взглядом. Наконец закрыл дверцу и с заметным усилием повернулся к ящику спиной.

– Давайте, – сказал он Марду и Лину. – Знаю, вы об этом мечтали.

Молодые люди послушно взяли ящик, донесли до края трещины и на раз-два-три бросили в темноту.

Затем все по очереди спустились по веревке. Чем ниже, тем круче становился склон. Они добрались до того места, где он был почти вертикальным. На эту глубину едва проникал дневной свет. У Лома были камни, светящиеся в темноте, но они рассеивали тьму лишь на расстоянии в ладонь.

Надо было попасть на карниз примерно в фут шириной, невидимый, пока не нащупаешь его ногами. Лом вбил в скалу над карнизом крюк, перекинул через него веревку, и все по очереди стали спускаться. Как только до карниза добрался последний, Корвус, по-прежнему в человеческом обличье, Лом потянул один конец веревки и сдернул ее с крюка.

– Нелегко придется Ястребу, если они решат за нами последовать, – хохотнул он.

Никто не сказал вслух, что еще хуже придется им, если они когда-нибудь захотят вернуться. Но возвращение и не сулило ничего доброго. Так что они двинулись вперед – то есть по карнизу в направлении от моря. Очень скоро все они свалились бы в бездну, если бы не веревка, которую Лом закрепил на стене железными колышками.

Ястреб что-то заподозрил, а может, ему просто надоело ждать, и он нарушил обещание. Птичьи гнезда еще озарял слабый вечерний свет, а от верхней стороны Взброса уже отразилась эхом маршевая песня ульдармов. Что происходит наверху, участники Подвига не видели (и хорошо, поскольку это значило, что сверху не видели их), но песня становилась все громче, затем оборвалась – по рядам передали приказ молчать. Дальше слышались только неразборчивые голоса да временами стук брошенного в провал камня.

– Они могут сюда спуститься? – спросила Прим (она шла второй с конца) у Корвуса (он замыкал шествие).

Во время экскурсии по Элохраму она видела всевозможные разновидности ульдармов и знала, что многие из них проводят всю жизнь в шахтах.

Вместо ответа Корвус, держась за веревочный поручень, обернулся и направил светящийся камень на карниз у себя за спиной.

Карниза не было.

Там, где совсем недавно ступала нога Прим, была теперь гладкая стена. Ровно так же, минуя последний железный крюк для веревки, Корвус вытащил его из скалы, словно из песка, и передал Прим, а та – вперед по цепочке. Через некоторое время они дошли до того же крюка, надежно вбитого в камень. Однако не слышно было, чтобы впереди бурили или заколачивали. Литопластом Лом изменял адамант впереди и позади отряда.

За спинами у них послышался грохот. Воины Ястреба скатывали камни по склону трещины в надежде убить тех, кто, как они думали, цепляется внизу за скалу.

Участники Подвига сгрудились как можно ближе, прижались к камню, потушили или спрятали источники света и стали ждать. Сверху доносились неразборчивые голоса ульдармов и грохот катящихся валунов. Некоторые вроде бы летели прямо на них, но отскакивали от некоего козырька над головой. Он держался, и камни отлетали далеко в темноту. Прим и на мгновение не подумала, что это нечто природное. Лом заранее подготовил для них убежище. Там они прождали несколько часов после того, как наверху стихли все звуки и погасли последние отблески света. Лишь после этого они отважились зажечь свечи и продолжить путь.

Много часов они шли во тьме по карнизу, держась за веревку. Очевидно, Лому требовалось усилие, чтобы убирать карниз позади. Уйдя от ульдармов на расстояние, которое счел безопасным, он бросил это дело и просто оставлял карниз как есть.

Путники углублялись в Вопрос и в том смысле, что уходили дальше от побережья, и в более буквальном: дальше от дневной поверхности. Хотя двигались они почти горизонтально, горы над ними были тем выше, чем ближе они подбирались к центральной части полуострова.

Отсюда вытекал вопрос: что ожидает их внизу? Они уже знали, что у тектонического разрыва нет дна, и, если спуститься или упасть до определенной глубины, окажешься в ничто хаоса. Но до какой именно глубины? Подобен ли хаос воде, которая

везде стоит на одном уровне?

Тема воды постоянно занимала мысли Прим, да и остальные наверняка думали о том же. С собой у них воды было немного, а на поверхности Вопроса ее не найти. Так что либо Лом ведет их к некоему подземному источнику, либо они погибнут от жажды.

Прим начала воображать подземную пещеру, глубоко-глубоко, с озером восхитительно чистой воды, медленно копившейся тысячи лет. Пить хотелось так, что она даже чувствовала запах воды. Более того, ощущала влажность ноздрями, привыкшими к сухому воздуху. И слышала плеск – словно волны набегают на берег или дождь падает на озерную гладь. Может, каплет со свода пещеры, на котором сгущаются испарения? А от самой воды исходит слабое свечение?

– Я вижу свет, – объявил Корвус. – Погасите свечу!

Кверк шла первая с фонарем. Она не стала задувать свечу, просто закрыла створку фонаря. Наступила почти полная тьма. Некоторое время они стояли в молчании, затем Лом шумно выдохнул. Он наверняка нуждался в отдыхе больше остальных. Прим не знала, как осуществляется литопластика, но она определенно отнимала силы.

Когда глаза привыкли к темноте, сомнений не осталось: они *что-то* видели. Однако оно было рассеянное, неопределенное, и мнения, как всегда, разошлись.

– Там над нами солнечный свет, – объявил Лин.

– Утро еще не могло наступить, – произнес Мард.

– Под землей легко потерять счет времени.

– Это не свет. Нам мерещится, – сказала Хвощ.

– Я склонна согласиться, – ответила Прим, – потому что минуту назад мне пригрезилось пещерное озеро с чуть светящейся водой.

– Не пригрезилось, – возразила Хвощ. – Я точно слышала запах пресной воды. Сейчас его нет. Но иногда им веет.

Прим забеспокоилась о Корвусе. Он никогда не оставался так долго в человеческом обличье. И он много раз говорил, как не любит замкнутое пространство. Не любит темноту и невозможность смотреть вдаль. И все это ему приходится терпеть уже много часов. Тихим голосом, который слышала только Прим, он настаивал, что видит впереди свет – который либо указывает им путь, либо заманивает их в ловушку. У нее крепла уверенность, что Корвус повредился в уме. Однако если она сама ощущала запах озера там, где озера быть не может, то ей ли об этом судить?

Все эти соображения сделались не важны, когда они обогнули изгиб стены и увидели перед собой простор открытого хаоса.

После стольких часов во тьме он показался им огромным и ярким, словно ночное небо над пустыней, и громким, как водопад. Однако он был светлее и подвижнее того почти незримого вещества, которое Лом хранил в своей адамантовой коробочке. Из хаоса, точнее, сквозь хаос шел свет, возникавший то тут, то там. Он вспыхивал, привлекая взгляд – мгновение казалось, в нем можно почти различить формы, – и тут же пропадал, будто поняв, что на него смотрят. И все это происходило не в одном месте, а в нескольких и чаще всего замечалось краем глаза.

– Под нами пол! – воскликнул Лом. И впрямь, в свете из хаоса они увидели, как он отходит от стены. – Это дело рук Плутона, ибо место это для него важно и он часто через него проходил.

– Проходил… через него? – переспросил Лин.

Он осторожно последовал за Кверк, которая последовала за Ломом. Остальные члены отряда тоже ступили на пол. Теперь Прим понимала, откуда в ее воображении взялись светящееся озеро и плеск воды. Хаос был и внизу, и над ними, так что они как будто брели через озерцо, в котором дна не видишь, но нащупываешь его ногами.

– Вот она! Показывает нам путь! – воскликнул Корвус.

– Она? – спросила Прим. Она отвлеклась, потому что на нее отчетливо пахнуло сосновым бором.

– Движущийся свет! – Голос Корвуса изменился на середине фразы – стал менее человеческим, более птичьим.

– Кто-нибудь чувствует запах костра? – спросил Мард.

Корвус вновь стал огромным говорящим вороном, что казалось крайне неразумным.

– Ты не понимаешь, – сказал он. – Чтобы отсюда выбраться, нам нужна путеводная звезда!

Прим теперь почти точно что-то различала – и это была не звезда, а крылатая женская фигурка, смутно маячащая впереди.

– Дайте мне конец веревки! – приказал Корвус. – И хватайтесь за нее изо всех сил!

Веревки у них было много – из всех запасов почти она одна и осталась. Мард сбросил с плеча моток и протянул Корвусу конец. Тот на лету ухватил его когтями и устремился за блуждающим огоньком.

– Скорее! И держитесь ближе друг к другу! Веревку не отпускать, что бы ни случилось!

Из всех команд Прим сумела выполнить только последнюю – цепляться за веревку двумя руками и не отпускать. Все остальное вылетело из головы в следующий же миг. Понятие «скорее» утратило смысл, когда исчезли время и пространство, то есть сразу, как Прим вслед за Корвусом вступила в хаос. Так же

утратило смысл и понятие «держаться вместе». Прим не знала, где другие, более того, не помнила их имен. Всё раз за разом становилось чистым хаосом. Иногда вокруг не было ничего, кроме веревки в руках, и Прим не могла бы сказать, длилось это века или мгновения.

Первым отчетливым впечатлением был запах озера, тот самый, что долетал до нее раньше. Запах и жесткая веревка в руках. Затем свет – ровный, от источника, который не смещался и не пропадал. И, наконец, твердая почва под ногами – с естественной неровностью в отличие от карниза, проложенного Ломом. На светлом фоне двигались темные силуэты человека и большой птицы.

Все это обрело постоянство, и Прим уже почти не сомневалась, что идет по пещере к выходу, откуда и бил свет. Оттуда же долетали запахи – сосен, костра, озерной воды и чего-то, остро напомнившего ей Каллу, – свежеопавшей листвы, красной, мокнущей на земле.

Все вокруг стало прочным и реальным. Хаоса не осталось, кроме тумана в голове, да и он был скорее растерянностью.

Неровный каменный пол шел под уклон. Пещера впереди расширялась. Свет от входа, яркий, как в полдень на Вопросе, временами бил прямо в глаза, вынуждая закрывать глаза ладонью, а временами сменялся темнотой, почти как та, из которой они вышли, но пронизанной лучами и отблесками. Веревка в руках обвисла. Через мгновение в скользнувшем луче Прим увидела, что веревка лежит на полу. Лом бросил свой конец и сбавил шаг. Остальные сгрудились за ним – черные силуэты на фоне дрожащего света. До устья пещеры оставалось несколько шагов. Дальше за ногами товарищей Прим видела наморщенную поверхность, искрящуюся отраженным светом. После недавних событий первой мыслью было, что это хаос, но тут солнце как будто на миг погасло. Прим шагнула между Мардом и Кверк, и ей впервые предстало то, что лежало за устьем. Теперь не оставалось сомнений, что это озеро; его волны накатывали на пол пещеры сразу перед ними.

Примерно на расстоянии полета стрелы в озеро слева вдавалась длинная песчаная коса, соединяющая невидимый отсюда берег с невысоким каменистым островком. На островке росли несколько больших деревьев – вероятно, из семечек, некогда занесенных птицами. Одно из них было целиком объято пламенем, другое переломилось на высоте человеческих плеч – верхушка, зацепившаяся за щепки толщиной в руку, склонилась к воде.

Пламя горящего дерева казалось бледным и слабым в

сравнении с тем, что творилось рядом. Небо над островом было черно, кое-где проглядывали звезды, а справа розовела полоска занимающейся зари.

Раздался звон стали о сталь, потом крик. Лучезарная молния описала дугу, оставив в глазах Прим метеорный след, и ударила вниз, но ее остановило более темное препятствие; оно как будто вобрало в себя ее энергию и взметнулось, словно наделенное собственной волей. Свет на мгновение заслонил темный силуэт: кроме рук и ног, как у обычной души, у него были крылья.

Теперь стало понятно, отчего остановился Лом: они вышли к месту боя, в котором участвовал по меньшей мере один ангел. Разумнее всего было оставаться на месте. Прим тем не менее обошла Лома и двинулась вперед. За лязгом оружия она услышала, как Мард кричит ей остановиться, но не послушалась. Теперь она уже различала, что противник ангела – Бурр. Он был вооружен не мечом, а длинным копьем, которым отражал ангельский меч, и при каждом удобном случае старался поразить врага острым наконечником или тяжелым окованным концом древка.

Прим вышла из пещеры. Холодная вода залилась в башмаки. Справа вздымались высокие обрывы серого камня, изрезанные устьями пещер. Левый берег, песчаный, изгибался и переходил в косу. Прим направилась туда – сперва быстрым шагом, затем перешла на бег – крики и тяжелое дыхание Бурра внушали опасения, что долго он против ангела не продержится.

Однако выбраться на косу Прим не успела – другая душа метнулась преградить ей путь. Эта душа тоже светилась, но совсем не так ярко, как ангельский меч, и высотой была всего около фута – отчасти и потому, что ноги у нее ниже колен заканчивались обрубками. Однако этот недостаток она более чем восполняла крыльями и порхала с ловкостью и проворством, о каких Корвусу не приходилось и мечтать. Другими словами, это была та самая душа, что нашла их в темной трещине под Вопросом и провела в это неведомое место.

– Не надо, – обратилась она к Прим. – Не применяй свою способность здесь и сейчас, не то Эл узнает, что ты вступила на Землю, и его лучезарные ангелы низвергнутся на нас тысячами.

Прим отчасти хотелось спросить, что проку в способности, если ее нельзя применять, однако сейчас, когда она остановилась, ее отвлекло странное ощущение, передающееся подошвам от земли.

Это были как будто слабые толчки, но они повторялись все чаще и чаще, и то, что земля содрогалась, говорило об исполинской мощи. Поединок на время прекратился – враги,

разойдясь в стороны, переводили дыхание. От ангельского меча по озеру пролегла к Прим сияющая дорожка, как от закатного солнца. Рябь на воде тоже подрагивала от толчков.

Фея на земле не стояла и оттого позже заметила толчки – может, увидела дрожание ряби или услышала хруст ломаемых веток из леса на берегу озера. Она несколько раз взмахнула крыльями и взмыла на высоту, словно оглядывая местность, затем круто пошла вниз, к лесу. Перед деревьями она зависла в воздухе, развернулась и вновь полетела к началу косы. Свет ее стал ярче. Прим поняла, что она разом освещает дорогу и служит путеводной звездой тому, кто идет через лес, сотрясая землю при каждом шаге.

Тень Прим на земле резко метнулась в сторону от движения ангельского меча. Она обернулась к острову и увидела, что ангел поднимается с колен и расправляет крылья. Он ощутил то же, что Прим, и смотрел в сторону леса.

На берегу упало деревце – это было четко видно в исходящем от феи свете.

Через мгновение из леса вышла Эдда. Она не то что бежала, просто шла быстро, и каждый ее шаг сотрясал землю и колыхал воду. Эдда стремительно пересекла пляж и двинулась по косе к островку.

Прим ожидала увидеть холм-великан или по меньшей мере исполинского дикого зверя из тех, какими Весна населила северные леса. Она могла объяснить себе появление Эдды, но невольно глядела на ангела, гадая, как это воспринял он. Знают ли ангелы про великанов, дикие души, говорящих воронов и фей? Рассказывают ли им о таком в какой-нибудь ангельской академии? Всезнающи ли они? Или Эл таит от них знания о подобных существах?

На середине косы путь Эдде преграждало молодое дерево. Она уперлась плечом, выворотила дерево с корнем и отбросила в озеро. Ангел, видя это, расправил крылья и напружинил колени, готовясь взлететь.

Однако Бурр рассудил иначе. Мощным взмахом копья он отсек ангелу правое крыло; оно упало, источая ауру. Через мгновение рядом упало второе.

Ангел зашатался и на сей раз еле сумел поднять меч. Эдда уже вступила на остров. Хотя рядом был враг, только что нанесший ему страшные удары, ангел повернулся к безоружной женщине, идущей прямо на него, и занес над головой меч.

Бурр одним движением рассек обе его руки между запястьями и локтями. Меч со звоном упал на камни и скатился в озеро, но не погас, а светился теперь под водой.

Эдда раскинула руки, и ее длинный плащ раскрылся, словно темные крылья. Не замедляя шага, она всем телом надвинулась на ангела и заключила его в объятия, полностью закрыв плащом.

К тому времени, как Прим добежала по косе до острова, от ангела не осталось и следа. Эдда стояла здесь, ничуть не изменившаяся.

– Добро пожаловать на Затерянное озеро, – сказала она. – Ты наверняка хочешь пить.

Бурр сидел на корточках, упершись локтями в колени и закрыв лицо, не в силах двинуться от усталости. Рядом, едва различимое в розовом свете северной зари, лежало копье с древком из дыма.

– Вы его, похоже, нашли, – заметил Лин, услышав от Эдды название озера.

Фергуулу шутка Лина не понравилась.

– А вы, похоже, вынырнули из волшебной дыры в скале. Легко, да?

Раздались шаги, затем треск – это Бурр вышел из леса и бросил на землю охапку хвороста – мертвых сучьев, собранных тихо без топора и колуна.

– Нет, – признал Лин. – Нелегко.

– Однажды, – сказала Плетея, – когда все это закончится, я соединю ваши приключения на Вопросе с нашими в Заплутанье в одну песнь, и уверена: в обеих частях будет близкое число строф.

Восточноотщепский отряд как-то залучил к себе фею, к которой они обращались Маб. Такое существо упоминалось в некоторых вариантах легенды об Адаме и Еве, и если это была та самая Маб, то найти ее и привлечь к Подвигу было не менее удивительным и опасным приключением, чем те, что выпали на долю их товарищей. Где-то по пути они еще и раздобыли волшебное копье с древком на вид будто из черного дыма, неуязвимое для ангельских мечей. И откуда оно только взялось?

Мало того, они пересекли весь Озерный край от Восточного Отщепа до Затерянного озера. Прим знала про Заплутанье только то, что соваться туда неразумно, поскольку оттуда многие не возвращаются. Те, кто все же добирался до холодных портов на берегу Пролета, рассказывали не о диких зверях и разбойниках – хотя они там тоже водятся, – но о бесконечном лабиринте озер, связанных стоячими протоками, которые вьются среди топкой грязи. *Заплутанье*. Дичи и рыбы там вдоволь, пресная вода повсюду, так что опытный путешественник может жить там бесконечно долго – только выбраться не может.

– Большинство идут туда с мыслью о возвращении, – сказал

Фергуул. – Ваши друзья – первые на моей памяти, кто хотел идти все глубже и глубже, и это представляло трудности, к которым я оказался не подготовлен.

Он покосился на Эдду, затем выразительно глянул на то место перед устьем пещеры, куда они вытащили каноэ. Разумеется, Эдду бы такая хрупкая лодочка не выдержала. Наверное, она как-то шла по суше и успела к Затерянному озеру как раз вовремя.

– А Маб вам помогала? – спросила Прим. – Мы бы без нее дороги не нашли.

– Мы с ней встретились совсем недавно, – ответил Фергуул. – Она обитает здесь.

Он через плечо обернулся к Затерянному озеру. Солнце встало час назад, и они рискнули зажечь костер – в устье пещеры, чтобы укрыться в случае нового нападения.

Хвощ сбросила одежду и нырнула в озеро за ангельским мечом – он воткнулся в каменистое дно, как дротик. Ослепленная его сиянием, она выплыла на поверхность с закрытыми глазами и рукоятью вперед протянула меч Марду – тот нашел на месте поединка темные ножны. Убранный в них меч был теперь прислонен к ближайшему валуну. Хвощ, дрожа всем телом, сидела рядом с ним у стены пещеры, куталась в одеяло и пила из кружки сваренный Эддой бульон. Ее всегдашняя нетерпеливая резкость, граничащая с заносчивостью, совершенно исчезла. Проход через хаос, поединок Бурра с ангелом, вмешательство феи и великанши, дымовое копье и выкованный Делатором меч – такие чудеса она тщетно искала с тех пор, как нечто столь же сказочное возникло из моря и отняло у нее близких. Она прошла на волосок от двенадцати смертей и получила желаемое.

– Ангел был исключительно храбр, или беспечен, или плохо осведомлен, – сказала Эдда. – Слугам Эла лучше не приближаться к этому месту.

У Прим мороз пробежал по коже.

– Почему? – спросила она и повернулась к Плетее. – Что тут такого для них опасного?

– Ты, – ответила Плетея.

Никому из пришедших с Вопроса не хотелось карабкаться на скалы. Впрочем, отдохнув у входа в пещеру, утолив жажду чистейшей озерной водой, а голод – провиантом, который Фергуул и его спутники привезли на каноэ, они все-таки взобрались на обрыв серого камня, образующий крутой южный берег Затерянного озера. Здесь росли темные хвойные деревья, какие они видели, проходя на «Бочонке» меж северных осколов, и

лиственные, привычные жителям Каллы – по большей части зеленые, но уже тронутые осенним пламенем ближе к верхушкам. Желтые и красные листья лежали на земле пятнами яркой краски; их прелый запах трогал Прим сильнее любой книги или песни.

Усталые мышцы еще не успели слишком сильно заныть, как подъем закончился. Они выбрались на вершину обрыва. К северу лежали Затерянное озеро и Заплутанье, которое, согласно карте, тянулось до северного края Земли. Многоцветье лесистых холмов и синие озера в низинах радовали глаз, но путешественники уже наслушались об этих краях от товарищей и недолго любовались видом. Затем они повернулись спиной к Заплутанью и глянули на юг.

На какое-то время их взгляды и мысли приковали грозовые тучи, занимавшие почти всю южную половину неба. В этой части мира нет горизонта, ибо граница между небом и Землей скрыта за серой завесой дождя и окутана туманами, в которых вспыхивают зарницы и сверкают изломанные вспышки молний. Нижняя поверхность Грозовья была плоской, хотя там и тут круговращение туч свивалось в воронку, которая медленно и неумолимо тянулась вниз. Достигнув земли, облачные воронки какое-то время рыскали по ней, словно свиньи в темноте, затем постепенно истончались и пропадали. Само Грозовье беспрестанно клубилось, как облако на ветру, черно-серебристое, прорезанное длинными горизонтальными молниями, при виде которых нельзя было не вспомнить ангельский меч. А над его вершиной – по легенде, она была вровень со Дворцом Эла в сотнях лиг к югу – тянулся длинный рог, как у наковальни. Ливни, способные затопить любой город на Земле, низвергались с верхнего яруса облаков и, не достигнув земли, поглощались нижними слоями туч.

Уроженцы Каллы, а равно Хвощ и Кверк читали о Грозовье всю жизнь, но видели его впервые. Некоторое время они ничего не могли делать, только упивались этим зрелищем, как прежде – озерной водой. Однако какое-то время спустя они все же поглядели вниз.

Будь сплетение гор под ними деревом со старыми кривыми корнями и будь эти корни каменными и тянись дальше или ближе от дерева, то самым длинным, по крайней мере на северной стороне, был бы тот, что уходил под землю на самом берегу озера. На этом-то частично полом корне они и стояли. Даже без объяснений Лома (на которые тот пока не нашел времени) все, кто спустился в трещину на Вопросе и вышел здесь, понимали, что Плутон в начале Первой эпохи исследовал недра и соединил их дорогами хаоса, чтобы легко перемещаться из одной части

Земли в другую, не утомляя себя долгими путешествиями через лежащие между ними края. Мало кто мог пройти этими путями и не затеряться в неведомом, но Лом отыскал начало дороги, а Маб благополучно вывела их сюда.

Припасы и снаряжение выгрузили из каноэ на берегу озера. Среди вещей довольно много места занимала одежда; те, кто пришел с Вопроса, были одеты легко, так что просто натянули ее на себя. Остальное разложили по заплечным мешкам и узлам, которые можно было нести на шесте по двое.

Лом хотел исследовать входы других пещер поблизости, но Корвус буквально ощетинился всеми перьями.

– Это займет вечность, – сказал он. – Маб заверила, что они не ведут, куда нам нужно. Теперь ты знаешь, где это место, – можешь вернуться сюда позже, когда мы спасем мир, и заниматься изысканиями, сколько душе угодно.

– Если наша цель – спасти мир, то я впервые об этом слышу, – заметил Фергуул.

– Да, – подхватил Лин. – Ты мог бы упомянуть это раньше.

– Да бросьте! – воскликнула Хвощ. – С самого начала было очевидно.

– Иногда я выражаюсь немногословно, – сказал Корвус, – чтобы наши советы не длились вечно. Если выражение «спасти мир» вам не нравится, я могу изложить пространнее. Пользы от этого не будет. Сейчас Земля оставляет желать лучшего, и любой, видевший то, что за последнее время видели мы, с этим согласится. Даже если вы не можете указать точно, что не так, вы чувствуете – настоящий бог устроил бы все иначе. Сам собой мир не исправится. Вероятно, потому-то меня и отправили сюда из иного уровня бытия. Начат процесс, который я намерен довести до конца. Прекращайте спорить.

– А что именно значит «довести до конца»? – спросил Лин самым вкрадчивым тоном, показывая, что вовсе не спорит.

– Не знаю, – сознался Корвус, – но думаю, мы все порадуемся, что Фергуул благоразумно прихватил теплую одежду. Наш путь лежит на юг в Область Бурь.

– Ты хочешь сказать, мы идем к Твердыне, – уточнила Прим. – Мы должны пробиться сквозь бури и проникнуть в Твердыню.

– Если она стоит на своем месте с падения старых богов, – буркнул Корвус.

– Совсем недавно мы все сидели и слушали – очень терпеливо, добавлю, – песню, в которой Плетея расписывала, как вся Твердыня окована волшебными цепями и всем таким.

– Да и вообще, к ней нельзя подобраться, – вставила Плетея. – Экспедиция лорда Страната не смогла увидеть ее даже издали.

– Согласно единственному уцелевшему участнику, да! – признал Корвус. – Но он струсил и дал деру, когда молниевые медведи выскочили из засады. Меньше чем на полпути к Пропасти, с края которой, согласно Темному кодексу, впервые можно заглянуть во внутренние сплетения Узла.

– Темный кодекс ослепляет любого человека, который попытается его прочесть! – возмутилась Плетея.

– Нужно поставить зеркало и читать задом наперед, – вставила Эдда.

– Надо же!

– И я не человек, – присовокупил Корвус. – Послушайте, нам надо туда – в этом самый смысл Подвига, – и в сравнении с лордом Странатом у нас много преимуществ. Мы не станем связываться с молниевыми медведями, а опасность вихревых духов сильно преувеличена.

– Я о них никогда не слышала, – сказала Плетея.

У нее за спиной Лин и Мард обменялись торжествующими взглядами.

– Тогда чем меньше о них говорить, тем лучше. Идти к Твердыне? Наш путь лежит на юг, теперь по дневной поверхности. Бросить Подвиг? К вашим услугам вполне исправные каноэ.

– И перед вами все Заплутанье, – хмыкнул Лин, обращаясь к Марду.

– Я могу его пересечь, – напомнил Фергуул, – как недавно доказал. И собираюсь пересечь снова. Все, кто желает, могут отправиться со мной.

Все уставились на него. Через некоторое время он пожал плечами.

– Такие, как Плетея, знают о лорде Странате и поют о нем песни лишь потому, что один его спутник «струсил и дал деру», когда счел это разумным. Для меня как раз настало это время. Вы сумасшедшие. Я навидался ангелов и тому подобного на всю оставшуюся жизнь. Доброй дороги, а если выберетесь отсюда, сделайте милость, навестите меня в Восточном Отщепе и спойте мне свои песни.

Больше никто в Заплутанье отправиться не захотел. Так что они проводили Фергуула – он греб, стоя на корме каноэ, – и двинулись на юг. Впереди были бури и горные хребты, но теперь путешественники знали, куда идти.

53

– Когда Эл явился во славе и вышвырнул вон Ждода, и весь Пантеон, и все верные ему души, они ударились о Небосвод и зажгли на его черноте алые огни, – сказала Плетея. – Не желая, чтобы Эл и другие земные души видели их унижение всякую ночь, как на востоке восходит Алая Паутина, Ждод задернул ее покровом дыма и пара. Что происходит за этим покровом – для нас тайна.

Походный костер прогорел, лишь красные угольях светились в ночи. Плетея хотела поэтически противопоставить их Алой Паутине, которая в эти самые мгновения появилась на востоке – ненадолго, ибо скоро должна была скрыться за вечными грозовыми тучами на юге.

Кверк, Мард и Лин, угадав, к чему клонит Плетея, переводили взгляд с догорающего костра на созвездие. Однако для Прим и то и другое было одинаково четким – словно молнии, вспыхивающие в грозовых тучах. Впрочем, свои соображения она оставила при себе.

Мард покосился на нее – возможно, вспомнил неловкий разговор на Вопросе. Прим сделала вид, будто не замечает, и Мард вгляделся пристальнее. Тут лагерь на мгновение озарила бело-голубая молния. Прим глянула на Марда, и тот быстро отвел взгляд.

Кверк поддалась на уловку Плетеи.

– Я выросла в южной пустыне и слышала такие истории и песни, – сказала она, – но многие над ними смеялись, называя их суевериями обмороженных северян.

– В одно из этих суеверий ты скоро войдешь, – ответила Плетея. – Некоторые зовут его Безумием Весны.

– Мне как-то попалось это сочетание в книге, которую я переписывала, – сказала Кверк. – Я запомнила его из-за странности, но больше я ничего про него не знаю.

– Название и впрямь странное, – согласилась Плетея. – Я расскажу вам о нем завтра, когда туда войдем.

– Думаю, мы уже туда вступили, – заметил Мард. – Когда я собирал хворост, одно дерево точно пыталось меня убить – и белка его подговаривала.

– Если я сейчас запою, то разбужу остальных, – сказала Плетея, выказывая непривычную заботу о любителях тишины и покоя. – Завтра. Главное, что надо знать: опасайтесь всего живого.

– Это песня из тех, что начинаются с середины, – сказала

Плетея на следующее утро.

Они шли хорошим маршевым темпом; в случае Корвуса это означало темп полета, при котором он мог и разведывать дорогу впереди, и приглядывать за опасностями в воздухе. Корвус считал: ничто на Земле, за исключением батальона ангелов, не посмеет на них напасть, и все равно нервничал. Конец его нынешним тревогам могло положить лишь вступление в Грозовье, где нервничать надо будет уже по другим причинам.

Где-то между Восточным Отщепом и Затерянным озером Плетея обновила свой набор музыкальных инструментов. На первом этапе пути, от дома Калладонов до Западного Отщепа, у нее были при себе две флейты и арфа, требующая бесконечной настройки. Теперь их место заняло нечто под названием «дорожный орган». Впрочем, думать о нем как об одном инструменте значило бы недооценивать его сложность. Он состоял из нескольких частей, изготовленных, судя по виду, в разные исторические эпохи мастерами, державшимися противоположных взглядов на то, что они создают.

После завтрака Плетея начала прилаживать части одну к другой и проверять, как они работают. Мард и Лин заранее мрачно переглядывались. Даже Прим, любившая слушать Плетею, вышла в путь с некоторым страхом перед масштабами и длительностью готовящегося увеселения. Однако, когда Плетея заиграла бодрые маршевые песенки, Прим решила, что они прекрасно соответствуют духу места и ничуть не утомляют.

Путники шли вверх, и чем дальше, тем больше было хвойных деревьев и меньше лиственных. Они сейчас стояли в осеннем великолепии, ветки еще не успели оголиться, а палая листва под ногами – багряная, красная, желтая и рыжая – побуреть. Идя целый день через такое буйство красок, скоро перестаешь замечать его, но лиственные рощи попадались все реже, и когда, перевалив или обогнув холм, они видели такую рощу, то заново дивились и радовались ее красоте. Листья взывали к Прим каким-то непонятным для нее образом, она часто поднимала их с земли, разглядывала переходы цвета и рисунок жилок, ветвящихся, словно молния в грозовой туче. Импровизации Плетеи звучали в лад гипнотическому настроению. Настолько, что Прим вздрогнула от неожиданности – почти от обиды, – когда Плетея заговорила:

– Будь вы из первых слушателей этой песни, вы бы уже знали начало. А именно, что превращение Твердыни в окованную темницу для Ждода эхом прокатилось по всей Земле. Ульдармы добывали железо там, где Плутон счел нужным разместить руды, автохтоны разыскивали в необжитых краях холмов-великанов,

чтобы приставить их к кузнечным горнам, ловили и обращали в рабство больших животных для перевозки тяжестей. Длилось это недолго – года, наверное, три, но так или иначе коснулось всех концов Земли. Так об этом услышала Весна. Сперва она не знала, для чего все делается, только что это затрагивает ее творения. Выращенные ею деревья рубили на телеги для руды, зверей, которых она создала свободными, заставили трудиться под бичами погонщиков-ульдармов. Весна в то время была в удаленной части Вопроса – пыталась создать растения и животных, способных обитать в тамошнем засушливом климате. Оттуда она двинулась к середине Земли: путь ей указывали колеи, оставленные караванами с рудой, следы холмов-великанов, бескрайние вырубки. К тому времени, как Весна вступила в Область Бурь, Эл уже завершил свои труды и выбросил ключ в Пропасть. И он, и его ангелы, и автохтоны давно покинули это место. Ульдармы маршировали длинными колоннами туда, откуда их пригнали. Холмы-великаны, освобожденные из кабалы, бродили без всякой цели. Ненужных теперь вьючных животных просто отпустили в суровом краю, где им трудно было найти пропитание. К тому времени Весна уже поняла, что Ждод посещал Землю, и не один раз, а много, и бродил в разных обличьях, тщетно ее разыскивая.

Земля содрогалась у них под ногами, и не только от шагов Эдды, к которым путешественники уже привыкли. Из-за рассказа Плетеи многие были склонны рассматривать это как приближение серьезной опасности. Маб испуганно трепетала. Затем их ушей достиг долгий раскат, и они поняли, что подошли близко к Грозовью и теперь не только видят молнии, но и слышат гром. Бурр, взявшийся было за дымовое древко второй рукой, вновь оперся на копье, как на палку.

– Привыкайте, – посоветовал Корвус.

Лин, оправившись от недолгого испуга, вернулся к теме, затронутой в рассказе Плетеи.

– Немудрено, что Вопрос – все такая же вонючая дыра, – произнес он.

– Можно сказать, забытое богом место, – подхватил Мард.

– Богами, во множественном. – Кверк покосилась на Лома. – Не забывайте, Плутон тоже его забросил.

– Возможно, мы еще пожалеем, что Весна трудилась в этих краях усерднее, чем на Вопросе, – объявила Эдда. Не то чтобы угрожая. Просто отмечая.

Прим поймала на себе взгляд Корвуса.

– Да, – ответил он. – Возможно, придется убивать.

Бурр, Мард и Лин тронули свое оружие. Ангельский меч Бурр

забрал себе, но не вытаскивал из ножен больше чем на палец, чтобы не ослепить товарищей. Он только похлопал по рукояти. Но Прим знала, что Корвус обращается к ней.

Хвощ знала, где ее абордажная сабля и кортик, поэтому держала руки скрещенными на груди. Она разглядывала дерево на вершине ближнего холма, черное и голое. По лишенному коры стволу вился обгорелый след молнии.

– Мы ведь уже здесь? – спросила Хвощ. Когда никто не ответил, она взглянула на Эдду с Плетеей и поняла, что угадала. – В Области Бурь. Да, я вижу, что дождь не льет, ветер слабый, а между облаками проглядывает чистое небо. Но именно так бывает посреди страшного урагана. Шторм бушует не все время. Иногда наступают затишья.

– Мы здесь уже с утра, – признал Корвус, – и пока нам просто везло.

За тучами полыхнула молния. Прим заметила, что Маб как будто исчезла – фея состояла из света и в более ярком свете совершенно пропадала.

Плетея взмахивала руками, словно тоже хочет взлететь, но от земли не отрывалась. Она качала мехи. Из прорех дорожного органа с шипением вырывался воздух. Зажужжало, раскручиваясь, просмоленное колесико. Плетея открыла клапан, подающий воздух в бурдонную трубку, и немного поправила струну, так что теперь просмоленное колесико задевало ее и производило более высокий звук, резонирующий с бурдоном. То ли случайно, то ли она нарочно так подгадала, но раскат грома прозвучал несколько мгновений спустя – как будто Грозовье служит Плетее ударным инструментом. Она запела. Интонации были непривычные – Прим слышала такие у бардов-мореходов с северных осколов.

Окрест Узла, средь стремнин и высот,
Искала дом, что построил Ждод,
Гонима ветрами, снегами, дождем,
Хранима надеждой и мыслью о нем.
«Бог мой, любимый, творец Земли,
Где бы ты ни был, зову внемли.
Вот горы и долы, дела твоих рук,
Здесь лес я взрастила, взлелеяла луг».
Со свитой из пчел и порхающих птиц
Бродила, не ведая стран и границ
Тысячелетьями; вдруг узнает,
Что милый, утерянный, снова живет!
«Тверди Небесной создатель, услышь!
Раны Паденья лишь ты исцелишь!

Мир, нами устроенный, нам охранять,
Дворец обновить, заблудших сыскать».
Вошла в Заплутанье, вышла южней,
Словно дорогу мостят перед ней.
Опасные звери сбегаются, чуть
Коснуться Весны, в щеку лизнуть.
Пусть буря свирепствует; что ей? Она
Как прежде тепла, как прежде нежна.
Есть тайный приют в середине Узла. —
Однажды была и забыть не могла,
Он близко, без всяких сомнений, и тут
И отдых, и ужин всегда ее ждут.
Пылает очаг, чтоб согреться помочь,
И в милых объятиях долгая ночь.
Мечты, увлекая, не дали Весне
Заметить, что кто-то вел по стране,
По этому краю могучую рать,
Чтоб Узел запутать, Твердыню сковать.
Тропа изменялась по краю Провала,
Весна беззаботно шаги ускоряла.
Вот цель ее странствий, корень Земли,
Откуда древнейшие горы взросли.
Невиданной молнии вспышка слепит,
Ужасный Весне открывается вид.
Надеждам конец. Перед ней тюрьма,
Где быть должна Твердыня сама.
Как воин, лишившись оружья и сил,
Пощады в бою у врага не просил,
И ныне не латы – оковы несет,
И доблестный облик его не спасет.
Так замысел Ждода, игрушка его,
Над буйством стихий красоты торжество, —
Загублен. Нет, не разбит на куски —
Окован, природе своей вопреки,
Металлом. Хрупких башенок ряд
Железом обит. Пленительный сад,
Тот, что Весна создавала в уме,
Погибнет, иссохнет без света, во тьме.
На входе в тюрьму торжествующий Эл
Знак собственной власти запечатлел,
Символ, насмешку – тяжкий замок,
Чтобы любой понял намек
Внятный: оставь здесь надежду, всяк.
Ее он прежде томил в плену

Беременную – и прогнал одну,
Без деток, Адама и Евы. Она
Власть его познала сполна.
Коварство и мудрость, и сколь он могуч.
Лишь Элом самим зачарованный ключ
Пленного Ждода освободит.
Ужас гонит Весну, ей противен вид
Прежде милого места. Она летит
В буре, одной лишь мысли внемля:
Убить светозарного Короля
Захватчика, чтобы из мертвых рук
Вырвать ключ, которым замкнут Друг.
В пути повстречалась певунья Весне.
Автохтоны их слали – в дальней стране,
Где в глуши, на краю земли, живут
Потомки Адама и Евы, где ждут,
Что Ждод вернется, верят, что он,
Восстав, сокрушит Узурпатора трон,
Паденье исправит, правду вернет,
Мир воцарит, от ига спасет. —
Долг менестрелей – бедных невежд
Избавить от бесполезных надежд:
Ждод, хоть и жив, тот же мертвец.
Худшее приберегла под конец:
Эл, чья свирепость не утолена,
Ключ зашвырнул в бездну без дна,
В пучину хаоса, в вечную ночь,
Невозвратно. Ей не помочь.
Слез не терпит такая беда.
Весна обезумела. Длятся года.
Рыщет в пределах Узла. Ей равны
Высоты скал, пещер глубины.
Собственный облик ей нестерпим.
Тело, когда-то любимое им,
Он не обнимет – зачем ей оно?
Множить страданья? Не все ли равно,
Сюда примчалась, как буря, как шторм,
Пусть гнев ее примет любую из форм,
Пусть хлещет неистово, ломит и гнет,
Ветвясь во все стороны, множась, растет.
Став воздухом, молнии мечет в ночи,
Во мрак непробудный вонзая мечи.
Водой низвергает в холмы водопад,
И реки бурлят, обращаясь назад.

Землею Весна была тверже кремня,
Стены сметая, врагов гоня.
Огнем – из камней выплавляла металл
Для оружий мятежникам. Час настал.
Мощь, талант, высший дар ее —
Жизнь создавать, творить зверье.
Не пчелок и птичек – чудовищный род,
Что сам себя после воспроизведет,
И так без конца; потому-то Эл
Адама и Еву сгубить хотел.
Их Порожденье внушало страх,
В песнях прославлено и в боях…
В безумье долг Весне не забыть:
Землю спасти, а Эла убить.
У Эла – воины. Значит, у ней
Должны быть смелее, быстрей и сильней.
В глуши Заплутанья она возрастит
Огромных, немыслимых тварей, чей вид
Чудовищен…

– Погоди, – перебил Лин. – Плетея, ты хоть подумала, что подрываешь наш боевой дух?

– Все хорошо, – ответила Плетея. – Приходит Ева. Успокаивает Весну, пока все не зашло слишком далеко. Вот увидите.

Она набрала в грудь воздуха, чтобы продолжить строфу, но ее снова перебили, на сей раз Лом.

– А певуньей была ты, Плетея? – спросил он. – Той, что сообщила Весне известие, лишившее ее разума?

– Думаю, да, – ответила Плетея и глянула на Эдду. Та кивнула. – С тех пор я не раз умирала и потому не всегда отличаю, что видела своими глазами, а что слышала от других бардов. Однако Безумие Весны я помню хорошо – это одна из тех редких историй, где рассказчик участвует в событиях.

Несколько мгновений спустя Плетею испепелило молнией. Остальные члены отряда еще не успели осознать весь ужас того, что произошло у них на глазах, как небо почернело. Все глянули на Хвощ, перевидавшую в жизни всякую непогоду, но та лишь завороженно смотрела в небо и не отвечала на вопросы. Корвус стремительно преображался в человека, не дожидаясь, когда буря переломает ему крылья и вырвет перья. Маб, лишенная вещественного тела, не выказывала страха. Однако она вступила с

Эддой в какое-то недоступное другим общение. Эдда, по крайней мере временно, возглавила отряд. Она торопливо повела их вниз по крутому склону. Чуть впереди торчал каменный выступ; не успели они его увидеть, как налетевший со спины ураганный ветер с дождем бросил их на землю, ослепил и в считаные мгновения промочил насквозь. Только Эдда и Маб сохранили присутствие духа. Маб освещала путь, пока Эдда помогала им забраться под выступ. Ниша, куда они еле поместились, плохо защищала от бури, но Лом тут же начал ее увеличивать, а остальные – руками выбрасывать наружу землю, которую тут же уносило ливнем.

К тому времени, как они устроились почти уютно, буря улеглась. Не затихла постепенно, а разом прекратилась. Небо стало зеленым – не как гороховый суп, а как мох на мокром камне в солнечный день. Это было фантастически красиво, но так необычно, что никому не хотелось вылезать из убежища. И правильно не хотелось. Когда вернулся слух – не сразу, поскольку все были оглушены ударом молнии, убившей Плетею, – они различили что-то очень большое и опасное.

– Что за хруст? – крикнула Кверк.

Один из элементов звука был такой, будто свинья жует сухие желуди.

– Деревья ломаются, – ответила Эдда. Увидев лица спутников, она добавила: – Нет, для вихревого духа оно слишком большое. Просто торнадо.

В каком-то смысле это всех успокоило. Если трещат падающие деревья, то ломает их нечто огромное и, следовательно, очень отсюда далекое.

Буря налетела еще раз, такая же страшная, потом еще одна, чуть послабее. Отломанных веток хватало – они развели большой костер, целую стену огня, чуть ниже по склону от своего убежища, и просушили вещи. От вчерашнего лагеря ушли совсем недалеко, но все понимали, что сегодня дальше не пойдут: даже если бы не буря, они бы все равно остановились почтить память барда. Как заметил Корвус, вновь превратившийся в огромного говорящего ворона, надо было привыкать к новым опасностям. Эловы ангелы сюда не проникнут – сам Ждод сотворил Грозовье, чтобы крылатые создания ему тут не докучали, и, по легенде, лишь он и Самозвана могли пролететь сквозь эти тучи. Ульдармы и автохтоны не посмеют вступить в дикие места, которые обезумевшая Весна населила огромными тварями, чье единственное назначение – убивать автохтонов и ульдармов. Так что можно идти не таясь, жечь большие костры и опасаться совсем другого.

– Не мог бы кто-нибудь подробнее рассказать про молниевых медведей? – попросила Кверк.

Уже стемнело – не из-за бури, а потому, что зашло солнце. Вещи высушили и убрали, костер сгребли и сделали поменьше.

– Их вчера упомянули мимоходом. Я ничего о них не знаю, но само название внушает мне легкие опасения, – продолжала Кверк.

Судя по выражению лица, она старательно преуменьшала свои истинные чувства. И сама Кверк, и те особые отношения, что сложились у нее с Лином, порой откровенно раздражали Прим, но сейчас она искренне пожалела девушку. Для Кверк Подвигом было уже то, что они спустились в тектоническую трещину и вышли из пещеры в другой части Земли, где стали свидетелями боя между великаншей и ангелом. И впрямь, любой здравомыслящей душе таких приключений хватило бы на всю жизнь.

Никто не удосужился объяснить ей, в чем состоит остальной Подвиг, она понимала только одно: все прежнее служило лишь подготовкой к чему-то еще более опасному.

– Чем холоднее края, тем светлее и крупнее там медведи, – сказал Корвус, словно обращаясь к ребенку. – На дальнем севере медведи белые и воистину огромные. В горах Узла они из вещества молний и, соответственно, еще больше. Живут они на заснеженных высотах, где Изменчивая тропа выводит к Пропасти. Мы всего этого избегнем благодаря твоему хозяину и наставнику.

Маб метнулась к Корвусу, прошла через его голову насквозь и выпорхнула с другой стороны. По пути, она, видимо, как-то его наказала, потому что он торопливо добавил: «И Маб».

– А как с вихревыми духами? – спросила Кверк. – Их мы тоже будем всемерно избегать? И кто они вообще такие?

Эдда обратила к ней взгляд своих бездонных глаз, снежно-белые волосы качнулись в свете костра. Прим научилась не смотреть прямо в лицо Эдде, если не имела времени и желания засмотреться и забыть про все остальное. Она знала, что волосы Эдды сейчас – горный водопад в отблесках грозового рассвета. Прекрасно и замечательно, но сейчас несущественно.

– Весна, охваченная безумием, попыталась наделить отдельные части Грозовья частичной разумностью, слив их с душами, – объяснила Эдда. – Не получилось. Это как смешивать воду с маслом – они сразу разделятся.

– Но они по-прежнему здесь, тысячи лет спустя?

– Души, с которыми экспериментировала Весна, так и не стали прежними. Им понравилось воплощаться в движения воздуха. Теперь они лишь этого и желали – пусть и на несколько мгновений. Так что они живут в Области Бурь, бесформенные,

почти невидимые, и ждут.

– Чего?! – спросила Кверк. – Жертв? Они тут наверняка бывают исключительно редко.

– Возможности обрести форму, – ответила Эдда. – Обычно, когда из Грозовья спускается исполинский смерч, они черпают в нем силу.

– Так они могут быть вокруг нас? Потому что это недавно случилось?

– Могли бы, – признала Эдда, – но сейчас их тут нет. Мы бы заметили.

– А что нам делать, если в будущем появится вихревой дух? – спросил Мард.

– Лечь ничком и закрыть голову. Об остальном позабочусь я, – сказала Эдда.

– А тебя, Эдда, что-нибудь может убить? Ты чего-нибудь боишься? – спросила Кверк. Спокойные слова Эдды вроде бы ее успокоили.

Прим неосторожно посмотрела на Эдду и утонула в ее взгляде. Потому что Эдда как раз в это мгновение посмотрела на Прим. Один глаз великанши был скрыт за водопадом волос, но зрачок другого являл собой торнадо в лигу шириной, и Прим полетела в него, словно ее зашвырнул бог. Она слышала голос Эдды так, будто тот шел со всех сторон:

– Да. Безусловно.

Прим очнулась. Она по-прежнему сидела у костра с другими участниками Подвига. Некоторые как-то странно на нее смотрели. Прим догадалась, что утратила нить разговора.

– Спать пора, – сказала она.

На следующий день шли через то место, где вчера торнадо поломал деревья. У Лома возникло недоумение, которое он теперь обсуждал с Мардом и Лином: если такие бури случаются в этих краях часто, то как тут вообще может быть хоть какой-то лес? Почему вокруг не голые камни, как на Вопросе?

Они не успели далеко продвинуться в своих теориях, потому что вышли к месту, где своими глазами увидели ответ – или, по крайней мере, намеки, из которых его можно вывести. Упавшие вчера деревья уже растворялись во влажной почве, а из нее лезли зеленые ростки. Все живое, созданное Весной, по самой своей природе когда-нибудь умирает и становится материалом для новой жизни, а здесь Весна повелела, чтобы это происходило быстрее.

– Я бы не сказал *быстрее*, – произнес Лом, наблюдая, как тонкая зеленая лиана обвивает его трость, словно вползающая на

дерево змея. Десять минут назад они таким восхищались, сейчас оно уже слегка раздражало.

– Правда? По-твоему, это не быстро? – спросил Лин.

– Оно такое, как нужно, – ответил Лом. – Если бы лианы росли с такой скоростью постоянно, они бы задушили деревья. Как только лес восстановится, все станет как обычно.

Их отвлекло карканье. Огромный говорящий ворон кричал растерянно, даже напуганно, чего за ним обычно не водилось. Он сидел на суке обломанного дерева. Голый сук на высоте примерно в два человеческих роста снизу выглядел совершенно безопасным, но за то время, что Корвус там отдыхал, плющ обвил его когти, намертво примотав к дереву. Корвус хлопал крыльями, силясь взлететь, зеленые побеги рвались, истончались и таяли, словно струйки дыма от задутой свечи. Однако те, что остались, забирали их силу и становились толще. К тому времени, когда Бурр забрался на ветку, откуда мог дотянуться до них копьем, они уже одревеснели. Бурр аккуратно рассек стебли наконечником, и Корвус вырвался из пут. Зеленые плети все еще свисали с его лап, и он некоторое время раздраженно кружил, пока они не увяли и не отвалились. Бурр торопливо слез с дерева, поскольку плющ теперь заинтересовался им.

Все это было занятно и даже по-своему забавно, но, когда Бурр наконец освободился из плюща и спустился на землю, положив конец зрелищу, все глянули вниз, увидели, что побеги вьются по их ногам, и отчетливо представили, чем могло обернуться дело: Корвус и Бурр примотаны к дереву, задушены одревеснелым плющом, превратились в почву для молодых растений.

В следующий миг все уже бежали сломя голову.

Свинцовые тучи скрывали солнце, никто не чувствовал направления, и они, наверное, бегали бы кругами, если бы не Корвус и Маб. Эти двое знали, куда двигаться, и, что не менее важно, предупреждали о тупиках и труднопроходимых местах, где можно было замешкаться и стать добычей растений. Даже на ровном месте упавшие ветки создавали такие преграды, что зевать не приходилось.

Они еще не совсем выбились из сил, когда выбрались на невысокий хребет и увидели впереди ало-оранжевое зарево – русло небольшой речушки, пересекающей их путь. Долина не пострадала от торнадо, и кроны деревьев в ней пламенели всеми оттенками красного. Они сбежали по склону, прочь от полосы, выкошенной вчерашней бурей, но все равно продолжали бежать, просто для уверенности, пока не остановились на поляне по другую сторону речушки. Каждый некоторое время пристально

разглядывал свои ноги. Точнее, землю у себя под ногами. Они ждали, что из нее полезут зеленые побеги. Этого не произошло, и путники, не сговариваясь, сбросили с плеч мешки и устроили привал.

Один из больших тюков, тот, что Мард и Лин несли на шесте, остался позади. Они положили его на землю, а когда собрались бежать, обнаружили, что шест наполовину сгнил, а тюк густо оплетен плющом. По счастью, Хвощ с самого начала велела разложить самые важные припасы всем поровну. Благодаря этому утрата тюка не стала катастрофой.

Перекусили наскоро, поскольку была еще только середина дня. Буря бушевала примерно в лиге от них, выше в холмах, и Лом торопил идти дальше. К тому времени, как все нехотя уложили вещи и встали, речушка, которую они только что запросто перешли вброд, уже превратилась в грохочущий поток – он смыл бы любого, кроме Эдды, посмей они в него вступить.

Путники выбрались повыше. Некоторое время казалось, будто река их преследует. Спасаясь от нее, они поднялись по склону невысокого хребта между двумя притоками, однако с определенной высоты им все чаще стали попадаться сожженные молниями деревья вроде того, какое они увидели перед самой гибелью Плетеи. Мард и Лин (они, избавившись от тюка, вновь стали то и дело забегать вперед) торопливо спустились с гребня и сказали, что там с ними произошло нечто странное: волосы встали дыбом, пальцы закололо, и…

– И ветки деревьев окружала светящаяся бахрома, – сказала Хвощ.

– Да! – хором ответили оба Буфректа.

Хвощ подняла брови, как всегда, когда дивилась невежеству сухопутных обитателей.

– Это Аура Делатора, и морякам она хорошо известна, – объявила она. – Вы правильно сделали, что спустились.

По счастью, им не пришлось выбирать между Аурой Делатора и бушующим потоком. Они нашли место посередине. Лом, сидя на корточках, наблюдал за водой, пока не сказал уверенно, что она начала спадать. Однако еще день был потерян.

На следующее утро шли вдоль склона хребта, преграждавшего им путь, пока Корвус не спустился с высоты и не сказал, что можно подниматься, при условии что все будут идти на расстоянии друг от друга и не выходить на открытые места. Этим они и занимались в следующий час. Прим, идя одна, как предписано, рискнула подняться чуть выше, чем надо, и огляделась. Далеко впереди из моря темно-зеленых елей поднимались горные отроги. Они вставали, словно крепостная

стена, и, вставая, сбрасывали лесистый покров. Выше бурые каменные склоны были припорошены снегом, а еще выше белые снега лежали до самых облаков. Горы выглядели непроходимыми, однако и карта, и легенды утверждали, что именно через них лежит единственная дорога к Твердыне.

Корвус, летя с севера, заметил Прим на высоком месте – широкие крылья сузились кинжалами, и ворон круто пошел вниз.

– Хватит мешкать! Затишье ненадолго! – крикнул он, с размаху проезжаясь когтями по камням в двух шагах от нее.

– Кто мешкает? – возмутилась она. – Я думала, ты разведываешь дорогу.

Он на мгновение замер, потом сказал:

– Разумно также знать, что за спиной. А теперь вперед!

Он взмыл в воздух и принялся носиться кругами, хлопая крыльями и покрикивая на отстающих.

На следующий день ни лес, ни река не пытались их убить. Однако пестрые лиственные леса остались позади, и путники шли через ельники. Местами деревья стояли редко, прямые, как стрелы, над благоуханным, мягким ковром хвои.

К этому времени часть провианта съели, часть испортилась от сырости, часть была утеряна при бегстве, так что требовался новый провиант. Следующий день решили посвятить охоте, а если она удастся, то и разделке туш. Прим отправили охотиться с луком, и она для виду согласилась, хотя и знала, что с такого расстояния, с какого может попасть в животное стрелой, способна убить его просто силой мысли.

Охота проходила как любая охота – скучное ожидание, продумывание чересчур сложных планов, рассыпавшихся при первой встрече с реальностью. Лин ранил стрелой большого рогатого зверя – наверняка одичавшего потомка тех вьючных животных, которых некогда согнали сюда возить телеги с рудой. Зверь побежал в сторону Прим, и она натянула тетиву, но пожалела его и мысленно пожелала ему умереть. Из подлеска появился волк – он почуял запах крови и преследовал раненое животное. Прим убила его силой мысли, пока он обнюхивал тушу.

Следовало отметить и, возможно, счесть предупреждением, что волк появился между воткнутыми кольями, за цепью охотников. Прим стала окликать товарищей: Марда, Лина, Бурра. Примерно оттуда же, что и первый, появился второй волк. Прим оборвала его жизнь. Она могла делать это сколько угодно; она – ходячая Смерть, и ничто живое не причинит ей вреда, кроме как с ее согласия.

Люди в лагере, возможно, нуждались в помощи. Прим двинулась в ту сторону и, как только поняла, что идет в

правильном направлении, перешла на бег.

Там, по счастью, все было хорошо. Эдда по широкому кругу обходила походный костер, Кверк подбрасывала дрова. Лом смотрел по сторонам через рукоять своей трости. Хвощ обнажила саблю и держала кортик обратным хватом – лезвие вдоль руки, – готовая нанести удар. Она не присоединилась к добытчикам, поскольку считала охоту грубым занятием полудиких сухопутных душ, чье назначение – заготавливать мясо для продажи на портовых рынках.

Появился Бурр. Он осторожно пятился к лагерю, двумя руками держа над головой наклоненное копье, и поводил им из стороны в сторону по широкой дуге – только летели срезанные ветки. Время от времени он наносил быстрые удары вниз. Бурр приближался к дереву, и Прим уже хотела крикнуть, что он зацепится копьем. Однако ее предупреждение запоздало бы. И, как выяснилось, было бы лишним. Бурр продолжал поворачивать руки; столб дыма, составлявший древко копья, прошел сквозь ствол дерева. Или ствол дерева прошел сквозь копье; в любом случае они друг друга как будто вовсе не заметили. Однако, когда наконечник обрушился на морду волка сбоку от Бурра, результат был вполне материальный. Прим подумала, что ей мерещится, но миг спустя это повторилось.

– Где мальчишки? – спросила Хвощ, вслед за Прим подбегая к Бурру.

Прим вроде бы различила над верхушками деревьев огромного ворона.

– Прикрывай мне спину! – крикнула она Лому.

– Отлично! – ответил он и размашистой походкой двинулся вслед за ней.

Мард и Лин оказались не так далеко, как она боялась. Мард подволакивал ногу и от волков отбивался, держа меч Элошлема одной рукой. Лин орудовал коротким охотничьим копьем. Они были чуть ниже по склону, чем Прим. Она выбралась на удобное место, натянула лук и спустила тетиву. Стрела пролетела мимо цели, но недалеко. Лин заметил мелькнувшее оперение и поднял голову.

– Сюда! – крикнула Прим.

Она заметила сбоку еще одного волка, мысленно приказала ему умереть, затем вновь натянула лук и подстрелила другого: тот скалился, изготовившись к прыжку на открытом месте, где ничто не мешало полету стрелы.

Часть стаи, напавшая на Марда с Лином, убывала в числе и теряла решимость. Лин ударил копьем еще одного, и тот убежал с диким воем. Два других последовали за ним. Показался Лом и

сообщил, что больше волков рядом нет. Прим бросила лук, сбежала по склону, и они вдвоем с Лином, ухватив Марда под мышки, потащили его вверх. Обе ноги Марда, и раненая, и здоровая, просто волочились по земле, но сильнее всего кровь хлестала из левой руки.

Скоро весь отряд сгрудился возле костра – Кверк накидала столько хвороста, что к огню было не подойти. Лес вокруг гудел от волчьего воя. Прим не знала языка волков, но угадывала смысл: «Здесь чужие!»

– Было бы куда лучше, – заметил Лин, – сумей мы как-нибудь втолковать различным созданиям Весны, что мы на ее стороне и пытаемся произвести перемены, которые она сама бы одобрила.

Эдда зашивала Марду руку и ничего не ответила, хотя обычно всего разговорчивей становилась, именно когда орудовала иголкой.

– А ее рассердит, что мы пробиваемся с боем? – спросила Прим. – Она не обезумеет снова?

– Весну не огорчает смерть, – ответила Эдда. – Даже наоборот.

– А где она? – поинтересовалась Кверк. – По-прежнему где-то скитается? И обрела ли она вновь устойчивую форму?

– Скорее всего в Оке Бури, – заметила Эдда. – Это место в здешних краях, куда она отправилась вместе с Евой, когда Ева ее разыскала и отвратила с пути безумия.

Прим долго не отваживалась, но теперь все-таки подошла глянуть, что у Марда с рукой, – надо было понять, насколько все плохо. Она ожидала увидеть волчьи укусы и действительно увидела, но большая рана, которую зашивала Эдда, была нанесена острым предметом.

– Это я сам себя так, – сознался Мард. – Повернулся во время удара – хотел помочь Лину, не рассчитал и попал себе по левой руке.

Прим молчала.

– Ты не знаешь, что сказать, – заметила Эдда, – потому что о таких злоключениях, хотя они происходят на каждом шагу, не упоминают в песнях и легендах. Не воспевают героев, павших из-за того, что им в неподходящий момент свело ногу.

Эдда, возможно, привела бы и другие примеры, но тут прилетел Корвус и велел им бежать, бросив почти всю поклажу.

Они еще раньше заметили, что волчий вой привлек и других зверей, покрупнее, но не боялись их. Некоторые члены отряда откуда-то знали, что Прим может убить кого угодно. И даже реши она почему-либо придержать свою силу, против Бурра ни один

зверь бы не устоял. Так что Прим на мгновение подумала, что Корвус так шутит. Но только на мгновение. От его неожиданных слов все умолкли и в наступившей тишине ощутили приближение чего-то, подобного дождю, в том смысле, что оно было не в одном месте, а по всему лесу. Чего-то настолько рассеянного по большой площади, что даже Смерть против него бессильна.

– Мард бежать не может, – возразил Лин, ибо его родич не только повредил себе руку, но и пострадал от волчьих укусов.

Однако Эдда уже завязывала повязку поверх незаконченного шва. Она забросила Марда на спину, как будто тот не тяжелее куренка, и в несколько широких шагов исчезла за деревьями с южной стороны поляны.

Нечто оказалось тучей насекомых. На расстоянии больше броска камня – хотя камни в нее бросать было бесполезно – они казались просто дымом. И как поняла Прим, когда этот «дым» ее настиг, они передвигались в воздухе скачками и короткими перелетами, а ветер был им помощником. И когда одно село ей на руку, выяснилось, что они выкусывают кусок кожи размером с веснушку.

Корвус велел не брать ничего, кроме оружия (сейчас не нужно, потом понадобится?) и головешек. И бежать против ветра. Через час бега они оказались перед склоном, по которому трудно было подниматься из-за кустов и низких веток. Здесь насекомые их нагнали и принялись кусать, с особым остервенением атакуя глаза, уши, нос и рот. Все уже были близки к панике, но тут Корвус счел, что они уже достаточно углубились в лес, и велел поджигать кусты. Огонь стремительно распространялся по ветру, а против ветра – медленнее, так что от него можно было убежать. Это была хорошая новость. Плохая состояла в том, что по-прежнему требовалось бежать. Но, по крайней мере, сейчас они не вдыхали насекомых. Наконец выбрались на более открытое место, которое, судя по всему, горело раньше и теперь тут гореть было нечему. Здесь остановились на ночевку, и до утра их поливал налетевший с новою силой ливень.

– А ну его к псам! – крикнул Корвус, едва лишь забрезжил свет. – Хватит тщательно распланированного Подвига! Теперь просто бежим к пещере!

– К какой пещере? – спросил Лин.

– К той, куда мы направляемся, – неопределенно ответил Корвус.

Больше вопросов никто не задавал, чтобы не провести под дождем и следующую ночь.

Они вылезли из-под упавшего дерева, которое опиралось

ветками о землю, так что под него можно было забраться только ползком. Оно защищало от хлещущих струй и града, но вымокли они все равно до нитки и не замерзли до смерти лишь благодаря великанше, от которой тепла было больше, чем от них всех вместе. Свернувшись под боком у Эдды, Прим увидела очередной странный сон: Эдда была высокая, как дерево, а Прим – маленькая, как белка, угнездившаяся в развилке ветвей, мокрая насквозь, но в тепле.

Сейчас, в свете утра, Эдда была женщиной обычного роста, однако у Прим закралось опасение, что великанша уменьшается. Пока Бурр тщетно пытался развести костер, Эдда неподвижно сидела на корточках, завернувшись в плащ и закрыв глаза. Прим помнила ее дом на Калле, коров и овец, муку, которую великанша молола, чтобы испечь хлеб. Давно ли она ела как следует? А то, что она вобрала в себя ангела, дает ли ей силы, к которым можно прибегнуть, как нынче ночью?

– Бежать мы все равно не сможем, – заметил Бурр. – Только идти быстрым шагом.

– Нам нужна еда, – добавил Лом. – Я хочу сказать, кроме такой.

Он помахал полоской вяленого мяса – его долей оставшегося провианта.

– Здесь ее не добыть, – ответил Корвус, – но, если все пойдут быстрым шагом, как предлагает Бурр, мы с Маб будем высматривать что-нибудь съедобное.

Они двинулись в путь. Почти все утро шел дождь, но обычный – после ночной грозы он казался легкой моросью. Возможно, его шум заглушил звук шагов и позволил им подобраться к еще одному рогатому животному. Они заметили его на другом краю поляны. Оно упало мертвым. Бурр бросился ничком на землю.

– Ложись! – прошептал он. – Здесь кто-то еще охотится!

Прим не бросилась на землю. Она дошла до животного, которое лежало, как будто спит. Бурр, все еще убежденный, что здесь опасно, через мгновение догнал ее с копьем наперевес. Когда подоспели остальные, он переворачивал мертвое животное, ища вонзенную стрелу. Но ее там, разумеется, не было.

Бурр отступил от туши.

– Я видел такое во время схватки с волками и не поверил своим глазам.

– Мы тоже такое видели, – сказал Мард. – Волк просто умер.

– Что-то жуткое таится в здешних лесах, и оно убивает магией.

– Я это жуткое, – сказала Прим. – Давайте есть.

На сей раз волки им не докучали, более крупные животные и насекомые – тоже. Даже когда развели костер и в воздухе поплыл запах жареного мяса. Пока готовили, дождь перестал. Впереди полого уходил вверх заросший травой склон. Внизу, довольно далеко, волки выли теми же голосами, что вчера, словно говоря: «Здесь чужие!» Это вызвало любопытство Корвуса, уже подкрепившегося сырым мясом. Он взлетел, забил крыльями, набирая высоту, и унесся на север.

– Ворон думает, за нами кто-то идет, – заметил Бурр.

Никто из остальных не счел это новостью. Хвощ так и вовсе не обратила внимания на слова Бурра. Она внимательно поглядывала на Прим с тех пор, как та раскрыла свою тайну. Устав от этого, Прим посмотрела ей в глаза.

– А я-то все гадала, за что тебя взяли в Подвиг, – сказала Хвощ. – Явно для этого мало быть просто принцессой.

Прим обиделась вдвойне. Во-первых, она поначалу вовсе не думала о себе как о принцессе – Пеган сказал только, что Калладонам положено совершать подвиги. У них это в крови. Однако она устала и хотела есть, поэтому не стала спорить с Хвощ.

– А ты можешь убить любую душу на Земле?

– По легенде, я убила Ждода, – напомнила Прим. – Но чтобы убивать, мне надо быть близко.

– Ты можешь убить Эла?

– Не знаю. Случай пока не представлялся. Возможно, он найдет способ убить меня раньше.

– Весна создала существо именно для этого, – сказала Кверк. – Во всяком случае, так я слышала от Плетеи в ночь накануне ее смерти. Оно зовется Бездныр и ждет под Разрушенным мостом любого, кто туда доберется.

– А Плетея что-нибудь говорила о других опасностях, которые мы должны преодолеть, чтобы оказаться в том месте, где надо страшиться Бездныра? – спросил Лин.

– Во-первых, воинство ульдармов, которых Весна обратила себе на службу, – ответила Кверк. – Они должны быть вот на том склоне.

Она указала рукой на обрывистый склон, круто встающий за лесом к югу от них. Он был гораздо ближе, чем когда Прим вчера на него смотрела, и виден отчетливо, поскольку дождь перестал и туман рассеялся. Сегодня он казался выше и круче, чем вчера. Различались подробности, наводящие на мысль, что он обитаем, – не дома, выстроенные снаружи, а уходящие в глубь тоннели. Если верить старым легендам, ульдармы, которых Весна поставила

себе на службу, были рудокопами. Наверное, с тех пор они очень преуспели в горном деле. Под крошечными отверстиями в склоне – отсюда не больше булавочной головки – лежали шлейфы отвалов в лигу шириной. Каждый камень в этих шлейфах вырубили из скалы копалы – как называли перевербованных ульдармов. Ибо они копали, и копали, и копали, пока не стали просто копалами.

– А во-вторых? В-третьих? В-четвертых? – настаивал Лин.

– Между копалами и Бездниром – то есть вдоль Изменчивой тропы, идущей через ледник, – ничего, кроме, ну, молниевых медведей.

– Рад слышать, – ответил Лин.

– Но мы вряд ли пойдем этой тропой. Корвус что-то говорил про пещеру. – Кверк глянула на Эдду. – Мы ведь туда идем, госпожа?

– Мы идем в ту сторону, – поправила Эдда.

Она не смотрела на Кверк, да и ни на кого другого. Все они сгрудились у костра в надежде просушить одежду, но великанша стояла чуть поодаль и глядела на картины, открывающиеся на юге по мере того, как рассеивался туман. Из облаков проступили некоторые пики на подступах к Узлу – выше всех гор, что Прим случалось видеть. Однако Эдда смотрела ниже, на зеленую полосу, отчасти скрытую дождем и клочьями облаков. То была узкая ступенька, как будто врезанная в восточный край источенного копалами обрыва. Собственно, располагалась она так удачно, что казалась искусственной. Напрашивалась мысль, что ее выбили в скале копалы. Далекая и труднодоступная, она тем не менее была будто в колодце золотого света, в котором клубящийся туман лучился, слепя глаза.

– Так это Око Бури? – спросила Кверк.

– Да, – ответила Эдда. – Это Око Бури.

И только сейчас, от слов Эдды, в памяти Прим возникла картинка из книги, которую она в детстве так любила разглядывать, сидя у Пегана на коленях. На картинке была такая же зелено-золотая горная долина, где Весна обитала вместе с Евой и некоторыми своими любимыми созданиями и где все круглый год цвело и плодоносило. Вот почему Эдда так смотрела в ту сторону. Там жили ее мать и бабушка.

Здесь никаких плодов не было. Участники Подвига вгрызлись в полупрожаренное мясо, чтобы жир не вытопился и не сгорел зазря. Вернулся Корвус и не стал отвечать на вопросы, кто их преследует и преследует ли вообще. Однако он вновь всех торопил, так что они завернули оставшиеся куски мяса и

тронулись в путь.

Мард шел с трудом, стискивая зубы от боли. Когда он совсем выбивался из сил, кто-нибудь закидывал его здоровую руку себе на плечо и помогал ему идти. Раненую руку он держал под плащом, прижав к животу.

Луга попадались все чаще и были шире. Бурр заметил, что лес здесь нарочно выжигают, чтобы освободить место для травы, на которой жирели бы съедобные животные. Им попались скелеты двух таких животных, и Бурр показал следы от ножей на костях и даже заржавленный наконечник стрелы, вошедший в крестец так глубоко, что его не стали вытаскивать.

– Копалы, – сказал Бурр, как будто у кого-то оставались сомнения. – Лес дает им всю потребную пищу, при условии что они истребляют волков и других крупных хищников. Остерегайтесь ловушек.

Прим решила, что речь о засадах, которые копалы устраивают на чужаков вроде них, но через четверть часа путники наткнулись на хитрый капкан с приманкой из куска мяса.

Дальше они избегали открытых мест и пробирались самыми густыми лесами, какие находили Корвус и Маб. Так без происшествий добрались до места, где склон круто уходил вверх. Мягкая лесная земля сменилась нагромождением острых камней. Упали первые крупные капли ледяного дождя. Справа солнце выглянуло из-за облаков и озарило обрывы от того места, где стояли путники – у западной оконечности, – до восточного края во многих лигах отсюда, где каменная стена топором врезалась в горный хребет. Око Бури было в той стороне, но видели путники лишь исполинский столп серого тумана, вокруг которого Грозовье вращалось, словно жернов у Эдды на кухне.

– Смотрите сейчас, – проговорил Корвус так тихо, как только возможно для огромного говорящего ворона. – Мы пойдем под покровом тьмы и пойдем *туда*.

– Куда? – спросил за всех Лин.

– Туда. Я указываю на это самое место.

– Ты не можешь указывать.

– Я указываю клювом.

– Не важно, я вижу, – сказал Лом.

Он встал на одно колено, упер наконечник трости в камень и приник глазом к линзам. Глядя, куда он смотрит и куда указывает клюв Корвуса, остальные наконец различили черную дырочку в каменном склоне. Она была точно над ними – Корвус вывел их аккурат к нужному месту. От копалских тоннелей отверстие отличалось тем, что под ним не было шлейфа отвалов.

– Это та самая достославная пещера? – спросила Кверк.

– Для нас – да. Для копалов – скорее недоброй славы. Они туда почти не заходят.

– Странно, – заметил Лом.

– Да, – подхватил Лин. – Почему им не заходить в удобно расположенную естественную пещеру?

– Мне не нравятся те мысли, на которые это наводит, – сказал Мард.

– Ужас, – ответил Корвус. – Страх перед тем, что случается с любым, кто зайдет туда дальше первых шагов. – Тем же ровным голосом он добавил: – Запоминайте приметы местности, пока светло.

– Почему не двинуться прямо сейчас? – спросила Кверк. – Того гляди снова начнется гроза.

– За подступами следят копалы.

– Они нас увидели?

Ворон пожал плечами:

– Не увидели, так увидят. Это их назначение.

Первые тяжелые капли сменились градом, и путники вынуждены были отступить под защиту леса. Потемнело, земля была скользкая, покусанная нога у Марда работала плохо. Он оступился, упал вперед и машинально выставил обе руки, чтобы не удариться лицом о камни. Однако в землю уперлась лишь одна рука – здоровая. Раненая подломилась, так что он ударился плечом, по инерции перекатился на спину и остался лежать, кривясь от нестерпимой боли.

Теперь Прим видела, что левой руки у него нет вообще. Вернее, ладонь, запястье и рука до того участка, где он порезался мечом Элошлема, были на месте, но целиком состояли из ауры. Пальцы стали призрачными, и Прим видела через ладонь Марда, как через стекло. Она чуть не завопила и сдержалась даже не из страха, что услышат копалы. Остановил ее взгляд Марда, ровный и спокойный. Он, разумеется, знал, что у него с рукой, и прятал ее под плащом.

У Прим возникла куча вопросов насчет того, что будет с Мардом дальше, но сейчас определенно было не время и не место их задавать. Все, как обычно, устроились на земле потеснее, однако на сей раз Прим легла рядом с Мардом, чтобы согревать друг друга своим теплом.

Когда окончательно стемнело, начали подъем.

– Я пойду последней, – сказала Эдда, – поскольку могу вызвать камнепад.

Хотя днем все постарались запомнить приметы местности, без Маб они бы заблудились. Корвус вновь принял человеческий облик. Редкие молнии озаряли склон ярко, как днем, но глаз не

успевал отыскать и запомнить вход в пещеру. После вспышки все заранее втягивали голову в плечи в ожидании раската грома – он раздавался через долю мгновения.

Они шли уже примерно час, когда Хвощ вдруг воскликнула:

– Аура Делатора!

Прим, смотревшая только под ноги, подняла голову. Каменные глыбы вокруг были охвачены зеленым пламенем. Она не успела ужаснуться или восхититься, потому что Хвощ крикнула: «Ложись!» Прим попыталась это сделать и обнаружила, что на таком нагромождении камней особо не ляжешь. Молния ударила очень близко, вспышка и грохот проникли в мозг одновременно. Кверк завопила. Прим вытянула шею и глянула вперед. По склону быстрее мысли струились реки зеленого огня. Что-то исключительно яркое светилось высоко наверху, будто подвешенное к небу. Оно слепило, как молния, но не полыхнуло и угасло, а горело ровно, как ангельский меч Бурра. И при этом двигалось, словно живое – то на всех четырех, то вздымаясь на задние лапы.

То был медведь. Молниевый медведь на хребте высоко над ними, куда они и не думали лезть, однако он увидел их и злился, что они проникли в его горы.

Скоро в темноте загрохотали катящиеся камни. Один летел прямо на нее; Прим не успела бы увернуться, но он столкнулся с другим и отлетел в сторону.

Все было как под Взбросом, когда ульдармы скатывали на них камни. Прим не сомневалась – сейчас камни сбрасывают копалы. Возможно, их известили о появлении чужаков дозорные-медведи.

Вышло солнце и озарило весь склон. Прим видела вблизи кувыркающиеся глыбы, а выше, на расстоянии полета стрелы, – вход в пещеру. А еще выше – бледные приземистые фигуры с характерной асимметрией ульдармов. Их было около десятка. Внезапный свет застиг их за выворачиванием камней из склона, и они замерли, ослепленные. То было не солнце, а свет ангельского меча – Бурр целиком вытащил его из ножен. Видя теперь и противника, и цель, Бурр с ревом бросился вперед. Остальные бежали за ним. Прим закрыла глаза рукой от яркого света, чтобы смотреть под ноги. Раз или два она оглядывалась и мельком видела спутников – они размахивали руками, силясь удержать равновесие на зыбком обледенелом склоне. Хвощ и Лин, обнажив клинки, взбирались почти бегом. Ангельский меч качнулся. Ударила молния. Сверху раздалось гневное рычание: медведи. Склон стал более пологим. Перед Прим было черное отверстие. Она вбежала внутрь скорее по инерции, чем по собственному желанию. Остальные ввалились следом, загородив выход. Прим

думала вернуться и принять участие в схватке, но не успела – склон вновь погрузился во тьму. Это Бурр спрятал меч в ножны. Грохотали катящиеся сверху камни. Вспыхнула молния, очертив силуэты Бурра, Лина и Хвощ. Они входили в пещеру.

Участники Подвига преодолели Область Бурь и вступили в недра Узла.

– Лом, – сказал Корвус, – нам надо запечатать вход.

– Ты вроде бы говорил, копалы сюда за нами не последуют, – заметил Лин.

– *Они* не последуют, – загадочно ответил Корвус. – Лом? Отзовись! Кто-нибудь может посветить?

Маб зажглась ярче. Они стояли в нескольких шагах от входа в пещеру: Бурр ближе всего к отверстию, Хвощ и Лин у него за спиной. Дальше застыла Эдда, недвижная, как гора, ее обледенелый плащ поблескивал в полутьме. Рядом рыдала Кверк. Мард, Прим и Корвус зашли в пещеру дальше всех, но Корвус теперь двигался обратно, а Маб порхала туда-сюда, словно что-то потеряла.

– Где Лом? – спросил Корвус. – Надо выслать поисковый отряд.

Он шагнул к устью с намерением выглянуть наружу.

Эдда остановила его, вытащив из-под плаща что-то маленькое и блестящее. Прим не видела, что это, пока Маб не подлетела поближе. В ее свете стало видно, что это рукоять Ломовой трости. Птичья голова сильно оплавилась и смотрела пустыми глазницами на месте выпавших линз. Оттуда, где крепилась деревянная часть, торчал обугленный обломок.

То был редчайший случай, когда Корвус узнал что-то позже других. А поскольку он был в человечьем обличье и ярко озарен Маб, Прим – знавшая Корвуса с тех пор, как тот новой душой появился на Земле, – увидела на его лице чувства, каких не видела прежде. Он был совершенно ошеломлен – до той степени, когда первый порыв – рассмеяться, пусть даже абсолютно некстати. И он действительно хохотнул срывающимся нервным смехом, потом стал серьезным и задумчивым.

Кверк была совершенно уничтожена горем и потрясена тем, что произошло у нее на глазах. Прим вспомнила, как Кверк закричала после удара молнии, и поняла – Лом погиб. Понял это и Корвус.

– Что ж! – сказал он. – Это, безусловно, кое-что меняет. Мы не сможем завершить Подвиг без литопласта.

Несколько мгновений все молча переваривали его слова, потом разом поглядели на Кверк.

Они отошли подальше в глубь пещеры на случай, если копалы все же отважатся их преследовать. Запечатать вход литопластикой, как рассчитывал Корвус, они не могли. Однако

это была естественная пещера, с поворотами и сужениями, которые удалось завалить. Ангельский меч Бурра резал камень, а Эдде хватало сил двигать большие глыбы. Так что они основательно затруднили задачу тому, кто захочет преследовать их в недрах Узла.

И себе, если захотят вернуться. Впрочем, было очевидно, что пещера – из тех, что Плутон создал для удобства перемещений, а значит, они выйдут где-то в другом месте.

Сама необходимость действовать – уходить вглубь, преодолевать подъемы и спуски, помогать друг другу протискиваться в сужения – успокаивала Кверк по мере того, как ужас, которому она стала свидетельницей, оставался позади.

Добрались до места, где спускаться было опасно. Корвус сделался осторожным, затем раздражительным и, наконец, совершенно несносным, на каждом шагу донимая их требованием смотреть, куда ставят ногу. Судя по эху впереди – то есть внизу – лаз дальше значительно расширялся. На влажных стенах появились отблески света – не от Маб. Прим знала, чего ждать, и вскоре это увидела.

Крутой лаз вывел их к огромному залу, весь пол которого занимал хаос. Пещера здесь имела форму дыни, поставленной вертикально. Устье лаза располагалось примерно посередине между сводом и хаосом. Теперь стало ясно, почему Корвус так их донимал: всякий, кто сорвался бы в узком лазе, кубарем покатился бы вниз и вылетел прямо в озеро хаоса. Однако они спустились осторожно и смогли немного отдохнуть на карнизе, который устроил в конце лаза какой-то древний литопласт – возможно, сам Плутон. Все туда не поместились. Корвус, Прим, Кверк и Мард стояли на карнизе, а Эдда, Лин, Хвощ и Бурр тянули шею, заглядывая друг другу через плечо. Маб упоенно летала в пустом пространстве над хаосом, озаряя слои и прожилки каменных стен. Зрелище это пьянило, однако было опасно – Прим почувствовала, что теряет равновесие, и торопливо отвела взгляд.

Маб начала летать петлями примерно на середине высоты между ними и хаосом. Поверхность эта была не равномерная, а в пятнах, которые то возникали, то пропадали. Иногда они были большие и медленные, как будто что-то протискивается с глубины, иногда мелькали так быстро, что глаз не успевал за ними уследить. Иногда Прим казалось, будто она вот-вот различит, что там такое, – ощущение, как если чешется в носу, а чихнуть не получается или мучительно вспоминаешь слово, которое вертится на языке. Маб, по-видимому, тоже высматривала в пятнах что-то осмысленное. Возможно, она, в

отличие от Прим, умела собирать разбросанные клочки видений в единый образ.

Что-то ворочалось в хаосе. Маб пролетела по кругу, затем взмыла вертикально до уровня карниза и вспыхнула так ярко, что озарила всю пещеру.

– За мной! – крикнула она, перевернулась вниз головой и нырнула в хаос.

Корвус толкнул Прим, она упала на Кверк, а та – на Марда. Мард, у которого работала только одна рука, не удержался, и они рухнули в хаос.

Где-то в хаосе низ стал верхом, и падали они не быстрее и быстрее, а медленнее и медленнее. Под ними мелькал заснеженный склон с торчащими из него камнями. Прим выставила руки. Склон летел на нее. Она заскользила, ушла в снег и остановилась, ничего себе не сломав, а когда попробовала встать, то ухнула по пояс.

В небе ярко светила луна. Еще более яркий свет пронесся мимо Прим туда, откуда они упали. Маб подлетела к реке хаоса в ущелье чуть ниже их. С минуту она носилась туда-сюда над самой поверхностью, затем нырнула.

Неподалеку раздавались звуки, будто кто-то давится и рыгает. Прим уже знала – так бывает, когда Корвус вновь принимает воронье обличье. Здесь для птицы было приволье – горный склон, половина неба чистая, другая половина – каменная. Под ними, на дне глубокого ущелья, – хаос. Противоположный берег ущелья являл собой увенчанный ледником отвесный обрыв. Дальше и ниже начинался хвойный лес.

Прим сопоставила увиденное с картой, как ее помнила. Обрыв на дальней, северной стороне ущелья – Пропасть. За Пропастью – местность, по которой Изменчивая тропа вьется меж скал и трещин, охраняемых молниевыми медведями.

Они проскочили значительный отрезок пути. Им не придется пересекать Бездну – они только что оставили ее позади и достигли Узла. Стояли на нем. До Твердыни отсюда рукой подать.

Из Бездны вылетели четыре темные фигуры и покатились по склону к ней. Эдду выбросило дальше всех, и она пропахала в снегу глубокую колею, прежде чем все-таки остановилась на расстоянии полета стрелы выше по склону. Великанша смеялась. Смех ее был музыкой, колокольчиками, птичьими трелями. Она уже вскочила на ноги. Еще выше по склону снег лежал реже, а вскоре и вовсе заканчивался, уступая место голым камням, и немудрено – над ним нависала, закрывая полнеба, исполинская скала. Прим читала про это место, однако на картах его не

видела, поскольку оно не поддавалось изображению. Барды сравнивали его с узлом из толстых веревок или со складками на одеяле, но размером с целые горные хребты.

Путники начали подъем. Идти было очень трудно, что в каком-то смысле оказалось даже к лучшему – усилия не давали замерзнуть на здешнем лютом морозе. Поначалу Прим казалось, что она барахтается в глубоком снегу, почти не продвигаясь вперед, но постепенно идти стало легче, и скоро она уже присоединилась к товарищам, сгрудившимся для тепла на голой каменистой земле. Все они смотрели в одну сторону: вниз по склону, туда, откуда пришли. Так что Прим, как только добралась до остальных и убедилась, что надежно стоит на крутом склоне, повернулась и глянула в ту же сторону.

Довольно скоро она отыскала глазами то, на что смотрели другие, – в сиянии луны над искрящимся снегом оно серебристой дугой вырисовывалось средь каменных глыб и провалов.

– Разрушенный мост! – воскликнула она. – Вот уж не думала когда-нибудь его увидеть!

Отсюда была хорошо видна часть моста на дальней стороне ущелья. Над пропастью высился могучий устой, арка прижималась к пропасти и заканчивалась над бездной небольшой башенкой – воротами в никуда. По другую сторону пролома должна была стоять такая же. Прим могла достроить мост по памяти и сообразить, где противоположный устой, однако увидеть его не давали изгибы и складки Узла. Дотуда было мили две.

В ту сторону они и пошли; по крайней мере, так казалось вначале. Однако Корвус направлял их каким-то образом, неочевидным для землетопов. Все понимали, что обычные правила попадания из одной точки в другую здесь не действуют. По счастью, они углублялись в Узел, где ветер был слабее, а воздух – не такой морозный.

Так они вышли к Кубу.

Он стоял у маленького горного отрога, укрытый от непогоды. Не зная, что он здесь, его было не найти. Отсюда возникал вопрос, откуда Корвус знал про Куб.

Зато не было вопросов, как это называть. Куб, безусловно, был кубом – длиной, шириной и высотой примерно в два размаха Бурровых рук. Состоял он из адаманта – вещества, на которое почти все они вдоволь насмотрелись под Взбросом. Однако для Бурра оно было в новинку. Он провел рукой по ближней грани и по ребру, затем с ругательством отступил и показал окровавленный палец. Ребро было такое острое, что он порезался.

Так что это, без сомнений, был Куб. Однако Прим никогда не

слышала о Кубе. Она глянула на Кверк, но та лишь мотнула головой и развела руками.

Эдда наверняка знает про Куб! Все посмотрели на великаншу.

– Корвус, – сказала она, – ты меня озадачил. Что это? Помимо того, что адамантовый куб, неизвестно зачем стоящий в Узле.

– Доказательство, – ответил Корвус (он, разумеется, сидел на Кубе), – реальности иного уровня бытия, о котором я неоднократно говорил прежде. – И, поскольку не мог удержаться и не подчеркнуть свою правоту, добавил: – Да, я видел, как вы заводили глаза, когда я говорил об ином уровне бытия. Знаю, вы считаете…

– Мы вовсе не считаем тебя безумцем, – возразила Прим. – Просто иной уровень бытия не более чем сказочки, если не можешь предъявить… э…

– Доказательство, – сказал Корвус. – Смотрите.

– Не вижу тут доказательства, – вмешался Лин. – Я бы сказал, это нечто, поставленное Плутоном для забавы.

Прим ждала, что Корвус ответит резко и обидно, но он только по-вороньи пожал плечами.

– Справедливо, – сказал он. – Впрочем, когда Кверк расплавит адамант и явит то, что внутри, ты запоешь по-иному.

– Ты с самого начала знал, что он тут дожидается, – сообразила Прим.

Кверк тем временем закрывала лицо руками и в отчаянии трясла головой.

– Его поместила тут в давние времена сущность из иного уровня бытия. Спрятала, чтобы нашел лишь точно знающий, где искать. Запечатала так, что вскрыть его может лишь литопласт под руководством бестелесного существа.

– Я могу разрезать его мечом, – с легкой обидой проговорил Бурр.

Он глянул на Кверк, которой по-прежнему не хватало уверенности в себе. Лин обнял девушку за плечи и что-то зашептал ей на ухо – надо полагать, какие-то ободряющие слова.

– Возможно, до этого дойдет, – сказал Корвус. – Но я не хочу повредить то, что внутри.

– Дело не в знании и умении, – объяснила Кверк. – Просто для этого кое-что нужно.

– А не могла бы ты назвать, что именно? – вежливо спросил Мард.

– Ну, если начинать с самого начала, первым, по словам Лома, был хаос. Когда он начал принимать формы, воплощающие мысль, то стал тем, что мы называем аурой.

Мард отбросил край плаща и поглядел на свою левую руку.

– Значит, аура – это хаос, но…

– Хаос, несущий в себе закономерность, – ответила Кверк. – Как волна, которая есть вода плюс *что-то*: она остается собой, даже распространяясь по тому, из чего состоит.

– Так как же аура становится формой? – спросил Мард.

Для него это был очень личный вопрос.

Прим, не желая пялиться на его руку, отвела взгляд, а в итоге увидела Маб. А кто такая Маб, если не концентрированная аура? Словно в подтверждение этой мысли, фея пролетела сквозь куб и мгновение спустя выпорхнула с другой стороны.

– Первым твердым веществом стал адамант, – продолжала Кверк. – Он кажется противоположностью хаосу, однако на самом деле это лишь стабильная конфигурация хаоса. Ждод обнаружил его в самом начале и создал из него Землю. И покуда Земля, а позже и Небосвод оставались не более чем адамантом, их форму можно было менять.

– Посредством литопластики. Понимаю. – Мард не стал говорить вслух, что на самом деле спрашивал, как ему вернуть руку.

Здоровой рукой он закатал рукав намного выше локтя. Стало видно, что аура распространилась далеко за рану от Элошлемова клинка, почти до самого плеча.

Кверк вздохнула:

– Это старая магия, ее не практикуют с Первой эпохи. Лом ею владел. Мы, нынешние, по большей части заключены в неизменных формах, ограниченных нашей кожей. В Древние времена формы были пластичнее, и аура могла выходить за пределы тела.

– Я видела такое у высших автохтонов во Второэле, – сказала Прим.

– Лом тоже так умел, – добавил Лин. – Мы видели под Взбросом, как аура высовывалась у него из головы.

– Я, увы, не умею, – сказала Кверк. – Здесь, наверное, может помочь Мард. Но прежде другое. У Лома в ящике для образцов были кусочки хаоса – он добывал их в разных местах вроде Бездны, которую мы только что пересекли.

– Я тут все равно ни за чем другим не нужен, – вызвался Лин.

– Я тоже, – подхватила Хвощ. – Мы можем пойти на край Бездны, если Маб нас поведет.

– Поведу я, – сказал Корвус. Он повернул клюв, наблюдая глазами-бусинками, как фея порхает через Куб. – Маб нужнее здесь.

Короткими, медленными движениями слепящего меча Бурр

отрезал один из верхних углов Куба – Маб пролетела через него и сказала, что там ничего нет. Бурр острием меча сделал на поверхности углубление величиной с орех, затем повторил то же с другим углом. Из двух соединенных углов получилось грубое подобие резной адамантовой коробочки, какая была у Лома. Остальные поделились с Лином и Хвощ теплой одеждой, и те, взяв самодельный ящичек, двинулись за Корвусом. Бурр начал отрезать с одной стороны Куба еще куски адаманта, где показывала Маб.

По другую сторону Куба, где свет ангельского меча не так слепил глаза, Кверк долго разговаривала с Мардом, припоминая то, чему научилась у Лома. Мард на пробу сунул в Куб нематериальную руку. То, что она проходила сквозь твердые предметы, было серьезной помехой при попытке застегнуть плащ или смягчить падение, но здесь и сейчас это позволяло Марду творить то, что за неимением лучшего термина можно назвать магией.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – спрашивала Кверк.

Мард уверял, что ничего не чувствует, руки как будто нет.

– Но ты ведь можешь ее сжимать и разжимать? – спросила Кверк.

Мард вытащил руку из камня, сжал в кулак, потом вновь развел пальцы.

– Но ощущений все равно никаких, – сказал он. – Только покалывание.

– Покалывание – тоже ощущение, – заметила Кверк.

Прошло несколько часов. Прим делать было нечего. Она отыскала место между камнями, свернулась клубочком и с головой накрылась плащом, чтобы меч Бурра меньше слепил глаза. Он вспыхивал непредсказуемо. Эдда подняла Бурра на Куб, и тот отрезал кусочки адаманта под руководством Маб, которая, судя по всему, очень четко понимала, где это безопасно, а где – нет. Время от времени отсеченный кусок адаманта со звоном падал на камни. Прим каждый раз вздрагивала.

В какой-то момент она, видимо, все-таки заснула, потому что проснулась с ощущением, что ее разбудил глухой удар, прокатившийся по Узлу – она ощутила его всем телом. Удар не сопровождался звоном падающего адаманта со стороны Куба. Это было что-то очень большое, гораздо дальше. Вчера Прим решила бы, что это молния, тем более что они по-прежнему находились в Грозовье, созданном нарочно для защиты этого места. Однако Прим не слышала раскатов грома. Она высунула голову из-под плаща и сощурилась на свет в морозном воздухе. Остальные по-прежнему занимались той же работой. Бурр срезал верхнюю часть

Куба по краям и теперь стоял, как на узком пирамидальном пьедестале. Основание Куба исчезло за грудой обломков. Прим закрыла ладонью глаза и некоторое время лежала тихо, прижимаясь всем телом к камням Узла. И вновь они содрогнулись. Прим убрала ладонь, подняла голову и глянула на остальных. Они вроде бы ничего не заметили. Бурр и Маб сосредоточенно занимались своей работой, Кверк и Мард – своей.

Где Эдда? Прим встала (мышцы сразу заныли от лежания на жестких камнях) и увидела, что великанша сидит поодаль на плоском валуне. Она чуть нагнулась вбок и смотрела в камень, будто в окно, приложив к нему ладонь, словно мать, слушающая сердцебиения ребенка.

Значит, Прим не померещилось. Однако по-прежнему было непонятно, что сотрясает основания Узла.

Естественно было бы обсудить это с Эддой, однако не успела Прим дойти до великанши, как раздались приближающиеся голоса, среди которых различался хриплый тембр огромного говорящего ворона. Корвус показался первым, за ним следовали Лин и Хвощ. Лин нес что-то тяжелое, завернутое в одежду.

– Проще, чем мы думали, – объявил он, опускаясь на одно колено и ставя свою ношу рядом с тем, что два часа назад было кубом. Потом начал аккуратно ее разворачивать.

– Мы нашли лестницу, – пояснила Хвощ. – Видимо, какой-то литопласт сделал ее для спуска в Бездну. Она ведет до того самого места, где Земля сменяется хаосом.

Лин развернул свой сверток, явив взглядам два куска адаманта, которые Бурр раньше отрезал от Куба. Они были плотно прижаты один к другому, но, когда Лин сдвинул верхний, все увидели внутри хаос.

– Зачерпнул, как воду ложкой, – объяснил Лин, передавая образец Кверк.

Прим подошла к нему и Хвощ – после общего приключения они держались как закадычные друзья – и спросила:

– А вы не видели, как что-нибудь большое шевелится – может быть, только начинает шевелиться – в Бездне? Или, может быть, услышали или почувствовали?

– Ты видела хаос, – ответил Лин. – Когда это он не двигался?

– Я не про обычное клокотание, а про что-то определенное. Осмысленное, – объяснила Прим.

– Нет, – сказала Лин, и по лицу было видно, что он говорит искренне.

Прим перевела взгляд на Хвощ:

– Я спрашиваю о чем-то очень большом. Как то, что сгубило твоих родных в южном океане.

Хвощ застыла. Прим случалось видеть, как люди так замирают перед вспышкой гнева. Однако Хвощ не вспыхнула.

– Понимаю, – проговорила она, сглотнув. – Ты хочешь сказать, оно могло быть таким большим, что мы его не заметили.

– Что-то такое, да.

Хвощ теперь смотрела в никуда. Лин, то ли заскучав, то ли смутившись, побрел к Марду и Кверк. Эдда подняла их обоих на вершину того, что прежде было кубом, а теперь под мечом Бурра превращалось в неровный обелиск.

– Я поняла твой вопрос, – сказала Хвощ, но больше ничего не добавила.

Хаос обладал свойством заражать и разрушать адамант и другие твердые тела. Обычно адамант устойчив к хаосу; для того-то Ждод его и сотворил – дабы создать нечто постоянное в океане хаоса. Однако Ждод был тогда бесформенной клубящейся аурой. То, что он создавал, было возможно рассоздать. Душа способна воздействовать на хаос своей волей, понуждая его заражать адамант и не только адамант. Если эта душа воплощена в материальной форме, то хаос заразит и ее. Вот почему Лом, приступая к таким задачам, держал хаос аурой, не рукой и не материальным орудием.

Уничтожать в тысячи раз легче, чем строить. Новичку Марду едва ли удалось бы превратить хаос в адамант, а уж тем более во что-нибудь более сложное. А вот плавить адамант хаосом он научился довольно быстро.

В следующие часы Мард и Кверк, вооруженные ее знанием и его аурой, плавили адамант. Начали они с образца хаоса, который добыли им Лин и Хвощ, и Маб показывала, какие оставшиеся части куба можно удалять. Адамант превращался в хаос и рассеивался, как дым; это выглядело так, будто глыба льда тает на солнце.

Из тающего адаманта проступало что-то железное. Сперва появилось нечто вроде рукояти, украшенное резными символами. Прим они напомнили убранство Элохрама. Рукоять венчала длинный, вертикально стоящий стержень, толщиной примерно с Буррову ляжку. Ниже какого-то уровня стержень расширялся и усложнялся, превращаясь в замысловатое узорочье. Оставалось только радоваться, что Бурр не орудовал здесь мечом. Самые искусные мастера из далеких Кишемов, работая самыми тонкими резцами, не освободили бы из адаманта такое кружево, не повредив его элементов, из которых иные были не толще волоса.

– Это очевидно ключ, – сказала Эдда Корвусу, наблюдая за работой. – И значит, должен что-то открывать. Ты привел меня

сюда, потому что, кроме меня, никому такую тяжесть не поднять. До сих пор все понятно. Однако всем сведущим людям известно, что Эл уничтожил ключ к Твердыне. Как недавно указал Лин, поступить иначе было бы чистейшим безумием. С первого взгляда видно, что изготовить копию настолько сложного ключа невозможно. Что-то в этом выходит за пределы моего понимания. Я, что родилась в Стане от Евы, видела, как Каирн убил Элова Гонца, впитала в себя ангельское вещество и за долгую жизнь побывала во всех концах Земли, не могу понять, что здесь происходит.

– Я сам дивлюсь и не могу дать определенных ответов, – сказал Корвус. – Однако я знал о Кубе и ключе дольше тебя, так что и времени поразмыслить о них у меня было чуть больше. Допустим, иной уровень бытия реален и предшествовал нашему – то есть Земля родилась от него, как ты родилась от Евы. Отсюда следует, что иной уровень бытия обладает творческой силой, что неким образом объясняет возникновение Земли и лежит в основе ведомой нам реальности. Более того, этот уровень тоже населен душами, которые знают о нас и время от времени по непостижимым для нас причинам решают внести в Землю изменения, но так, чтобы не нарушить ее логическую связность. Если принять эти допущения, почему не предположить, что кто-то мог воссоздать предмет, некогда созданный, а затем полностью уничтоженный Элом? Не души нашего мира, а кто-то на ином уровне бытия, управляющий силами природы, для нас неведомыми? Только так я могу объяснить существование ключа. И более того, я уверен, что пришел из того уровня бытия, дабы ключ, который мы видим, повернулся в замке Твердыни.

В какой-то миг ключ просто выпал из остатков куба – Кверк и Мард еле успели отпрыгнуть. Кое-где в углублениях еще оставался адамант, но его Мард, уже освоившийся с работой, растопил без труда. Эдда подошла, взялась за стержень двумя руками и на пробу попыталась его поднять. По просьбе Марда она перевернула ключ, чтобы тому выплавить оставшиеся куски адаманта. Еще несколько кусков прилипли к декоративной головке, где они, вероятно, ничего не меняли, однако часть, которая должна входить в замок, была с виду полностью очищена. Ничего затейливее они в жизни не видели – это были как будто сотни лабиринтов, составленных из кованых железных лабиринтов поменьше. Самые тонкие и сложные части защищал футляр из более плотного металла, поэтому, когда ключ упал, ничто важное не повредилось. Футляр служил бы своей цели, даже будь он цилиндрический или квадратный в сечении, но, разумеется, он был снабжен бесчисленными бороздками и

выступами, то есть вставлялся в скважину одним-единственным способом.

Маб несколько раз пролетела через ключ, осматривая изгибы столь сложные, что в них никто не смог бы заглянуть, и показала Марду, куда ему дотянуться ауральной рукой и расплавить последние прилипшие кусочки адаманта. Когда она объявила, что работа закончена, Мард и Кверк отошли подальше, а Эдда присела, ухватилась за стержень и забросила ключ на плечо.

Впервые за время знакомства с великаншей Прим увидела на ее лице испуг. Эдда чувствовала то же, что обычная душа, взвалившая на плечи непосильную тяжесть.

– Идем, ворон, – сказала она. – Я ощущаю подошвами ног движение того, чего нам лучше избежать.

Они шли примерно час. Не потому, что расстояние было так велико, а потому, что Эдде приходилось ступать с большой осторожностью. Иногда она делала значительный крюк, выбирая более надежную дорогу.

Задул ветер – они выходили из-под укрытия нависающей части Узла на более открытое место. Все видели, что Эдда изнемогает под своим бременем, и каждому хотелось ей помочь, как любой помог бы матери, несущей тяжелое бревно по каменистому склону. Однако их жалость и забота были сейчас бесполезны – всякий, кто попытался бы помочь великанше, только напрасно путался бы у нее под ногами, да еще и с риском получить тяжелое увечье. Так что они забегали вперед, ища, где можно срезать, а где, наоборот, склон осыпается и его лучше обойти.

Во время одной такой вылазки Прим выбралась на высокий бугор, где в лицо ударил ледяной ветер, и увидела внизу весь Разрушенный мост целиком. И не только мост, но и открытое место перед ним. Согласно карте, оно звалось «урочище Наковальни», а прежде, по древнейшим легендам, было Парадным двором Твердыни. Оно мало-помалу проступало в свете неба на востоке, где звезды уже растаяли и занимался новый день. Прим повернулась к западу, увидела Алую Паутину, отстоящую от горизонта на толщину волоса, и подумала, смотрит ли на нее оттуда Пантеон.

Она могла бы натянуть лук, прицелиться к северу, пустить стрелу, и та, описав дугу, упала бы в том месте, где мост упирался в Узел. Оттуда он тянулся через Бездну к ближайшей из двух сторожевых башенок. Вторая башенка – та, которую Прим видела прежде, – стояла на противоположном краю пролома, откуда другая половина моста вела к леднику, вспыхивающему далекими зарницами, словно вся ярость Грозовья рушилась разом

в одну точку. Всполохи ослепили Прим и заставили перевести взгляд на то, что ближе.

– Сюда! – крикнула она товарищам. – Только вам придется искать обход.

Там, где взобралась сама Прим, Эдда бы не прошла.

Бездна не была прямой, как ров; она изгибалась и ветвилась, как горное ущелье. Неподалеку от ближнего устоя Разрушенного моста от нее отходила расселина, вьющаяся в сторону Узла. Дорога вдоль расселины часто поворачивала, но в целом пересекала Наковальню в направлении с севера на юг. Начало ее было занесено снегом, но дальше она проходила через древний каменный вал и ныряла под нависающий хребет. В таком холоде ничего не росло, так что дорога петляла не среди зелени, а среди шлаковых куч, ржавых сломанных вагонеток, недокованных звеньев цепи и угольных куч рядом с горнами, остывшими эоны назад. Эловы легионы не сочли нужным прибрать за собой по завершении трудов. Огромная треугольная пластина, выкованная как часть купола, была просто прислонена к обрыву, как будто некий великан поставил ее остужаться, а потом забыл. Чуть дальше и дорога, и боковое ответвление Бездны пропадали из виду. Прим отошла немного в сторону и увидела то, чему урочище было обязано своим названием, – огромный, выровненный сверху утес. Эл сам вырубил его из скалы и сгладил сверху, чтобы сделать наковальню, на которой кузнецы-великаны ковали железо. Рядом лежали исполинские молот и клещи под стать самой наковальне.

Прим немного разочаровало, что отсюда не видно Твердыню. Однако то, что она увидела, подсказывало – дотуда уже недалеко. Осталось только пересечь урочище.

Она могла бы сбежать туда за несколько мгновений. На то, чтобы найти, где сможет пройти Эдда, времени ушло бы много больше. Прим повернула голову и увидела, что Лин, Мард, Хвощ и Кверк в свете Маб проверяют возможные пути. Она знала, что Бурр должен быть либо впереди, либо позади всех – там, где, по его оценке, опасность больше. И действительно, Прим скоро отыскала его глазами: он перебирался через каменный вал, призрачный в свете занимающегося утра, и скоро должен был добраться до моста. Тем временем Прим ощущала каждый шаг Эдды; великанше предстояло повернуть направо к Твердыне в том месте, где Бурр свернул налево к мосту.

Однако Прим ощущала и другие, более глубокие толчки, подобные тому, что разбудили ее раньше. Они начались, когда Лин и Хвощ спустились в Бездну и зачерпнули хаоса. С тех пор они раздавались через неравные промежутки времени. Однако

теперь произошло сразу несколько толчков в быстрой последовательности, так что со склона покатились свободно лежащие камни.

Кто-то огромный двигался внизу. Это могла быть только какая-нибудь дикая первобытная душа.

Нечто похожее на абордажный крюк высунулось из бездны и уцепилось за мост у самого устоя. Последовала новая череда толчков, и Безднир – это мог быть только он – ухватился за край обрыва второй когтистой лапищей. Показалась голова, затем плечи, затем весь исполин разом поднялся из бездны – должно быть, толкнулся ногой от опорной арки моста и запрыгнул наверх. Сперва одно колено, затем второе с громовым раскатом опустилось на заснеженные камни у края Бездны. Великан стоял на четвереньках. В следующий миг он приподнялся и встал во весь рост.

Прим в жизни не видела холма-великана, если не считать того, что, по легенде, спал под домом Калладонов. Она читала о Безднире в книгах, разглядывала его на картинках и знала, что он создан по тому же образцу. Быть может, обезумевшая Весна нашла одного из тех великанов, кого Эл поработил и приставил к наковальне. И впрямь, Безднир одним махом перешагнул каменный вал и бесцельно заходил между потухшими горнами, затем тронул когтем гладкую поверхность исполинской наковальни.

Однако холмы-великаны сложены из обычных камней, скрепленных землей. Переставая двигаться, они за несколько лет покрываются почвой, а на ней вырастают трава, цветы и деревья. Если Безднир был изначально таким, то его растительность либо сгорела от пламени горнов, когда он работал на Эла, либо погибла от здешних морозов, когда ему дали свободу. Когда Эл разрушил мост, забытый здесь великан, вероятно, являл собой обледенелую груду валунов, сцементированных песком и глиной.

Скорее всего, он бесцельно и одиноко бродил по урочищу Наковальни, где и нашла его Весна. За последующие века он полностью себя перестроил; место валунов заняли адамантовые глыбы, подогнанные под свое назначение – длинные для рук и ног, скопления булыжников для суставов. Связующим веществом служила не земля, а хаос. Прим отчего-то вспомнила, как Эдда месила тесто и оно продавливалось между ее сильными пальцами. Примерно то же происходило с хаосом, когда на него давил адамантовый костяк Безднира: казалось, сейчас хаос вылезет совсем и улетучится, однако он втягивался обратно, доказывая, что им управляет живая душа.

Еще одна особенность холмов-великанов – у них нет четко

выраженной головы, во всяком случае такой, которая поворачивается на шее и снабжена лицом. Однако Безднир устроил себя иначе. Из его плеч бил как бы неиссякаемый родник адамантового щебня, движимый клокочущей аурой, которая лишь изредка проглядывала за лавиной черных камней. Вблизи это выглядело как кружение осенних листьев на ветру, только ветер был душой, а листья – кусками первобытного камня. Но если оторвать взгляд – что требовало некоторого усилия воли, – и смотреть вскользь на общие очертания, это походило на голову.

А значит, Безднир мог ее поворачивать и смотреть в разные стороны. В первые мгновения он смотрел лишь на место своих давних трудов. Затем его взгляд – как и взгляд Прим – обратился к вспыхнувшему белому сиянию.

Бурр обнажил меч.

Безднир это видел. Что-то в движениях великана подсказывало: тот знает слепящий меч, ненавидит его и боится. Наверное, ангелы погоняли таким Безднира, как ульдармы погоняют животных палками и бичами.

– Бурр, не надо! – закричала Прим.

Она уже бежала к нему – наперерез размеренно шагающей Эдде. Нетрудно было угадать, что задумал Бурр: отманить великана назад к мосту, отвлечь его, чтобы остальной отряд добрался до Твердыни.

– Назад, принцесса! – крикнул Бурр.

Прим действительно сбавила шаг, потому что ангельский свет слепил глаза и она не видела, куда ставить ногу.

– Это задача для меня! – продолжал Бурр.

– Нет, для меня! Теперь я понимаю: для того-то меня и взяли в Подвиг.

Она глянула из-под ладони, высматривая Корвуса. Корвус знал, что так будет. Знал он и то, что лишь Прим может убить Безднира. Корвус велит Бурру убрать меч в ножны. Однако Прим не видела огромного говорящего ворона. Только Безднира. Ненависть взяла в нем верх над страхом, и он надвигался на Бурра, не спуская с того глаз.

Эдда вышла на открытое пространство. Лин показывал ей путь и отбрасывал с дороги камни. Безднир то ли не видел ее, то ли она его не занимала. Бурр побежал вбок, потрясая мечом, чтобы отвлечь великана от Эдды. Та казалась старой и согбенной под своим бременем, но как-то нашла в себе силы прибавить шаг.

Прим, немного успокоенная, побежала к Бурру. Пусть даже она не убедит его отказаться от своей безумной затеи, она сможет убить Безднира, как только тот окажется близко. Для этого надо было добраться туда, где размахивал мечом Бурр.

– У тебя получилось! – крикнула она, подбегая ближе. – Они уже почти прошли! Но тебе не надо с ним сражаться! Беги!

– Оглянись. За нами пропасть. Мост разрушен. Что остается, кроме как принять бой?

– Ты прекрасно знаешь.

– О нет, принцесса! Не делай этого!

– Почему, Бурр?

– Он – единственный, кто может остановить нашего преследователя!

И Бурр – который обычно встречал врага лицом к лицу – на миг повернулся к Безднiру спиной и указал мечом на другую сторону провала.

– Берегись! – закричала Прим.

Бурр, не оборачиваясь, стремительным движением упал вбок и тут же вскочил. На том месте, где он стоял мгновение назад, адамантовый коготь, кроша камень, зарылся глубоко в снег. Коготь был продолжением извивающейся змеи из адаманта и ауры, которая протянулась от самого Безднирова плеча. И Прим, и сам Бурр были уверены, что великану до воина не дотянуться; они не знали, что тот умеет выкидывать руку на расстояние в разы больше ее видимой длины. Коготь проскреб по снегу и втянулся обратно.

Покуда Безднир восстанавливал свою форму, Прим улучила момент взглянуть туда, куда указал Бурр. Когда она последний раз смотрела на ледник, то видела лишь молнии, странным образом бьющие в одно место, как если бы туда зачем-то сошлись все молниевые медведи Области Бурь. Теперь же там был лишь одинокий путник. Он шел по дороге к Разрушенному мосту. Путник был бос и одет в белую хламиду. Обликом он напоминал ангела, только без крыльев. Высоко над ним, словно ворона, досаждающая орлу, кружил Корвус.

Судя по всему, эта бескрылая душа преследовала участников Подвига через всю Область Бурь. Вместо того чтобы пройти, как они, через пещеру, он прошагал босиком по Изменчивой тропе через ледник. Немудрено, что молниевые медведи так ярились. Однако они его не остановили.

И вновь Безднир выбросил руку, и вновь Бурр упал и перекатился, спасаясь от стремительного когтя.

– Сложите песню о том, как я сражался! – крикнул он, вскакивая.

Затем он нагнулся вперед и побежал на великана – вероятно, в надежде атаковать его ноги, пока тот не до конца себя восстановил.

– Нет! – закричала Прим и побежала в ту же сторону.

Великан нанес следующий удар раньше, чем можно было ожидать, но Бурр юркнул за груду каменных плит и, почти не замедлившись, продолжил наступление. Прим не могла угнаться за воином, однако думала, что подобралась уже достаточно близко. Она устремила взгляд на каменный вихрь, служивший Бездниру головой…

…и обнаружила, что катится по склону, а рот у нее забит снегом. Что-то сбило ее с ног. Не Безднир, иначе она была бы уже мертва. Она перекатилась на спину и увидела кружащего Корвуса.

– Не делай этого, – сказал он. – Только Безднир может выгадать для нас время. Весна создала его именно для того, что будет сейчас, и долгие века он копил силы в глубине, готовясь к этому дню. Не пытайся лишить его уготованной участи.

Сверкнул ангельский меч. Прим уже встала и посмотрела в сторону Безднира. Бурр подобрался так близко, что смог рубануть его по щиколотке. До колена ему было уже не дотянуться. Воин успел нанести несколько ударов, однако меч лишь откалывал мелкие куски от глыб, служивших великану ногами. Занятый тем, чтобы увернуться от исполинских ступней, Бурр не видел, что надвигается сверху. Колоссальная лапища с размаху зашвырнула его в воздух. Где-то в середине полета меч выпал из безвольной руки и вонзился в промерзшую землю. Все вокруг погрузилось во тьму. Бурр упал на склон и некоторое время кубарем катился по снегу. Это отчасти напоминало движения живой души, но когда он остановился, то остановился навсегда.

– Никто бы не пережил такого удара, – сказал Корвус. – Бурр исполнил свой долг. А ты исполняй свой – ступай вслед за остальными!

Безднир повернул голову и с любопытством взглянул на Прим. Она бегом припустила прочь от моста. Великан сделал шаг, быть может, думая преградить ей путь, однако Корвус захлопал крыльями перед его лицом, и Прим успела спрятаться за вагонеткой, которая была побольше иного дома. Отсюда она разглядела неподалеку еще одно укрытие – груду угля рядом с горном, а дальше второе и третье, и так, короткими перебежками, быстро увеличила расстояние между собой и великаном.

В тени каменной наковальни Прим рискнула обернуться и увидела, что опасность миновала. Безднир стоял к ней спиной, глядя на север, в сторону моста.

Любопытство взяло верх над осторожностью. Прим взбежала по грубым каменным ступеням на плоскую поверхность наковальни и огляделась. Первым делом она посмотрела на юг, думая только отыскать глазами товарищей. Их она нашла быстро, но затем скользнула взглядом по дороге, уходящей под

нависающую часть Узла. И ей предстало то, от чего нельзя было так сразу отвернуться.

Прим отчего-то думала, что Твердыня будет гораздо дальше, в самой глубине Узла. Но она была прямо здесь, перед ней. Прим повела глазами вправо-влево и вскоре сообразила, как сходятся четыре становых хребта Земли, каждый из своих горных пород, как они сплетаются в Узел и почему его нельзя распутать, не развалив всю Землю. Подняв взгляд к Нависающей скале, она увидела, что снег и отдельные камни лежат, не падая, у нее над головой, хотя, по идее, должны бы сорваться вниз. Она чувствовала, что, если бы остальные участники Подвига подошли к Твердыне с другой стороны, они сейчас смотрели бы «вверх» и дивились, отчего Прим не падает с наковальни.

Но если подходить с севера, как они, то Твердыня стояла как и положено замку – башнями вверх – и дорога вела прямо ко входу. Ни рва, ни крепостных стен, как у некоторых замков на Земле, тут не было – Твердыню надежно защищало Грозовье и все те трудности, что отряд преодолел за последние несколько дней. Стены черного камня отвесно вздымались на огромную высоту, ибо Ждод воздвиг ее мощью своей души, как и остальную Землю, не сдерживая себя обычными ограничениями: где добывать камни и на какую высоту их можно громоздить. По легенде, он сделал это, дабы убедиться, что не утратил способность творить силой мысли, по крайней мере, когда другие души на него не смотрят. Так что бастионы и башни в целом повторяли более практичные оборонительные сооружения, но были причудливее и фантастичнее, потому что Ждоду так захотелось. Фасад он сделал симметричным, возможно, чтобы оттолкнуть любопытных посетителей, но дальше начал экспериментировать с высокими башенками и эркерами. Многие и сейчас были соединены со скальной породой Узла, обрамляющего все сооружение. Дорога вела к центральным воротам, а боковое ответвление Бездны уходило под них.

Впрочем, это Прим лишь угадывала или восстанавливала по памяти. Ибо, как пела Плетея, вся Твердыня была накрыта куполом из склепанных между собой изогнутых железных пластин, грубых, как те боевые шлемы, что кузнецы-ульдармы куют для ульдармов-воинов. От обода отходили железные полосы и цепи, скованные между собой и с железными плитами на окнах и дверях. Издали это напомнило Прим воз, который хозяин нагрузил всевозможным добром и обмотал веревками вдоль и поперек, завязывая узлы где попало, пропуская одну веревку под другой и натягивая изо всех сил, без всякой заботы о красоте – лишь бы держало надежно. Возникала даже мысль, что вся эта

грубость – сознательная насмешка над красотой заключенного внутри.

Наковальня под ногами содрогнулась. Прим глянула в другую сторону. Безднир повернулся и шел к ней! Однако, пока она стояла, парализованная ужасом, великан шагнул к огромной железной пластине, которую Прим заметила раньше. Она думала, это деталь купола, по каким-то давно забытым причинам не пошедшая в дело. Может, так оно и было, но Безднир собирался пустить пластину в ход. Он подцепил ее когтями и повернул вогнутой стороной к себе. Там, как ремень у щита, была приклепана цепь. Великан забросил пластину на плечо.

Пока это происходило, Прим могла видеть мост. Путник в белой хламиде уже дошел до первой сторожевой башни, спокойно поднял руки, и мост начал расти перед ним. Путник двинулся вперед, ступая босыми ногами по настилу, которого не было мгновение назад. Опорная арка удлинялась с той же скоростью. Ближний обрубок моста заклубился хаосом, как рассеченная рука Марда, и потянулся через пролом к северу, навстречу другой половине.

Безднир поднял с земли звено цепи, валявшееся тут тысячелетиями. Оно было согнуто из железного стержня толщиной с туловище взрослого мужчины. Великан распрямился и метнул звено прямиком в Эла – ибо путником на мосту мог быть только сам Эл. Он увидел летящее звено и небрежным взмахом руки остановил его в воздухе. Оно рухнуло с лязгом, проломив мост, который Эл, впрочем, тут же восстановил, так что почти не замедлился. Безднир бросил другую железяку с тем же результатом: мост в целом продолжал расти. Пролом уменьшался. Эл шел вперед.

Уже совсем рассвело. Прим видела Корвуса – тот кружил над Бездниром и, видимо, давал советы. Каким-то образом он сумел достучаться до тупых великаньих мозгов, потому что Безднир оторвал взгляд от Эла и посмотрел прямо вверх. В следующее мгновение он вскинул щит, и как раз вовремя: с неба прямо ему на голову падала каменная глыба размером с дом. От звука, с которым она отскочила от железной плиты, у Прим заныло под ложечкой.

Прим подняла голову и увидела, что другая глыба падает прямо на *нее*. И не одна, а множество глыб сыпалось с Нависающей скалы. Эл каким-то заклинанием изменил там направление силы тяжести. Прим еле успела пробежать по наковальне и спрыгнуть под выступающую часть, как огромный валун разлетелся на куски там, где она стояла мгновение назад. Она скатилась по лестнице, тут же перевернулась на спину и

глянула вверх, ожидая новых камней. Стратегия Эла была ясна. Он знал, что ему противостоит Смерть, и должен был ее сдержать.

Раз так, ей не следовало приближаться к друзьям, чтобы не подвергать их опасности. Они поднимались по длинной лестнице к воротам Твердыни, где на цепях криво висел огромный замок, и уже преодолели б*ольшую* часть пути. Прим видела, как у замка кружит огонек, ныряя в замочную скважину и обратно. Лин тоже был там и взбирался по цепи, как паук по ниточке. Кверк и Мард уже добрались до замка. Мард запустил в него ауральную руку – наверное, вычищал скопившиеся за тысячелетия пыль и снег. Хвощ поднималась рядом с Эддой, медленно и мучительно преодолевавшей ступеньку за ступенькой. Прим догадывалась, что та ободряет Эдду, которая выглядела теперь древней старухой, согнутой под непомерным бременем. Хвощ ничем не могла ей помочь, кроме как восхвалять каждый ее шаг и уговаривать сделать следующий.

У моста шел поединок, и Прим жалела, что не видит его в подробностях и не сможет сложить о нем песню или рассказать о нем мастерице, которая изобразит это на ковре. Может быть, Эл сейчас полностью занят боем с Бездниром. Да почти наверняка! Возможности Эла не безграничны. Иначе почему бы он так страшился Ждода? Почему в Ждодово отсутствие не переделал Землю по своему вкусу?

И он боится Прим. Боится настолько, что уже попытался ее убить.

Знает ли Эл, что у них есть ключ от Твердыни? Ключ наверняка лежал в Кубе долгое время. Знай Эл про это, он бы его уничтожил. Они извлекли ключ на свет только сегодня утром, а Эл шел за ними через Область Бурь много дней. Значит, он здесь не из-за ключа.

Он здесь из-за *Софии*. Еще в самом начале Подвига Эл как-то узнал, что через Второэл будет проходить некая необычная особа, и сообщил об этом Элошлему. Смерть Элошлема и других подтвердила страхи либо подозрения Эла: София на Земле и знает о своей силе. Он сделал попытку настичь ее на Вопросе, но она исчезла. Эл, вероятно, знал о тоннелях хаоса, созданных Плутоном, и догадался, что она ушла одним из таких. Он отправился к Затерянному озеру и двинулся по их следам. Теперь он здесь и осыпает глыбами щит Безднира, идя по восстановленному мосту. Безднир одной лапищей держал над собой щит, а другую выбрасывал вперед, однако не мог проникнуть сквозь окружавшую Эла ауральную сферу.

На глазах у Прим его когтистая лапа замерла в воздухе и рухнула в Бездну, словно отрубленная. Великан довольно быстро

заменил ее валявшимися неподалеку клещами – вероятно, в свое время ими держали исполинский тигель. Но за это время Эл преодолел мост и достиг ближнего края Бездны. Прим хватило присутствия духа сообразить, что Эл, временно выведя противника из строя, вновь попытается убить ее. И она не ошиблась: несколько крупных глыб сорвались с Нависающей скалы у нее над головой. Впрочем, Прим их вовремя заметила и без труда увернулась.

Она больше тревожилась за товарищей на лестнице перед Твердыней. Они, занятые замком и ключом, скорее всего не знают, что Эл преодолел пропасть, и не смотрят вверх. Однако Эл и не рушил на них глыбы. Это подтверждало догадку, что Эл не знает о ключе. Наверное, он спрашивал себя, чего ради София с великими трудами отправилась в это место, где ее сила бесполезна, однако сейчас его занимало одно: как с ней покончить.

Так что Прим поднялась по лестнице на плоскую вершину наковальни, повернулась спиной к Твердыне и дошла до северного края, где Эл точно ее увидит. Она почти видела на себе его взгляд, когда Эл улучал мгновение средь схватки с Бездниром. Еще чуть-чуть, и она сможет посмотреть ему в глаза и убить его. Однако он знал ее силу и не приближался. Итак, она могла его сдержать, просто стоя здесь и оставаясь в живых. И тогда Эл не доберется до тех, кто, неведомо для него, приближается к Твердыне с ключом. Поэтому она стояла на месте, наблюдая за схваткой, готовая к новым попыткам Эла ее убить.

И он находил время для таких попыток. Несколько раз удары Безднира обращали его почти в бесформенную ауру, но он всякий раз восстанавливался до того, как враг успевал атаковать снова. Бездниру на это требовалось больше времени, зато у него был неограниченный запас того, из чего он состоял: хаоса и камней. В какой-то момент исполинская глыба расплющила великана на самом краю бездны, рядом с мостом, и Прим испугалась, что он соскользнет в хаос. Но вместо этого хаос поднялся к нему и восполнил утраченные части, а глыба, придавившая Безднира, приросла к его спине, добавив ему крепости. Так эти двое сражались, и Прим не решалась перебежать на другой конец наковальни и глянуть, как дела у Эдды. Однако она заметила стаю молниевых медведей на леднике. Они двигались к мосту, а среди них Прим различила нечто более темное. Сперва она решила, что это автохтон, поскольку он скакал на коне.

Однако автохтона медведи бы уничтожили. Они не атаковали, а сопровождали всадника. Или, вернее, всадницу.

Эл вроде бы тоже это заметил. Прим почти читала его мысли. Он не хотел сражаться с Бездниром между Смертью с одной стороны и неведомой всадницей на стремительном коне. Эл вырос многократно и обрушил на Безднира столько ударов с разных сторон, что тот рассыпался беспорядочной грудой валунов и хаоса. Почти вся она водопадом ссыпалась в ущелье. Прим чувствовала, что великан жив. Он вернется. Но за то время, когда он будет заново собираться из камней, Эл сможет заняться другими делами. Он быстро глянул на Софию, повернулся к мосту и взмахом руки обрушил его в Бездну.

Прим уже научилась смотреть вверх, когда у Эла появлялось время ее атаковать. Глянула она и сейчас, но ничего не увидела. Однако у нее закружилась голова, как иногда бывает, когда смотришь вверх, да так сильно, что она рухнула на колени. Прим ощутила боль в груди и попыталась схватиться за это место, но рука наткнулась на что-то твердое.

Прим глянула вниз. Ее грудь насквозь пронзила черная стрела. Эл наколдовал ее и выпустил в Прим за мгновение короткого взгляда. Древко было уже окутано аурой тающего вокруг тела.

Прим завалилась на бок. Из-под полуприкрытых век она видела, как всадница вылетела на мост и натянула поводья перед новым провалом. Сзади по леднику спускались молниевые медведи.

Некоторое время Прим казалось, что мир полностью состоит из шума. За последнее время она слышала много громких звуков, таких как оглушительные раскаты Грозовья или грохот поединка между Элом и Бездниром. Однако они были лишь шепотками в сравнении с тем, что раздавалось теперь со стороны Твердыни. Звуки были такие громкие, что и Эл, и всадница на краю провала, и медведи на леднике встрепенулись. До того как зрение Прим растворилось в хаосе, она успела увидеть изумленное лицо обернувшегося Эла. Оно было настолько обескураженное, что Прим повернула голову и проследила его взгляд. Оковы Твердыни пали, железный купол качался из стороны в сторону, как будто его стряхивают, вокруг сыпались цепи и петли. На вершине замка стоял кто-то, ростом почти с Безднира, но обычных человеческих очертаний.

По крайней мере, так казалось, пока он не расправил крылья.

Ждод сразу увидел, что бури, которыми он в древние времена окутал Узел, больше не нужны, и взмахом руки их успокоил. В наступившем безветрии он воспарил на крыльях, но пролетел совсем недалеко – только до каменной наковальни, на которой

умирала София. Он взял ее растворяющуюся форму на руки, словно мать – младенца, и прижал к груди.

– И вновь наша встреча оказалась совсем краткой, – сказала София Ждоду. Она утратила способность произносить слова и говорила лишь через единение аур.

– Тем она слаще, – ответил Ждод. – Знай, что твоя жертва была ненапрасной. Подвиг завершен.

– Эдде нужно отдохнуть, – проговорила она. Аура ее стала совсем бледной.

– Она пришла туда, где никто не потревожит ее покой, – сказал Ждод. – Как и твой.

И тут нить ее жизни оборвалась.

Все залил яркий свет, и не только от солнца, выглянувшего в просвет разорванных туч. Эл какое-то время стоял ошеломленный зрелищем открытого замка, освобожденной Твердыни и Ждода на воле. Теперь он отбросил облик обычной души, ступающей по земле. Эл поднялся в воздух и стал таким же огромным, как Ждод, дабы им говорить на равных. Усилилось и его сияние: теперь он лучился золотым солнечным светом. Ждод, со своей стороны, удовольствовался той формой, какую принял во время Падения, – темной, как Небосвод, куда вышвырнули его и других членов Пантеона. Некоторое время оба молчали, выстраивая свои армии. За спиной Эла противоположные края Бездны пришли в движение, утолщились и накренились один к другому, так что, соприкоснувшись, должны были образовать мост в сто раз шире прежнего. На дальней стороне ждала Весна на своем скакуне и ее медвежья свита, а по Изменчивой тропе шагала длинная колонна копалов – ее воинство.

Эл увидел это и рассмеялся Ждоду в лицо::

– Неужто мы будем играть в детские игры с мостом? Ты можешь отстраивать его, а я – рушить следующую тысячу лет.

Ждод ответил:

– Я ничего с ним не делаю. Перемены, которые ты видишь, производит тот, кому такое по душе.

И он обернулся к Твердыне. На ее высочайшей башне стояла, простерши руки, фигура в капюшоне. Кроме Плутона, можно было различить и других: на ступенях Любовь склонилась над обессиленной Эддой. В вышине стремительно носилась Самозвана, а Делатор, хромая, обходил укрепления, направляя работу душ, во множестве изливавшихся из Твердыни. Другие души, вооруженные и закованные в доспехи, появлялись из хаоса, и крылатый Война под дикую музыку Пана и оркестр душ-музыкантов, собранный им на высоком парапете, строил их в боевые порядки.

– Не важно, кто лепит мост, ты или Плутон, – сказал Эл. – Даже идя через Область Бурь под видом обычной души, один и без оружия, я разгонял копалов, как мошку, а нападения молниевых медведей были для меня лишь докучной помехой. Безднир, которому Весна поручила встретить меня у твоего порога, был, признаю, более серьезным противником, однако он лежит, рассыпанный, на дне ущелья, а когда поднимется оттуда, я рассыплю его вновь. Лишь София имела силу меня убить, а ее, как я вижу, больше нет.

Ждод протянул правую руку. В его горсти теплился комочек ауры.

– Я бы так не сказал, – промолвил он.

– Словами мы тоже можем играть, – ответил Эл, – но, говоря просто, твой замысел провалился.

– Мой замысел только разворачивается, – возразил Ждод. – За долгое время взаперти я научился терпению. Это качество ты утратил, правя Землей из высокого Дворца, когда все желаемое случается быстро, и путаешь промедление с неудачей.

Они еще некоторое время перебрасывались словами, покуда вокруг происходило разом много всего. Над ледником с дальней стороны кружил в авангарде армии копалов огромный говорящий ворон, показывая им дорогу. Чем дальше они наступали, тем шире становился их фронт, поскольку узкая тропа превращалась здесь в большую дорогу. Плутон сглаживал ледник у них под ногами, залечивая трещины, которые с древности грозили поглотить неосторожного путника. Их первые разведчики уже достигли моста. Его основания зазеленели – из бесплодной земли лезли всевозможные растения. Края Бездны уже почти соприкоснулись, корни и гибкие лозы перекинулись через провал.

Однако у Эла были свои легионы. Его ангелы, долго сдерживаемые Грозовьем, вылетели из Дворца, наверное, в тот же миг, когда ключ вошел в замочную скважину и ворота Твердыни отворились. На быстрых крыльях они покрыли расстояние от Столпа до Узла к тому мигу, как София испустила дух, Плутон начал заново лепить Землю, а Делатор принялся возводить укрепления. Ангелы появлялись в расчистившемся небе сперва по двое – по трое, затем целыми эшелонами. Их светозарные мечи были пока в ножнах. Сверкал лишь меч в руках у крылатого Войны – тот вылетел из Твердыни вслед за Ждодом и вытащил из земли ангельский клинок Бурра. Война стоил десяти ангелов, однако над ним их было уже больше десяти, и еще сотни приближались.

Трубы трубили, копыта стучали на севере и на востоке. Боевое знамя показалось над хребтом по другую сторону Бездны.

Затем возник ряд копий, засверкали на солнце наконечники. То была конница автохтонов, и возглавляла ее женщина, чьи золотистые волосы под блистающим шлемом плескали на ветру, как стяг, – Истина Эла. Вероятно, автохтоны выехали в поход под действием странных эманаций Улья и скакали сюда много дней.

Так стекались к Твердыне армии Эла. Числом, стремительностью и красотой они многократно превосходили Ждодовых сторонников, которые в сравнении с ними казались жалким сбродом. Лишь колоссальная фигура самого Ждода, стоящего на каменной наковальне с крошечным комочком ауры в горсти, давала хоть какую-то надежду тем, кто радовался его возвращению.

Одинокая всадница скакала к урочищу Наковальни со стороны моста. Война отсалютовал мечом и низко склонился перед Весной, когда та во весь опор проносилась мимо. Ждод глядел на нее со смесью радости и печали. Однако, поскольку на него были устремлены взоры Эла и многих других, он заговорил резко и обратился не к Весне, а Самозване, кружащей подле него:

– Покажи ей, где встать.

Какое-то время урочище Наковальни бурлило приготовлениями к бою. Самозвана отвела Весну на позицию, где в случае схватки удастся остановить или хотя бы замедлить натиск автохтонов. Молниевые медведи следовали за Весной, а копалы – за медведями. За старым каменным валом они выстроились лицом на север, к мосту. Война расхаживал между бойцами, равняя ряды. Трубы Пана призывали к порядку, барабаны Пана горячили кровь.

– Ничто из этого тебе не поможет, – сказал Эл. – Можешь строить свои войска, как тебе угодно, однако небо наполнено моими ангелами.

Конница Истины проскакала по мосту и выстроилась в урочище Наковальни напротив копалов. Весна для забавы вырастила между двумя армиями густую траву. Автохтонские кони тут же принялись ее щипать, к большой досаде всадников. Наверняка они скакали много дней, так что смертельно изголодались.

– Что ж, зови своих ангелов на бой, – воскликнул Ждод и внезапно, захлопав крылами, взмыл в воздух.

Несколько ангелов дерзко выписывали петли прямо над ним; сейчас они стремительно прянули в стороны. Он полетел к Твердыне и опустился на высокий бастион, где все его видели и он видел всех. Внизу с грохотом затворили ворота. Эдду и других участников Подвига заранее провели внутрь.

Атаку возглавил Паладин Эла, за ним летели ангельские

полки. Они клином низринулись с голубого неба, и острие клина указывало прямо на Ждода.

– Пли! – скомандовал тот.

Струи огня ударили с зубчатых стен Твердыни и ниже, из амбразур. Их извергали темные металлические трубы. Подле каждой трудился расчет из нескольких душ: сразу после первого выстрела они принялись готовить следующий.

На них, впрочем, почти никто не смотрел. Все взоры были обращены к Паладину Эла и его ангелам. Убитые или покалеченные, они рушились с небес в урочище Наковальни.

Новый строй ангелов занял позицию наверху, готовясь возобновить атаку. Паладин Эла лежал мертвым. Все смотрели на Эла, зависшего невысоко над землей на противоположном краю поля, возле широкого моста, укрытого густым растительным ковром.

– Жду твоего приказа, владыка Эл! – крикнул ангел, принявший на себя командование.

Мгновение спустя те же слова подхватила Истина во главе своей конницы. Она подняла меч, готовясь подать сигнал к атаке.

Эл медлил.

Земля содрогалась, но Эл этого не знал, поскольку не касался ее стопами.

Безднир выпрыгнул из пропасти за его спиной. Не обремененный теперь тяжелым щитом, он выбросил обе руки и ухватил Эла сзади. В попытке вырваться из великаньей хватки Эл обратился существом почти что из одной ауры. Двое сплелись в борьбе на краю обрыва. Потом медленно, словно подрубленное дерево, они рухнули и пропали в Бездне.

– Не стрелять! – крикнул Ждод и, снова взмыв в воздух, облетел по широкому кругу поле сражения. Вернее, просто поле, так как всем вдруг сделалось ясно: сражения в урочище Наковальни сегодня не будет. Первым делом он обратился к Истине: – Твоя задача выполнена. Не та, ложная, что назначил тебе Эл, но та, которую предустановил тебе я: увидеть то, что ты видела. Теперь исполните ее до конца – накормите своих коней сочной травой, скачите назад и расскажите всем, кого встретите: автохтонам, ульдармам, порожденью и всевозможным диким душам – о том, что здесь произошло.

Он сильно взмахнул крылами и взвился выше, туда, где ждали в строю уцелевшие ангелы. Их нестерпимое сияние померкло, когда Ждод приказал им вложить мечи в ножны.

– Ваше оружие похищено у Делатора. Спуститесь, и он его заберет. Если вам жаль отдавать свои мечи, пусть вас утешит знание, что они бесполезны против того, что Делатор создал со

времени Падения. Когда-нибудь я вернусь осмотреть свой Дворец – позаботьтесь, чтобы там все было в порядке.

Спустившись к Твердыне, он обратился ко всем в ней и вокруг нее:

– У меня дела на Небосводе. Скоро я вернусь. Вы знаете, что делать.

И, взмыв выше, он сложил крылья и головой вниз нырнул в центр Твердыни. Те, кто стоял снаружи и не знал тайн этого места, наверное, ожидали услышать грохот, когда он врежется в землю. Но те, кто был внутри, видели, как он ушел в хаос, на котором стояла крепость.

Двери Твердыни отворились. Из них вышла дряхлая старуха. Ее поддерживали под руки две души помоложе. Неверными шагами она спустилась по лестнице, часто останавливаясь передохнуть. Двор усеивали тела павших ангелов. Вещество, из которого они состояли, потянулось к старухе, и та, вбирая его, начала вновь обретать силу и стать.

55

Зула забросила смотреть Битмир – там все мелькало так быстро, что ничего толком было не понять. Она гадала, впадает ли в старческое слабоумие. Или, по крайней мере, думают ли так окружающие. Ей помнился День благодарения, уже больше ста лет назад, когда все собрались на семейной ферме Фортрастов в Айове. Зула и несколько ее сверстников резались в компьютерную игру. В какой-то момент она увидела дядю Клода, вполне бодрого и любознательного в свои восемьдесят три. Он стоял в дверях, ошалело глядя на большой экран. Трудно было сказать, сколько времени он уже так смотрит, силясь понять, что происходит. Ясно было одно: некое сочетание возраста и культурного шока переключило дядю Клода на более низкую передачу, и его часы тикают куда медленнее, чем у всех остальных в комнате.

Когда Зула или кто-нибудь другой в Митспейсе смотрели Битмир, их часы тикали медленнее в самом буквальном смысле. За те сто лет, что Зула руководила фондом, коэффициент временного сдвига колебался в большую и меньшую стороны, однако в последние двадцать лет, с тех пор как ИСОП вышла на орбиту, тенденция была к ускорению. Освободившись от земных ограничений на выработку энергии, рассеивание тепла, прокладку оптоволокна и добычу полезных ископаемых (теперь всё строили из астероидов), они догнали, а затем и обогнали спрос. Так что время в Битмире по большей части ускорялось. Раньше зрители видели человеческую драму в реальном времени, теперь скорее наблюдали за жизнью муравейника.

Так что Зула бросила это дело. О, со зрением у нее все было в порядке. Старческая дальнозоркость и катаракта остались в прошлом, когда природные хрусталики заменили искусственными. Вместо сетчатки, с которой она родилась, была теперь выращенная в лаборатории, присоединенная к зрительному нерву микрохирургическим роботом. Некоторое время зрительная кора мозга не знала, что делать с новым улучшенным сигналом, поступающим по этому каналу, и Зуле пришлось заново учиться видеть. Нелегкую для ее возраста задачу облегчали нейропластические препараты – потомки тех, с которыми Мэйв экспериментировала десятилетия назад.

Сейчас Зула видела так же хорошо, как в семилетнем возрасте, просто смотреть предпочитала на реальный мир. Глядя на землю мертвых, она чувствовала ту же оторванность от происходящего, что дядя Клод.

Дядя Клод все равно стоял перед экраном и старался постичь

происходящее, потому что ребята были его родственники и он понимал, что для них это нечто важное. Так и Зула знала, что в последние несколько дней (по времени Митспейса) в Битмире происходили важнейшие события с участием процессов, моделирующих сознание ее дочери Софии, ее друзей Корваллиса и Мэйв, а может, и других. Все они довольно много перемещались по Ландшафту и взаимодействовали между собой; София прервала несколько процессов. Зуле было известно, что за этим с большим интересом следит убывающее живое население планеты Земля.

Так что погожим осенним вечером она отправилась на работу – узнать, из-за чего кипиш. Зула могла ходить – да и бегать – хоть дни напролет. Разумеется, на самом деле по земле ступали ноги Фрэнка, его суставы принимали ее вес, его сенсоры и алгоритмы следили, чтобы Зула не упала. Она носила Фрэнка уже несколько десятилетий и, если бы сняла его, очень скоро умерла. Без него она не могла ни ходить, ни даже стоять. Она и спала в нем. Он был ее кроватью.

Саут-Лейк-Юнион по-прежнему сохранял статус места, куда биологические люди приходят ногами, чтобы работать вместе. Сейчас они по большей части занимались высокоуровневым менеджментом ИСОП. Разумеется, почти всю настоящую работу делали роботы, даже отдаленно не гуманоидные. Их ИИ были настроены на анализ астероидов, планирование задач, координацию логистики и распределение ресурсов. Говорить с ними было невозможно, а если бы такой разговор произошел, то не отличался бы от разговора с лопатой. Люди на поверхности Земли всего лишь приглядывали за системой и смотрели в будущее, делая все, чтобы роботы отыскивали новые астероиды и превращали в новых роботов, пока астероиды не закончатся. Потом, если потребуется, роботы начнут перерабатывать ненужные луны и планеты или полетят к поясу астероидов между Марсом и Юпитером, где этого добра в избытке. В конечном счете все должно превратиться в Сферу Дайсона[4] – пустую оболочку из камня и металла, которая будет поглощать всю энергию Солнца, тратить на вычисления, а излишнее тепло излучать в космос. Однако это произойдет не скоро. Настолько не скоро, что все ныне живущие люди успеют умереть от естественных причин, даже если будут использовать те же технологии продления жизни, что Зула. Земля, или по крайней мере участок землеподобной экосистемы, будет сохранена как своего рода парк, где смогут жить желающие биолюди.

Сегодня здание выглядело как в самом начале, когда сварщики и бетонщики создали основную структуру, а рабочие

еще не приступили к внутренней отделке. Окна от пола до потолка по-прежнему казались обычными окнами, а на самом деле были сложными роботами, постоянно решающими, сколько света и с какой длиной волны пропускать в здание.

Когда Зула вошла, внутри было *людно*, чего не случалось уже много лет. Окна сообразили (а может быть, им сказали), что присутствующим нужен полумрак, чтобы лучше наблюдать за Битмиром. Разумеется, каждый мог бы смотреть в собственные очки, что ему угодно. Однако сейчас многое предстояло смотреть и обсуждать сообща, поэтому включили более крупное и мощное устройство – стационарный голографический проектор, выпускающий большое число фотонов. Все смотрели на изображение невооруженным глазом, совместно переживая увиденное.

– Вы как раз успели! – воскликнул кто-то.

Это была Ева, энергичная молоденькая сотрудница, в присутствии которой Зула всегда чувствовала себя дядей Клодом. Но Ева была милая, да и вообще Зула давно из-за такого не огорчалась.

– Успела к чему? – спросила Зула.

Голос у нее был слабый и надтреснутый – она вообще в последнее время почти не разговаривала. Сейчас она протискивалась бочком, чтобы лучше видеть; Фрэнк в целом ее слушался, но делал это так, чтобы не нарушать эвристику безопасности. Зула, будь ее воля, воспользовалась бы правом старушки проталкиваться через толпу локтями, но, поскольку это зависело от Фрэнка, она двигалась медленно, вежливо и аккуратно.

Она пыталась сложить в голове увиденные фрагменты. Проектор показывал увеличенное изображение части Ландшафта, которую Зула с первого взгляда не узнала. У нее было сильное дяди-Клодовское чувство непонимания логики того, на что она смотрит. Потом некоторые детали позволили сообразить, что это место, прозванное Эшервиллем как раз за отсутствие логики. Программа визуализации Ландшафта так и не смогла представить связную геометрию этого участка. Десятилетиями студенты, аспиранты и постдоки искали, где баг. Они пришли к выводу, что бага нет – «Провил» работала идеально, но сам Ландшафт здесь был лишен логики, и показывать его можно было только приближенно.

Итак, Зула смотрела на Эшервилль, барочную замкоподобную структуру, воздвигнутую здесь Доджем, и неприглядные дополнения, сделанные позже Элом. Неподалеку располагался зеленый участок, где последнее время жила Верна с одним из

порожденных ею процессов – тем, что выглядел существом женского пола. Естественно, его называли Евой. Не исключено, что девушку, которая стояла сейчас рядом с Зулой, назвали в честь этой самой Евы.

– Что происходит? – спросила Зула.

– Коэффициент временного сдвига падает – большие процессы используют уйму маны, перегружая систему, – заметила Ева. – Сейчас приближается к единице. Это самый низкий…

– Самый низкий показатель за десятилетия, – сказала Зула.

– А сегодня в первой половине дня – по времени Митспейса – София и ее спутники *телепортировались* с крайнего юго-запада в район к северу отсюда. Позже они телепортировались снова – уже на меньшее расстояние.

Ева была так изумлена, что Зула была вынуждена объяснить:

– В давние время Плутон прибегал к телепортации. Мы не видели такого с тех пор, как он переместился в Ландшафт-2.

– В общем, с тех пор они продвигались на юг.

– Они?

– София и группа других процессов – включая Корваллиса и Мэйв! И угадайте, кто идет за ними по пятам?

– Мне незачем гадать, – ответила Зула. Она наконец-то выбралась на такое место, с которого ясно видела Эла, идущего по гористой местности на юг в сторону Эшервилля. – И все это случилось за последние несколько часов?

– По времени Митспейса? Да.

Зула глянула на руку Фрэнка. Часы на ней показывали восемь вечера.

– Сколько времени это заняло в Битмире?

– Три дня. Но, как вы видите, – продолжала Ева, – оно замедляется. И смотрите! Это Верна!

Ее внимание отвлекли возгласы других зрителей дальше к востоку. И впрямь можно было различить женскую фигурку на коне, скачущую наперерез Элу. Конский аллюр выглядел неестественным, дерганым. Но, как и говорила Ева, коэффициент временного сдвига быстро уменьшался, так что по мере приближения Верны движения становились более плавными и естественными.

– Что несет эта женщина? С виду нечто тяжелое! – Зула указала на фигуру, согнутую под непомерным бременем.

– Мы пытались определить. Запрашивали древние базы данных. Похоже, это аватара криптографического ключа. Эл сгенерировал его очень давно, а затем уничтожил. Однако Корваллис успел сделать что-то хитрое – воспользовался своими привилегиями для создания копии.

– Так это копия?

– По всему выходит, что да.

Одна причина замедления была очевидна: форма Ландшафта изменялась. Эл заставил мост соединиться над глубокой трещиной, отделяющей его от Эшервилля, где София, Мэйв и еще несколько процессов занимались чем-то на подходах к заброшенной крепости.

– Ясно, – сказала Зула, смело давая понять, что она не дядя Клод. – Он жжет много маны. Меняет Ландшафт в реальном времени. Однако просто создать мост не настолько дорого, чтобы до такой степени все замедлить.

– Стопроц, – отозвался молодой человек. Зула, разумеется, не вспомнила его имени, но в целом он ей нравился, а остальное было неважно. – В основном систему тормозят процессы из Ландшафта-2. Старая пантеоновская банда. Включая пресловутого ВоЖда.

Стопроц, как Зула решила называть молодого человека, по большей части торчал в углу помещения с людьми, наблюдающими за визуализацией Ландшафта-2 – отдельной части Битмира, где сосредоточился Пантеон. Поскольку весь Ландшафт-2 был скрыт криптографической защитой, никто не знал, что там на самом деле происходит. Смотрели они на абстракции – скачущие графики, схемы, потоки текста.

– Откуда вы знаете, что это Возрожденный Ждод? – спросила Зула.

Стопроц смутился. Зула поняла, что допустила оплошность. Будь она двадцатилетней стажеркой, он бы снисходительно принялся растолковывать ей азы. Но поскольку она была главой фонда, он не знал, что сказать.

Надо было ему помочь.

– Не важно, – сказала Зула. – Вы это просто знаете. У вас есть эвристика. От ВоЖда исходят некоторые голографические флюиды. Когда он появляется, звучит сирена.

– Примерно так, мэм. – Кивок был почти поклоном.

Через плечо молодого человека Зула видела то, на что смотрят остальные. Эта была трехмерная визуализация данных, которую не поймешь без университетского курса высшей математики.

Зуле пришла в голову мысль, и она высказала ее вслух просто для подколки:

– А кто-нибудь *смотрел* на него в последнее время?

– На что?

– На Ландшафт-2. Ну, где живет мой дядя.

– Э… там ничего не видно. Все зашифровано.

Она пожала плечами:

– Просто любопытно. Определенно, если не смотреть, то и не увидишь.

Стопроц вроде бы ее понял. Он поднял руку, управляя каким-то интерфейсом. Однако Зула не могла продолжать с ним разговор через полкомнаты, потому что люди в середине помещения зашумели. Не как профессионалы на деловой встрече, а скорее как болельщики на боксерском матче.

Так что Зула вместе со всеми принялась смотреть, что происходит. Коэффициент временного сдвига определенно упал ниже единицы, и теперь это походило на оперу, в которой двадцатиминутная ария излагает то, на что нормальным людям хватает двух-трех эсэмэсок. Между Элом и каменным чудищем шел впечатляющий бой. Одновременно происходило многое другое; зрители возбужденно толкали соседей в бок, призывая глянуть туда и сюда. Толпа созданных Элом гуманоидов во весь опор скакала к Эшервиллю. Другие гуманоиды и существа, двигавшиеся как медведи, вслед за Верной шли по мосту, заплетенному цветущими лозами, и выстраивались в оборонительный периметр.

Зула все больше чувствовала себя дядей Клодом. По счастью, кто-то тронул ее за локоть. Это был Стопроц.

– Вам кое-что надо посмотреть, мэм, – сказал он.

– Это важнее того, что здесь?! – воскликнула она, указывая на схватку в Эшервилле.

– Думаю, да. И, кстати, перекусить не хотите? Уже первый час ночи.

Он протянул ей что-то корявое, вроде энергетического батончика из гранолы и шоколада. Зула с благодарностью приняла батончик и вгрызлась в него искусственными зубами.

Стопроц провел ее в угол, где вместе с коллегами тусовался в последние часы. Свои загадочные инструменты визуализации они убрали, заменив их изображением города.

Зула видела его впервые и, подходя, решила, что это нечто европейское, однако вблизи он напомнил ей Китай. Низкие дома, разбросанные на неровной местности, средневековая неправильность улиц, необычная древняя цитадель. И среди этого более современные высотки. Одна из них высилась над всеми остальными и странным образом совмещала черты небоскреба и старинного оборонительного сооружения.

Представить это реалистичным изображением земного города мешало одно: исполинская фигура на вершине небоскреба. У нее были крылья. Кожистые, не из перьев. Крылатое существо задумчиво смотрело на большое, идеально круглое озеро у

основания башни.

– Что это? – спросила Зула.

– Ландшафт-2, – ответил Стопроц. – Без шифрования. Мы впервые видим, какой он. Как вам известно. Мэм.

– А фигура на башне…

Он кивнул:

– ВоЖд.

Примерно в это время все в помещении разразились возгласами. Очевидно, в Эшервилле происходило нечто очень драматичное и увлекательное. Зула не знала, куда смотреть. ВоЖд расправил крылья, взмыл в воздух и нырнул в озеро. Однако происходило это как в съемке с эффектом замедленного движения.

Он исчез в круглом озере, а через несколько минут возник в Эшервилле на вершине замка, выстроенного им давным-давно. То, чем обвешал замок Эл, отвалилось. Зула не могла отыскать свою дочь, и ее как мать это тревожило.

Как ни хотелось ей смотреть на Ландшафт-2, там ничего не происходило. Весь Пантеон последовал за Доджем (не было смысла называть его как-то иначе) через портал, очевидно, связывающий озеро с освобожденным замком. Так что Зула вернулась туда, где все смотрели на этот замок. Там происходило какое-то замедленное сражение. Каменное чудище появилось снова и утащило Эла в каньон. Зрители кричали не столько от ужаса, сколько от изумления.

Еще в первые дни Пантеона Зула завела привычку (неправильную и ленивую, как она сама понимала) отождествлять некоторых его членов с античными божествами. Додж был некой комбинацией Зевса и ветхозаветного Бога. Плутон, разумеется, Плутоном. Один быстротой движений напоминал Меркурия, в другом ей чудилось некое подобие Марса. Войны тогда еще не было, но он отличался крупным телосложением и выполнял роль вышибалы. Поскольку все они оказались в Ландшафте-2, она не видела их несколько десятилетий.

А сейчас они были здесь, участвовали в схватке вокруг Эшервилля. Двое – «Марс» и «Меркурий» – полетели на юг. Тот, кто управлял проектором, настроил его так, чтобы зрители следили за этими двумя. Они неслись над снежными горами и определенно держали путь к дворцу на колонне. Как только все стабилизировалось, время вновь побежало быстрее. Однако и путь им предстоял неблизкий. Некоторые зрители вышли в туалет или перекусить. Зула осталась почти одна. Она долго стояла и смотрела на Доджа, держащего в горсти что-то очень маленькое и слабое.

Марс и Меркурий беспрепятственно опустились на крышу дворца. Тем временем в Эшервилле Додж взлетел на вершину замка и нырнул в трещину под ним. Зула, уже понимавшая, что происходит, повернулся к проекции Ландшафта-2. И да, чуть позже Додж возник из круглого озера посреди города. Он замахал крыльями, набирая высоту, расправил их шире и приземлился на вершину своей черной башни.

В то же мгновение, странно симметрично, в середине Ландшафта-1 Меркурий взмыл в воздух над белой башней. В одной руке у него было что-то похожее на трубу. Он поднес ее к губам и дунул.

Звука они слышать не могли, но видели, как он распространяется, подобно взрывной волне. Наверху звук таял в небе, словно льдистое гало, какое иногда бывает вокруг солнца в морозный день. А вот распространяясь вниз вдоль отвесных склонов столпа, он порождал как будто некое движение в наросшей на камень ульеподобной ячеистой структуре. Это немного походило на то, как огонь бежит вдоль пороховой дорожки. Или на то, как ученые-атомщики наблюдали следы элементарных частиц в насыщенном паре. Туманная камера. А еще это напомнило Зуле распускание цветка в покадровой киносъемке.

Волна быстро двигалась по тонкой пленке улья, но резко замедлилась в нижней части, где нарост был много толще.

В какой-то момент изображение просто замерло. Зула повернулась к Ландшафту-2. Он тоже замер. Какой-то немолодой сотрудник пошутил, что надо перезагрузить проектор – большинство вообще не поняло, о чем речь.

– На самом деле ничего не подвисло, – объяснил кто-то. – Просто коэффициент временного сдвига упал *до десяти в минус третьей*. И продолжает падать.

Это значило, что на моделирование одной секунды в Битмире требовалось уже больше тысячи митспейсовских секунд.

– Но я все равно вижу изменения! – воскликнула Ева.

Она говорила с такой убежденностью, что Зула придвинулась ближе в надежде тоже что-нибудь рассмотреть. Меркурий висел над дворцом на раскинутых крыльях, с трубой у губ. И зрелище это совершенно заворожило Зулу. Он не двигался, но беспрерывно менялся. Менялся к лучшему. Крылья, волосы, выражение лица – проекция просто не успевала обновляться так быстро, чтобы передать все детали.

Зула помнила начало своей работы в игровой компании Доджа. Тогда видеокартам, рисующим пиксели на экране, зачастую просто не хватало силенок; чтобы играть с нормальной

скоростью, приходилось уменьшать разрешение и частоту кадров, избавляться от навороченных текстур. Картинка становилась паршивой, но иногда без этого было просто не обойтись. И какой же крутой казалась графика, какой живой и реальной, когда снова все включишь!

Теперь Зула понимала: до сих пор они видели Ландшафт в быстром, но паршивом варианте – иначе «Провил» не успевала бы за событиями в Битмире.

– Десять в минус четвертой, – произнес кто-то. – Просто не верится.

Десять тысяч секунд – примерно три часа – требовалось теперь для моделирования одной секунды в Битмире. Система была перегружена.

– Но ведь все *работает*, да? – спросила Ева.

– Идеально.

Говорящий имел в виду, что процессы в Битмире никак замедления не ощутили. Течение времени, испытываемые квалиа – все оставалось тем же.

И какие же это были квалиа! Зула подошла еще ближе. Каждый волосок на голове Меркурия был теперь отрисован графическими алгоритмами, у которых внезапно оказалась куча времени. Солнце не просто отражалось от каждого волоса, но и дробилось на нем, так что он сиял и лучился. Зрачки влажно поблескивали, и Зула видела, что Меркурий сейчас заплачет. Слеза повисла в уголке его левого глаза, и в ней отражался мир.

Он был прекрасен. Все там было прекрасно.

– Хочется отправиться туда, не так ли? – произнес рядом мужской голос.

Зула обернулась, увидела пожилого сотрудника, который раньше пошутил про перезагрузку, и узнала Еноха Роота.

– Вы правда сейчас спросили меня, хочу ли я умереть? – парировала она.

Он скроил кислую мину и не ответил. Как будто Зула поймала его на чем-то не совсем хорошем.

– Может, вы туда отправитесь, – предложила она, – и пришлете мне весточку из следующего мира?

– У меня все еще есть обязательства перед предыдущим, – ответил он.

– Так это происходило раньше? – спросила Зула.

Она пошла к визуализации Ландшафта-2, где Додж – Ждод – ВоЖд, как ни называй, стоял, раскинув крылья, на вершине своей темной башни.

– Возможно, не это, – сказал Енох, подходя к ней, – но…

– Вы понимаете, о чем я.

– Да, – признал он.

– Десять в минус пятой! – крикнул Стопроц. Он говорил чуть рассеянно, так заворожила его внешность Доджа.

– Это все из-за того, что происходит в улье, – подтвердила Ева. Она, видимо, посмотрела какую-то статистику. – Процессы выходят из ячеек на волю – в мир, как личинки из коконов. Впервые видят Ландшафт, думают, взаимодействуют. Это как если бы мы каждую секунду загружали тысячи новых процессов. И дальше будет только хуже.

– Десять в минус шестой.

– Что мы будем делать с такой уймой свободного времени? – пошутил кто-то.

– Рассматривать, по сути, стоп-кадры, – догадалась Ева. – Типа как иллюстрации в старых бумажных книгах.

Зула подошла ближе к визуализации Ландшафта-2 и убедилась, что графика Доджа тоже доведена до совершенства. Его лицо не было в точности лицом Ричарда Фортраста, но выражения совпадали с теми, что она помнила. Он пристально смотрел на свою ладонь, в которой лежала крохотная вспышка сложно структурированного света. Зуле почудилось, что внутри света можно различить зарождающуюся человеческую фигуру.

– Я поняла про скорость света! – выпалила Зула.

Изумленные лица повернулись к ней и тут же отвернулись. Сто лет назад кто-нибудь клюнул бы на эту удочку. Теперь все были слишком робкие. А может, решили, что Зула все-таки выжила из ума.

Кроме Еноха.

– Объясните, – сказал он. – Мне всегда хотелось понять.

– С детства я слышала, что, по словам физиков, ничто не может двигаться быстрее света. А иначе вселенная бы рассыпалась. Это как-то связано с причинностью.

– Нельзя иметь следствие раньше, чем подоспела причина, – кивнул Енох. – А причины путешествуют с конечной скоростью.

– Мне такие объяснения казались невнятными. Как будто это произвольные правила, навязанные извне.

Енох по-прежнему улыбался и кивал.

Зула продолжала:

– Но именно это мы делаем сейчас с Битмиром! Мы говорим, что по правилам моделирования все, абсолютно все должно идти в ногу. Как бы нам ни хотелось знать, что будет дальше – например, выкатится ли слеза у Меркурия из глаза, – мы этого не можем. Не можем добавить маны и ускорить одну часть модели, потому что она убежит от других частей и мир рассыплется.

– А этого мы допустить не можем, верно?

– Да, Енох! Не можем.

Енох смотрел на застывшего бога.

– Ничто не изменится еще очень долго, – сказал он, – именно по упомянутой причине. Присутствующие здесь молодые люди, вероятно, потратят следующие десять лет жизни, управляя системами на орбите, которые сгенерируют следующие несколько мгновений в Битмире. Но знаете что?

– Не знаю. Что?

Енох развернулся, так чтобы оказаться подле нее, и со старомодной учтивостью согнул руку в локте. Зула очень осторожно, чтобы не ткнуть Еноха экзоскелетом, оперлась на его руку.

– Снаружи, – проговорил Енох тихо, чтобы слышала только она, – солнце вот-вот выйдет из-за холма.

– Мы пробыли здесь всю ночь?

– Мы пробыли здесь всю ночь, – подтвердил он. – И не знаю, как вы, а я бы не отказался размять ноги и глотнуть свежего воздуха.

Не сговариваясь, они пошли в сторону вершины Капитолийского холма, где Зула жила последние несколько лет. Она перебралась сюда, когда плавучий дом ей надоел. Весь его смысл был в том, чтобы не спускаться с горы и не подниматься в гору по пути на работу и обратно после того, как она повредила колени. Однако современный Фрэнк легко справлялся с подъемами и спусками, а Зуле хотелось жить в доме с хорошим видом из окон. Так что она перебралась в старый особняк на вершине холма, выстроенный в начале тысяча девятисотых для семьи с десятью детьми и кучей слуг. Он пустовал уже довольно давно. Зула купила дома справа и слева от него, снесла и устроила на их месте сады. Ей нравилось держать там живность, так что теперь у нее была тщательно поддерживаемая экосистема из кур, павлинов, коз, альпак и двух больших добродушных псов. Ухаживали за ними двое молодых людей, гостившие у нее последние несколько месяцев. Как их зовут, Зула позабыла. Сейчас мало кто заводил детей, так что их родители наверняка были из тех, кого раньше называли хиппи или, по крайней мере, творческие личности. Животных ребята любили, занимались ими с удовольствием, а других дел у них все равно не было.

Они шли в гору, и Зуле вдруг показалось, будто у нее что-то со зрением. Очертания предметов сделались расплывчатыми, вдали ничего видно не было. Она глубоко вдохнула. Одно легкое у нее было свое, другое какое-то время назад вышло из строя, и

его заменили новеньким, отпечатанным на 3D-принтере. Так или иначе, вбирая воздух в старое и новое легкие, Зула почувствовала, что он тяжелый и влажный. Они были на той высоте, где от холода сгустился туман. Или, если сказать иначе, они с Енохом в самом буквальном и техническом смысле достигли облачных высей.

Стояла поздняя осень. Последние листья еще трепетали на ветках, гораздо больше лежало на земле, но всякий цвет из них ушел, если не считать цветом темно-бурый. Отсутствие листьев привлекало внимание к самим деревьям. Они безудержно разрослись. Посаженные лет двести назад, сразу как построили дома, эти деревья стали проблемой уже к тому времени, когда молодая Зула перебралась в Сиэтл. Корни ломали асфальт, корежили старые кирпичные мостовые. В сильный ветер падали сучья. Ветки мешали городским коммуникациям. Команды арбористов на деньги налогоплательщиков выпиливали в кронах прямоугольные дырки для проводов. Дорожные рабочие чинили покрытие улиц.

Все это осталось в прошлом, причем уже давным-давно. Нынешние машины чаще перемещались на ногах, чем на колесах, и колдобины никому не мешали. Современные коммуникации проходили под землей. Даже будь это не так, налоговая база не позволяла кормить столько арбористов и дорожных рабочих. Так что деревья – все сплошь лиственные, привезенные с Восточного побережья или из Европы, – уже много лет делали что им угодно. Очевидно, им угодно было упиваться заоблачными концентрациями CO_2 в атмосфере и раскидывать ветви и корни как можно дальше. Капитолийский холм превратился в лес прямиком из североевропейской эпической фэнтези. Сейчас встающее солнце, пробиваясь сквозь ветки, окрасило туман розовато-золотистым светом.

Они дошли до ее района, где деревья были самые большие и старые, а между ними тянулись почти такие же старые живые изгороди из лавра и остролиста. Все как будто переливалось в мягком свечении тумана. Дальше не было ничего. Ни неба, ни соседних домов, ни деревьев, ни гор. Туман поглотил все. И звуки тоже заглушил. Да их почти и не было в полузаброшенном городе, где машин давно не осталось. Они с Енохом существовали в пузыре пространства размером шагов в сто. Дальше, как Зула прекрасно знала, лежал целый мир. Однако туман, как и снегопад, прекрасен тем, что дарит детскую иллюзию, будто мир – крошечный и его можно охватить взглядом. И что центр этого мира – она сама.

Зула гадала, не то ли чувствовал Додж в самом начале, когда

был в Битмире один и Ландшафт обретал форму вокруг него.

– Здесь я вас оставлю, – произнес голос Еноха.

– Куда вы? – Зула огляделась, ища его взглядом, но он затерялся в золотистом тумане.

Впрочем, голос его звучал отчетливо. Единственный звук в мире.

– Точно не знаю, – признал он. – Но здесь мои дела закончены. Я выполнил то, для чего меня прислали.

Голос Еноха умолк. Золотое сияние разгоралось, постепенно затмевая все.

56

Додж очнулся от сна.

Он хорошо выспался, хотя снилось ему что-то путаное, связанное с другим уровнем бытия. Его разбудило солнце, когда встало над краем далекой Земли и залило Небосвод светом.

Он спал, как почти всегда, на открытом козырьке башни высоко над городскими улицами. Долгие годы козырек был просто каменным диском, но недавно Додж воздвиг по его краю кольцо колонн, а Весна вырастила между ними лозы, и те, переплетясь, образовали невысокую оградку. Доджу она была чуть выше колена, однако для маленькой души служила надежной защитой от падения.

Впрочем, Весна с ним в эту ночь не спала. Когда Додж встал и вышел на западную башню, он поглядел через несколько миль города на парк. Долгие эпохи это была просто огромная груда камней. Обитатели Небосвода таскали их сюда на спине, когда медленно и упорно преображали изрытый кратерами ландшафт – их обитель со дня Падения. Здесь они построили черный город с подсвеченными огнем улицами. Однако парком каменный курган стал лишь после того, как явилась Весна и украсила его своими творениями.

Додж расправил крылья и взмыл с башни. Он собирался в парк, но прежде по обыкновению облетел город. Здания там были по большей части геометрической формы, с прямыми углами и поверхностями; стеклянные фасады пропускали много света и позволяли любоваться видами. Однако улицы, на которых они стояли, с начала Второй эпохи пережили множество катаклизмов, и следы многих сохранились до сих пор. Самым заметным был кратер в том месте, где Ждод ударился о Небосвод и пробил его насквозь, теперь – круглое озеро хаоса, по берегам которого из разбросанных обломков воздвигли множество новых зданий. Додж, как всегда, пролетел над озером; в глубинах хаоса он различил Твердыню и с первого взгляда определил, что там все в порядке. В башнях и дворах трудились многочисленные души, чьей обязанностью было приглядывать за владениями Ждода. Наверняка многим из них хотелось поведать ему новости и задать вопросы. Однако сегодня утром ничто там не требовало его внимания.

Убедившись в этом, Додж облетел район между кратером и парком. Посередине района недавно появилось новое здание. Оно было облицовано адамантом и выстроено по форме куба, из которого участники Подвига добыли ключ. Звалось оно Кубом

Лома в память их товарища, павшего на пути к цели. На крыше, подальше от края, чтобы не видели с улицы, был устроен насест. Вокруг него валялись кости, а на самом насесте сидел огромный говорящий ворон.

Хотя утро было раннее, в здание уже входила Кверк. Она делила свое время между Землей и Небосводом. На Небосводе она работала в Кубе Лома вместе с Делатором, Корвусом, Искусницей и другими любознательными душами, умеющими проникать в глубинную природу вещей. Они пыталась разгадать сокрытые тайны иного уровня бытия и создать еще более сложные и миниатюрные машины.

Весна могла вырастить дерево за час, но предпочитала, чтобы все происходило в свой срок. С освобождения Твердыни прошло лишь несколько лет. Она стала бывать на Небосводе и заниматься парком; сейчас тут росли по большей части цветы, ползучие лозы и травы. В одном месте Додж поднял из груды камней арки, выгородив укромный уголок с адамантовым столом и низкой скамьей. Весна густо заплела арки цветущими лозами, так что те совершенно скрыли камень и образовали сводчатую беседку. В этот час цветы на ней только начали раскрывать лепестки и поворачивать головки к солнцу.

На скамье ждала девочка, как ждала тут каждое утро. Она тихонько перелистывала старые книжки с картинками, разложенные на столе. Ждод сел рядом.

– Ты потеряла место, где мы остановились! – в притворном ужасе вскричал он. – Как же мы будем читать дальше?

София прекрасно знала, что дядюшка просто ее дразнит.

– Мы дочитали почти до конца! – упрекнула она. – Я пролистала назад, посмотреть картинку с желтоволосой женщиной. В белом храме. Она красивая! Но злая. Она так обижала бедняжку Прим.

– Да.

– Мне хочется, чтобы она умерла!

– Никогда никому не желай смерти, – сказал Ждод. – Только подумай: что, если твое желание исполнится?

Однако София уже утратила интерес к картинке с желтоволосой женщиной и перелистывала страницы.

– Мы остановились здесь, – объявила она, показывая разворот с маленькими фигурками.

Это была карта Земли, нарисованная в детской манере. Здания и прочее были непропорционально большие: Дворец на Столпе посередине, Твердыня на севере среди заснеженных вершин, города на западном побережье, различные замки и легендарные существа среди Осколья и дальше в океане.

– Правильно! – сказал Додж. – А где мы были?

София ткнула пальчиком в кораблик. Он шел по западному океану. На кораблике была темнокожая женщина, украшенная татуировками и драгоценными каменьями.

– Хвощ наконец нашла то, что искала с тех пор, как морское чудовище погубило ее семью, – сказал Додж. – Тогда она успокоилась и дальше хотела одного – плавать по морям. А поскольку ее новые друзья Буфректы были потомственными мореходами, она вместе с Мардом и Лином отправилась на Каллу, построила там корабль и назвала его «Швабра».

София уже передвинула палец на остров Калла (она слышала эту историю раз сто), к замку на зеленом холме.

– Привет, великан! – сказала она. – Я тебя вижу!

Художник так ловко нарисовал холм, что, глянув определенным образом, можно было различить, что это свернувшийся на земле спящий великан.

– Тсс, разбудишь!

– В книжке так не сказано!

– Ладно. После того как Пеган пожертвовал жизнью, законной королевой Каллы стала Паралонда Буфрект. Однако она не хотела править и передала корону принцу Анвэллину.

– Друзья называли его Лином, – важно сообщила София.

– И король Анвэллин мудро правил Каллой вместе с Мардэллианом, своим ближайшим другом, советником и…

– Волшебником!

– Да. Мардэллиан Однорукий стал чародеем. Вместе они постарались…

София двинула палец на север, к домику, окруженному овцами и коровами. Здесь была нарисована седая женщина, она несла в руках трехведерную корзину с зерном.

– Эдда!

– …чтобы великанша Эдда у себя в домике знала, как ей рады на острове. Однако она часто совершала путешествия оттуда в…

Палец Софии описал большую дугу на восток, через Осколье и Заплутанье к золотой горной долине неподалеку от черной, вознесшейся в небо башни.

– Да, – сказал Додж, – в долину, где она часто гостила у мамы и бабушки.

– А какого роста великанша, дядя Додж? – спросила София, как будто не задавала такой вопрос каждый божий день.

– Любого, какого захочет, – ответил Додж.

Благодарности

Эрику Фалману и Кэйси Литтл из «Фалман Олсон и Литтл» – огромная признательность за то, как терпеливо они растолковывали мне все, связанное с завещаниями, распоряжениями о медицинском уходе, поколенном наследовании и бюрократии смерти в целом.

Всякий, читавший «Структуру реальности» Дэвида Дойча, заметит, что «Падение» многим ему обязано. Всякому, кто не читал Дойча, но нашел «Падение» интересным, советую прочитать его книгу.

Еще одним источником идей стали многолетние разговоры со Стивом А. Уиггинзом, автором недавней книги «Священный ужас: Библия и страх в кино» и блога «Секты и насилие в Древнем мире». Его область специализации – город Угарит, место с религиозной точки зрения очень занятное. На диаграмме Венна оно занимает область пересечения того, что мы считаем семитскими и греческими представлениями о боге (богах); это любопытная переходная фаза между поли- и монотеизмом.

Некоторые идеи по поводу этического саботажа сети, упомянутые в Моавской части книги, витают в воздухе уже не одно десятилетие. Первый раз я услышал нечто подобное от Мэтта Блейза на Хакерской конференции в середине девяностых – у него это называлось *Encyclopedia Disinformatica*.

Термин «Митспейс», часто употребляемый в книге, судя по всему, придумал в 1993 году Дуг Барнс.

И наконец, на книгу, безусловно, повлияли различные основополагающие разговоры с Джорджем Дайсоном и Джароном Ланье.

notes

Примечания

1

Высказывание, иллюстрирующее проблему бесконечной регрессии. Восходит к анекдоту о том, как некий философ читал лекцию о происхождении Вселенной, а с ним принялась спорить слушательница, утверждающая, что мир покоится на гигантской черепахе, а ее держит другая черепаха, а ту – третья и так «до самого низа!».

2

Большой шлем (гранд-слэм) в бейсболе – хоум-ран при трех занятых базах, то есть когда бэттер мощным ударом отправляет мяч на трибуны и пробегает полный круг. Дает команде максимально возможное количество очков – 4.

3

Ученое общество (лат.).

4

Гипотетический астроинженерный проект, названный по имени своего автора, Фримена Дайсона: сферическая оболочка радиусом порядка планетарных орбит со звездой в центре. По замыслу Сфера Дайсона должна решить проблему жизненного пространства для увеличивающегося человечества.